RUSSKII VIESTNIK
V. 3, kn. 1, 1856

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

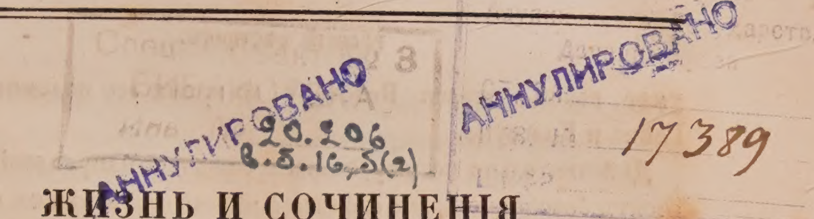
ТОМЪ ТРЕТІЙ

1856

ІЮНЬ: КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

МОСКВА.
Въ Типографіи Т. Волкова и Комп.

ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ

ДАНІЕЛЯ ВЕБСТЕРА.

Works of Daniel Webster, Boston, 1853, VI vols.

I.

Изъ государственныхъ людей Сѣверной Америки никто не пользовался въ послѣднее время такою обширною репутаціей, какъ Вебстеръ. Сограждане дали ему почетное имя защитника федеративнаго устройства, гордились имъ, какъ знаменитостью Новаго Свѣта, оплакивали его смерть, какъ національную потерю; европейскій образованный міръ видѣлъ въ немъ лучшаго представителя за-атлантической политики, первостепеннаго дѣятеля вашингтонской дипломаціи. Около тридцати лѣтъ занималъ онъ самое видное мѣсто въ исторіи Соединенныхъ Штатовъ; безъ его участія союзное правительство не рѣшило ни одного крупнаго вопроса. Даже враги и противники Вебстера, которые вели съ нимъ ожесточенную борьбу и не вѣрили ни въ чистоту его намѣреній, ни въ стойкость убѣжденій, чувствовали на себѣ магическую силу его таланта и соглашались, что онъ владѣетъ большими политическими способностями, глубокими разносторонними свѣдѣніями и даромъ неотразимаго краснорѣчія. «Въ сѣверныхъ штатахъ нѣтъ ему равнаго; въ южныхъ нѣтъ выше его!» таковъ былъ общій голосъ. Самые холодные люди, самые положительные Янки собирались толпами въ конгресъ слушать своего любимаго оратора, смотрѣли на него съ какимъ-то восторженнымъ удивленіемъ, плакали, какъ женщины, когда произносилъ онъ свои патріотическія рѣчи! Въ американскомъ сенатѣ не запомнятъ такого трі-

умфа, какой достался Вебстеру во время его полемики противъ Гейна и Калгоуна.

Дѣйствительно по уму, по заслугамъ и по направленію Вебстеръ стоитъ безспорно выше своихъ соперниковъ, скажемъ болѣе—выше всѣхъ современныхъ ему политическихъ дѣятелей въ Соединенныхъ Штатахъ. Конечно, сѣверо-американская федерація, кромѣ своихъ безсмертныхъ основателей, можетъ по справедливости гордиться многими великим и гражданами; она произвела замѣчательныхъ юристовъ, ораторовъ, министровъ и дипломатовъ; имена Маршала, Ливингстона, Стори, Клея, Калгоуна и другія знакомы образованной Европѣ и принадлежатъ XIX столѣтію. Но какъ ни великъ былъ авторитетъ ихъ въ отечествѣ, должно согласиться, что они имѣютъ больше мѣстное, относительное значеніе. Подобные люди встрѣчаются у каждаго способнаго къ политическому развитію народа, можно сказать даже, во всякое время. Они отличились преимущественно въ одной какой нибудь отрасли управленія и, за исключеніемъ развѣ талантливаго Клея, не выходили изъ ряда обыкновенныхъ дарованій. Природа Вебстера была богаче. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ и обширныхъ умовъ, которые охватываютъ съ одинакою силою всѣ части государственной науки. Ему были равно знакомы вопросы законодательства, администраціи, политической экономіи, финансовъ и международнаго права. Кругъ его дѣятельности расширялся почти съ каждымъ годомъ жизни; онъ началъ съ адвокатства, потомъ, не оставляя вовсе прежнихъ занятій, сдѣлался государственнымъ юристомъ (constitutional lawyer) и наконецъ дипломатомъ. Такая разносторонность нисколько не мѣшала ему предаваться глубокимъ и основательнымъ изученіямъ. Его сочиненія, каковы бы ни были ихъ недостатки, конечно не могутъ быть названы поверхностными.

Впрочемъ отсюда нельзя заключать, что Вебстеръ былъ ученымъ, по крайней мѣрѣ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Напротивъ, подобно всѣмъ государственнымъ людямъ своего отечества, онъ слѣдовалъ чисто практическому направленію. Ему некогда было заниматься отвлеченными теоріями, некогда предпринимать спеціяльныхъ изысканій. Онъ изучалъ науку для дѣла, знакомился только съ ея современнымъ состояніемъ и результатами, и приносилъ плоды своихъ кабинетныхъ трудовъ прямо на политическую арену. Поэтому его сочиненія тѣсно связаны съ жизнію

и не могутъ быть разсматриваемы отдѣльно. Чтобы познакомиться съ ними, мы должны прослѣдить государственную дѣятельность этого замѣчательнаго человѣка (1).

Вебстеръ происходилъ отъ шотландской фамиліи, поселившейся въ Америкѣ издавна, вскорѣ по прибытіи первыхъ пришельцевъ. Отецъ его Ибенезеръ отличался всѣми качествами того ново-англійскаго поколѣнія, котораго слѣды до сихъ поръ замѣтны на цѣлой сѣверо-американской націи. Это были люди неукротимой воли, крѣпкіе тѣломъ и духомъ, привычные ко всѣмъ лишеніямъ. Они добывали себѣ насущный хлѣбъ трудомъ, изъ непокорной земли, защищая ее отъ нападенія дикихъ. Будучи попеременно фермерами, солдатами, охотниками и законодателями, они высказали во всѣхъ родахъ дѣятельности стойкость, независимость, здравый смыслъ и политическій инстинктъ. Характеръ ихъ закалился въ ежедневной борьбѣ съ суровою жизнію пограничнаго жителя, въ тѣхъ отчаянныхъ схваткахъ съ природою, гдѣ ничто не достается даромъ, гдѣ нужно завоевать каждый шагъ. Ибенезеръ, по разказамъ старожиловъ, былъ высокаго роста, атлетическаго сложенія, широкоплечій, загорѣлый старикъ. Цѣлая жизнь его прошла въ неослабныхъ трудахъ. Онъ участвовалъ въ лѣсныхъ кампаніяхъ семилѣтней войны, во время нападенія на Канаду и пріобрѣлъ рангъ капитана. Когда заключенъ былъ миръ (1763), Вебстеру, какъ и другимъ отставнымъ ратникамъ, дали землю по рѣкѣ Мерримаку, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится теперь городъ Салисбери. Сюда въ то время еще не заходилъ образованный человѣкъ; до самаго Монреаля кругомъ лежала пустыня. Старикъ построилъ себѣ избу (log-cabin) и началъ обрабатывать землю. Знаменитый государственный мужъ Америки сохранялъ до конца жизни воспоминанія объ этомъ мѣстѣ. «Братья мои, говоритъ онъ въ одной изъ своихъ рѣчей,—родились въ простой хижинѣ, среди снѣговъ Нью-Гемпшира... Остатки нашего жилища сохранились до сихъ поръ. Я каждый годъ ѣзжу туда съ дѣтьми, чтобы они видѣли, какія лишенія терпѣли наши праотцы. Мнѣ пріятно останавливаться на нѣжныхъ воспоминаніяхъ, кров-

(1) Главнымъ пособіемъ при составленіи этой біографіи служилъ намъ мемуаръ Эверетта, помѣщенный въ первомъ томѣ сочиненій Вебстера (pp. XIV — CIX). Кромѣ того мы имѣли подъ рукою нѣсколько статей, напечатанныхъ въ англійскихъ обозрѣніяхъ.

*

ныхъ отношеніяхъ, первыхъ привязанностяхъ, трогательныхъ приключеніяхъ, соединенныхъ съ этимъ первобытнымъ жилищемъ. У меня льются слезы при мысли, что многихъ его обитателей уже нѣтъ между живыми. Если когда-нибудь я буду стыдиться бѣдной избушки, или потеряю уваженіе къ тому, кто защищалъ ее противъ дикихъ, кто подъ ея кровлею лелѣялъ всѣ домашнія добродѣтели, и, сквозь огонь войны, перенесъ труды, опасности и жертвы, чтобы служить отечеству, чтобы приготовить дѣтямъ лучшій жребій, да исчезнетъ мое имя и потомство навсегда изъ памяти человѣчества!»

Какъ только открылась борьба за независимость, старикъ Вебстеръ составилъ изъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ дружину и принялъ участіе въ кампаніи. Въ это время, въ послѣдній годъ войны, 18 января 1782 года, родился Даніель Вебстеръ. Мать его, вторая жена капитана, была умная и энергическая женщина. Она, кажется, предугадала способности мальчика. Между тѣмъ какъ старшіе его братья отличались физическою силою, онъ былъ очень слабаго, болѣзненнаго сложенія. Замѣчая, что Даніель не годенъ къ матеріяльному труду и очень любознателенъ, родители рѣшились, какъ можно скорѣе, учить его, и совершеннымъ малюткой отправили въ школу. Общественное воспитаніе въ пограничныхъ мѣстахъ Сѣверной Америки находилось тогда въ самомъ жалкомъ положеніи. Обыкновенно въ городкѣ появлялся какой нибудь полуграмотный прохожій человѣкъ, провозглашалъ себя учителемъ и заводилъ временную школу, гдѣ дѣти упражнялись въ мудреномъ для самого руководителя искусствѣ чтенія, письма и счета. Таковъ по крайней мѣрѣ былъ первый наставникъ Даніеля: онъ читалъ и писалъ еще порядочно, но складывалъ плохо. Бѣднаго мальчика посылали къ нему за двѣ, иногда за три мили, зимою и пѣшкомъ. Гораздо болѣе удовлетворилъ любознательности Вебстера второй его учитель Джонъ Тапманъ. Около этого времени въ Салисбери была основана публичная библіотека. Здѣсь Даніель нашелъ нѣсколько англійскихъ классиковъ и принялся изучать ихъ. Особенно занимали его: Зритель, Опытъ о человѣкѣ, Попа, и драмы Шекспира. Владѣя воспріимчивою и твердою памятью, онъ легко удерживалъ идеи и образы, которые находилъ въ этихъ книгахъ. Государственное уложеніе Соединенныхъ Штатовъ въ первый разъ попалось ему въ сельской лавкѣ. Оно было напечатано на

бумажномъ платкѣ; Вебстеръ купилъ этотъ платокъ на собственныя карманныя деньги и въ тотъ же вечеръ, сидя подлѣ лучины, со вниманіемъ прочиталъ его. Кто могъ подумать тогда, что имя дитяти со временемъ будетъ тѣсно связано съ основными законами могущественнаго государства?

Но самыя сильныя впечатлѣнія Вебстеръ получилъ отъ окружающей сферы. Она имѣла рѣшительное вліяніе на его характеръ и направленіе. Отецъ былъ источникомъ того американскаго духа и патріотизма, который разлитъ въ сочиненіяхъ сына. Старикъ самъ игралъ нѣкоторую, хотя и скромную, роль въ исторіи. Отъ него Даніель слышалъ разказы о двухъ колоніяльныхъ войнахъ, «Иліаду и Одиссею Американской независимости». Природа также дѣйствовала на мальчика. «Онъ видѣлъ,» по его собственнымъ словамъ, «безплодную и упорную землю, но видѣлъ также упорное намѣреніе человѣка покорить ее». Непреклонныя скалы предъ его глазами уступали труду еще болѣе непреклонному. «Мужеская сила и мускулистая рука свободныхъ людей, изъ которыхъ каждый воздѣлывалъ свой участокъ, каждый былъ готовъ защищать его»,— все это внушало ему довѣріе къ себѣ и къ человѣческой дѣятельности. Но съ другой стороны такое дѣтство рано пріучило Вебстера къ сосредоточенности, къ самоуправленію; въ немъ не было живости, наивности и общительности, которыми отличается отроческій возрастъ.

Четырнадцати лѣтъ Даніель поступилъ въ академію, которая тогда была основана въ Эгзетерѣ. Замѣчательно, что будущій ораторъ никакъ не могъ декламировать. Напрасно учители убѣждали его побѣдить себя; ему не доставало рѣшительности. Большая, хорошо сложенная голова, звучный голосъ и блестящіе глаза мальчика, по видимому, обѣщали талантъ, но онъ развернулся не скоро и съ трудомъ. Въ этой сдержанности и отвращеніи отъ публичности замѣтна будущая гордость и скупость на эффекты, которая проглядываетъ въ его рѣчахъ.

Не прошло года отъ поступленія Даніеля въ академію, какъ старикъ рѣшился отдать его въ университетъ (коллегію). «Я помню, пишетъ самъ Вебстеръ, какъ отецъ сообщалъ мнѣ о своемъ намѣреніи. Я не могъ говорить и думалъ только, какъ можетъ онъ, съ такимъ семействомъ и въ такихъ тяжелыхъ обстоятель-

ствахъ, жертвовать въ мою пользу столько денегъ. Меня бросило въ жаръ; я заплакалъ, склонивъ голову на плечо отца.»

Въ университетѣ Вебстеръ оставался четыре года. Кромѣ обыкновенныхъ занятій, онъ изучалъ въ это время исторію и литературу, принималъ участіе въ газетахъ, а въ вакаціонные мѣсяцы давалъ уроки, чтобы облегчить отца и собрать денегъ для воспитанія брата. Его способности обратили на себя здѣсь общее вниманіе товарищей: на Вебстера, говоритъ одинъ изъ нихъ, мы всегда смотрѣли, какъ на человѣка, отмѣченнаго природою: будущіе его успѣхи не были для насъ неожиданными.

По окончаніи курса, Вебстеръ рѣшился заняться юридическою практикою и поступилъ ученикомъ къ одному адвокату. Университетъ, кажется, почти не приготовилъ его къ дѣятельности этого рода: по крайней мѣрѣ онъ такъ мало цѣнилъ пріобрѣтенныя свѣдѣнія, что самъ разорвалъ свой дипломъ. Дѣйствительно, американскія коллегіи тогдашняго времени были очень похожи на англійскіе университеты и знакомили молодыхъ людей преимущественно съ древними классиками, съ математикою и нѣкоторыми частями философіи. Наука правовѣдѣнія преподавалась слабо; притомъ же Вебстеръ, кажется, не занимался ею спеціяльно до выхода изъ университета и почувствовалъ къ ней склонность только тогда, когда ему попались въ руки «комментаріи Блакстона». Къ несчастію, адвокатъ, къ которому поступилъ онъ, былъ тупоголовый педантъ и мало поощрялъ своего ученика. Не прежде 1804 года Вебстеру удалось отвязаться отъ своего учителя и перейти въ Бостонъ. Здѣсь, подъ руководствомъ Кристофера Гòра, отличнаго адвоката и цивилиста, онъ окончилъ свое юридическое образованіе и пріобрѣлъ самыя разнообразныя свѣдѣнія. Не ограничиваясь казуистикою, онъ изучалъ сочиненія англійскихъ юристовъ и государственныхъ людей, познакомился съ международнымъ правомъ и политическою экономіею. Библіотека Гòра представляла для этого богатыя средства, и Вебстеръ вполнѣ ею воспользовался. Нельзя не удивляться, какъ у него доставало времени и характера для такой дѣятельности: онъ долженъ былъ учиться и вмѣстѣ бороться съ бѣдностью.

Наконецъ тяжелое время лишеній, по видимому, миновало для Вебстера. Въ 1805 году онъ былъ допущенъ къ адвокатству. Но судьба готовила ему новое испытаніе. Его отецъ былъ избранъ

въ графствѣ Гилльсборо судьею общихъ тяжбъ; въ судѣ открылось мѣсто секретаря съ значительнымъ жалованьемъ; старикъ предложилъ его сыну. Къ счастію Гòръ отстоялъ своего ученика: замѣтивъ въ немъ большіе таланты, ясный и живой умъ и необыкновенную способность понимать самыя запутанныя стороны права, онъ употребилъ все свое вліяніе, чтобы отклонить это обольстительное предложеніе, и совѣтовалъ Вебстеру лучше потерпѣть еще нѣсколько времени, нежели похоронить себя заживо въ провинціяльномъ судѣ. Дѣйствительно, опасность была велика: канцелярское письмоводство могло бы ослабить и даже заглушить умственныя силы будущаго государственнаго мужа Сѣверной Америки.

Итакъ, не смотря на желаніе отца, Вебстеръ отказался отъ предложенной должности и принялся за прежнія занятія. Девять лѣтъ продолжалась его адвокатская дѣятельность преимущественно въ Портсмутѣ (въ Сѣверной Америкѣ), гдѣ сошлись тогда лучшіе представители судебнаго краснорѣчія. Здѣсь ему нѣсколько разъ приходилось состязаться съ первокласными юристами и, если вѣрить біографу, диспуты по большей части оканчивались въ его пользу. Онъ побѣждалъ своихъ противниковъ ораторскими талантами и неусыпнымъ трудомъ. Особенно страшенъ былъ для него Мезонъ, опытный адвокатъ, непотрясаемаго характера, удивительной проницательности, безпощаднаго ума, отъ котораго не могла скрыться никакая ложь. Въ борьбѣ съ нимъ Вебстеръ развилъ ту юридическую логику, которою отличаются его рѣчи.

До 1813 года Вебстеръ почти не принималъ участія въ политической жизни своего отечества: все его вниманіе было сосредоточено на практической юриспруденціи; притомъ же положеніе Соединенныхъ Штатовъ въ это время не вызывало свѣжихъ людей къ самостоятельной дѣятельности. Духъ партій двигалъ управленіемъ; каждое новое лицо должно было отказаться отъ независимаго взгляда и непремѣнно пристать къ той или другой сторонѣ; конгресомъ овладѣли горячія головы, которыя требовали крайнихъ мѣръ. Это напряженное состояніе умовъ въ Америкѣ объясняется, кромѣ другихъ причинъ, тогдашними политическими событіями Европы. Между Наполеономъ и Англіею завязалась борьба на жизнь и смерть. Не имѣя силъ одолѣть другъ друга обыкновенными способами, воюющіе начали безпощадно

поражать нейтральную торговлю. Императоръ Французовъ рѣшился отрѣзать своего противника отъ сношеній съ образованнымъ міромъ; Сентъ-Джемскій кабинетъ отвѣчалъ ему расширеніемъ блокады. Понятно, что эти произвольные поступки должны были сильно возбудить общественное мнѣніе въ Сѣверной Америкѣ: они были слишкомъ чувствительны для ея коммерческой дѣятельности. Напрасно Джефферсонъ старался положить конецъ прежнимъ распрямъ и приглашалъ всѣхъ соединиться, чтобы обсудить спокойно новыя обстоятельства. Едва только были изданы Берлинскій и Миланскій декреты, — въ Соединенныхъ Штатахъ поднялась сильная политическая буря, среди которой съ трудомъ могъ устоять самый холодный государственный умъ. Одна партія требовала, чтобы союзное правительство сопротивлялось силою притязаніямъ воюющихъ; другая объявила себя въ пользу такъ называемой *стѣснительной системы* (the restrictive system). Эта послѣдняя политика, хотя робкая и даже малодушная, къ удивленію, одержала верхъ, потому что на ея сторонѣ былъ Джефферсонъ. Она состояла въ томъ, чтобы не выпускать купеческихъ кораблей изъ отечества и такимъ образомъ спасти ихъ отъ крейсеровъ. Не отваживаясь вовлекать націю въ опасности войны, президентъ ограничился мѣрами къ оборонѣ береговъ и отказался отъ защиты торговли на Океанѣ.

Не такъ смотрѣлъ на это дѣло Вебстеръ. Еще въ 1806 году, въ одной изъ первыхъ публичныхъ рѣчей своихъ, онъ произнесъ другое сужденіе на счетъ политики Соединенныхъ Штатовъ. «Если у насъ есть торговля, сказалъ онъ, — мы должны защищать ее: это ясно. Въ нашемъ отечествѣ одинаково развита торговая и земледѣльческая дѣятельность. Земледѣльца съ мореплавателемъ соединяютъ неразрывныя узы. Природа поставила насъ въ благопріятное положеніе для коммерческихъ занятій, и никакое правительство не можетъ измѣнить этого назначенія. Бóльшая часть нашего имущества находится на морѣ; шестьдесятъ или восемьдесятъ тысячъ гражданъ ожидаютъ тамъ защиты и покровительства».

Въ самомъ дѣлѣ народъ въ душѣ не одобрялъ систему Джефферсона. Съ удаленіемъ его отъ дѣлъ, она пала. Къ тому же сами воюющіе скоро увидѣли несправедливость своихъ мѣръ и сознали необходимость успокоить раздраженныя нейтральныя государ-

ства. Берлинскій и Миланскій декреты были смягчены для Америки; эдикты англійскаго тайнаго совѣта (orders of council) также потеряли силу. Впрочемъ эти позднія уступки со стороны Великобританіи не достигли своей цѣли, по крайней мѣрѣ для Новаго Свѣта. Конгресъ уже объявилъ ей войну, и въ 1812 году непріязненныя дѣйствія начались на границѣ.

Въ это самое время Вебстеръ былъ избранъ представителемъ на конгресъ и явился на немъ умѣреннымъ федералистомъ, послѣдователемъ Гамильтона и Джея. Генрихъ Клей, избранный тогда предсѣдателемъ (speaker), какъ бы предугадывая дипломатическія способности будущаго государственнаго секретаря Сѣверной Америки, назначилъ его членомъ комитета иностранныхъ дѣлъ. Молодому человѣку, который до сихъ поръ вращался въ тѣсной сферѣ провинціяльной жизни, не легко было осмотрѣться въ вопросахъ подобнаго рода. Однако же Вебстеръ скоро далъ себя замѣтить и сталъ на равную ногу съ другими членами, между которыми были люди, носившіе довольно громкія имена. Доказательствомъ его успѣховъ служитъ первая рѣчь (maiden speech), сказанная имъ по случаю континентальной и блокадной системы. Въ ней уже замѣтны всѣ тѣ качества, которыми отличаются позднѣйшія произведенія оратора: сила логики, умѣренность тона, строгая точность, отсутствіе размашистой реторики и надутыхъ фразъ, горячій, неподдѣльный патріотизмъ. Эта рѣчь, какъ видно изъ современныхъ газетъ, произвела большое впечатлѣніе и склонила на свою сторону большинство. Соотечественники начали считать Вебстера, вмѣстѣ съ Клеемъ и Калгоуномъ, за одного изъ лучшихъ представителей парламентскаго краснорѣчія Америки. Главный судья Маршалъ, бывшій въ числѣ слушателей, говоритъ объ немъ: «я убѣдился, что Вебстеръ имѣетъ большія дарованія и будетъ въ числѣ первыхъ государственныхъ людей въ Соединенныхъ Штатахъ, а можетъ-быть и самымъ первымъ» (1). Вебстеръ оставался въ конгресѣ до 1816 года и принималъ живое участіе во всѣхъ замѣчательныхъ преніяхъ этого времени. Но онъ еще не рѣшался посвятить себя исключительно политической дѣятельности: ему нужно было сначала обезпечить себѣ независимое состояніе. Между тѣмъ домъ его и

(1) *March* Reminiscences of Congress, pp. 35, 36.

почти все имущество сгорѣло во время большаго пожара, бывшаго въ Портсмутѣ въ 1813 году. Поэтому онъ принялся снова за адвокатство и переселился въ Бостонъ, гдѣ для его таланта открылось самое широкое поприще. Здѣсь окончательно утвердилась юридическая репутація Вебстера. Можно сказать безъ преувеличенія, что никогда въ Новой Англіи ни одинъ адвокатъ не пріобрѣталъ такой громкой славы. Онъ имѣлъ необыкновенное вліяніе на присяжныхъ: видя его передъ собою, они какъ бы чувствовали прикосновеніе высшей природы! Этого нельзя приписать одному краснорѣчію или такту адвоката: Вебстеръ былъ скупъ на эффекты и не отличался особенною гибкостію. Но въ его душѣ былъ инстинктъ правды, который находился въ какомъ-то магнетическомъ сродствѣ съ чувствомъ присяжныхъ. Въ дѣлахъ, самыхъ отчаянныхъ передъ закономъ, но имѣющихъ на своей сторонѣ истину, онъ торжествовалъ надъ противниками. Ни одинъ ложный свидѣтель не могъ избѣжать тогда его испытующаго взора: своими блестящими глазами онъ смотрѣлъ въ самую душу человѣка и исторгалъ изъ нея признаніе, какъ бы властію инквизитора. Защита Кеннистоновъ и дѣло противъ Наппса (Knapps) служатъ блистательными доказательствами необыкновенныхъ способностей Вебстера: въ первомъ случаѣ онъ спасъ своихъ кліентовъ отъ одного изъ страшныхъ заговоровъ и съ необыкновеннымъ искусствомъ распуталъ сѣти, разставленныя противъ нихъ; во второмъ заставилъ присяжныхъ обвинить злодѣя, котораго преступленіе было несомнѣнно, но который могъ избѣжать наказанія по причинѣ тонкости и отрывочности доказательствъ (1). Читая эти рѣчи, нельзя не удивляться обширному и систематическому уму адвоката: онъ охватываетъ разомъ всѣ стороны дѣла, упрощаетъ самые запутанные вопросы, съ быстротою группируетъ факты около высшихъ началъ и наконецъ съ необыкновенною нравственною силою бросаетъ свои выводы передъ присяжными.

Но дѣятельность Вебстера не ограничивалась адвокатствомъ

---

(1) Рѣчь, сказанная въ защиту Кеннистоновъ, помѣщена въ V томѣ (pp. 441—461), а противъ Наппса въ VI томѣ сочиненій Вебстера (стр. 41—105). Здѣсь же можно найдти нѣсколько другихъ рѣчей, говоренныхъ имъ предъ присяжными. Мы не разбираемъ этихъ произведеній, потому что они имѣютъ болѣе мѣстный интересъ.

въ провинціяльныхъ судахъ. Обыкновенные гражданскіе и уголовные процессы не могли долго питать такого ума: онъ требовалъ себѣ болѣе широкой сферы. Дѣйствительно, въ непродолжительномъ времени ему открылось новое поприще. Законодательная власть Нью-Гемпшира измѣнила хартію Дармутской коллегіи (въ которой Вебстеръ получилъ воспитаніе), и совершенно преобразовала эту корпорацію. Члены-основатели протестовали противъ распоряженія, но ихъ жалобы не были уважены: актъ получилъ законную силу. Новоизбранные кураторы приняли должность, и прежнимъ оставалось только вести дѣло судебнымъ порядкомъ. Дѣйствительно, они подали прошеніе; начался сложный процессъ, который съ каждымъ годомъ принималъ большіе размѣры и наконецъ поступилъ въ верховный судъ Соединенныхъ Штатовъ (supreme court of the United States). Истцы выбрали своимъ защитникомъ Вебстера и тѣмъ доставили ему случай выказать юридическій талантъ. Съ своей стороны онъ вполнѣ оправдалъ ихъ довѣріе и выигралъ дѣло. Въ 1819 году судъ объявилъ распоряженія Нью-Гемпшира противозаконными и вполнѣ обезпечилъ права университетовъ (1).

Съ этого времени дѣятельность Вебстера принимаетъ другое направленіе. Онъ вступаетъ въ новую область законовѣдѣнія и изъ провинціяльнаго адвоката становится *государственнымъ юристомъ* (constitutional lawyer). Чтобы понять смыслъ этого выраженія, надобно опредѣлить яснѣе характеръ верховнаго суда Соединенныхъ Штатовъ.

Сѣверо-Американская федерація состоитъ, какъ извѣстно, изъ республикъ, совершенно независимыхъ одна отъ другой въ дѣлахъ внутренняго управленія, имѣющихъ отдѣльные органы законодательства, суда и администраціи, живущихъ вполнѣ самобытною внутреннею жизнію. Онѣ связаны между собою только одною крѣпкою юридическою связью—союзнымъ устройствомъ, только однимъ закономъ — именно, союзнымъ актомъ. Въ силу этого акта всѣ высшіе національные интересы переданы федеральному правительству: оно заступаетъ націю предъ иностранными государствами, ведетъ войну, заключаетъ миръ и трактаты, распоряжается финансами, территоріями и государственнымъ имуществомъ, путями сообщенія, словомъ—сосредоточиваетъ въ себѣ тѣ верховные аттрибуты власти, безъ которыхъ Соединен-

1) Webster Works, V, 462—501.

ные Штаты не могли бы составлять одного политическаго тѣла. Въ такомъ сложномъ механизмѣ возможны столкновенія: каждое колесо близко соприкасается съ другимъ; каждый членъ можетъ вторгнуться въ чужую область; отдѣльные штаты находятся въ сосѣдствѣ между собою и слѣдовательно нерѣдко имѣютъ поводъ къ спорамъ; отношенія ихъ къ союзной власти также щекотливы. Правда, ея сфера точно опредѣлена закономъ, но не трудно представить себѣ случай, когда она выйдетъ изъ предѣловъ закона, или будетъ толковать его по своему усмотрѣнію, въ самомъ широкомъ смыслѣ. Спрашивается: какъ же предупредить раздоръ, неизбѣжный въ подобныхъ случаяхъ? Какъ рѣшить недоумѣніе, привести въ законныя границы каждый органъ и возстановить нарушенную гармонію? Для этого существуетъ верховный судъ Соединенныхъ Штатовъ. Будучи совершенно независимымъ отъ другихъ элементовъ федераціи, онъ разсматриваетъ не только всѣ споры между штатами, но и законодательныя постановленія отдѣльныхъ республикъ, также какъ и акты союзной власти. Онъ служитъ послѣднею инстанціею, въ которой утверждается сила распоряженій всѣхъ членовъ Союза, и верховнымъ истолкователемъ государственнаго устройства. Дѣйствительно, оно не могло бы устоять безъ этого высшаго мѣста: sans la cour suprême des Etats-Unis, справедливо говоритъ Токвиль, la constitution est une oeuvre morte!

Изъ сказаннаго нетрудно понять, что верховный судъ Соединенныхъ Штатовъ рѣзко отличается отъ судебныхъ мѣстъ, существующихъ въ другихъ государствахъ. «Входя въ это зданіе и слыша слова: штатъ Огайо противъ штата Миссури! пишетъ Токвиль,—вы чувствуете, что здѣсь рѣшаются дѣла милліоновъ народа, вопросы, занимающіе цѣлый Союзъ». Въ члены суда избираются обыкновенно юридическія знаменитости, лучшіе умы Сѣверной Америки. Здѣсь-то произносилъ свои приговоры Маршалъ (Chief justice Marshall), пользующійся до сихъ поръ такимъ безпримѣрнымъ уваженіемъ въ Сѣверной Америкѣ (1). На него

(1) Эти приговоры служатъ едва ли не лучшимъ пособіемъ къ поясненію Сѣверо-Американскаго союзнаго законодательства съ практической его стороны. Строгая, ясная логика, постоянное сознаніе главной цѣли, господства надъ аналогіями и побочными вопросами, почтенная законность помысловъ, невозмутимая юридическая атмосфера,— вотъ качества, которыя, по словамъ Моля, дѣлаютъ эти произведенія любопытными для Европы. Они изданы въ Бостонѣ, въ 1839 году.

справедливо смотрятъ, какъ на корифея той школы государственныхъ юристовъ (constitutional lawyers), къ которой принадлежитъ и Вебстеръ. На ней лежитъ великая обязанность защищать передъ потомствомъ дѣло основателей федераціи, носить въ себѣ живой смыслъ союзныхъ постановленій, охранять отъ разрушенія и отъ опасныхъ перестроекъ всѣ части славнаго зданія.

Cum amplitudine rerum crescit res ingenii, сказалъ древній писатель. Справедливость этихъ словъ подтверждается на Вебстерѣ. Будучи адвокатомъ, онъ далеко не обнаружилъ своихъ способностей въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ въ верховномъ судѣ. Около тридцати лѣтъ гремѣло здѣсь его имя. Трудно перечислить всѣ дѣла, въ которыхъ онъ являлся въ качествѣ совѣтника (counsel). Мы остановимся только на важнѣйшихъ, и чтобы не возвращаться къ предмету въ другой разъ, прослѣдимъ его дѣятельность на этомъ поприщѣ до конца жизни. Она заслуживаетъ вниманія тѣмъ болѣе, что воспитала государственнаго мужа Америки, ознакомила его съ практическими вопросами публичнаго права и укрѣпила въ немъ тѣ начала и убѣжденія, которыя въ послѣдствіи онъ защищалъ съ такою славою въ сенатѣ. Дѣло Гиббонса и Огдена (1824) доставило Вебстеру первый случай выказать свои способности въ глазахъ цѣлаго Союза. Штатъ Нью-Йоркъ далъ наслѣдникамъ Фультона исключительную привилегію на пароходство по внутреннимъ водамъ. Всѣ низшіе суды подтвердили это распоряженіе; наконецъ вопросъ о его законности былъ поднятъ въ верховномъ судѣ Соединенныхъ Штатовъ. Вебстеръ явился противникомъ монополіи и въ блистательной рѣчи доказалъ, что нью-йоркскія начальства преступили границы своей власти, такъ какъ право распоряжаться торговлею предоставлено одному конгресу (1). Судъ вполнѣ согласился съ мнѣніемъ оратора, и съ тѣхъ поръ, по словамъ одного Американца, «каждая бухта, рѣка, гавань, каждое озеро—свободны отъ вліянія монополій» (2). Съ такою же силою Вебстеръ защищалъ союзную власть по дѣлу Огдена и Сондерса въ 1827 году и въ процессѣ о собственности надъ мостомъ черезъ рѣку Чарльзъ. Въ первомъ случаѣ его нападенія были обращены на банкротскій уставъ нью-йоркскаго штата; во

(1) Рѣчь Вебстера по этому дѣлу помѣщена въ шестомъ томѣ сочиненій, стр. 3—23.

(2) *Everett* **Biographical Memoir p. 53.**

второмъ, также на монополію. Впрочемъ ему не удалось склонить большинства судей на свою сторону (1). Гораздо успѣшнѣе дѣйствовалъ онъ въ процессѣ банка Соединенныхъ Штатовъ, въ спорѣ о границахъ между Массачузетомъ и Родъ-Айландомъ, по вопросу о завѣщаніи Гирарда и проч. Мы не передаемъ подробно содержанія этихъ рѣчей: онѣ имѣютъ болѣе мѣстный интересъ (2).

Для насъ важнѣе знаменитый политическій процессъ Родъ-Айланда, въ которомъ такъ отличился Вебстеръ. Рѣчь, сказанная имъ по этому случаю, обошла всю Европу и вездѣ прославила его имя. Въ ней изложены основныя начала американскаго устройства, высказаны задушевныя убѣжденія государственнаго мужа Соединенныхъ Штатовъ. Читая ее, можно видѣть, какъ ошибочны нѣкоторыя ходячія понятія о гражданскомъ и общественномъ бытѣ за-атлантической республики. Здѣсь,—говорятъ обыкновенно, господствуетъ необузданная демократія; напротивъ изъ рѣчи Вебстера мы узнаемъ, что дѣло вовсе не такъ просто, какъ представляется поверхностному туристу, что американское устройство есть весьма сложная система преградъ и равновѣсій (checks and balances), что оно имѣетъ свою исторію, институты, преданія, предразсудки, неровности, что въ немъ заключается органическій продуктъ народной жизни.

Дѣло, по которому Вебстеръ высказалъ эти мысли, произошло слѣдующимъ образомъ. Въ штатѣ Родъ-Айландъ одна партія назвала себя большинствомъ, устроила митинги и, наперекоръ властямъ, составила правительство изъ своихъ членовъ. Законное начальство не оробѣло, провозгласило движеніе мятежемъ и уничтожило его силою. Спустя шесть лѣтъ объ этомъ завязался процессъ передъ верховнымъ судомъ. Вебстеръ сталъ на сторонѣ оскорбленной власти и порядка. «Люди, сказалъ онъ, не имѣютъ права собираться, и пересчитавъ голоса, объявлять себя правительствомъ. Въ такомъ случаѣ другая толпа на разстояніи нѣсколькихъ миль могла бы дѣлать тоже самое. Что же это, если не анархія, дикая, мятежная, бурная, яростная? Только въ Южной Америкѣ, гдѣ власть является мимолетно, мгновенно, какъ бы судорожно, подобные поступки называютъ свободою; она поддер-

---

(1) Works, VI, p. 24—40; Biographical Memoir p. 54, 55.
(2) См. Works VI, 106—134.

живается оружіемъ сегодня, подавляется оружіемъ завтра. Неужели и мы раздѣляемъ эти понятія?» Чтобы отвѣчать на предложенные вопросы, ораторъ объясняетъ природу самоуправленія (selfgovernement) въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Представляемъ главные его аргументы.

По духу сѣверо-американскаго устройства, не безпорядочная толпа служитъ источникомъ власти, но правительство, учреждаемое народомъ, на основаніи закона, посредствомъ избираемыхъ представителей, а не по произволу. Безъ правительства нѣтъ штата; безъ полномочія нѣтъ правительства. Полномочіе передается посредствомъ подачи голосовъ. Отсюда Вебстеръ выводитъ два другія начала американской системы, строго консервативныя по ихъ характеру. Первое состоитъ въ томъ, что свободная подача голоса должна быть обезпечена противъ насилія и обмана; второе—въ томъ, что она должна быть опредѣлена предварительнымъ закономъ. Такимъ образомъ американская нація не только ограничиваетъ власть штатовъ и союза, но также обуздываетъ и ограждаетъ самое себя противъ напора со стороны количественнаго большинства. Напримѣръ, перемѣны въ федеративныхъ законахъ могутъ происходить не иначе, какъ по предложенію двухъ третей и съ согласія трехъ четвертей членовъ. «Не публичные митинги, не бурныя сходки, устрашающія робкихъ, безпокоящія благоразумныхъ и возмутительныя для общества», выражаютъ волю государства; она должна проявиться въ законной формѣ (1).

Но ораторская дѣятельность Вебстера далеко не ограничивалась судебными мѣстами. Съ 1820 года мы видимъ его также на митингахъ, выборахъ, публичныхъ праздникахъ, банкетахъ: вездѣ гремѣло его могучее слово; нигдѣ не упускалъ онъ случая пробудить чувства національности и патріотизма въ согражданахъ. Первые два тома его сочиненій наполнены рѣчами подобнаго рода. Предѣлы журнальной статьи не позволяютъ намъ разбирать ихъ въ подробности. Замѣтимъ только, что онѣ признаны за образцы американскаго краснорѣчія, распространились во всѣхъ штатахъ и даже изучаются въ школахъ. Трудно назвать лучшія изъ нихъ; для Европейца особенно интересны характеристики Вашингтона, Адамса, Джефферсона, Стори, Мезона; кромѣ того любимымъ

---

(1) Works, VI, 217—242.

предметомъ оратора были историческія воспоминанія. Онъ охотно останавливался на подвигахъ предковъ, «отцевъ Новой Англіи», на лѣтописяхъ колоній, много говорилъ о войнѣ за независимость, о поддержаніи союза и народности, о назначеніи Новаго Свѣта и отношеніяхъ его къ старому. Въ каждой его фразѣ замѣтно уваженіе къ существующему порядку и федеративному устройству; каждая мысль проникнута американскимъ духомъ и благородно патріотическими началами. Яснѣе всего задушевныя убѣжденія государственнаго человѣка видны въ слѣдующихъ достопамятныхъ словахъ: «Мы должны глубоко запечатлѣть въ сердцахъ тѣ святыя обязанности, которыя достались въ удѣлъ современному поколѣнію. Основатели нашего отечества съ каждымъ днемъ изчезаютъ въ нашихъ рядахъ. Драгоцѣнный залогъ переходитъ теперь въ новыя руки. Мы не можемъ пожать лавровъ въ войнѣ за независимость: они пожаты иными достойнѣйшими. Для насъ нѣтъ мѣста подлѣ Солона, Альфреда и другихъ строителей государствъ: оно занято нашими предками. Но намъ выпала на долю великая обязанность защиты и сохраненія; намъ открыта благородная цѣль, къ которой призываетъ духъ времени. Наше дѣло—улучшать; настоящій вѣкъ есть вѣкъ улучшеній. Въ дни мира мы должны подвизаться въ мирныхъ дѣлахъ и искусствахъ. Разовьемъ ресурсы нашей страны, вызовемъ изъ нѣдръ ея силы, создадимъ учрежденія, подвинемъ впередъ всѣ великіе интересы, и тогда посмотримъ, не удастся ли и намъ совершить что-нибудь достойное памяти! Будемъ питать истинный духъ соединенія и гармоніи! Стремясь къ этой цѣли, будемъ дѣйствовать по твердому убѣжденію, что всѣ штаты составляютъ одно цѣлое. Расширимъ наши взгляды на весь кругъ обязанностей, наши идеи на все поле труда! Да будетъ у насъ передъ глазами отечество, цѣлое отечество, одно отечество! Пусть всегда міръ смотритъ на него съ удивленіемъ, какъ на памятникъ не ужаса и угнетенія, но мудрости, мира и свободы! (1)...»

Осенью 1822 года Вебстеръ снова является въ конгресѣ. Онъ былъ избранъ въ палату представителей депутатомъ отъ Бостона. Теперь уже ничто не могло отвлечь его отъ политической карьеры: онъ достигъ совершенно независимаго положенія въ обществѣ,

(1) Works, I, 77,78.

успѣлъ составить себѣ трудами значительное состояніе и пріобрѣсти репутацію. Конгресъ открывалъ ему дорогу къ занятію первыхъ мѣстъ; сограждане видѣли въ немъ способнаго человѣка; отечество требовало отъ него услугъ; словомъ, онъ долженъ былъ исключительно посвятить себя государственной дѣятельности.

Соединенные Штаты были въ это время совершенно спокойны, но въ Европѣ происходили знаменательныя событія. Дѣла Италіи и Испаніи обратили на себя вниманіе первокласныхъ державъ. Конгресы: тропаускій, лайбахскій, веронскій, быстро слѣдовали одинъ за другимъ. Въ Греціи завязалась борьба между христіянствомъ и магометанствомъ, на которую тотчасъ же устремились всѣ взоры. Съ трепетнымъ участіемъ слѣдилъ образованный міръ за удачами и неудачами воскресшаго народа. Америка также высказала къ нему горячую симпатію: войны за независимость особенно электризуютъ умы въ Соединенныхъ Штатахъ, потому что пробуждаютъ въ гражданахъ дорогія для нихъ историческія воспоминанія. Въ главныхъ городахъ Союза образовались общества гелленофиловъ и вступили въ корреспонденцію съ парижскимъ комитетомъ греческихъ патріотовъ. Президентъ Монро въ своемъ посланіи также отозвался о греческой войнѣ съ сочувствіемъ и уваженіемъ. Когда наконецъ мессенскій сенатъ формально аппеллировалъ къ Соединеннымъ Штатамъ, конгресъ приступилъ къ обсужденію этого дѣла. Вебстеръ явился здѣсь защитникомъ Грековъ: въ его словахъ слышался голосъ общественнаго мнѣнія (1). Онъ требовалъ, чтобы въ Аѳины былъ отправленъ дипломатическій агентъ. Но такая демонстрація была найдена преждевременною. Отдаленность разстоянія помѣшала Соединеннымъ Штатамъ принять какое-нибудь участіе въ освобожденіи Греціи. Къ тому же они были затронуты другою, сосѣдственною борьбою. Около этого времени отъ Испаніи отторглись ея колоніи; на континентѣ Америки образовалось множество самостоятельныхъ государствъ. Истощаясь въ безплодныхъ усиліяхъ подавить инсургентовъ, метрополія не думала однако же отказаться отъ своихъ правъ и старалась заинтересовать въ свою пользу другія европейскія державы. Скоро разнеслась вѣсть о вмѣшательствѣ. Соединенные Штаты поспѣшили предупредить его. Президентъ Монро

(1) Рѣчь Вебстера въ пользу Грековъ помѣщена въ третьемъ томѣ сочиненій, стр. 60—93.

въ своемъ посланіи къ конгресу высказалъ твердое намѣреніе оградить американскій материкъ отъ союзниковъ Испаніи и въ случаѣ нужды дѣйствовать силою. Вашингтонскій кабинетъ встрѣтилъ сочувствіе въ Каннингѣ, и такимъ образомъ самостоятельность новыхъ республикъ была признана двумя могущественными народами.

Этотъ важный вопросъ сильно занималъ Вебстера. Онъ вполнѣ раздѣлялъ надежды (впрочемъ, до сихъ поръ не сбывшіяся) своихъ соотечественниковъ на Южную Америку, и когда Боливаръ созвалъ общій конгресъ въ Панамѣ, чтобы обезпечить независимость новыхъ государствъ, высказалъ горячее сочувствіе къ этому дѣлу (1). Но краснорѣчіе государственнаго мужа истощалось напрасно: конгресъ, какъ извѣстно, кончился ничѣмъ и не принесъ никому пользы. Отъ него ожидали многаго; но попытка была преждевременна: анархическія республики Южной Америки далеко не созрѣли для того, чтобы образовать стройный международный союзъ, и не могли даже обезпечить у себя внутренній порядокъ.

Гораздо плодотворнѣе была дѣятельность Вебстера на поприщѣ внутренней политики въ это время. Онъ принималъ самое живое участіе въ преніяхъ о тарифѣ 1824 года, причемъ высказалъ нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній противъ вульгарнаго понятія о торговомъ балансѣ (2), и въ составленіи уголовнаго закона о преступленіяхъ противъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ онъ имѣлъ въ виду не столько теоретическія реформы, сколько практическія потребности: нужно было пополнить пробѣлы въ дѣйствующемъ правѣ. Опытъ показалъ пользу новаго закона, составленнаго подъ исключительнымъ вліяніемъ Вебстера.

Съ 1827 года начинается сенаторская карьера Вебстера; онъ былъ избранъ отъ Массачузетса значительнымъ большинствомъ. Въ это время пересматривался тарифъ. Жалкое положеніе хлопчато-бумажныхъ фабрикъ вызвало протекціонныя мѣры. Но въ такой обширной странѣ, какъ Соединенные Штаты, онѣ не могли быть приняты безъ оппозиціи, потому что затрогивали мѣстные интересы. Раздоръ достигъ такой степени, что нѣкоторые члены, одобряя билль въ цѣлости, принуждены были или подать голосъ

---

(1) **Works, III. 178—217.**
(2) **Ibid. 94—149.**

противъ него, или принять нѣкоторыя, по ихъ мнѣнію, неразумныя и даже вредныя постановленія. Отсюда билль получилъ названіе отвратительнаго (bill of abominations). Вебстеръ также защищалъ покровительственную систему, изъ политическихъ соображеній, хотя едва ли былъ ея приверженцемъ по убѣжденію.

Между тѣмъ срокъ управленія Дж. Квинси Адамса приближался къ концу. Не трудно было предвидѣть, на кого падетъ выборъ: генералъ Джаксонъ еще прежде пріобрѣлъ популярность, получилъ самое большое число голосовъ и не былъ избранъ только потому, что оно не достигло законной цифры, а въ такихъ случаяхъ назначеніе президента принадлежитъ конгресу (1). Теперь же почти всѣ партіи соединились, чтобы дѣйствовать въ пользу Джаксона: онѣ были недовольны Адамсомъ и вели самую страшную оппозицію противъ его кабинета. Управленіе президента, хотя составленное изъ талантливыхъ людей, благородное и бережливое, не пользовалось популярностію. Напротивъ, новый кандидатъ имѣлъ на своей сторонѣ народъ: отъ него многаго ожидали; разочарованіе наступило уже въ послѣдствіи. Къ чести Вебстера должно сказать, что онъ не раздѣлялъ увлеченія своихъ согражданъ, добросовѣстно поддерживалъ управленіе Адамса и добросовѣстно сопротивлялся Джаксону.

Едва вступилъ въ должность новый президентъ, какъ въ конгресѣ обнаружился расколъ. Онъ былъ вызванъ такъ называемымъ великимъ преніемъ (the great debate) о рѣшеніи Фута (Foot's resolution). Этотъ споръ заслуживаетъ особеннаго вниманія какъ по своимъ послѣдствіямъ для Соединенныхъ Штатовъ, такъ и потому, что онъ возвысилъ Вебстера на высоту славы. Знаменитый государственный мужъ Америки является здѣсь не только великимъ ораторомъ и великимъ членомъ парламента,—ему удалось оказать отечеству незабвенныя услуги, спасти цѣлость Союза и защитить отъ неминуемой опасности федеративное устройство.

Споръ произошелъ слѣдующимъ образомъ: 29 декабря 1829 года, одинъ изъ сенаторовъ Футъ потребовалъ отъ конгреса описи

---

(1) Если въ избирательныхъ коллегіяхъ ни одинъ изъ кандидатовъ не получитъ узаконеннаго числа голосовъ, то президентъ назначается палатою представителей. Только здѣсь голоса подаются въ такомъ случаѣ не поголовно, но по числу штатовъ. Представители каждаго штата выбираютъ изъ среды себя одного уполномоченнаго (teller).

всѣхъ общественныхъ земель, и настаивалъ, чтобы продажа ихъ была ограничена на время. Такой спеціяльный вопросъ, по видимому имѣетъ спеціяльное значеніе, но къ нему присоединился другой, отъ рѣшенія котораго зависѣло самое существованіе федераціи. Именно—южные депутаты высказали при этомъ особенную теорію толкованія союзныхъ актовъ, и рѣшились примѣнить ее ко всѣмъ политическимъ отношеніямъ. Эта теорія, извѣстная въ Америкѣ подъ именемъ теоріи уничтоженія (doctrine of nullification), состоитъ въ томъ, что по духу основныхъ законовъ отдѣльнымъ штатамъ будто бы принадлежитъ полное право уничтожать по собственному усмотрѣнію распоряженія союзной власти, противорѣчащія федеративному устройству. Нуллификаторы встрѣтили сочувствіе во всѣхъ противникахъ централизаціи (которыхъ въ Америкѣ очень много), составили сильную партію и нѣсколько разъ уже пытались провести свою систему на конгресѣ. Споръ о рѣшеніи Фута подалъ къ тому новый поводъ. Одинъ изъ депутатовъ Гейнъ (Hayne), блистательный ораторъ, напалъ на Новую Англію, упрекая ее въ эгоизмѣ и враждѣ къ другимъ штатамъ. Изъ бойкой рѣчи Гейна легко было замѣтить сильное желаніе сблизить между собою южныхъ и западныхъ членовъ Союза. Этотъ планъ былъ придуманъ уже давно и, должно сознаться, очень ловко. Чтобы понять его, надобно замѣтить, что западные штаты имѣли обширныя владѣнія, распоряженіе которыми принадлежало конгресу. Итакъ, для составленія коалиціи, нужно было убѣдить союзниковъ въ выгодахъ теоріи уничтоженія. Этого не трудно было достигнуть: нуллификаторы обѣщали имъ землю въ полное распоряженіе.

Отсюда видно, какъ была опасна предполагаемая коалиція. Вебстеръ отвѣчалъ на обвиненія враждебной партіи сжатою и спокойною рѣчью (1). Но она принесла мало пользы. Гейнъ снова возразилъ ему нагло и яростно, осыпая эпиграммами Новую Англію и не щадя личности самаго оратора, а въ заключеніе изложилъ передъ конгресомъ теорію уничтоженія. Тогда Вебстеру пришлось защищать уже не только себя, свою партію, сѣверные штаты, но и федеративное устройство. Онъ не заставилъ противниковъ ожидать, и 26 января произнесъ свою вторую рѣчь о

---

(1) Works, III, pp. 248—269.

рѣшеніи Фута, которая признается всѣми образцовымъ его произведеніемъ (1). Считаемъ необходимымъ познакомить читателя съ ея содержаніемъ.

Первая половина рѣчи не такъ любопытна. Ораторъ разбираетъ здѣсь спорный вопросъ, мѣтко и спокойно опровергаетъ личныя нападки Гейна и отстаиваетъ сѣверные штаты. Но его сарказмы на теорію нуллификаторовъ и сенатистовъ очень замѣчательны. «Для этихъ людей, говоритъ онъ, не существуютъ общіе интересы въ Соединенныхъ Штатахъ. Вопросы торговли, путей сообщенія и т. п. важны для нихъ только тогда, когда касаются отечественной области. Не такъ думаемъ мы, жители Новой Англіи, *люди узкаго ума!* Наши понятія о вещахъ совершенно различны. Мы разсматриваемъ штаты не порознь, а совмѣстно. Мы любимъ этотъ Союзъ, дорожимъ взаимными благами и общею славою, которую онъ далъ намъ. Въ нашемъ воззрѣніи Южная Каролина и Огайо — части одной и той же земли, штаты, соединенные общимъ правительствомъ, имѣющіе много одинаковыхъ, смѣшанныхъ интересовъ. Мы не полагаемъ географическихъ границъ своему патріотизму, не ищемъ горъ, рѣкъ, градусовъ широты, чтобы установить предѣлы для общаго прогреса. Мы представители, узкой и эгоистической Новой Англіи, считаемъ своею обязанностію имѣть въ виду благо цѣлаго!...»

Вторая половина рѣчи въ особенности для насъ интересна: она касается основныхъ законовъ и объясняетъ существо сѣверо-американской федераціи. Вебстеръ со всею силою неумолимой л о гики громитъ и разбиваетъ теорію своихъ противниковъ. Гейнъ утверждалъ, что каждый штатъ имѣетъ полное право судить о законности или незаконности распоряженій союзной власти и отказать ей въ повиновеніи. «Я не допускаю этого, говоритъ Вебстеръ. Изслѣдуемъ происхожденіе федеральнаго правительства, источникъ его отправленій! Кто далъ ему полномочіе? Кѣмъ создано это устройство—законодательною властію отдѣльныхъ штатовъ, или цѣлою націею? Въ первомъ случаѣ конечно они могутъ имѣть надъ нимъ контроль; во второмъ никто кромѣ народа не имѣетъ этого контроля.» По словамъ Гейна, союзная власть подчинена не только всѣмъ штатамъ, но каждому порознь; она —

---

(1) **Works, III, pp. 270—342.**

слуга двадцати четырехъ господъ въ одно и то же время, господъ, которые могутъ имѣть разныя намѣренія и давать противорѣчащія приказанія. Это — неразумно, несогласно съ природою вещей. Сѣверо-американская нація начертала федеративное устройство; оно создано націею, для націи, и отъ ней одной зависитъ. Изъ этого источника происходятъ въ Америкѣ всѣ власти. Конечно, штаты самостоятельны внутри своихъ границъ, но лишь въ той мѣрѣ, въ какой не связаны законами соединенія. По мнѣнію Гейна, каждый штатъ можетъ произвольно рѣшить, слѣдуетъ ли повиноваться или не повиноваться федеральному правительству. Но отсюда произойдетъ хаосъ и анархія. Да что другое можетъ произойдти отъ такого порядка, въ которомъ существуютъ двадцать четыре истолкователя законовъ? Подобное состояніе будетъ федеративнымъ состояніемъ только до тѣхъ поръ, пока угодно каждому члену. Но за то здѣсь члены независимы, говоритъ Гейнъ. Какая же это независимость? отвѣчаетъ Вебстеръ. Она состоитъ въ свободѣ одного штата судить и рѣшать дѣла, касающіяся всѣхъ, въ правѣ возвышать свой приговоръ надъ общественнымъ мнѣніемъ, надъ законами, надъ порядкомъ, надъ государственнымъ устройствомъ.

За тѣмъ ораторъ дѣлаетъ различіе между федеративнымъ правительствомъ и обыкновеннымъ союзомъ народовъ. Федеральныя распоряженія, говоритъ онъ, имѣютъ силу всеобщаго закона; судебная власть рѣшитъ сомнѣнія. Эти два правила доказываютъ дѣйствительность и господство извѣстнаго порядка. Онъ не оставленъ въ добычу двадцати-четыремъ истолкователямъ: въ такомъ случаѣ ему нельзя было бы приписать названіе государственнаго устройства. Это было бы собраніе догмъ для преній, спорныхъ пунктовъ для народа, преданнаго спорамъ. Приведши ученіе своихъ противниковъ ad absurdum, Вебстеръ заключилъ рѣчь патріотическимъ воззваніемъ. «Въ продолженіе всей моей жизни, сказалъ онъ, я имѣлъ въ виду сохраненіе нашего федеративнаго устройства: ему мы обязаны безопасностью дома и достоинствомъ за границею; ему мы обязаны всѣмъ, что имѣемъ, чѣмъ можемъ гордиться. Мы достигли этого порядка, воспитавъ себя въ суровой школѣ несчастія; мы пришли къ нему, извѣдавъ горе и нужду отъ разстройства финансовъ, паденія торговли, разрушенія кредита. Подъ его благодѣтельнымъ вліяніемъ все это воскресло; вездѣ заки-

пѣла новая жизнь. Каждый годъ существованія доказывалъ добро и пользу отъ Союза и, хотя наша территорія растянулась шире и шире, наше населеніе распространилось дальше, но покровительство Союза шло за нами всюду. Онъ былъ для всѣхъ насъ благодатнымъ источникомъ народнаго, общественнаго и личнаго счастія». «Когда мои глаза, воскликнулъ наконецъ ораторъ вдохновеннымъ и громовымъ голосомъ, обратятся въ послѣдній разъ къ солнцу, да не освѣтитъ оно передо мною позорныхъ развалинъ когда-то славнаго Союза, да не покажетъ мнѣ растерзанныхъ, преданныхъ междоусобіямъ, непріязненныхъ штатовъ, земли, изрытой гражданскою враждою и напоенной быть-можетъ братскою кровью! Пусть мой прощальный взоръ увидитъ, какъ развѣвается великолѣпное знамя уважаемаго государства еще шире, въ первобытномъ блескѣ, со всѣми своими цвѣтами и звѣздами, съ яркими словами на складкахъ... дорогими каждому американскому сердцу: независимость и союзъ, нынѣ и вѣчно, едино и нераздѣльно.»

Трудно представить себѣ, какъ сильно была затронута Сѣверная Америка этимъ преніемъ. Отъ него зависѣла будущность Союза. Несмѣтное множество народа собралось въ конгресъ; толпа горѣла нетерпѣніемъ знать, на чьей сторонѣ останется побѣда, кто восторжествуетъ, Сѣверъ или Югъ, федералисты или нуллификаторы. Тысячи глазъ были устремлены на Вебстера; каждый старался прочесть на его лицѣ надежду, или отчаяніе. Знаменитый гражданинъ не потерялся и вполнѣ понялъ важность минуты: успѣхъ или неудача были для него теперь жизнію или смертью; онъ держалъ въ рукахъ славу своего имени, будущность отечества. Чтобы представить себѣ то впечатлѣніе, которое произвела его рѣчь, надобно читать воспоминанія одного безпристрастнаго очевидца (1). Приводимъ здѣсь отрывокъ изъ этихъ воспоминаній:

«Вебстеръ былъ тогда въ цвѣтѣ мужества. Онъ достигъ среднихъ лѣтъ, той поры жизни, когда физическія и умственныя способности окрѣпли въ полномъ развитіи. Всю энергію и силу, которая заключалась въ немъ, должны были вызвать теперь событія, цѣлая жизнь и честолюбіе.

«Онъ всталъ въ полномъ самообладаніи. Въ его голосѣ не было

(1) *March* Reminiscences of Congress, p. 132 — 148.

замѣтно никакого дрожанія; въ манерахъ никакой поспѣшности или аффектаціи. Спокойствіе высшей силы было видно во всемъ — въ физіономіи, въ тонѣ, въ позѣ. Глубокое убѣжденіе въ важности вопроса и въ своей способности рѣшить его, кажется, вкоренилось въ умѣ и обняло Вебстера. Онъ началъ рѣчь... Тѣ, которые боялись, что ему не удастся одолѣть своихъ противниковъ, увлеклись теперь страхомъ другаго рода. Слыша изреченія его сильной мысли, видя, какъ они возвышаются одно надъ другомъ, какъ ораторъ, подобно титану, хочетъ достигнуть до небесъ, они испугались паденія Икара. Разнообразіе рѣчи и постоянные переливы страстей держали слушателей въ непрерывномъ волненіи и ожиданіи. Не было струны въ человѣческомъ сердцѣ, которой ораторъ не коснулся бы рукою мастера. Рѣчь была похожа на драму, составленную изъ комическихъ и патетическихъ сценъ; смѣхъ и слезы попеременно одерживали побѣду...

«Въ углу галлереи столпилась группа людей изъ Массачузетса. Съ первой минуты они были прикованы къ оратору.... но когда онъ вспомнилъ о страданіяхъ, борьбахъ и тріумфахъ Новой Англіи, когда онъ намекнулъ на Массачузетсъ и обратилъ къ нимъ свои горящіе глаза, *они плакали, какъ женщины*.

«Какъ волны на берегахъ «далеко шумящаго» моря, падали глубокіе и мелодическіе кадансы его голоса. Слова имѣли Мильтоновское величіе...

«Рѣчь была окончена, но звуки все еще ласкали слухъ и приковывали къ мѣстамъ очарованныхъ слушателей. Они протягивали и безсознательно пожимали другъ другу руки... Все казалось забытымъ, кромѣ оратора ..»

Рѣчь Вебстера обошла всѣ хижины, степи и лѣса Соединенныхъ Штатовъ: ее издавали въ видѣ памфлета, перепечатывали въ газетахъ, учили наизустъ. Одни ораторскія достоинства не могутъ объяснить такого успѣха: не столько форма, сколько содержаніе рѣчи отозвалось во всѣхъ сердцахъ. Вебстеръ открылъ своимъ согражданамъ истинный смыслъ федеративнаго устройства, показалъ существо Союза и затронулъ самыя живыя струны американской національности. «Послѣдствія этой рѣчи, говоритъ канцлеръ Кентъ, были чрезвычайно благодѣтельны. Подобно Сократу, который, по сказанію, свелъ философію съ неба, великій геній сената (Вебстеръ) извлекъ изъ судебныхъ архивовъ и библіо-

текъ юристовъ и наши основные законы, представилъ ихъ глазамъ и суду американской націи. Приговоръ ея съ нами, на него не къ кому аппеллировать».

Такъ блистательно началась сенаторская карьера Вебстера! Но на политическомъ поприщѣ удачи и неудачи смѣняются быстро; послѣ легкаго тріумфа нерѣдко приходится вести тяжелую и упорную борьбу; здѣсь опасности возникаютъ неожиданно, вражда встрѣчается на каждомъ шагу. Одержавъ побѣду надъ Гейномъ, Вебстеръ нашелъ новаго и болѣе сильнаго противника въ президентѣ; одолѣть его было трудно, потому что онъ пользовался большою популярностію. Но знаменитый ораторъ не принадлежалъ къ числу робкихъ и уступчивыхъ людей, и соединившись съ другими членами конгреса, сталъ въ ряды оппозиціи. Будучи столько гордъ, чтобы не пользоваться оружіемъ анархиста или демагога, онъ повелъ ее систематически и въ границахъ закона. Нововведенія Джаксона казались ему несогласными съ духомъ федеративнаго устройства и вредными для интересовъ Союза, а потому, не смотря на временныя пораженія, онъ твердо сопротивлялся президенту. Въ самомъ дѣлѣ, нужно много стойкости, чтобы выждать, пока толпа откроетъ глаза, и послѣдствія неблагоразумныхъ, но популярныхъ мѣръ будутъ поняты. «Нельзя утверждать, говоритъ Вебстеръ, чтобъ оппозиція противъ большинства, чтобъ борьба противъ человѣка, который пользуется народностью, была пріятнымъ занятіемъ, праздничнымъ дѣломъ.»

Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ оппозиціи: для этого слѣдовало бы обозрѣть весь историческій ходъ событій. Достаточно опредѣлить въ общихъ чертахъ административный характеръ Джаксона и указать на главныя его распоряженія. Это былъ человѣкъ не совсѣмъ способный удерживать себя въ конституціонныхъ границахъ, энергическій, смѣлый и даже дерзкій. Избранный огромнымъ большинствомъ, онъ считалъ себя органомъ народной воли и рѣшалъ политическіе вопросы съ рѣзкостію и быстротою солдата. Темныя идеи объ исполнительной власти тотчасъ же были пущены въ ходъ; она должна быть свободна и расширить кругъ дѣятельности, говорили друзья президента. Съ своей стороны онъ недолго обдумывалъ предпринимаемыя мѣры: каждый планъ немедленно былъ приводимъ въ исполненіе, не смотря на препятствія! Такимъ образомъ, наперекоръ мнѣнію верховнаго

суда и въ противность трактатамъ, Индѣйцы были изгнаны изъ южныхъ областей. Но лучше всего виденъ военный характеръ Джаксона изъ дѣла его съ банкомъ Соединенныхъ Штатовъ. Напрасно конгресъ, по предложенію Дилласа и Вебстера, хотѣлъ возобновить привилегію этого учрежденія (1); непоколебимый генералъ, увлекаясь враждою къ банку, незатруднился призвать на помощь президентское veto.

До сихъ поръ Вебстеръ во всѣхъ политическихъ вопросахъ былъ противъ президента. Но скоро наступили событія, которыя принуждали каждаго федералиста стать на сторону правительства. Южная Каролина пыталась примѣнить теорію уничтоженія, и не хотѣла повиноваться союзной власти. Дѣло приняло такой крутой оборотъ, что ежеминутно угрожало междоусобною войною или разрушеніемъ федераціи. Раздоръ произошелъ по случаю протекціоннаго тарифа, враждебнаго интересамъ цѣлаго юга. Главою оппозиціи былъ Калгоунъ, бывшій вице-президентъ. Этотъ способный человѣкъ сначала поддерживалъ Джаксона, но потомъ поссорился съ нимъ и перешелъ на сторону его враговъ. По внушенію Калгоуна, законодательное собраніе Южной Каролины созвало конвентъ, который уничтожилъ таможенные законы 1828 и 1832 годовъ въ предѣлахъ штата и запретилъ мѣстнымъ властямъ платить установленныя по тарифу пошлины съ 1-го января 1833 г.

Этотъ рѣшительный шагъ задѣлъ за живое президента. Герой Новаго-Орлеана вообще не былъ силенъ въ политической логикѣ; но здѣсь его послѣдовательность высказалась вполнѣ. До сихъ поръ онъ, повидимому, самъ держался теоріи уничтоженія, но какъ только дѣло дошло до того, чтобы примѣнить ее въ ущербъ исполнительной власти, объявилъ сепаратистовъ мятежниками, и вооружившись краснорѣчіемъ своего друга и министра Ливингстона, издалъ противъ Южной Каролины грозную прокламацію. Въ ней высказано твердое намѣреніе привести въ дѣйствіе тарифъ, и всякій, кто зналъ президента, былъ вполнѣ увѣренъ, что онъ не отступитъ отъ своихъ словъ.

Но нуллификаторы не оробѣли. Гейнъ, бывшій теперь губернаторомъ Южной Каролины, отвѣчалъ на прокламацію президента контра-прокламаціею и приготовился къ открытой войнѣ съ фе-

---

(1) **Works**, III, 391—447.

деральнымъ правительствомъ. Съ своей стороны Джаксонъ потребовалъ себѣ чрезвычайной власти на случай опасности и представилъ конгресу такъ называемый *билль о насиліи* (the force-bill). Въ сенатѣ завязался длинный споръ. Главнымъ противникомъ билля былъ Калгоунъ. Кабинетъ, хотя и увѣренный въ большинствѣ, рѣшился однако же просить помощи Вебстера. Дѣйствительно, знаменитый государственный мужъ не отказался защитить союзную власть: по его убѣжденію, она поступила въ этомъ дѣлѣ согласно съ основными законами. Здѣсь высказывается въ полномъ блескѣ политическое благородство Вебстера: онъ умѣлъ возвыситься надъ воззрѣніемъ партій, сталъ изъ патріотизма на сторону человѣка, которому до сихъ поръ и въ послѣдствіи постоянно сопротивлялся, и охотно принесъ въ жертву личную вражду интересамъ цѣлой націи.

Вебстеру пришлось бороться съ опаснымъ противникомъ. Калгоунъ принадлежалъ къ числу самыхъ даровитыхъ государственныхъ людей Юга, отличался необыкновенною силою діалектики и вполнѣ владѣлъ парламентскою тактикою. Собравши всѣ свои средства, онъ вооружился на президента и около двухъ дней говорилъ противъ билля о насиліи. Знаменитая рѣчь его объ этомъ дѣлѣ по справедливости признается образцовымъ произведеніемъ остраго и смѣлаго ума. Она посвящена не только конституціонному вопросу, но содержитъ также исторію централизаціи отъ Соломона до Андрея Джаксона включительно. Теорія уничтоженія стоитъ здѣсь конечно на первомъ планѣ. Считаемъ необходимымъ представить читателямъ главные выводы Калгоуна (1).

Государственное устройство Сѣверной Америки, говоритъ Калгоунъ, есть договоръ между самостоятельными государствами. Въ силу этого договора нѣкоторыя функціи власти переданы союзному правительству, какъ агенту или повѣренному, но съ условіемъ, что всѣ прочія права остаются въ рукахъ отдѣльныхъ штатовъ

(1) Калгоунъ развилъ вполнѣ свои идеи въ двухъ сочиненіяхъ: **A disquisition on government and on the constitution of the United States. Columb. 1852 (Edit. by Cralle).** Они занимаютъ очень видное мѣсто въ политической литературѣ Америки и вообще отличаются оригинальнымъ воззрѣніемъ на общество. Калгоунъ противникъ централизаціи и чистаго большинства; всѣ его изысканія направлены къ тому, чтобы усвоить veto каждой независимой корпораціи, каждому меньшинству. Въ этомъ отношеніи онъ рѣзко отдѣляется отъ своихъ соотечественниковъ.

или народа. Правительство, созданное такимъ образомъ, есть *федеральное,* а не центральное (consolidated); *самостоятельность принадлежитъ штатамъ всецѣло и нераздѣльно;* она не подлежитъ раздѣленію. Осуществленіе верховныхъ правъ нельзя смѣшивать съ самостоятельностью; передача ихъ не есть отреченіе отъ самостоятельности. Государства могутъ давать извѣстное полномочіе своимъ агентамъ, но уступить хотя малѣйшую часть самостоятельности значитъ разрушить цѣлое.

Ясно, что при такомъ раздѣленіи власти, каждый органъ судитъ самъ о принадлежащей ему долѣ, не переходя въ сферу другихъ; иначе раздѣленіе будетъ уничтожено. Говорятъ, что верховный судъ имѣетъ право рѣшать спорные вопросы въ такихъ случаяхъ, но это не точно: права, усвоенныя штатамъ, одинаково ограждены противъ законодательной, судебной и исполнительной власти Союза. Агентъ самостоятельныхъ штатовъ не можетъ судить о правахъ своихъ довѣрителей: это было бы противно самому простому и ясному юридическому закону и не согласно съ существующимъ порядкомъ въ Америкѣ.

Итакъ, если распоряженія федеральнаго правительства признаются незаконными, оно должно уступить отдѣльнымъ штатамъ, какъ въ обыкновенномъ процесѣ повѣренный уступаетъ довѣрителю; это право штатовъ контролировать своего агента, держать его въ границахъ полномочія и уничтожать противузаконныя его распоряженія, есть великій консервативный элементъ государственнаго устройства. Онъ охраняетъ независимость штатовъ, предупреждаетъ произволъ въ законодательствѣ и препятствуетъ федеральной власти вторгаться въ чуждую ей область. Правда, теоретики утверждаютъ, что предѣлы этой власти установлены союзнымъ актомъ, но на самомъ дѣлѣ ограниченія не существуютъ, если она считается судьею собственныхъ поступковъ. Въ такихъ случаяхъ большинство будетъ управлять наперекоръ справедливости, и сопротивленіе штатовъ не принесетъ пользы: они должны или уступить, или требовать измѣненія основныхъ законовъ. Разумѣется, они изберутъ первое, потому что достигнуть втораго трудно: перемѣны въ актахъ Союза происходятъ не иначе, какъ по предложенію двухъ третей и съ согласія трехъ четвертей изъ числа всѣхъ штатовъ. На *билль о насиліи,* Калгоунъ смотрѣлъ, какъ на попытку подкрѣпить грабежъ убійствомъ. «Дѣло Южной

Каролины—воскликнулъ онъ—есть вопросъ самосохраненіи. Говорю смѣло, если этотъ билль пройдетъ, мы будемъ ему сопротивляться, рискуя даже жизнію! Смерть не есть послѣднее несчастіе; для свободныхъ и храбрыхъ существуютъ другія, невыносимыя—потеря независимости и чести!»

Разсматривая эти положенія, не трудно понять, къ чему направлена логика Калгоуна: онъ силится доказать, что Соединенные Штаты не составляютъ одного политическаго тѣла (Bundesstaat), но совокупность независимыхъ государствъ (Staatenbund), гдѣ каждый членъ считается свободнымъ, какъ напримѣръ въ Германскомъ Союзѣ. Но никакое діалектическое искусство не могло защитить такого взгляда. Хорошо зная силу и слабость своего противника, Вебстеръ поразилъ прежде всего основную мысль, на которой построена вся рѣчь, именно, что государственное устройство Сѣверной Америки есть договоръ между штатами. По словамъ Вебстера этого нельзя допустить. Развѣ союзный актъ называетъ себя договоромъ, лигою, или конфедераціею? Нѣтъ. Онъ называетъ себя государственнымъ устройствомъ, основнымъ закономъ. Это идея опредѣленная, и вполнѣ сложилась въ умахъ сѣверо-американской націи съ 1789 года. Другое дѣло—прежній актъ (1776 г.): тамъ прямо сказано, что отдѣльные штаты заключаютъ между собою договоръ.

Далѣе основный законъ называетъ учрежденную имъ систему *правительствомъ* Соединенныхъ Штатовъ. Но можетъ ли договоръ создать правительство? Конечно нѣтъ. Правительство есть политическое тѣло, имѣющее свою волю и власть для приведенія въ исполненіе своихъ постановленій. Въ договорѣ нѣтъ другой власти кромѣ войны.

Если подъ договоромъ разумѣть согласіе націи, или то, что европейскіе публицисты называютъ contrat social, и въ такомъ случаѣ государственное устройство нельзя назвать договоромъ, но его результатомъ. Конечно, оно основано на согласіи, но когда согласіе состоялось, отсюда произошло устройство. Такъ точно законы Соединенныхъ Штатовъ происходятъ вслѣдствіе соглашенія двухъ палатъ и президента, но тѣмъ не менѣе называются законами, а не договорами.

Напрасно утверждаютъ, что союзному правительству передана извѣстная власть; она передана точно также и отдѣльнымъ шта-

тамъ отъ націи. Они получили ее отъ своихъ жителей; органы Союза—отъ всѣхъ гражданъ. Основный законъ начинается словами: мы, народъ Соединенныхъ Штатовъ!

За тѣмъ Вебстеръ доказываетъ исторіею, аналогіею и словами акта 1788 года, что въ Сѣверной Америкѣ есть основные законы, состоящіе изъ государственнаго устройства, декретовъ конгреса и трактатовъ, что истолкователемъ ихъ признается верховный судъ, и что всякая попытка отдѣльныхъ штатовъ къ неповиновенію есть произвольная, насильственная, революціонная мѣра. Ораторъ заключилъ свою рѣчь сильнымъ нападеніемъ на нуллификаторовъ: «среди оргій уничтоженія, отдѣленія, разрыва и мятежа, сказалъ онъ, намъ придется отпраздновать похороны нашего устройства».

Послѣ рѣчи Вебстера никто уже не сомнѣвался, на чьей сторонѣ было право. Билль прошелъ, но дурныя его послѣдствія были предупреждены Генрихомъ Клеемъ. Онъ внесъ въ сенатъ новое согласительное предложеніе (the compromiss bill), и убѣдилъ правительство смягчить таможенные законы. Дѣйствительно, было рѣшено сбавить пошлину по тарифу, и Южная Каролина, радуясь случаю отказаться отъ войны, приняла эти мѣры за уступку своимъ требованіямъ.

Такимъ образомъ миновала страшная опасность, которая грозила Союзу расторженіемъ. Но президентъ готовилъ отечеству новыя испытанія и немедленно послѣ втораго своего избранія началъ ожесточенную войну съ банкомъ. Напрасно сенатъ думалъ поддержать это учрежденіе и выразилъ неудовольствіе, когда у банка были отняты государственныя суммы (1). Джаксонъ формально протестовалъ противъ такого вмѣшательства (15 апрѣля 1834 г.) и не отступилъ ни на шагъ отъ своей политики. Но съ другой стороны этотъ протестъ возбудилъ неудовольствіе въ конгресѣ и вооружилъ на президента бо́льшую часть членовъ сената. Во главѣ оппозиціи явился Вебстеръ. Считая эту выходку Джаксона противузаконною, онъ произнесъ 7 мая блистательную рѣчь, въ которой снова защищалъ государственное устройство Соединенныхъ Штатовъ. Она любопытна въ особенности потому, что

---

(1) Рѣчи Вебстера по этому дѣлу помѣщены въ третьемъ (p. 506—550) и четвертомъ томахъ сочиненій (IV, 1—102).

въ ней превосходно объяснены взаимныя отношенія законодательной и исполнительной власти Союза. Ораторъ дѣлаетъ здѣсь удачныя сближенія и сравненія между основными законами Англіи и Сѣверной Америки, показываетъ различіе между аттрибутами короля и президента и энергически возстаетъ противъ притязаній Джаксона (1).

Между тѣмъ война президента съ банкомъ приближалась къ концу. Вебстеръ принималъ въ ней самое живое участіе и былъ, разумѣется, противъ исполнительной власти. Не разбирая подробно его рѣчей, сказанныхъ по этому случаю, замѣтимъ только, что въ нихъ видно глубокое знаніе политической экономіи и государственнаго хозяйства. Вебстеръ вполнѣ изучилъ эти науки и задолго предсказалъ всѣ послѣдствія политики Джаксона (2). Теперь его предсказанія сбылись: Соединенные Штаты испытали страшный финансовый и монетный кризисъ. Паническій страхъ овладѣлъ умами; президентъ потерялъ популярность; всѣ требовали новыхъ людей и новыхъ мѣръ. Преемникъ Джаксона, фанъ-Буренъ, думалъ еще продолжать финансовую политику прежняго кабинета, но его планы не были одобрены конгресомъ. Вебстеръ снова явился здѣсь главою оппозиціи и снова одержалъ побѣду надъ Калгоуномъ, бывшимъ на сторонѣ фанъ-Бурена (3).

Такъ плодотворна и разнообразна была дѣятельность Даніеля Вебстера въ критическую эпоху Джаксонова управленія. Утомленный многолѣтнею борьбою онъ рѣшился наконецъ дать себѣ отдыхъ, и весною 1839 года, въ первый разъ въ своей жизни, посѣтилъ Европу. Не смотря на кратковременность путешествія, ему удалось объѣхать Англію, Шотландію и Францію. Особенное вниманіе обращалъ онъ на успѣхи земледѣлія, на экономическіе и монетные вопросы, на состояніе рабочаго класа и на международныя отношенія Стараго Свѣта. Англія сдѣлала ему такой пріемъ, какой достается здѣсь немногимъ американскимъ путешественникамъ, и оказала такія почести, какія воздаются только посланникамъ и министрамъ. Въ честь его давались банкеты; на него сыпались со всѣхъ сторонъ приглашенія; онъ присутство-

(1) Works, IV, 103—147.
(2) См. между прочимъ его рѣчь, сказанную въ Нью-Йоркѣ гражданамъ 15 марта 1837. Works I, 343—380.
(3) Works, IV, 402—522.

валъ на всѣхъ публичныхъ празднествахъ. Особенно сблизился Вебстеръ съ лордомъ Ашбуртономъ. Этою дружбою, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, воспользовалось англійское правительство, чтобы уладить свои споры съ вашингтонскимъ кабинетомъ.

Возвратившись въ отечество, Вебстеръ обратилъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы поддержать выборъ въ президенты одного изъ кандидатовъ, генерала Гаррисона, и его старанія увѣнчались полнымъ успѣхомъ: Гаррисонъ былъ избранъ въ 1840 году. Съ этого времени начинается новый періодъ въ жизни Вебстера: онъ становится членомъ кабинета и представителемъ внѣшней политики Соединенныхъ Штатовъ.

Д. Каченовскій.

О ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГАХЪ

ВЪ

РОССІИ.

I.

Желѣзныя дороги составляютъ теперь предметъ особенной государственной важности (1). Всѣ говорятъ о необходимости ихъ скораго устроенія, безпрестанно слышатся вопросы: скоро ли начнутъ дорогу на югъ? будетъ ли дорога въ Нижній? есть ли компанія для дороги въ Ригу? Постараемся дать себѣ отчетъ, почему хорошая сѣть желѣзныхъ дорогъ должна непремѣнно сообщить Россіи сильное движеніе впередъ, какъ увеличеніемъ народнаго богатства, такъ и развитіемъ просвѣщенія. Постараемся сдѣлать быстрый очеркъ пользы, приносимой желѣзными дорогами, какъ въ сферахъ матеріяльной, умственной и нравственной жизни народовъ, такъ и въ сферѣ политической, то есть въ отношеніи государства къ другимъ государствамъ. Затѣмъ скажемъ нѣсколько словъ о выборѣ выгоднѣйшаго направленія желѣзныхъ дорогъ.

---

(1) Говоря о желѣзныхъ дорогахъ, мы будемъ разумѣть дорогу съ паровымъ на ней двигателемъ.

I. ВЛІЯНІЕ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ НА МАТЕРІЯЛЬНОЕ БЛАГОСОСТОЯНІЕ НАРОДОВЪ.

Цѣль, къ которой должно стремиться общество въ своемъ матеріяльномъ развитіи, есть наибольшее благосостояніе массы народа, благосостояніе, неразлучное съ удешевленіемъ всѣхъ предметовъ общественныхъ потребностей,—не съ случайнымъ упадкомъ цѣны одного рода предметовъ, разоряющимъ его производителей, но удешевленіемъ всѣхъ предметовъ вообще. Положимъ, что у меня, земледѣльца, собрана пшеница; я буду тѣмъ богаче, чѣмъ болѣе получу другихъ предметовъ въ замѣнъ избытка моего произведенія; здѣсь я разумѣю не только полученіе денегъ,—монеты, которая не составляетъ конечной цѣли промышленнаго стремленія, но и пріобрѣтеніе всѣхъ предметовъ, служащихъ къ удовлетворенію потребностей земледѣльца. Богатство, такимъ образомъ понимаемое, можетъ произойдти какъ отъ повышенія цѣнъ на производимую мною пшеницу, или отъ случайнаго упадка цѣнъ на другіе предметы, такъ и отъ удешевленія всѣхъ другихъ потребностей, происходящаго отъ уменьшенія стоимости ихъ производства.

Въ первомъ случаѣ, я становлюсь богаче въ ущербъ другимъ нуждающимся въ моей пшеницѣ: это понятно. Во второмъ случаѣ, я становлюсь богаче въ одно время со всѣми другими производителями: пояснить это будетъ дѣломъ не лишнимъ. Положимъ, что работая извѣстное время, я произвожу четверикъ пшеницы, и что за удовлетвореніемъ нуждъ моего семейства, мнѣ остается полчетверика, въ замѣнъ котораго я получаю извѣстную мѣру полотна. Ежели, съ улучшеніемъ способовъ производства пшеницы, я произведу въ тоже время $1\frac{1}{2}$ четверика, у меня останется въ излишкѣ 1 четверикъ, за который я получу двѣ мѣры полотна, — я стану богаче прежняго; но мое богатство еще болѣе увеличится, ежели, благодаря удешевленію производства полотна, мнѣ дадутъ за четверикъ пшеницы не двѣ, а три мѣры полотна. Теперь обратимся къ производителю полотна: если онъ, за удовлетвореніемъ нуждъ своего семейства, на оставшуюся въ излишкѣ мѣру полотна получалъ прежде только полчетверика пшеницы, а при улучшенныхъ способахъ производства, добывая

болѣе полотна при томъ же трудѣ, за остающіяся въ излишкѣ три такія же мѣры полотна получитъ цѣлый четверикъ пшеницы,—то очевидно и онъ станетъ богаче.

Вотъ примѣръ тому, какъ два производителя, и вмѣстѣ съ тѣмъ потребителя, оба становятся богаче благодаря удешевленію производства предметовъ ихъ промышленности. Ежели подобное уменьшеніе стоимости производства распространится на всѣ предметы потребленія, то понятно, какъ отъ того выиграетъ народное благосостояніе. Съ тѣмъ вмѣстѣ возрастетъ матеріяльная сила народа, потому что при увеличеніи народнаго благосостоянія народонаселеніе государства обыкновенно возрастаетъ.

Отчего же зависитъ общее удешевленіе производства предметовъ промышленности въ данной странѣ? Кромѣ причинъ политическихъ или случайныхъ, какъ напримѣръ назначеніе того или другаго тарифа на извѣстные привозные товары, это удешевленіе зависитъ преимущественно: 1) отъ развитія промышленнаго образованія, 2) отъ установленія кредита и 3) отъ улучшенія путей сообщенія. Не мѣсто говорить здѣсь о важности первыхъ двухъ причинъ развитія народнаго богатства; но чтобы видѣть, какую важность имѣетъ третья причина народнаго благосостоянія, достаточно замѣтить, что предметы самаго необходимаго потребленія, какъ хлѣбъ, вдвое и втрое поднимаются у насъ въ своей цѣнѣ отъ перевоза съ мѣста производства до мѣста потребленія, и что вообще расходъ на перевозъ составляетъ значительную часть стоимости товаровъ, когда пути перевоза такъ длинны и такъ несовершенны, какъ у насъ въ Россіи.

Уменьшивъ какимъ бы то ни было способомъ расходъ на перевозку товаровъ, мы уменьшаемъ на столько же расходъ потребителей; сумма, представляющая такимъ образомъ раждающуюся экономію потребителей, можетъ быть обращена на другую промышленность, прямо увеличивая благосостояніе общества. Кромѣ того, отъ уменьшенной стоимости производства даннаго предмета, увеличивается число его потребителей и слѣдовательно расширяется его производство, что въ свою очередь имѣетъ вліяніе на усовершенствованіе способовъ

производства и, стало-быть, на удешевленіе производимаго предмета.

Для товаровъ цѣнныхъ весьма важно сократить время перевозки, потому что во все время перевозки растутъ проценты съ капитала, представляемаго товарами, что̀ увеличиваетъ ихъ стоимость.

У насъ въ Россіи, движеніе товаровъ производится или сухимъ путемъ, на подводахъ, или водою. Желѣзныя дороги представляютъ огромное превосходство надъ первымъ способомъ перевозки и значительное преимущество надъ перевозкою водою, когда перевозятся товары цѣнные или когда расходъ на перевозку увеличивается отъ перегрузки товаровъ, по случаю часто бывающаго мелководія нашихъ рѣкъ, наконецъ когда скорость доставки имѣетъ значительное вліяніе на сбытъ товара. Такъ московскіе купцы давно уже хлопочутъ объ устроеніи желѣзной дороги отъ Москвы къ Окѣ, не смотря на шоссе и водяное сообщеніе посредствомъ Москвы-рѣки. Слѣдовательно желѣзныя дороги, удешевляя всѣ предметы торговли, тѣмъ болѣе, чѣмъ на большія разстоянія они перевозятся, то есть, чѣмъ болѣе пространство государства, на которомъ развита разнородная промышленная дѣятельность, представляются однимъ изъ самыхъ важныхъ дѣятелей для увеличенія матеріяльнаго благосостоянія народа.

Кромѣ пользы, доставляемой удешевленіемъ производства чрезъ уменьшеніе расхода на перевозку товаровъ, желѣзныя дороги представляютъ еще другую значительную выгоду, замѣняя работу живыхъ двигателей работою пара, требующаго незначительнаго участія работы человѣка; сто̀итъ только сравнить огромное количество лошадей, погонщиковъ, встрѣчаемыхъ на шоссе и множество дворниковъ, поселенныхъ по обѣимъ его сторонамъ, съ пустынною тишиною желѣзной дороги, нарушаемою по временамъ шумнымъ поѣздомъ, на которомъ едва найдется десять человѣкъ, необходимыхъ при движеніи. Съ устроеніемъ желѣзныхъ дорогъ весь избытокъ ямщиковъ, дворниковъ, погонщиковъ, съ ихъ лошадьми, обращается или на доставку произведеній страны къ желѣзной дорогѣ, или на разработку естественныхъ богатствъ, увеличивая собою производительныя силы государства.

Могутъ возразить, что желѣзныя дороги убиваютъ промыслы извощиковъ и постоялыхъ дворовъ, промыслы чисто народные, которые будто бы живутъ на счетъ иностранцевъ, покупающихъ наши товары. На это можно отвѣчать: во первыхъ, что перевозка, вынужденная внутреннею торговлею, несравненно превосходитъ движеніе товаровъ для заграничнаго торга, и стало-быть излишекъ цѣнности перевозки падаетъ болѣе на развитіе собственной нашей промышленности, нежели на счетъ иностранцевъ; во вторыхъ, при огромномъ развитіи желѣзныхъ дорогъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки и государствахъ европейскихъ, нашей заграничной торговлѣ сельскими произведеніями угрожаетъ опасная конкурренція, ежели мы не примемся за удешевленіе соотвѣтственныхъ произведеній нашей промышленности, устроеніемъ желѣзныхъ дорогъ. Руки, которыя теперь своими доходами стѣсняютъ торговлю, поднимая цѣну нашихъ произведеній въ портахъ въ ущербъ сбыту за границу, гораздо съ большею выгодою для общества могли бы быть обращены на воздѣлываніе полей или на другія отрасли промышленности, увеличивающія народное богатство. Наконецъ, въ третьихъ, должно припомнить, что и всякое удешевленное производство машинами оставляетъ свободными, часто безъ куска хлѣба, нѣкоторое, иногда даже значительное, число рабочихъ; возвышались красноречивые голоса противъ машинъ, но этотъ вопросъ уже порѣшенъ. Теперь даже между работниками, теряющими мѣста, встрѣчаются люди столько благомыслящіе и столько справедливые, что не будутъ проклинать улучшенное, машинное производство. Желѣзныя дороги съ ихъ машинами играютъ точно такую же роль, какъ и всякая другая машина, удешевляющая какое либо промышленное производство, съ тою разницею, что желѣзныя дороги своимъ вліяніемъ обнимаютъ не одно отдѣльное производство, но всѣ отрасли промышленности вообще.

Остается еще чрезвычайно важная услуга, которую желѣзныя дороги окажутъ развитію народнаго богатства въ Россіи.

Всѣмъ извѣстно, какое вліяніе имѣло въ Англіи употребленіе машинъ на приращеніе народнаго богатства; въ нѣсколько десятковъ разъ увеличенное народонаселеніе не выполнило бы всей работы, производимой машинами. Распространеніе машин-

наго производства составляетъ необходимое условіе развитія нашей мануфактурной промышленности. Но машинное производство приноситъ наибольшую выгоду только тогда, когда при фабрикѣ находится человѣкъ, умѣющій справляться съ машиною: а потому у насъ бываютъ вынуждены подвозить произведеніе въ грубомъ видѣ на дальнія разстоянія къ центрамъ мануфактурной промышленности, а это тѣмъ бываетъ невыгодно, что при большемъ вообще вѣсѣ произведеній въ ихъ естественномъ, нежели въ обработанномъ видѣ, дешевле бы стало перевезти ихъ уже обработанными, и кромѣ того естественныя произведенія, обработанныя на мѣстѣ производства, часто моглибъ быть продаваемы тамъ же, тогда какъ теперь они совершаютъ большой переѣздъ въ грубомъ видѣ и обработанныя возвращаются назадъ.

Много фабрикъ уже заведено у насъ въ мѣстахъ добыванія естественныхъ произведеній; но содержаніе мастеровъ обходится тѣмъ дороже, чѣмъ далѣе отстоитъ фабрика отъ промышленныхъ центровъ. А сколько машинъ было поставлено, пущено въ ходъ и вскорѣ брошено, потому что машина испортилась, строитель машину оставилъ, и починить ее некому! Потребовались бы какія нибудь мелкія исправленія, а машину бросили, и капиталъ на нее употребленный потерянъ. Въ промышленномъ производствѣ важенъ совѣтъ; посмотрѣть какъ дѣлаютъ другіе, слѣдить за усовершенствованіемъ способовъ производства доставляетъ большую пользу. Сѣть желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, поставивъ отдаленныя края Имперіи въ соприкосновеніе съ промышленными центрами, будетъ сильно содѣйствовать распространенію усовершенствованныхъ способовъ производства, а слѣдовательно и развитію нашего матеріяльнаго богатства. Желѣзныя дороги представляются однимъ изъ самыхъ сильныхъ двигателей промышленнаго образованія, которое, какъ замѣчено выше, принадлежитъ къ числу самыхъ существенныхъ источниковъ народнаго благосостоянія.

Обозрѣвъ въ общихъ чертахъ матеріяльную пользу, приносимую желѣзными дорогами, обратимъ теперь вниманіе на торговое движеніе въ Россіи, которое этимъ усовершенствованнымъ путямъ сообщенія предназначено развить въ огромныхъ размѣрахъ, удовлетворяя ему въ настоящее время.

Самый важный предметъ какъ внутренней, такъ и внѣшней торговли, какъ по вѣсу и цѣнности перевозимаго груза, такъ и въ отношеніи къ государственному спокойствію, есть безъ сомнѣнія торговля хлѣбная. При малой цѣнности пуда этого товара, достаточно указать на годичный итогъ внѣшней торговли хлѣбомъ, постоянно возвышающійся со времени отмѣненія хлѣбныхъ законовъ Англіи,—итогъ, который долженъ еще возрасти по причинѣ увеличивающагося народонаселенія въ европейскихъ государствахъ, доведшихъ почти до крайняго предѣла обработку земель и потому все болѣе и болѣе нуждающихся въ привозѣ хлѣба иностраннаго; цифра годичнаго итога простиралась въ 1853 году до 55, а въ 1847 году даже до 71 милліоновъ рублей, тогда какъ весь вывозъ по внѣшней торговлѣ въ тѣже годы не превышалъ 137, а въ 1847 году 144 милліоновъ рублей (1).

Для внутренняго движенія хлѣбная торговля имѣетъ еще большее значеніе. Средній отпускъ хлѣба за границу, по десятилѣтней сложности, съ 1831 по 1840 годъ, исчисленъ г. Протопоповымъ въ 25,000,000 четвертей; по шестилѣтней сложности, съ 1841 по 1837 годъ, простирался до 3,000,000, и только въ 1847 и 1853 годахъ достигъ до $10\frac{1}{2}$ милліоновъ четвертей; а по видамъ внѣшней торговли отпускалось хлѣба среднимъ числомъ, съ 1848 по 1853 годъ включительно, 5,500,000 четвертей, тогда какъ на внутренніе рынки, по исчисленію г. Крюкова, перевозится до 20 милліоновъ.

Несмотря на эти высокія цифры наша хлѣбная торговля далеко не въ томъ блестящемъ положеніи, въ которое она могла бы придти по требованіямъ иностранныхъ рынковъ и по богатству нашихъ произведеній. Въ теченіи 15 мѣсяцевъ 1846—1847 годовъ въ Англію было привезено болѣе 17 милліоновъ четвертей иностраннаго хлѣба; слишкомъ 40 процентовъ было доставлено изъ Америки, а изъ Россіи съ небольшимъ $2\frac{1}{2}$ милліона четвертей, то есть всего около 15 процентовъ; кромѣ того во время самыхъ высокихъ цѣнъ, поднявшихся до 21 рубля 5 копѣекъ за четверть, когда изъ Пруссіи и изъ другихъ портовъ Европы привезено 1,144,000 четвертей, изъ Россіи доставлено не болѣе 200,000 четвертей, а въ мѣсяцы

(1) Статистическое описаніе внѣшней торговли Россіи. стр. 2. Виды внѣшней торговли за 1853 г.

упадка цѣнъ отъ 18 до $12^1/_4$ руб. за 1 четверть привезено изъ Россіи до 533,000, то есть слишкомъ въ $2^1/_2$ разъ болѣе, нежели во время высокихъ цѣнъ, тогда какъ изъ другихъ портовъ Европы отправлено только 583,000 четвертей, то есть почти въ два раза менѣе противъ мѣсяцевъ наивыгоднѣйшей торговли. Если бы только мы доставили послѣднія 533,000 четвертей во время высокихъ цѣнъ, торговля русскимъ хлѣбомъ пріобрѣла бы до трехъ милліоновъ рублей болѣе.

Безъ сомнѣнія, большая отдаленность нашихъ портовъ отъ Великобританіи оказываетъ сильное вліяніе на количество своевременнаго доставленія хлѣба; но весьма важную роль играютъ и другія обстоятельства, относящіяся прямо къ нашему внутреннему торговому движенію, которыя измѣнятся съ устроеніемъ желѣзныхъ дорогъ.

При невозможности увеличивать произвольно количество производимаго хлѣба, ограниченное площадью земель годныхъ для посѣва и опредѣленное періодами посѣва и сборки, хлѣбъ составляетъ предметъ главной потребности; а потому, въ виду недостаточности продовольствія, цѣны на этотъ предметъ возвышаются весьма быстро, и такъ же быстро упадаютъ при избыточномъ обезпеченіи рынковъ подвозами изъ другихъ государствъ; ни въ какой торговлѣ нѣтъ ни столь быстраго, ни столь сильнаго колебанія цѣнъ, какъ въ торговлѣ хлѣбомъ. Изъ другихъ государствъ очевидно самое выгодное положеніе относительно хлѣбной торговли съ Великобританіей имѣютъ тѣ, которыхъ запасы расположены въ наиболѣе близкихъ разстояніяхъ отъ портовъ Англіи. Въ случаѣ скоропреходящаго тамъ требованія на хлѣбъ, Россія должна уступить первенство Пруссіи, Даніи и другимъ европейскимъ государствамъ; но при продолжительномъ требованіи въ Англіи хлѣба по высокимъ цѣнамъ, относительное значеніе различныхъ государствъ измѣняется: Россія, обладая единственною въ мірѣ площадью чернозема, превышающею своимъ пространствомъ поверхность Франціи, взятой вмѣстѣ съ Пруссіею, имѣя при томъ сравнительно съ другими государствами не густо размѣщенное населеніе, можетъ доставить большее количество хлѣба, нежели каждое изъ европейскихъ государствъ, или даже нѣсколько государствъ вмѣстѣ взятыхъ; и безъ сомнѣнія ни въ одномъ изъ нихъ цѣны

на хлѣбъ не бываютъ такъ низки, какъ у насъ въ центрѣ плодородной полосы. Жизненный вопросъ для нашей хлѣбной торговли есть время и цѣна доставки хлѣба къ портамъ.

Доставка нашихъ хлѣбныхъ запасовъ въ Англію изъ странъ, прилегающихъ къ низовымъ пристанямъ Волги, требуетъ обыкновенно около двухъ лѣтъ времени, если взять во вниманіе подвозку хлѣба къ рѣчнымъ пристанямъ и доставку къ портамъ, въ такой степени медленную, что хлѣбъ, отправленный съ низовыхъ пристаней Волги, приходитъ къ С.-Петербургскому порту на другой годъ. Къ тому же опытъ показалъ, что въ пятнадцать мѣсяцевъ 1846—1847 годовъ Россія доставила въ Англію только $2^1/_2$ милліона четвертей, тогда какъ по недостаточности сообщеній до 7 милліоновъ закупленаго хлѣба не подоспѣли въ одинъ С.-Петербургскій портъ, для отправленія въ Англію по выгоднымъ цѣнамъ (1).

Не смотря на огромную отправку нашего хлѣба въ Англію, въ 1846—1847 годы, туда привезено было изъ другихъ странъ почти въ шесть разъ болѣе, нежели изъ Россіи. Отсюда мы видимъ, что вывозъ нашего хлѣба далеко не удовлетворяетъ всей потребности рынковъ одной Великобританіи, и не только по причинѣ отдаленности нашей отъ портовъ Англіи, а особенно по медленности доставки хлѣба отъ мѣста его производства къ приморскимъ пунктамъ. Понятно, что чѣмъ въ меньшій срокъ мы могли бы доставить хлѣбъ изнутри къ морю, тѣмъ большее значеніе имѣла бы наша хлѣбная торговля и по количеству сбыта, и по цѣнѣ на произведенія. Предположимъ, мы имѣемъ по одной желѣзной дорогѣ къ С.-Петербургскому и Рижскому или Либавскому портамъ изъ центра черноземной полосы (одну черезъ Москву, а другую черезъ Динабургъ въ Ригу или въ Либаву), и допустимъ, что мы хотѣли бы доставить въ 1847 году въ Великобританію не $2^1/_2$ милліона четвертей, а 9 милліоновъ, то есть, слишкомъ половину всего количества хлѣба, купленнаго тамъ въ теченіи 15 мѣсяцевъ:

(1) Къ 1-му іюля оставалось, съ вычетомъ $2^1/_2$ милліоновъ четвертей на продовольствіе столицы, $3^1/_2$ милліона четвертей; кромѣ того, закупленнаго было на низовыхъ пристаняхъ 3970000 четвертей (стр. 36); за вычетомъ отправленныхъ въ Англію 384000 четвертей, оставалось всего не отправленныхъ въ С.-Петербургѣ и на пути къ нему почти 7 милліоновъ четвертей.

то пришлось бы провезти по каждой дорогѣ до $4\frac{1}{2}$ милліоновъ четвертей, около 40 милліоновъ пудовъ, что весьма возможно исполнить въ 6 мѣсяцевъ, и даже въ болѣе короткій срокъ (въ 4 мѣсяца), имѣя большой подвижной составъ на желѣзныхъ дорогахъ. Если, по примѣру Николаевской желѣзной дороги, отправлять заразъ въ поѣздѣ $7\frac{1}{2}$ тысячь пудовъ, назначая $1\frac{1}{2}$ часа на проходъ разстоянія между станціями, то можно въ день послать въ 16 поѣздахъ 120,000 пудовъ. Полуторачасовой срокъ между отходомъ двухъ поѣздовъ назначается для того, чтобы между двумя смежными станціями не находились въ одно время два поѣзда, отъ чего могло бы произойдти между ними столкновеніе. Устроивъ телеграфическія станціи на половинѣ разстоянія между станціями желѣзной дороги, можемъ послать въ день 32 поѣзда, а увеличивъ скорость до 20 верстъ въ часъ, 48 поѣздовъ или 360,000 пудовъ. По этому разсчету можно отправить въ мѣсяцъ до 10,800,000 пудовъ; стало-быть весь грузъ 9 милліоновъ четвертей хлѣба по двумъ дорогамъ можно бы доставить къ портамъ въ 4 мѣсяца, допуская 48 поѣздовъ въ день, въ каждый конецъ. Впрочемъ такого числа поѣздовъ и не потребовалось бы для отправленія на границу 9 милліоновъ четвертей хлѣба, потому что часть хлѣба была бы привезена гужомъ, а часть водянымъ путемъ; равномѣрно не потребовалось бы перевезти хлѣбъ въ такой короткій срокъ какъ четыре или шесть мѣсяцевъ; я имѣлъ въ виду только показать, какое значеніе могутъ имѣть, относительно перевозки, двѣ линіи желѣзныхъ дорогъ.

На С.-Петербургской биржѣ платили въ іюлѣ 1847 года за четверть пшеницы отъ 11 руб. 14 коп. до 11 руб. 43 к., Если бы при помощи желѣзныхъ дорогъ доставить въ тотъ годъ въ Англію сверхъ отправленнаго не $6\frac{1}{2}$ милліоновъ четвертей пшеницы, то есть, не все требуемое количество, а только 5 милліоновъ по цѣнѣ не 11 руб. 43 к., а только 9 руб., то Россія пріобрѣла бы отъ хлѣбной торговли 45 милліоновъ болѣе только въ теченіи двухъ лѣтъ 1846 и 1847.

Но такъ какъ, кромѣ времени, требуемаго для доставки хлѣба, цѣны на провозъ составляютъ весьма важный элементъ разсчета, то остается разсмотрѣть, въ какой степени велики

цѣны на провозъ по желѣзной дорогѣ сравнительно съ цѣнами перевозки по водѣ.

Въ 1847 году платили за доставку къ Рыбинску съ низовыхъ пристаней среднимъ счетомъ 53 коп. асс., на доставку изъ Рыбинска въ С.-Петербургъ 70 коп., всего 1 руб. 23 коп. съ пуда, или 11 руб. 7 коп. асс. съ четверти; если прибавимъ къ тому, кромѣ случайныхъ издержекъ на перегрузку судовъ при мелководьи (отъ 60 до 80 коп. съ куля), другіе путевые расходы, считаемые до 50 коп. на куль,—то доставка хлѣба съ низовыхъ портовъ въ С.-Петербургъ могла стоить 11 руб. 57 коп. съ четверти или почти 37 коп. сер. съ пуда, не принимая въ разсчетъ подвозку хлѣба къ рѣчнымъ пристанямъ. Но полагая стоимость перевозки по желѣзной дорогѣ $2^1/_2$ коп. сер. съ пуда на каждыя 100 верстъ, оказывается что за 37 коп. съ пуда можно перевозить хлѣбъ за 1480 верстъ, что̀ гораздо болѣе средняго разстоянія отъ центра полосы, которая можетъ снабжать Балтійскіе порты всѣмъ требуемымъ тамъ количествомъ хлѣба, потому что отъ Курска до Риги чрезъ Динабургъ около 950 верстъ, а отъ Саратова до Риги около 1550 верстъ (1).

Изъ этихъ соображеній видно, что въ случаѣ большаго требованія въ сѣверную и сѣверозападную Европу, по дорогамъ желѣзнымъ можно доставить хлѣбъ къ Балтійскимъ портамъ и несравненно въ кратчайшій срокъ, и по болѣе выгоднымъ цѣнамъ, нежели по водянымъ системамъ, представляющимъ до сихъ поръ у насъ самый дешевый путь.

Желѣзныя дороги кромѣ того, что увеличатъ сбытъ нашего хлѣба чрезъ сокращеніе срока доставки и чрезъ уменьшеніе провозной цѣны, еще болѣе замѣтное, ежели принять во вниманіе проценты съ капитала, остающагося непроизводительнымъ

---

(1) Это составитъ для средняго разстоянія 1250 верстъ; стало быть по желѣзной дорогѣ къ Ригѣ изъ центра черноземной полосы было бы выгоднѣе доставить хлѣбъ въ 1847 году на $\frac{1480-1250}{1480}=18\%$. Къ С.-Петербургскому порту могъ бы подвозится хлѣбъ сплавляемый съ пристаней Васильсурской и Моршанской по Окѣ и съ верховыхъ ея пристаней до пересѣченія р. у г. Каширы съ желѣзною дорогою, идущею отъ Москвы къ Черному морю; по этому пути разстояніе отъ Оки до Балтійскаго моря съ небольшимъ 700 вер.

во время его перевозки,—будутъ имѣть еще другое благодѣтельное вліяніе на наше сельское хозяйство.

Наша хлѣбная торговля производится слѣдующимъ образомъ. Производители хлѣба не продаютъ его въ портахъ, но торговцы закупаютъ его большею частію на мѣстѣ производства, и рѣшаются на закупку въ большихъ размѣрахъ только въ случаѣ большаго требованія за границу. Не зная, какія будутъ портовыя цѣны чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда хлѣбъ будетъ доставленъ къ порту, торговецъ вынужденъ давать на мѣстѣ наименьшія цѣны, то-есть такія, при которыхъ по всѣмъ разсчетамъ онъ не можетъ остаться въ накладѣ, продавая свой товаръ биржевому купцу. Соперничество покупателей можетъ иногда возвысить цѣны на хлѣбъ на внутреннихъ рынкахъ, но такъ какъ помѣщики большею частію спѣшатъ сбыть свой хлѣбъ и не знаютъ настоящей ему цѣны, то-есть цѣны, по которой нельзя уступить безъ убытка, то и считаютъ возможнымъ отдать его за какую-нибудь цѣну. По разсчетамъ г. Неболсина пшеница, сложенная въ Рыбинскѣ и купленная на Ростовской ярмаркѣ, обошлась бы покупателю, со всѣми расходами на зимовку, доставку и проч., отъ 23 руб. 50 коп. до 28 руб. 50 коп. асс., а на С.-Петербургской биржѣ платили отъ 39 до 40 руб. въ іюлѣ, что составляетъ разницу отъ $11^1/_2$ до 15 руб. на четверть, среднимъ счетомъ до $3^3/_4$ руб. сер. Эта цифра, равная почти тремъ четвертямъ стоимости четверти пшеницы на мѣстѣ, составляетъ барышъ хлѣбныхъ торговцевъ, спекуляторовъ на торговлѣ, подверженной наибольшимъ рискамъ сравнительно со всякою другою торговлею. Но этотъ рискъ происходитъ отъ медленной доставки хлѣба съ внутреннихъ рынковъ къ портамъ; а потому съ устроеніемъ желѣзныхъ дорогъ, когда сокращеніемъ срока поставки къ портамъ отъ 3 до 4 разъ, и торговля приметъ болѣе правильный ходъ, цѣна на хлѣбъ должна неизбѣжно понизиться въ портахъ,—отъ чего увеличится сбытъ хлѣба за границу,—и вмѣстѣ съ тѣмъ подняться на внутреннихъ рынкахъ, что будетъ имѣть слѣдствіемъ возвышеніе цѣнъ на землю и на задѣльный трудъ въ нашихъ хлѣбородныхъ губерніяхъ и увеличеніе благосостоянія всего свободнаго въ томъ краѣ населенія.

До сихъ поръ мы имѣли въ виду хлѣбную торговлю нашихъ

балтійскихъ портовъ; но южные порты имѣютъ еще большее значеніе.

По г. Тенгоборскому сложный отпускъ пшеницы 1844—1850 годовъ распредѣлялся слѣдующимъ образомъ:

1.) Чрезъ Одессу . . . . 37.6%.
2.) Чрезъ Ригу . . . . 7.8%.
3.) Чрезъ Архангельскъ . . . . 7.9%.
4.) Чрезъ С.-Петербургъ . . . . 8%.
5.) Чрезъ Таганрогъ . . . . 8.2%.
6.) Чрезъ другія приморскія и сухопутныя таможни. . 30.5%.

По объему отпускается зерноваго хлѣба изъ нашихъ южныхъ портовъ почти двѣ трети всего количества, отправляемаго за границу; относительно оборотнаго капитала торговля южныхъ портовъ имѣетъ еще большее относительное значеніе, потому что оттуда идетъ преимущественно пшеница, то-есть болѣе дорогой хлѣбъ, тогда какъ изъ балтійскихъ и сѣверныхъ портовъ отправляютъ болѣе рожь и овесъ, менѣе цѣнныя произведенія сельскаго хозяйства. А потому хлѣбная торговля южной полосы Россіи, по видимому заслуживаетъ еще большаго вниманія, нежели отправленіе хлѣба за границу чрезъ Балтійскіе и сѣверные порты, тѣмъ болѣе. что по большей близости черноземної плодородной полосы къ Черному морю, при быстро увеличивающемся народонаселеніи южныхъ степныхъ губерній, хлѣбная торговля въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ быстро увеличивается, тогда какъ торговля на сѣверѣ замѣтно упадаетъ (1).

Въ южной Россіи хлѣбъ доставляется къ портовымъ городамъ большею частью сухопутно, чумаками,—обыкновенно съ половины мая до половины іюля, а потомъ съ сентября до зимы.

Эта перевозка дешева только въ извѣстное время — весною и осенью; дурное состояніе дорогъ и отсутствіе подножнаго корма не дозволяетъ отправлять кладь на волахъ зимою, а въ

---

(1) Если исключить 1846 и 1847 годы, отличавшіеся необыкновеннымъ вывозомъ хлѣбныхъ припасовъ изъ Россіи, то найдемъ слѣдующія количества сложнаго отпуска:

	съ 1824—34 годъ.	съ 1835—45 годъ.
Изъ сѣверныхъ портовъ	11.336189 четв.	4.639148 четв.
Изъ южныхъ портовъ	10.725759 —	21.871561 —

Неболсинъ стр. 35.

лѣтнюю рабочую пору нѣтъ выгоды употреблять ихъ для перевозки тяжестей. По этому торговля южныхъ портовъ встрѣчаетъ такія же затрудненія, какъ и торговля сѣверныхъ, въ своевременной доставкѣ къ нимъ хлѣба; иногда требованіе бываетъ велико и цѣны поднимаются, когда не предвидится скорой доставки, а по привозѣ вдругъ большаго количества цѣны падаютъ, что́ весьма дурно дѣйствуетъ на выгоды сельскихъ производителей.

Принимая въ разсужденіе возрастающее соперничество Придунайскихъ княжествъ и Леванта, въ хлѣбной торговлѣ съ Франціею — главнымъ рынкомъ произведеній нашего южнаго края,—и возрастаніе цѣны на подвозъ хлѣба къ приморскимъ портамъ по причинѣ увеличивающагося народонаселенія въ Екатеринославской и Херсонской губерніяхъ, недозволяющаго чумакамъ имѣть безплатный кормъ воламъ,—представляется необходимость устроить желѣзныя дороги для подвозки хлѣба и къ портамъ Чернаго моря (1).

Увеличивающаяся цѣна подвозки и была уже причиною тому, что губерніи Харьковская, Черниговская и даже Полтавская, производившія прежде преимущественно пшеницу, доставляя ее въ Одессу съ значительными выгодами, при увеличеніи платы за фуражъ отъ недостатка подводчикамъ свободныхъ пастбищъ должны были ограничиться посѣвами ржи, произведеніемъ меньшей цѣны, въ ущербъ своего богатства. Съ построеніемъ желѣзныхъ дорогъ пшеница составитъ главный предметъ сельскаго хозяйства не только въ Малороссіи, но и въ низовыхъ губерніяхъ, гдѣ посѣвъ ея до сихъ поръ ограничивался только потребленіемъ внутреннимъ.

Объяснивъ цифрами значеніе желѣзныхъ дорогъ для заграничной торговли хлѣбомъ, обратимъ вниманіе на то, что какъ ни велико движеніе $5^1/_2$ милліоновъ четвертей хлѣба, то-есть болѣе 40 милліоновъ пудовъ груза, перевозимаго среднимъ разстояніемъ до 500 верстъ, движеніе торговое, производимое потребностями внутреннихъ рынковъ, и теперь гораздо превосходитъ движеніе, возбуждаемое иностранною торговлею,

(1) По Небольсину цѣны на перевозку въ 1846 году къ Одессѣ въ три раза превышали стоимость перевозки по желѣзнымъ дорогамъ.

и по всѣмъ соображеніямъ, въ близкомъ будущемъ, съ устроеніемъ желѣзныхъ дорогъ, разовьется до несравненно большихъ размѣровъ.

По указаніямъ торговымъ (1) ежегодно доставляется хлѣба къ С.-Петербургу около 2 милліоновъ четвертей, въ Москву болѣе 2 милліоновъ и для центральной Россіи и Бѣлоруссіи 5 милліоновъ четвертей. Полагая эту массу 9 милліоновъ четвертей перевозить за 800 верстъ по отдаленности Петербурга и Бѣлоруссіи отъ хлѣбныхъ рынковъ, получимъ торговое движеніе, которое почти въ три раза превосходитъ движеніе, возбуждаемое заграничною торговлею.

Ежели принять въ соображеніе, что въ Англіи и во Франціи, вслѣдствіе развитія другихъ вѣтвей промышленности, кромѣ хлѣбной, и увеличенія городоваго населенія, ощущается ежегодный недостатокъ въ общественномъ производствѣ хлѣба, что въ Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ, гдѣ населеніе разбросано на огромномъ пространствѣ, по тѣмъ же причинамъ какъ во Франціи и Англіи, отправленіе хлѣба въ другія государства возрастаетъ не въ столь быстрой пропорціи, какъ увеличивается поверхность обрабатываемыхъ земель; обращая вниманіе на то, что страны, какъ Бѣлоруссія, обреченныя до нынѣ нищетѣ по безплодію почвы, могутъ по удешевленіи продовольствія подвозами по желѣзнымъ дорогамъ, при богатствѣ лѣсовъ заняться мануфактурною промышленностію, не трудно убѣдиться, что внутреннее движеніе хлѣбныхъ запасовъ при помощи желѣзныхъ дорогъ возрастетъ до гораздо большихъ размѣровъ нежели теперь.

Устроеніемъ желѣзныхъ дорогъ устранятся два бѣдствія, которыя тяготѣютъ надъ различными частями Россіи: чрезвычайная дороговизна въ одномъ мѣстѣ, и дешевизна хлѣбныхъ произведеній въ другомъ, которая, затрудняя уплату повинностей и удовлетвореніе другихъ нуждъ, производитъ бѣдствіе отъ избытка даровъ природы.

Въ 1843 году, при неурожаѣ въ Эстляндской губерніи рожь возвысилась въ цѣнѣ до 7 рублей; вынуждены были разрѣшить привозъ иностраннаго хлѣба: тогда какъ въ губерніяхъ Черни-

(1) Очеркъ мануфактурно-промышленныхъ силъ Европейской Россіи, Крюкова.

говской, Полтавской и Харьковской въ тоже время куль ржаной муки продавался отъ 1 руб. до 1 руб. 20 коп.; въ 1845 году, когда вслѣдствіе неурожая въ Псковской губерніи, четверть ржи въ Опоченскомъ уѣздѣ доходила до 10 руб. сер., въ Орлѣ и Мценскѣ, за 600 верстъ отъ Опочни, этотъ хлѣбъ продавался по 1 руб. 40 коп. за четверть.

Въ декабрѣ 1855 года въ Виленской губерніи были цѣны на рожь 15 руб. 60 коп., а на пшеницу 20 руб., тогда какъ въ Курской губерніи, отстоящей всего на 750 верстъ, были цѣны въ тоже время на четверть ржи 4 руб. 95 коп., а на четверть пшеницы 6 рублей (Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ).

При разности въ цѣнахъ на пшеницу въ 14 руб. сер. на четверть, или 1 руб. 55 коп. на пудъ, можно бы подвозить ее не за 750, а даже за 6000 верстъ.

Показавъ цифрами, что наша сельская промышленность много выиграетъ отъ устроенія желѣзныхъ дорогъ, по которымъ хлѣбъ можетъ быть отправляемъ къ портамъ въ кратчайшіе сроки и по меньшимъ цѣнамъ, мы должны еще разсмотрѣть одинъ очень важный вопросъ: можемъ ли мы соперничать въ хлѣбной торговлѣ съ Сѣверо-Американскими Штатами, высылающими теперь въ Англію и Францію наибольшее количество хлѣба (1).

Въ послѣднее время пшеница изъ Балтійскихъ портовъ доставлялась въ Англію, по цѣнамъ нѣсколько высшимъ, а изъ Черноморскихъ портовъ по цѣнамъ нѣсколько низшимъ, нежели изъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Принимая среднія цѣны съ обѣихъ сторонъ почти равными, не трудно видѣть, что въ будущемъ выгода хлѣбной торговли перейдетъ на нашу сторону. При быстромъ умноженіи городоваго населенія, въ Америкѣ будутъ оставлять болѣе и болѣе пшеницы для собственнаго употребленія; притомъ же земли въ нѣкоторыхъ штатахъ пшеничной полосы замѣтно истощаются; а потому, при усовершенствованныхъ уже путяхъ доставки, портовыя цѣны должны тамъ возрастать, чему не можетъ препятствовать воздѣлываніе новыхъ земель болѣе на западъ, по причинѣ даль-

(1) Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ интересы земледѣльческіе были главнымъ побужденіемъ для скорѣйшаго устроенія большихъ линій желѣзныхъ дорогъ.

нѣйшаго ихъ разстоянія отъ океана, тогда какъ у насъ отъ улучшенія средствъ доставки, и отъ большей правильности торговли, цѣны портовыя понизятся. Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ (1) разница между цѣнами на четверть пшеницы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она воздѣлывается, и въ портахъ доходитъ, по Небoлсину, отъ 3 руб. 75 коп. до 4 руб. 16 коп. сер.; у насъ эта разница простирается въ годы самаго большаго сбыта до 5 р. 70 к. и даже до 6 р. 53 к. Эта цифра можетъ быть тѣмъ легче понижена, что въ нее входятъ барыши спекулянтовъ и премія за рискъ, происходящій отъ медленной доставки хлѣба къ портовымъ городамъ, что́ составляетъ до 3 р. 75 к. сер. Преимущество хлѣбной торговли будетъ еще значительнѣе съ нашей стороны, когда мы станемъ отпускать пшеницу не въ зернѣ, а въ мукѣ, приготовляемой по образцу американскому, черезъ что̀ цѣна на четверть, поставленную въ Англію, можетъ понизиться еще до 80 коп. сер., отъ одной разницы во фрахтѣ на перевозку зерна или муки.

При огромномъ пространствѣ черноземной полосы, напрасно и говорить о томъ, что мы можемъ снабжать Европу всѣмъ недостающимъ ей количествомъ хлѣба; былъ бы только постоянный запросъ на хлѣбъ.

По г. Тенгоборскому, мы можемъ въ десять разъ увеличить отпускъ хлѣба за границу.

Послѣ общихъ соображеній, показывающихъ матеріяльную пользу желѣзныхъ дорогъ, и разсмотрѣвъ крайнюю необходимость устроенія желѣзныхъ дорогъ для нашей хлѣбной торговли, обратимъ вниманіе на среду, которую онѣ приведутъ въ движеніе.

Всѣ европейскіе народы убѣдились въ необходимости желѣзныхъ дорогъ, выражающихъ въ наше время своимъ протяженіемъ, можно сказать, степень просвѣщенія государства; польза ихъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе представляетъ страна богатствъ естественныхъ,—самую прочную основу промышленнаго развитія народа. Народъ русскій отличается необыкно-

---

(1) При томъ же почти, какъ и у насъ, разстояніи до портовъ отъ полосы, производящей пшеницу.

венною смышленостію; страсть къ торговлѣ составляетъ рѣзкую черту особенно великорусскаго племени; что же касается до натуральнаго богатства, то нельзя безъ особеннаго радостнаго волненія окинуть мыслію всю сокровищницу земныхъ благъ, дарованныхъ Россіи Провидѣніемъ. Единственная въ мірѣ черноземная полоса, содѣлывающая Россію житницею Европы, покрываетъ пространство почти въ два раза большее всей Франціи, равное Австрійской имперіи и королевству Прусскому взятымъ вмѣстѣ; въ одной Землѣ Войска Донскаго находится пастбищъ почти столько, какъ велико все пространство Германскаго Таможеннаго Союза, вмѣщающаго до 30 милліоновъ жителей. У насъ пасется столько же головъ крупнаго скота, сколько есть его во Франціи съ Австріею; первая изъ нихъ не имѣетъ двухъ третей того количества овецъ, какое пасется на нашихъ привольныхъ пастбищахъ. Спросите ли хлѣба? у насъ его родится въ полтора раза болѣе чѣмъ во Франціи съ Австріею. А льну съ пенькою мы производимъ въ четыре раза болѣе Франціи. Произведеніями царства ископаемаго мы въ два съ половиною раза богаче Австріи, получающей болѣе 16 милліоновъ руб. сер. отъ своей горной промышленности.

У насъ не будетъ недостатка ни въ лѣсѣ для постройки кораблей и барокъ, ни въ матеріялѣ для топки локомотивовъ; въ Бѣломорскомъ склонѣ во сто разъ болѣе лѣстнаго пространства нежели во Франціи; въ промышленной полосѣ Россіи одни дубовые лѣса покрываютъ почти вдвое большее число десятинъ, чѣмъ всѣ роды лѣса во Франціи; на югѣ Россіи, въ губерніяхъ: Екатеринославской, Херсонской и Землѣ Войска Донскаго, каменнаго угля и антрацита станетъ надолго для топки паровыхъ машинъ всей Европы.

Кромѣ того наши рѣки съ быстрымъ паденіемъ являются огромными двигателями для машиннаго производства.

Вотъ матеріяльныя основы народнаго богатства! Въ государствахъ, весьма быстро развивающихъ свою промышленную дѣятельность, какъ Штаты Сѣверной Америки, желѣзныя дороги часто строятъ, имѣя въ виду немедленную разработку естественныхъ богатствъ.

Не говоря даже о могучемъ движеніи, которое получитъ наша промышленность отъ устроенія хорошей сѣти желѣзныхъ

дорогъ, обращаясь только къ настоящему движенію, мы увидимъ, какая страшная масса товаровъ совершаетъ ежегодно тысячеверстные переѣзды въ разные концы Россіи.

Мы отправляли въ послѣднія шесть лѣтъ отъ 1848 по 1854 годъ за границу.

Хлѣба до $5\frac{1}{2}$ милліон. четвертей, до	40.000 000	пудъ.
Пеньки и пакли до	2.900.000	пудъ.
Льну и пакли	4.630.000	пудъ.
Сала	3.150.000	пудъ.
Желѣза	980.000	пудъ.
Шерсти	600.000	пудъ.
Льнянаго и конопляннаго сѣмени	3.500.000	пудъ.
И другихъ товаровъ до	3.000,000	пудъ.
Всего	58.460.000	пудъ.

Значительная часть этихъ товаровъ совершаютъ переѣздъ къ приморскимъ портамъ, изъ центральной полосы Россіи, болѣе нежели за 1000 верстъ. Какъ увеличивается цѣнность товаровъ отъ перевозки, можно судить потому, что цѣна на четверть ржи, по доставленіи отъ мѣстъ ея производства къ приморскимъ портамъ, возрастаетъ отъ $1\frac{1}{2}$ до $4\frac{1}{2}$ руб. сер. то-есть на 300%.

Какъ ни велико движеніе, производимое нашею заграничною торговлею, оно значительно уступаетъ движенію, возбуждаемому потребностями внутреннихъ рынковъ: мы отпускаемъ разнаго рода хлѣбныхъ зеренъ за границу среднимъ числомъ до $5\frac{1}{2}$ милліоновъ четвертей, тогда какъ внутренніе рынки требуютъ подвозки до 15 милліоновъ четвертей; только два города, С.-Петербургъ съ Москвою, потребляютъ до 4 милліоновъ четвертей хлѣба разнаго сорта. Мы отправляемъ шерсти за границу до 600,000 пудовъ, тогда какъ въ четыре разъ большее количество идетъ на внутреннее потребленіе; кожъ продаемъ не болѣе 400,000, тогда какъ у насъ ежегодно ихъ снимаютъ до 6 милліоновъ; льну и пеньки отправляемъ только $7\frac{1}{2}$ милліоновъ пудовъ, а дома у насъ ихъ расходится вдвое болѣе; кромѣ привозныхъ изъ-за границы товаровъ, одного желѣза развозится до 9 милліоновъ пудовъ, а соли до 28 милліоновъ.

Интересно знать хотя приблизительно, во что̀ намъ обходится перевозка нашихъ произведеній.

Движеніе, возбуждаемое потребностями внутреннихъ рынковъ, должно, по самому умѣренному соображенію, превосходить въ три раза исчисленный перевозъ $58\frac{1}{2}$ милліоновъ пудовъ за границу. Безъ сомнѣнія, мы останемся гораздо ниже истины, если допустимъ, что весь расходъ на внутреннее движеніе состоитъ въ перевозкѣ 200 милліоновъ пудовъ клади по 20 к. сер. съ пуда (1); но и тогда мы получаемъ сумму въ 40 милліоновъ р. сер., что̀ составляетъ около двухъ пятыхъ итога нашей отпускной торговли съ Европою.

Политико-экономическая литература текущаго столѣтія наполнена нападками на тарифы, покровительствующіе разнымъ отраслямъ промышленности, въ выгоду одной части народа и въ ущербъ большинства націи.

Англія бросилась съ жаромъ по пути, указываемому наукою; всѣ государства Европы видимо стремятся къ той же цѣли, во имя справедливости, во имя благоденствія всей массы народа. Но что представляетъ страшная цифра 40 милліоновъ, какъ не итогъ сбора, уплачиваемаго нами по тарифу, назначенному огромными разстояніями въ Россіи, разстояніями, покрытыми бо̀льшую часть года грязью или сугро̀бами? Не должны ли мы стремиться понизить эту цифру тарифа, налагаемаго на насъ вещественнымъ міромъ, все бо̀лѣе и болѣе въ нашъ вѣкъ побѣждаемомъ геніемъ человѣка? Рѣшеніе этого важнаго вопроса государственной экономіи намъ дано современнымъ просвѣщеніемъ: это пароходы и желѣзныя дороги.

Кромѣ того, при сложности операцій по доставкѣ, товары часто перепродаются нѣсколько разъ, пока не перейдутъ отъ производителя къ послѣднему потребителю. Къ цифрѣ 40 мил-

---

(1) Подвозка къ С.-Петербургу водою отъ низовыхъ пристаней Волги обходится отъ 25 до 40 к. сер., отъ Ельца до Москвы платятъ 25 к. сер., пеньку возятъ отъ Ливенъ по 15 и 20 к. сер. съ пуда, только до Сухиничь, откуда она должна быть доставляема еще къ С.-Петербургскому порту; изъ Москвы до Нижняго-Новгорода платятъ отъ 17 до 65 к. сер. За доставку изъ Балты въ Одессу (182 версты), въ годы наибольшаго требованія на хлѣбъ, берутъ около 20 к., а изъ Никополя въ Одессу (320 верстъ) нельзя было найти извощиковъ по 39 к. сер. съ пуда. Въ 1846 году на перевозъ хлѣба за 600 вер. изъ Орловской губерніи въ Полтавскую брали 44 к. сер.

ліоновъ слѣдуетъ прибавить всѣ милліоны дани, которою теперь неупрощенный порядокъ торговли связываетъ производительность, отягчая потребителей.

Нечего много думать о нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ рукъ, которыя останутся свободными отъ улучшенія желѣзными дорогами способа перевозки товаровъ: какой же благоразумный хозяинъ заставитъ двухъ рабочихъ дѣлать то, что̀ можетъ сдѣлать одинъ? Мы должны желать и стремиться, по мѣрѣ возможности, уменьшить расходъ людей и лошадей на перевозку товаровъ; тѣмъ болѣе, что мы не страдаемъ излишествомъ рукъ, намъ не приходится отправлять за океаны избытокъ нашего населенія; въ самой населенной странѣ Европы, въ Англіи, помѣщается на квадратную милю болѣе 4800 человѣкъ, тогда какъ у насъ въ Московской губерніи, наиболѣе населенной, на квадратную милю приходится только 2200, — а среднее населеніе Европейской Россіи не превышаетъ 610 человѣкъ на квадратную милю, не говоря о Сибири, которой станетъ еще на многія столѣтія для нашихъ колонистовъ.

Сказать, что страна получитъ столько-то милліоновъ дохода отъ устроенія желѣзныхъ дорогъ, очень трудно; подобныя цифры показались бы взятыми изъ области фантазіи. Можемъ только привести нѣкоторыя данныя для объясненія того, какъ желѣзныя дороги развиваютъ движеніе, а стало-быть торговлю и промышленность.

Чрезъ два года по открытіи движенія на Николаевской желѣзной дорогѣ, движеніе пассажировъ было въ три раза болѣе, нежели полагали въ разсчетъ на ея построеніе. Въ части дороги отъ Манчестера къ Бирмингаму полугодовое движеніе возрасло въ три года отъ 15,000 тоннъ до 137,600. Торговые обороты Штетина, благодаря соединенію этого города со страною, отпускающею свои произведенія за границу, возрасли отъ 8 до 40 милліоновъ.

II. О ВЛІЯНІИ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ НА УМСТВЕННОЕ И НРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ ОБЩЕСТВЪ.

Благосостояніе матеріяльное есть необходимое условіе умственнаго и нравственнаго развитія обществъ; потому Лапландецъ или Самоѣдъ, въ непрестанной борьбѣ съ враждебною

и скудною природою, не отмѣчаютъ своего существованія въ исторіи, повѣствующей о жизни образованныхъ обществъ; племена кочевыя, покрывающія свои нужды случайнымъ успѣхомъ охоты, истрачиваютъ всю дѣятельность на удовлетвореніе потребностей матеріяльной жизни. Посѣвъ хлѣбныхъ растеній, болѣе постояннымъ сборомъ упрочивающій продовольствіе земледѣльца, обозначаетъ эпоху въ развитіи гражданской жизни народовъ; съ тѣхъ поръ человѣкъ, освоившись съ производительною силою земли, удѣляя часть времени удовлетворенію потребностей своей матеріяльной природы, остальное время могъ посвящать развитію стороны духовной. Все, что облегчаетъ добываніе средствъ пропитанія, способствуетъ умственному развитію народовъ; такъ мы видимъ, что государства, которыя имѣли великое вліяніе на судьбу человѣчества, процвѣтали въ странахъ близкихъ къ морю или пересѣкаемыхъ глубокими рѣками, представляющими дешевый способъ и переѣздки и перевоза грузовъ: таковы были Египетъ, Индія, Греція и Римъ; благодаря открытію свойствъ магнитной стрѣлки, сталъ возможенъ переѣздъ по морямъ отдаленнымъ и по океану; дознанная сила пара доставила дешеваго движителя, и поприще Европейскаго просвѣщенія расширилось.

При недостаточномъ развитіи промышленности, древнія общества производили такъ мало, что еслибъ дѣлить весь доходъ общества на число жителей, доля каждаго изъ нихъ была бы недостаточна, чтобы освободить его отъ гнета нуждъ, пораждаемыхъ матеріяльною жизнію, и доставить ему возможность заняться развитіемъ стороны духовной. У древнихъ успѣхъ на пути просвѣщенія былъ возможенъ только при помощи большинства несчастныхъ, которые существовали какъ животныя, трудясь для удовлетворенія потребностямъ нѣсколькихъ избранныхъ. Великій мыслитель древности, Аристотель, считалъ учрежденіе невольничества необходимымъ, и многіе ставятъ ему это въ укоръ; но, дѣйствительно, только при помощи труда одной части населенія въ пользу другой, могло развиться просвѣщеніе жрецовъ Египта, браминовъ, свободныхъ Грековъ и Римлянъ. Какъ ни безнравственно учрежденіе невольничества, но безъ него не существовали бы ни науки, ни изящныя произведенія древнихъ.

Промышленное просвѣщеніе стремится къ покоренію внѣшняго міра генію человѣка; при современномъ направленіи наукъ, мы ежедневно одерживаемъ новыя побѣды надъ міромъ матеріяльнымъ. Электричество, тяготѣніе и особенно теплота становятся могучими орудіями воли человѣка; эти силы матеріи все болѣе и болѣе замѣняютъ физическій трудъ человѣка, дѣлаютъ его болѣе и болѣе свободнымъ отъ угнетающаго вліянія міра физическаго, и даютъ ему возможность воздѣлывать сторону духовную. Собирая капиталы вещественные и капиталы умственные, которые при современномъ направленіи наукъ становятся въ высшей степени производительными, европейское промышленное стремленіе готовитъ будущимъ поколѣніямъ новую, широкую общественную жизнь, основанную на благосостояніи сплошной массы народа. Когда развитіе промышленности приведетъ къ тому, что во власти, положимъ, милліона людей будетъ дѣйствіе силъ физическаго міра, производящихъ работу тысячи милліоновъ живыхъ двигателей какъ человѣкъ, то общество будетъ почти въ такомъ же положеніи какъ бы на каждаго свободнаго человѣка приходилось до тысячи невольниковъ самыхъ покорныхъ, не требующихъ нашей пищи, — что возвышало бы стоимость прокормленія свободныхъ, — такихъ невольниковъ, которые не произведутъ гибельнаго вліянія, замѣченнаго во всѣхъ колоніяхъ, гдѣ только было сословіе, лишенное личной свободы, но доставятъ намъ такое же матеріяльное благосостояніе, какъ бы дѣйствительно на каждаго человѣка трудилось до тысячи живыхъ рабовъ. Безъ сомнѣнія потребуется еще много времени, много усилій, потребуется еще много новыхъ открытій прежде, чѣмъ общество достигнетъ подобнаго счастливаго положенія; но европейскія общества болѣе и болѣе приближаются къ нему, помощію современнаго намъ промышленнаго движенія.

Притомъ нельзя полагать, чтобы, съ увеличеніемъ народнаго богатства отъ развитія промышленныхъ силъ, распредѣленіе доходовъ оставалось въ такой же степени неправильнымъ, какъ это до сихъ поръ существуетъ въ самомъ промышленномъ государствѣ, въ Англіи. Съ развитіемъ народнаго богатства путемъ промышленности, отъ распространенія просвѣщенія даже въ низшіе слои общества, образуется умствен-

ный капиталъ въ массѣ народа, который не даетъ капиталу вещественному угнетать милліоны людей, служащихъ живыми двигателями на-равнѣ съ животными, — родъ угнетенія, составляющій одну изъ главныхъ причинъ несчастія рабочаго класса въ Англіи.

Напротивъ при распространеніи понятій о правильномъ распредѣленіи доходовъ, вмѣстѣ съ развитіемъ просвѣщенія въ массѣ народа, общество будетъ устроиваться на началахъ болѣе справедливыхъ. Тогда и несчастные пролетаріи, которыхъ существованіе теперь необходимо для возможности быстраго умственнаго развитія народа, какъ было по той же самой причинѣ, то-есть по недостаточности производительныхъ силъ въ обществѣ, необходимо учрежденіе невольничества у древнихъ, эти несчастные будутъ со временемъ искуплены развитіемъ промышленности и неразлучнымъ съ тѣмъ увеличеніемъ производительности или доходовъ общества. А потому каждый, кто дѣятельностію и бережливостію создаетъ капиталы, или участвуетъ въ умноженіи производительныхъ силъ общества, ратуетъ за избавленіе своихъ братьевъ отъ неумолимо угнетающей власти матеріяльнаго міра, налагающаго на бѣдняка неволю цѣпями нуждъ и лишеній. Уатты, Стефенсоны,— эти благодѣтельные геніи—облегчаютъ путь человѣчеству въ высокомъ стремленіи къ усовершенствованію нравственному, потому что увеличеніе производительныхъ силъ общества разливаетъ благосостояніе на всю массу людей: матеріяльное благосостояніе даетъ человѣку независимость; независимость раждаетъ чувство собственнаго достоинства, уваженіе къ самому себѣ, какъ къ человѣку,—что́ составляетъ надежное начало нравственнаго усовершенствованія.

Итакъ мы можемъ сказать, что желѣзныя дороги, въ высшей степени способствуя быстрому развитію промышленныхъ силъ и увеличивая матеріяльное богатство народа, служатъ также и могучимъ двигателемъ для умственнаго и нравственнаго развитія человѣчества.

Теперь разсмотримъ еще другое, непосредственное вліяніе желѣзныхъ дорогъ, какъ средства дешеваго и быстраго переѣзда, на проявленіе умственныхъ силъ въ человѣчествѣ.

Каждая часть свѣта, каждое государство, даже всякая зна-

чительная часть обширной имперіи представляетъ нѣкоторую особенность не только въ видѣ и свойствѣ растеній и животныхъ, но даже въ характерѣ и умственномъ развитіи людей, страну населяющихъ. Какъ важно и съ этой стороны значеніе желѣзныхъ дорогъ, дающихъ возможность дешеваго и бытраго перевоза! Отъ прикосновенія двухъ разнородныхъ металловъ, каковы напримѣръ мѣдь и цинкъ, проявляется скрытое въ нихъ начало — электричество, начало, производящее и теплоту, и свѣтъ, и притяженіе; предъ нами развивается сила, которая кажется душою матеріи. Дѣйствіе этой силы мы можемъ измѣрить; но какъ опредѣлить степень вліянія, какое имѣетъ сближеніе двухъ человѣческихъ личностей, съ различными вѣрованіями и убѣжденіями, на развитіе ихъ умственной стороны? Значеніе этого вліянія даетъ намъ исторія; стóитъ только вспомнить неисчислимыя послѣдствія крестовыхъ походовъ, когда западное просвѣщеніе столкнулось съ восточнымъ.

Частыя сношенія отдѣльныхъ народовъ не только поднимаютъ уровень ихъ познаній, но развиваютъ внутреннюю силу, какъ электричество проявляетъ свѣтъ, при которомъ становится ясною ихъ собственная дѣятельность; видъ новыхъ явленій, новыхъ общественныхъ порядковъ, несогласныхъ съ видѣнными прежде, раждаетъ натурально вопросы *почему,* пробуждаетъ духъ изслѣдованія; тогда люди начинаютъ требовать у себя отчета, почему поступаютъ такъ, а не иначе; начинаются реформы, улучшенія, которыя постепенно приводятъ къ усовершенствованію человѣческой жизни.

Къ тому же дороги желѣзныя и созданные ими электрическіе телеграфы не сведутъ народы враждебными толпами на театрѣ войны, которая, положимъ, нѣкоторымъ образомъ и подвигаетъ человѣчество впередъ, по причинѣ развитія умственныхъ силъ отъ столкновенія двухъ разнородныхъ общественныхъ массъ; но съ другой стороны отодвигаетъ его назадъ, истребляя въ короткое время собранные годами капиталы: желѣзныя дороги, напротивъ того, вмѣстѣ съ умноженіемъ капиталовъ общества отъ развитія промышленности, не только сблизятъ и приведутъ въ постоянное, тѣсное соприкосновеніе разнородныя массы людей обширнаго государства, но и свя-

жутъ крѣпкими матеріяльными и нравственными интересами отдаленныя или издавна враждебныя страны.

III. О пользѣ желѣзныхъ дорогъ въ отношеніи политическомъ и военномъ.

Полагаютъ, что если просвѣщеніе и не прекратитъ совершенно войнъ между образованными народами, то по крайней мѣрѣ сдѣлаетъ ихъ болѣе рѣдкими. Но ни одно движеніе обществъ на пути развитія внутреннихъ силъ, какъ духовныхъ такъ и матеріяльныхъ, ни распространеніе книгопечатанія, ни открытіе Америки, ни другое какое либо открытіе не имѣло такого сильнаго миротворнаго вліянія, какое произведутъ желѣзныя дороги.

Ими такъ-сказать переплетутся интересы частныхъ лицъ въ различныхъ государствахъ; а объявленіе войны между двумя народами встрѣтитъ тѣмъ болѣе препятствій, чѣмъ бо́льшая масса народонаселенія теряетъ свои капиталы, отъ прекращенія мирныхъ сношеній. А потому желѣзныя дороги являются лучшею охраною мира. Можетъ-быть, по недостаткамъ человѣческой натуры, государствамъ суждено прибѣгать иногда къ праву сильнаго; во всякомъ случаѣ желѣзныя дороги окажутъ человѣчеству слѣдующія услуги. Необходимость, въ которую поставлены правительства европейскихъ государствъ содержать огромное число войска, нельзя не считать большимъ для нихъ несчастіемъ; болѣе трехъ милліоновъ рукъ отняты отъ промышленности и падаютъ тяжелымъ бременемъ на трудящійся классъ народонаселенія. Недавно герцогъ Кембриджскій уподобилъ расходъ на содержаніе войска и флота деньгамъ, которыя уплачиваютъ въ страховыя отъ огня общества. Сравненіе вѣрно; но при этомъ весьма естественно общее желаніе понизить цифру этой суммы. Желѣзныя дороги, дѣлая возможнымъ въ короткое время переѣздъ большихъ массъ войскъ, не только съ одного пункта на другой того же театра войны, но даже съ одного театра военныхъ дѣйствій, совершающихся въ одномъ концѣ имперіи, на поприще войны въ противоположномъ концѣ государства, огромнаго какъ Россія, — по признанію людей спеціяльныхъ, дозволятъ уменьшить число войска. Къ благодѣтельнымъ слѣд-

ствіямъ устроенія желѣзныхъ дорогъ, то-есть къ возможности уменьшить расходъ соотвѣтственно уменьшенному числу войскъ и обратить упраздненное такимъ образомъ число людей на трудъ производительный, слѣдуетъ прибавить экономію, происходящую отъ возможности размѣстить войско въ частяхъ государства, гдѣ продовольствіе его имѣетъ наименьшую стоимость.

Кромѣ того въ войнѣ большихъ государствъ желѣзныя дороги гораздо въ большей степени служатъ въ помощь защищающаго свою землю, нежели воинственнымъ стремленіямъ завоевателя. По устроеніи желѣзныхъ дорогъ, параллельныхъ границамъ и ведущихъ отъ средины къ оконечностямъ обширной имперіи, на данномъ пунктѣ могутъ быть легко сосредоточены наибольшія силы народа, защищающаго свою землю, тогда какъ войска нападающаго будутъ находиться въ обстоятельствахъ тѣмъ менѣе выгодныхъ, чѣмъ далѣе они углубятся въ чужую землю, по причинѣ болѣе затруднительнаго движенія въ странѣ, гдѣ желѣзныя дороги будутъ истреблены при отступленіи; великая выгода возможности быстраго сосредоточенія войскъ будетъ на сторонѣ обороны. Считаемъ не лишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ по поводу недавно вышедшаго сочиненія: *О примѣненіи желѣзныхъ дорогъ къ военному искусству* (1).

Авторъ полагаетъ, что желѣзныя дороги могутъ быть сохраняемы на театрѣ военныхъ дѣйствій обѣими сторонами; судя по прошедшему, этого никакъ нельзя допустить при войнѣ Русскихъ съ наступающимъ внѣшнимъ врагомъ. А предположеніе того же автора, будто бы испорченную желѣзную дорогу легко исправить и возстановить на ней движеніе, не можетъ быть вообще принято: при небольшихъ продольныхъ скатахъ желѣзныхъ дорогъ сравнительно со скатами шоссе, мосты на желѣзной дорогѣ, вообще говоря, гораздо выше; возобновленіе ихъ тѣмъ труднѣе, что теперь дѣлаются въ мостахъ очень большіе пролеты. Предположеніе это можно бы допустить только въ странахъ совершенно ровныхъ, гдѣ нѣтъ значительныхъ сооруженій на дорогѣ.

Большому государству, какъ Россія, выгодно имѣть сѣть

(1) Сочиненіе П-ца; сокращенный переводъ съ нѣмецкаго, князя С. Н. Голицына. Карлсруэ. 1855.

желѣзной дороги съ другою шириною пути, чѣмъ иностранныя желѣзныя дороги, служащія продолженіемъ для нашихъ; тогда движеніе по ней наступающаго непріятеля будетъ невозможно, по неимѣнію у него соотвѣтствующаго дорогѣ подвижнаго состава, который безъ сомнѣнія будетъ увезенъ или истребленъ при отступленіи.

Наступленіе непріятеля гораздо затруднительнѣе по полотну желѣзной дороги, нежели по шоссе; высокія насыпи, глубокія выемки и частое пересѣченіе болотъ, гдѣ шоссе обыкновенно не устраиваютъ, облегчаетъ на каждомъ шагу защиту отступающаго.

Огнестрѣльное оружіе упрочило просвѣщеніе, обезопасивъ его со стороны азіятскихъ ордъ. Европа не погибнетъ какъ Греція или Римъ подъ ударами варваровъ. Желѣзныя дороги не только увеличиваютъ средства защиты просвѣщенія отъ варварства, но и охраняютъ спокойствіе и самостоятельность каждаго значительнаго государства отъ властолюбивыхъ стремленій другихъ государствъ. Способствуя развитію просвѣщенія, то-есть высшихъ благородныхъ инстинктовъ человѣчества, онѣ являются сильными противниками права сильнаго во взаимномъ отношеніи большихъ государствъ.

Приведемъ мнѣніе иностранцевъ о важности желѣзныхъ дорогъ для Россіи, выраженное по случаю войны только-что оконченной.

Пердонне говоритъ (1):

«Восточная война представляетъ намъ поразительный примѣръ пользы, какую, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, желѣзныя дороги могутъ доставить защитѣ страны. Между Петербургомъ и Москвою устроена желѣзная дорога; но отъ Москвы на югъ движеніе производится по землѣ или водою. Перевозка войскъ по обыкновенымъ дорогамъ, особенно зимою, чрезвычайно затруднительна. При помощи желѣзной дороги, которая была бы совершенно внѣ нападенія непріятельскаго, правительство могло бы почти мгновенно бросить въ Крымъ армію въ нѣсколько сотъ тысячь человѣкъ, и такая армія не допустила бы взять Севастополь и занять страну; продовольствовать эту армію было бы весьма легко. Поздравимъ себя,

(1) Traité élémentaire des chemins de fer.

что Россія не имѣетъ въ своемъ распоряженіи этого страшнаго орудія, и скажемъ, что *желѣзныя дороги представляютъ государству могучее средство защиты!»*

Вліяніе желѣзныхъ дорогъ при началѣ ихъ распространенія, было очень различно цѣнимо извѣстными изъ современныхъ государственныхъ людей.

Пиль, глава англійскаго министерства, въ 1834 году кончилъ рѣчь на одномъ митингѣ словами: «Поспѣшимъ, господа, поспѣшимъ. Если Великобританія хочетъ удержать за собою свое положеніе и превосходство надъ другими государствами, то ей необходимо устроить паровые пути отъ одного конца королевства до другаго.»

Въ тоже время членъ французскаго министерства, знаменитый исторіографъ Наполеона, объявлялъ на трибунѣ, что онъ останется вполнѣ доволенъ, ежели во Франціи будутъ строить ежегодно по 20 километровъ (1) желѣзныхъ дорогъ; а нѣсколько лѣтъ позже, посѣтивъ дорогу изъ Ливерпуля въ Манчестеръ, онъ утверждалъ, что желѣзныя дороги годны только для забавы праздныхъ людей столицы, и что въ нѣкоторыхъ, только исключительныхъ случаяхъ, могутъ служить для перевоза путешествующихъ по дѣламъ торговцевъ. «До сихъ поръ, говорилъ онъ, во Франціи едва ли строится восемь или десять миль (отъ 33 до 42 верстъ) желѣзныхъ дорогъ; и кажется, если бы увѣряли, что ихъ будутъ строить по пяти миль въ годъ, я остался бы очень доволенъ. Надо смотрѣть на вещь какъ она есть; даже при большомъ успѣхѣ желѣзныхъ дорогъ, распространеніе ихъ не будетъ такъ велико, какъ предполагали.»

Время доказало, что Тьерсъ ошибался; теперь едвали найдется въ Европѣ министръ съ подобнымъ взглядомъ.

Дороги желѣзныя доставляютъ пользу во всѣхъ государствахъ; но нигдѣ ихъ вліяніе не могло быть такъ значительно, какъ будетъ въ Россіи, въ странѣ особенно изобилующей естественными богатствами, которыхъ разработка подавляетя непомѣрнымъ возвышеніемъ цѣнъ на произведенія, отъ перевозки по большимъ разстояніямъ, заставляющимъ насъ платить огромный тарифъ по милости грязи и снѣжныхъ ухабовъ.

(*) **Километръ почти верста.**

Фридрихъ II сказалъ, что движеніе есть душа войны; можемъ сказать, что движеніе есть душа торговли, душа промышленности; безъ него естественныя богатства не имѣли бы цѣнности. Желѣзныя дороги, содѣлывая движеніе быстрымъ и дешевымъ, не только дадутъ бо́льшую цѣнность богатствамъ естественнымъ, которыми покрыта и наполнена земля Русская, не только воззовутъ къ жизни матеріяльныя силы страны, но послужатъ къ развитію ея умственныхъ и нравственныхъ силъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ дадутъ государству возможность охранять свою самостоятельность съ меньшими противъ прежняго издержками.

Къ изложеннымъ общимъ соображеніямъ относительно вліянія желѣзныхъ дорогъ на нравственное развитіе общества, присовокупимъ еще указаніе на прямую пользу, ими доставляемую: пріучая массу народа къ точности во времени, обезпечивая вѣрнѣйшій сбытъ произведеній труда человѣческаго и внося большую правильность въ торговлю, онѣ развиваютъ въ народѣ нравственныя привычки труда, порядка и аккуратности.

Кромѣ того онѣ дозволятъ правительству легкій и полный контроль издержкамъ по перевозкѣ тяжестей, что̀ составляетъ значительную отрасль государственныхъ расходовъ, когда возникаютъ экстренныя потребности въ доставкѣ хлѣба или другихъ грузныхъ предметовъ въ отдаленные пункты.

IV. ОБЗОРЪ ГЛАВНЫХЪ ЛИНІЙ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ ВЪ РОССІИ.

Теперь приступимъ къ важному вопросу о выборѣ главныхъ линій желѣзныхъ дорогъ, представляющихъ самую необходимую сѣть для развитія внутренней и внѣшней торговли.

Отъ Галиціи къ Уральскимъ горамъ, на югъ отъ Житоміра, Кіева, Брянска, Тулы, Рязани, Спаска, Казани и Уфы, тянется черноземная полоса, жители которой имѣютъ главнымъ занятіемъ хлѣбопашество, и снабжая произведеніями сельскаго хозяйства западныя и сѣверныя части Россіи, главные ея города С.-Петербургъ и Москву со всѣмъ округомъ мануфактурной промышленности, отправляютъ значительную часть этихъ произведеній въ Англію, Францію, Италію и другія государства Европы.

Самыя южныя и юговосточныя губерніи Россіи служатъ

пастбищемъ для многихъ милліоновъ головъ крупнаго скота и овецъ; эта страна посылаетъ продукты животнаго царства въ другія части Россіи и въ большомъ количествѣ за границу, морями Азовскимъ, Чернымъ и Балтійскимъ и сухимъ путемъ черезъ западную границу Россіи. Москва съ окружающими ее и лежащими болѣе на востокъ губерніями: Костромскою, Нижегородскою и Казанскою, составляетъ мануфактурный округъ, получающій изъ черноземной и пастбищной полосъ ихъ произведенія въ сыромъ видѣ, и возвращаетъ ихъ туда обработанными. Москва и С.-Петербургъ представляетъ двѣ могущественнѣйшія массы народонаселенія и двѣ главныя группы торговыхъ и мануфактурныхъ силъ имперіи.

Этотъ общій очеркъ расположенія главныхъ естественныхъ, промышленныхъ и торговыхъ силъ Европейской Россіи, ясно показываетъ, какія направленія будутъ выгоднѣйшими для линій желѣзныхъ дорогъ.

Желѣзная дорога можетъ имѣть цѣлью или перевозку пассажировъ,—тогда слѣдуетъ соединять главнѣйшія массы народонаселенія; или она устраивается въ виду движенія товаровъ,—тогда лучшее правило соединять производителя съ потребителемъ, или лучшіе дешевѣйшіе существующіе пути, ведущіе отъ производителя къ потребителю. До сихъ поръ мы имѣемъ одну длинную линію желѣзной дороги, соединяющую С.-Петербургъ съ Москвою, то-есть два населеннѣйшіе города имперіи. На этой дорогѣ въ годъ наибольшаго движенія (1853) перевезено около одного милліона пассажировъ и слишкомъ $15^1/_2$ милліоновъ пудовъ клади, тогда какъ на нѣкоторыхъ дорогахъ французскихъ перевезено въ годъ болѣе $2^1/_2$ милліоновъ пассажировъ, а движеніе товарное, вообще говоря, имѣетъ гораздо меньшее значеніе нежели пассажирское. Сближеніе подобныхъ данныхъ относительно рода движенія на дорогахъ французскихъ и на Николаевской показываетъ, что у насъ движеніе товарное имѣетъ гораздо большее значеніе сравнительно съ пассажирскимъ, нежели во Франціи.

Эта разница покажется еще большею, если принять въ соображеніе, что проложивъ желѣзную дорогу отъ Москвы къ странѣ, отправляющей свои произведенія въ С.-Петербургъ и за-границу, движеніе товарное на Николаевской дорогѣ уве-

личится въ большей степени, нежели пассажирское. Я нарочно взялъ для сравненія дороги французскія, потому что въ недавно вышедшемъ сочиненіи Пердонне: **Traité élémentaire des chemins de fer**, изложены правила начертанія линіи желѣзныхъ дорогъ; но если не обратимъ вниманія на существенную разницу между государствами относительно рода движенія по желѣзнымъ дорогамъ, то можно придти къ ошибочнымъ заключеніямъ.

Сборъ на Николаевской желѣзной дорогѣ за перевозку товаровъ въ 1853 году въ полтора раза превосходилъ сборъ за пассажировъ, тогда какъ въ другихъ европейскихъ государствахъ, и особенно въ Бельгіи и Франціи, главный сборъ бываетъ съ пассажировъ. При разбросанномъ народонаселеніи, не собранномъ въ очень значительныя группы, при большомъ разстояніи, отдѣляющемъ полосу сырыхъ произведеній отъ центра промышленнаго округа и отъ морей, по которымъ отправляются въ другія государства наши продукты животнаго царства и сельскаго хозяйства, главное дѣйствіе желѣзныхъ дорогъ, по крайней мѣрѣ значительное время по ихъ устроеніи въ Россіи, будетъ состоять въ перевозкѣ товаровъ. А потому при начертаніи въ Россіи главной сѣти желѣзныхъ дорогъ, удовлетворяющей промышленнымъ требованіямъ, можетъ служить главнымъ руководителемъ правило соединять кратчайшимъ способомъ производителей съ потребителями.

Мануфактурный округъ Россіи и С.-Петербургъ служатъ потребителями для произведеній черноземной полосы, тогда какъ жители этой полосы являются въ свою очередь потребителями для произведеній мануфактурнаго округа, котораго центръ есть Москва; Елецъ, Курскъ, Харьковъ, Тамбовъ, Саратовъ и другіе города представляютъ главные пункты черноземной полосы, сзади которой лежатъ каменноугольныя копи, соляныя озера и полоса богатыхъ пастбищъ. Соединеніе съ Москвою черноземной полосы будетъ въ высшей степени полезно развитію нашего внутренняго торговаго движенія; соединеніе ея съ морями Чернымъ и Балтійскимъ будетъ удовлетворять необходимостямъ заграничной торговли, и какъ было объяснено составляетъ существенную потребность нашего сельскаго хозяйства.

«Предполагаемыя линіи имѣютъ слѣдующія, по приблизительнымъ соображеніямъ, протяженія:

Сѣверная линія около	340	верстъ.
Южная линія, со включеніемъ вѣтви къ каменно-угольнымъ копямъ, около	1,000	—
Восточная, со включеніемъ дороги между Волгою и Дономъ, около	820	—
Западная, около	800	—
Итого	2,960	верстъ.

«Какъ ни малымъ могло бы показаться, съ перваго взгляда, это протяженіе сравнительно съ пространствомъ Россіи и съ протяженіемъ желѣзныхъ дорогъ, устроенныхъ въ другихъ государствахъ Европы и Америки; не менѣе того, предположенная система линій желѣзныхъ дорогъ удовлетворяетъ, какъ мы сказали выше, главнымъ потребностямъ внутренняго развитія и администраціи; восточная, южная и часть западной линіи прорѣзываютъ пространство важнѣйшихъ отраслей производительности Россіи въ трехъ направленіяхъ и обнимаютъ его тѣмъ полнѣе, что восточная и южная линіи связаны съ главными судоходными артеріями Россіи, Волгою и Днѣпромъ, въ такихъ частяхъ этихъ рѣкъ, гдѣ онѣ доступны для самыхъ большихъ рѣчныхъ пароходовъ. Такимъ образомъ:

«Восточная линія соединяется у Саратова съ Волгою, которая, на протяженіи 881 версты до устья своего у Астрахани, не представляетъ препятствій для движенія вверхъ и внизъ самыхъ большихъ судовъ, такъ что, при устройствѣ пароходовъ на нижней Волгѣ, линія эта откроетъ быстрое и дешевое сообщеніе Каспійскаго моря, а слѣдовательно Закавказскаго края и Персіи, съ обѣими столицами и прочими частями государства, чрезъ которыя проходятъ желѣзныя дороги. Короткая линія желѣзной дороги между Волгою и Дономъ дополняетъ связь съ бассейномъ нижняго Дона и его притоковъ.

«Южная линія можетъ быть связана съ Днѣпромъ выше и ниже пороговъ, и какъ нижняя часть Днѣпра, до самой желѣзной дороги, допускаетъ плаваніе большемѣрныхъ судовъ, то посредствомъ хорошихъ пароходовъ, вся страна, прилегающая къ той части Днѣпра, и самая Одесса войдутъ въ связь съ системою желѣзныхъ дорогъ.

«Соединеніемъ южной линіи съ Днѣпромъ выше пороговъ, вся страна, прилегающая къ верхнему Днѣпру, и въ особенности Кіевъ, поставлены будутъ въ сообщеніе съ системою желѣзныхъ дорогъ».

На Черномъ море два порта могутъ имѣть самое большое значеніе: портъ Ѳеодосіи, по соединеніи его желѣзною дорогою съ Харьковомъ, и портъ Одесскій, по соединеніи съ рельсовымъ путемъ до Балты и Ольвіополя.

Соединить Харьковъ выгоднѣе съ Ѳеодосіею, нежели съ Одессою потому, что этотъ портъ ближе къ срединѣ черноземной полосы, что онъ гораздо обширнѣе и почти никогда не замерзаетъ, что этимъ путемъ обезпечивается сообщеніе съ Крымскимъ полуостровомъ, котораго произведенія вмѣстѣ съ солью доставятъ много клади для обратнаго движенія съ юга внутрь Россіи.

По положенію нашей торговли съ сѣверо-западомъ Европы, тотъ изъ балтійскихъ портовъ представляетъ наиболѣе выгодъ, который южнѣе, то-есть ближе къ Зунду, и который ранѣе вскрывается и находится притомъ въ кратчайшемъ разстояніи отъ средины черноземной полосы. Порты Либавскій и Рижскій болѣе удовлетворяютъ этимъ условіямъ, нежели портъ С.-Петербургскій. Восточные порты Пруссіи, по соединеніи ихъ желѣзною дорогою съ губерніями нашими Волынскою и Каменецъ-Подольскою, будутъ имѣть также важное значеніе для нашей хлѣбной торговли.

Скажемъ нѣсколько словъ объ измѣненіи, которое, по нашему мнѣнію, произведутъ желѣзныя дороги въ торговлѣ русскихъ портовъ.

Самая значительная отрасль внѣшней торговли есть продажа пшеницы, которой отпускается на сумму — иногда до 42 милліоновъ рублей (1853 годъ); отпускъ ея, по десятилѣтней сложности отъ 1841—1850, составлялъ до 62% всего отпуска хлѣба за границу. Съ 1844 по 1853 годъ пшеницы отпускалось изъ С.-Петербургскаго порта до 3,8 процентовъ, а изъ Риги 0,3 процентовъ, тогда какъ одинъ Одесскій портъ посылалъ до 51,7% всего отправляемаго количества. Съ устроеніемъ желѣзныхъ дорогъ отъ плодородной полосы къ портамъ нашихъ южныхъ и Балтійскаго морей должна развиться преимущественно торговля портовъ балтійскихъ. Это выходитъ изъ слѣдующихъ соображеній: по среднимъ цѣнамъ на пшеницу съ 1840 по 1845 годъ раз-

ность между цѣнами въ балтійскихъ и нашихъ южныхъ портахъ доходила до 3 руб. 15 к. (1), что соотвѣтствуетъ стоимости перевоза четверти пшеницы за 1360 верстъ, считая $2^1/_2$ коп. съ пуда на перевозъ за 100 верстъ; кромѣ того разница между фрахтами въ Лондонъ изъ балтійскихъ и черноморскихъ портовъ, равная 1 р. 25 коп., дозволяетъ подвозить по желѣзной дорогѣ пшеницу на 530 верстъ далѣе къ Балтійскому морю, нежели къ Черному такъ что принимая въ разсужденіе разницу между портовыми цѣнами и фрахтами, при проведеніи желѣзной дороги отъ Одессы къ Балтійскому морю чрезъ Житомиръ, и отъ Ѳеодосіи къ тому же морю чрезъ Курскъ и Динабургъ, выгоднѣе будетъ доставлять въ Англію пшеницу даже изъ Одессы и Ѳеодосіи чрезъ балтійскіе порты, нежели отправлять ихъ по Черному и Средиземному морямъ.

Намъ будетъ выгоднѣе торговать пшеницею чрезъ балтійскіе порты потому, что торговля нашихъ южныхъ губерній до сихъ поръ оставалась въ рукахъ марсельскихъ торговцевъ, которые скупаютъ хлѣбъ у насъ по дешевымъ цѣнамъ и перепродаютъ его по цѣнамъ болѣе выгоднымъ, пользуясь, при ближайшемъ разстояніи отъ Англіи, возможностію отправлять туда хлѣбъ въ то время, когда цѣны стоятъ тамъ высоко.

По разсчету, сдѣланному г. Небольсинымъ, въ рукахъ спекуляторовъ балтійскихъ портовъ въ 1847 году, когда требованіе на хлѣбъ было необыкновенно большое, оставалось до 3 р. 75 к. сер. съ четверти пшеницы, но этотъ порядокъ можетъ легко измѣниться съ устроеніемъ желѣзной дороги къ балтійскимъ портамъ отъ нашихъ хлѣбныхъ губерній. Тогда всякій живущій, по линіи желѣзной дороги, зная существующія портовыя цѣны, будетъ соображать съ ними разцѣнку своихъ произведеній, а купцы, не подвергаясь риску отъ возможности упадка цѣнъ на хлѣбъ, при краткомъ срокѣ доставки, будутъ имѣть возможность давать за хлѣбъ цѣны болѣе высокія, нежели теперь.

Мы посылаемъ въ Англію (Тенгоборскій, Etudes sur les forces productives de la Russie IV, p. 248) до двухъ пятыхъ всего отправляемаго количества хлѣба; стало-быть съ 1841 по 1850 годъ на долю Англіи доставалось до двухъ милліоновъ четвертей, тогда

---

(1) Небольсинъ стр. 166, часть I.

какъ Англія получила въ тѣ же годы, изъ другихъ государствъ, до 6,700,000 четвертей, и въ томъ числѣ одной пшеницы болѣе 3,500,000 чертвертей. Когда портовыя цѣны на хлѣбъ понизятся въ нашихъ портахъ отъ болѣе дешеваго перевоза, отъ меньшаго риска купцовъ и отъ продажи пшеницы мукою, самая большая часть потребляемаго въ Англіи хлѣба будетъ туда доставляться изъ Рижскаго порта.

Мнѣ кажется, что торговля балтійскихъ портовъ тѣмъ болѣе поднимется сравнительно съ торговлею нашихъ южныхъ портовъ, что устанавливающійся новый порядокъ вещей въ Турціи (я разумѣю право Европейцевъ имѣть тамъ поземельную собственность) угрожаетъ нашимъ южнымъ портамъ не только лишеніемъ сбыта пшеницы въ Турцію, годами простирающагося до 600,000 четвертей, но и сдѣлать эту страну нашею соперницею по продовольствію южной Франціи, сѣверной Италіи и вообще въ торговлѣ, производимой нами съ портами Средиземнаго моря.

Объяснивъ, почему балтійскіе порты должны преимущественно передъ черноморскими развить свою хлѣбную торговлю, легко можемъ усмотрѣть, что изо всѣхъ балтійскихъ портовъ первое мѣсто займетъ тотъ изъ болѣе южныхъ остзейскихъ портовъ, Рига или Либава, который будетъ соединенъ желѣзною дорогою съ плодородною полосою Россіи, оставляя позади себя портъ Петербургскій.

Ближайшее разстояніе южныхъ остзейскихъ портовъ отъ Великобританіи и Франціи, гдѣ хлѣбъ нашъ преимущественно находитъ потребителей, болѣе раннее открытіе въ этихъ портахъ судоходства, и ближайшее разстояніе отъ мѣстъ, богатыхъ пшеницею, льномъ, пенькою и продуктами животнаго царства, дадутъ со временемъ торговлѣ Рижскаго или Либавскаго порта несомнѣнное преимущество надъ торговлею порта С.-Петербургскаго, и особенно въ годы необыкновеннаго требованія на хлѣбъ въ сѣверо-западную Европу.

При выборѣ линіи для желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, необходимо обращать вниманіе не только на настоящее торговое движеніе, опредѣляемое не однимъ относительнымъ положеніемъ странъ, богатыхъ производительностію, но и положеніемъ существующихъ дешевыхъ путей сообщенія, какъ на примѣръ рѣкъ; необходимо также, при произвольномъ выборѣ линіи для желѣзной дороги, обра-

щать вниманіе на самое положеніе производительныхъ мѣстностей. По такимъ соображеніямъ страны, прилегающія къ Черному морю, могутъ отпускать свои произведенія во Францію, Италію и Турцію, западныя губерніи въ Пруссію, Остзейскія вмѣстѣ съ Курскою, Орловскою, Харьковскою и Воронежскою въ сѣверо-западную Европу чрезъ Рижскій портъ; губерніи по низовью Волги: Саратовская, Самарская, Симбирская и Пензенская будутъ отправлять свои произведенія къ С.-Петербургскому порту и въ губерніи мануфактурнаго округа: Костромскую, Владимірскую, Ярославскую и Тверскую, и въ губернію Новгородскую, также въ Закавказскій край; для Москвы выгоднѣе будетъ получать хлѣбъ изъ губерній Тульской, Тамбовской, частію Орловской и Пензенской, а въ годы большаго требованія изъ Саратовской, для отправленія оттуда къ С.-Петербургскому порту.

Дорога желѣзная между Москвою и Нижнимъ-Новгородомъ будетъ имѣть значеніе какъ путь во первыхъ для сырыхъ продуктовъ, отправляемыхъ изъ низовыхъ губерній по Волгѣ; во вторыхъ для произведеній горнозаводской промышленности, и въ третьихъ, для движенія пассажировъ въ самой населенной части Россіи.

Представимъ нѣкоторыя общія соображенія относительно проведенія желѣзной дороги по черноземной полосѣ Россіи.

Во Франціи, при выборѣ направленій желѣзнымъ дорогамъ, предпочитали сперва избирать линіи вдоль водяныхъ сообщеній, а не по хребтамъ; это можно объяснить тѣмъ что народонаселеніе обыкновенно бываетъ гуще въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пролегали лучшіе пути сообщенія, и тѣмъ еще, что при устроеніи желѣзныхъ дорогъ имѣлась въ виду перевозка пассажировъ. Въ послѣднее же время, при выборѣ направленія для новыхъ линій, имѣя въ виду сократить разстоянія между главными пунктами государства, стали находить выгоднымъ отклоняться отъ рѣкъ и каналовъ и проводить желѣзныя дороги по хребтамъ, перпендикулярно или наклонно къ долинамъ.

Разсмотримъ, какъ прилагаются къ Россіи мнѣнія графа Дарю, изложенныя имъ въ донесеніи касательно направленія дороги отъ Парижа къ Ліону параллельно водянымъ путямъ (1). Онъ говоритъ: «Паровые пути должны быть проводимы въ сторону и по

(1) Traité élémentaire des chemins de fer, par Perdonnet.

направленію, которымъ слѣдуетъ въ настоящее время наибольшее движеніе пассажировъ и товаровъ, направленное отъ центра къ оконечностямъ государства. Дѣйствующая на большое разстояніе сила притяженія, которой все уступаетъ, преобразующая всѣ отрасли промышленности, измѣняющая всѣ привычки, составляетъ отличительную черту новаго способа движенія; а потому важные интересы могли бы пострадать, если бы правительство, выборомъ направленія согласно потребностямъ существующаго уже движенія, не измѣняя его теченія, не предупреждало быстрыхъ перемѣнъ въ экономическомъ положеніи страны.

«Впрочемъ, какія же причины и могли бы его побудить войдти въ борьбу *съ естественнымъ ходомъ вещей* (lutter contre la pente naturelle des choses) и создавать искусственнымъ образомъ, новымъ способомъ движенія, новое распредѣленіе богатствъ, обмѣниваемыхъ между различными частями той же страны?

«Всѣмъ извѣстно, что распредѣленіе богатствъ не есть дѣло случайное; оно происходитъ не по произволу и не капризу производителя или потребителя. Почти всегда оно бываетъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ формы мѣстности, существованія естественныхъ или искусственныхъ путей сообщенія, направленныхъ въ одну сторону болѣе, чѣмъ въ другую; наконецъ, слѣдствіемъ положенія горъ и овраговъ, а также и степени богатства и плодородія, неравно распредѣленныхъ между различными частями страны.»

Въ черноземной полосѣ Россіи, лучшія плодороднѣйшія земли лежатъ на самыхъ высокихъ ея частяхъ между долинами рѣкъ; тамъ стокъ воды почти не тронулъ толстаго слоя чернозема, составляющаго богатство страны. Принимая въ разсужденіе, что главное назначеніе желѣзныхъ дорогъ въ Россіи есть перевозка товаровъ, что въ черноземной полосѣ самый большой капиталъ заключается въ плодородіи почвы, что притомъ гораздо дешевле устроить желѣзную дорогу по ровному мѣсту, каковы водораздѣлы между долинами, направленными въ противоположныя стороны, нежели устроить ее поперекъ долинъ, и что, при большихъ вообще разстояніяхъ, нѣсколько верстъ болѣе или менѣе отъ желѣзной дороги до города не можетъ имѣть большаго вліянія на движеніе пассажировъ; если принять все это въ соображеніе, то мнѣ кажется очевидною необходимость проводить желѣзныя дороги въ черноземной полосѣ Россіи по болѣе ровнымъ и плодо-

роднѣйшимъ полосамъ земли, раздѣляющимъ долины рѣкъ, не стѣсняясь малонаселенными городами, лежащими по берегамъ несудоходныхъ рѣкъ, протекающихъ по глубокимъ долинамъ.

Въ заключеніе укажемъ на свойство желѣзныхъ дорогъ притягивать къ себѣ капиталы страны, и распространять промышленность и просвѣщеніе не только въ главныхъ пунктахъ, соединяемыхъ дорогою, но и по всей желѣзной дорогѣ. Во Франціи и Англіи замѣтили, что движеніе между промежуточными станціями увеличивается быстрѣе, нежели между оконечными, главными пунктами дороги, не смотря на большее торговое ихъ значеніе. И у насъ, благодаря Николаевской желѣзной дорогѣ, жители С.-Петербурга нанимаютъ теперь дачи въ 70 и 100 верстахъ и даже далѣе, какъ напримѣръ въ Вышнемъ Волочкѣ за 350 верстъ, гдѣ жизнь многимъ дешевле, нежели въ близи столицы. Удешевленіе переѣзда въ Петербургъ и возможность прибыть туда въ короткое время дозволяетъ бо́льшей нежели прежде массѣ людей пользоваться выгодами близости отъ столицы, гдѣ сосредоточены капиталы и общественныя удовольствія. Здѣсь отчасти выражается цивилизующее вліяніе желѣзныхъ дорогъ.

Считаю не лишнимъ изложить причины, почему желѣзная дорога, соединяющая Петербургъ съ Москвою, не должна была уклониться къ Новгороду. Столько разъ случалось мнѣ слышать сожалѣнія по этому поводу отъ людей, принадлежащихъ къ разнымъ слоямъ общества, что предметъ этотъ кажется мнѣ не лишеннымъ интереса.

Очень понятно, что древнѣйшій городъ Россіи, свидѣтель начала нашей гражданственности, Новгородъ, хранящій памятники Русской старины, пробуждаетъ общее участіе; но да будетъ намъ дозволено посмотрѣть на него со стороны промышленнаго значенія, которое онъ имѣетъ въ настоящее время или можетъ имѣть въ будущемъ, сколько можно о томъ судить по мѣрѣ вѣроятія.

Новгородъ, окруженный болотами, никогда не славился ни сельскимъ хозяйствомъ, ни мануфактурною промышленностію; пользуясь своимъ пограничнымъ положеніемъ, онъ торговалъ съ ганзейскими городами произведеніями Русской земли. Собранные имъ въ торговлѣ капиталы онъ растратилъ въ борьбѣ за независимость съ двумя грозными царями, Іоанномъ III и Іоанномъ IV. Петръ придвинулъ Россію къ Балтійскому морю, основалъ тор-

говый городъ Петербургъ и соединилъ его судоходною системою со внутренними областями Россіи. Возстановленіе торговаго процвѣтанія Новгорода стало невозможнымъ. Лишенный естественныхъ богатствъ, не обладая ни капиталами вещественными, ни развитіемъ промышленныхъ силъ въ своемъ населеніи, Новгородъ не имѣетъ будущности. Если бы его коснулась желѣзная дорога, соединяющая Москву съ Петербургомъ, мимо его мчались бы милліоны пудовъ разной клади: пассажиры издали видѣли бы верхушки его собора, и Россія платила бы ежегодно до 300 тысячь рублей за тридцати-верстный излишекъ переѣзда отъ одной столицы къ другой. Но не Новгороду достались бы эти каждогодныя пожертвованія; то были бы или проценты съ капитала, который частію уложили бы въ болота Новгородской губерніи на построеніе лишнихъ тридцати верстъ, или то была бы плата за ремонтъ дороги.

Что же досталось бы на долю Новгорода? прогулка жителей на станцію посмотрѣть, какъ кормятъ пассажировъ, визгъ машины, оглашающей окрестныя пустыни, и порою въ темную ночь зрѣлище искристаго хвоста машины. Виноватъ, около двадцати тысячь пассажировъ садятся и сходятъ на Волховской и Чудовской станціяхъ; часть ихъ отправляется въ Новгородъ или пріѣзжаетъ оттуда; многіе изъ нихъ быть-можетъ предпочли бы ѣзду по желѣзной дорогѣ путешествію на пароходѣ; но спросите пассажировъ легкихъ поѣздовъ: согласны ли они платить 60 коп. сер. за удовольствіе провести въ дорогѣ лишніе полчаса, съ правомъ издали посмотрѣть на новгородскія развалины? Не угодно ли спросить у 600,000 пассажировъ, ѣдущихъ зарабатывать насущный хлѣбъ, хотѣли ли бы они потрудиться лишніе полдня для уплаты за бо́льшую длину переѣзда и остаться лишніе два часа въ дорогѣ, любуясь новгородскими видами? Но можетъ-быть купцы, отправляющіе свои товары отъ Москвы въ Петербургъ или обратно, были бы довольны лишнею платою въ 100 тысячь р. за право провезти свою кладь вблизи Великаго Новгорода? Не многіе изъ нихъ задумаются, что̀ отвѣчать вамъ, и общимъ отвѣтомъ конечно не будетъ *да*.

Съ тѣхъ поръ, какъ производится движеніе на Николаевской желѣзной дороги, никому кажется не приходило въ голову хлопотать о построеніи вѣтви въ Новгородъ; это лучшее доказательство, что не слѣдовало жертвовать милліонами для отклоненія желѣзной дороги къ этому городу.

Есть причины, по которымъ Орелъ, имѣющій гораздо большее торговое значеніе, нежели Новгородъ, по видимому выгоднѣе оставить въ сторонѣ, при проведеніи желѣзной дороги отъ Тулы къ Курску. Прямая линія проходитъ почти у самаго Малоархангельска; съ правой отъ нея стороны лежатъ: Орелъ съ 26,000 жителей въ 47 верстахъ, Мценскъ съ 13,000 въ 30 верстахъ; а съ лѣвой стороны Елецъ съ 24,500 во 100 верстахъ, и Ливны съ 8,500 жителями въ 60 верстахъ.

Орелъ и Мценскъ, окруженные менѣе плодородною землею, въ сравненіи съ другими частями той же губерніи, имѣютъ значеніе какъ крайнія рѣчныя пристани Оки и Зуши, куда свозится хлѣбъ для сплава изъ плодородныхъ частей сосѣднихъ губерній.

Уѣзды Малоархангельскій, Ливенскій и Елецкій представляютъ напротивъ самую плодородную страну. Елецъ съ Ливнами отправляютъ въ разныя стороны нѣсколько милліоновъ пудовъ пшеничной муки; если притомъ принять въ соображніе, что Орловская и Курская губерніи составляютъ ближайшую къ Ригѣ часть черноземнаго пространства, то при проведеніи желѣзной дороги отъ Тулы къ Курску, будетъ выгоднѣе отклониться болѣе къ востоку, нежели вправо къ западу, гдѣ цѣны на произведенія сельскаго хозяйства должны подняться вслѣдствіе большей близости къ Ригѣ.

Значительная глубина долинъ притоковъ Оки и Дона поставляетъ въ необходимость искать выгоднѣйшаго для построенія дороги направленія по водораздѣлу, который тянется вблизи прямой линіи, отклоняясь въ Тульской губерніи нѣсколько влѣво; по сравнительно большей ровности, эта полоса представляетъ мѣсто для устроенія дороги съ наименьшими издержками, что̀ имѣетъ чрезвычайно важное значеніе въ странѣ, небогатой капиталами.

Д. Журавскій.

БѢЛЕНЬКІЕ, ЧЕРНЕНЬКІЕ

И

СѢРЕНЬКІЕ

Тетрадь вторая.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ ГОРОДСКІЯ ЛИЧНОСТИ.

Характеристику лицъ, современныхъ Пшеницынымъ, Максиму Ильичу и его сыну, начнемъ съ генераціи городничихъ. Не знаю почему, ихъ типы скорѣе схватываются.

Ее открываетъ Язонъ, или, какъ его называли въ городѣ, Насонъ Моисѣевичъ Моисѣенко, поручикъ въ отставкѣ. Ему близь шестидесяти. Маленькій, худенькій, съ лицомъ на подобіе высушенаго яблока, съ острымъ носикомъ, въ рыжемъ парикѣ, завитомъ, какъ руно крымскаго барашка. Букли и коса, все это маленькое, дорисовываютъ его портретъ. Голосъ тоненькій, пискливый. Съ характеромъ уступчивымъ, робкимъ, онъ боялся гражданъ, а не граждане его боялись. Принесутъ ему сахару полголовки, чайку четвертку, нанки на исподнее, полотеньчико съ крестьянскими кружевами, сапожную щетку — ничѣмъ не гнушается, все принимаетъ съ благодарностію. Самъ ни на что не напрашивается. Развѣ придетъ въ лавку, да полюбуется иною вещицей, повертитъ ее не разъ въ рукахъ своихъ и скажетъ: Хорошая вещица!.. Чай, дорога... (А вещь стоитъ всего два гривенника). — Для васъ, Насонъ Моисѣичъ (его ужь и не величали благородіемъ), для васъ плевое дѣло. Позвольте завернуть

и уложить на ваши дрожки (такъ граждане для приличія называли *войлочки*, родъ роспусковъ, съ войлокомъ на нихъ) (1).—И принимаетъ онъ эти приношенія и подобныя, разсыпаясь въ благодареніяхъ и оговоркахъ: «Да за чѣмъ это? да къ чему это?.. я и на грошъ вамъ не заслужилъ. Неравно узнаетъ начальство... лишусь мѣста... отдадутъ подъ судъ.»

Иногда, въ крайности, очертя голову, отважится на сильнѣйшій кушъ. Была не была! А послѣ и труситъ. Ночь не спитъ, мучительно ворочается на постели, отмахивается отъ ужасной мысли, какъ будто отъ неотвязчивыхъ мухъ, да не разъ спрашиваетъ кухарку, не слыхать ли ревизорскаго колокольчика, словно у ревизора колокольчикъ съ особеннымъ звономъ. Готовъ съ передачею отдать, что̀ получилъ. Не дождется утренняго солнышка. Вотъ и солнце заглянуло къ нему въ окно. Посылаетъ разсыльнаго за такимъ-то, дескать крайняя нужда. Приходитъ такой-то, и умоляетъ онъ его взять назадъ. — «Батюшка, будь благодѣтель, ради Бога, развяжи душу. Всю ночь не спалъ.» И возьметъ приноситель, посмѣется, да плюнетъ въ сѣняхъ, и отнесетъ кушъ къ письмоводителю. А потомъ, видитъ Насонъ Моисѣичъ, ревизоръ не ѣдетъ, и жалко ему станетъ приношенія. Чего бы, думаетъ, не сдѣлалъ на него? Кушъ былъ экстренный—не дождешься скоро такого.

И крѣпко призадумается Насонъ Моисѣичъ, и грустно ему станетъ, что не взялъ хорошаго куша.

По части порядка и чистоты въ городѣ, не требуетъ, не грозитъ, а умоляетъ. Посреди улицы валяется по нѣскольку дней лошадиная падаль и заражаетъ цѣлый кварталъ, пока воронья плотоядные не истеребятъ ее и вѣтры буйные не изсушатъ. Грязь на торгу по колѣна, дѣти-нищіе тонутъ въ ней (говорятъ, были двѣ жертвы). Придутъ благодатные лѣтніе деньки съ припекомъ солнечнымъ, когда изжаренная трава хруститъ подъ ногами и на торгу сухохонько.—«Вотъ видите, умиленно говоритъ онъ лавочникамъ, самъ Богъ высушилъ, инда пыль глаза ѣстъ!»—Простой, богобоязливый человѣкъ! отзывались объ немъ граждане, и вѣрно соорудили бы ему памятникъ, если бъ на памятникъ не потребо-

---

(1) Такіе *войлочки* были въ употребленіи у московскихъ извощиковъ, если не ошибаюсь, до 12 года. Ихъ замѣнили *калиберныя* дрожки.

валось денегъ, а можно было бы соорудить его изъ грязи и костей лошадиныхъ.

Судъ творилъ онъ коротко и ясно. «Ты, братенько, правъ, говорилъ онъ одному, потому что тебя обидѣли, а ты правъ, говорилъ онъ другому, потому что онъ тебя выбранилъ. Слѣдственно вы оба неправы. Помиритесь-ка лучше, да поцѣлуйтесь», Помирятся, поцѣлуются тяжущіеся, да выйдутъ за ворота на широту поднебесную, выбранятъ городничаго, на чемъ свѣтъ стоитъ, затѣютъ опять ссору, вцѣпятся другъ другу въ волоса; клочка два-три полетятъ у каждаго: кто кого сможетъ, тотъ и правъ останется. А иногда и въ самомъ дѣлѣ помирятся, да и запьютъ миръ добрымъ крючкомъ пѣннаго подъ вѣткою оливы въ видѣ ельника, прославляя городничаго.

Случалось иногда, что Насонъ Моисѣичъ не на шутку расходится, только не самъ собою: на подвиги раскачивалъ его письмоводитель. Разъ какъ-то ссора двухъ гражданъ оканчивалась подобною мировою сдѣлкой. Но вотъ письмоводитель по секрету зоветъ Насона Моисѣича въ ближнюю комнату. «Что это вы, ваше благородіе, дѣлаете? Вы, ваше благородіе, настоящая мокрая курица. И такъ вами въ городѣ словно тряпицей потираютъ. Этакъ съ вами и служить нельзя.» И вотъ Насонъ Моисѣичъ, пришпоренный такою рѣчью, встаетъ на дыбы, входитъ въ азартъ и сдернувъ на одно ухо свой рыжій паричокъ въ завиткахъ, бросаетъ громъ и молнію въ камерѣ судилища. Прикажетъ отвѣтчика наказать за то, что виноватъ, а праваго, чтобы впередъ не ходилъ жаловаться. — «У меня въ городѣ все тихо, и муха не смѣетъ ворчать. Ни гу-гу! Настоящее благословеніе Божіе!» говорилъ онъ, гнѣвно ходя вокругъ стола. «А тутъ какой-нибудь вольнодумецъ, безпардонный, вздумаетъ мутить, да ябедничать, да въ доносы ходить! Пожалуй себѣ, и правъ, и очень правъ, да зачѣмъ нарушать спокойствіе гражданъ? Не тобою городъ начало имѣетъ, не тобою и стоитъ. Пускай стоитъ, какъ стоялъ!»—Письмоводитель, съ упоеніемъ сердечнымъ подслушивая у дверей, ждетъ своего сыра. Позоветъ къ себѣ тяжущихся и накажетъ только того, который не смогъ заплатить выкупныя. Вслѣдствіе такого премудраго суда, и дѣлъ за нумерами въ полиціи очень мало оказывалось: все дѣлалось больше на словахъ и на палкахъ. Къ чести Насона Моисѣича надо оговорить, что по-

слѣднее дѣлопроизводство онъ употреблялъ очень рѣдко, и то, когда письмоводитель раскачаетъ жолчь со дна этого чистаго сосуда.

Наконецъ пріѣхалъ въ городъ, десять лѣтъ съ такимъ страхомъ ожидаемый, начальникъ-ревизоръ. Ужасные дни! они отняли у городничаго нѣсколько лѣтъ жизни. Ревизоръ былъ человѣкъ добрый, пріятный; въ бумагахъ много не рылся, за очисткою нумеровъ не гонялся. Узналъ, что городничій человѣкъ не притязательный, съ живаго и мертваго не дралъ, жалобъ на него не имѣлось, и остался всѣмъ доволенъ и благодарилъ. А все-таки, пока его особа пребывала въ городѣ, Насонъ Моисѣичъ чувствовалъ себя неловко, какъ будто и чужой мундиръ надѣлъ, и рыжій парichокъ скоблитъ его черепъ. То словно его крапивой посѣкутъ, то въ ледяную ванну опустятъ. Надо было видѣть, съ какою дипломатическою тонкостью ѣхалъ онъ съ начальникомъ на дрожкахъ, которые выпросилъ у предводителя! Балансеръ, да и только!.. Угораздило его сидѣть на корточкахъ, въ такомъ видѣ, какъ громовая стрѣла изображается на картинкахъ, зигзагомъ. Одною рукой держится за ободокъ козелъ, другую, какъ заяцъ подстрѣленную лапку, покачиваетъ на воздухѣ, а носками сапоговъ упирается въ подножки, не смѣя ни одною частью своей персоны прикоснуться къ подушкѣ. Еще бы! на этой подушкѣ возсѣдитъ важная особа, которой одно маніе бровей, какъ у громовержца Юпитера, можетъ смять его въ прахъ и оставитъ безъ куска хлѣба. — «Видно, Господь умудрилъ его сидѣть на дрожкахъ не сидя, за его добрую душу!» говорилъ голова, ѣхавшій за ними въ своей линеечкѣ.

Все, казалось, шло хорошо. Но ревизоръ пожелалъ видѣть временную арестантскую при полиціи. Вотъ ведетъ Насонъ Моисѣичъ, немного окураженный, великую персону къ сѣнцамъ и останавливается у дверей. —«Извольте головку наклонить, говоритъ онъ, не стукнуться бы лобикомъ о косякъ.»—Преддверіе тюрьмы не представляетъ ничего страшнаго. Вмѣсто орудій казни въ глаза бросаются одни любезные, идиллическіе предметы: ненакрытое ведро съ водою и плавающій на ней ковшикъ съ изумрудными букашками, стопочки двѣ-три дровъ, небрежно развалившіяся, онучки сторожа, растянутыя для просушки противъ сквознаго вѣтра, жиденькая метла, которую, какъ видно, очень обижали,

вытаскивая изъ нея прутья для чистки платья, или на другое употребленіе. Ключь къ мѣсту заключенія у самого Насона Моисѣича; онъ держитъ его въ мундирѣ, у сердца своего, какъ и подобаетъ. Вотъ прикладывается ключомъ къ огромному замку, но еще разъ умильно оборачивается на своего начальника и предостерегаетъ его, чтобъ онъ былъ невзыскателенъ, арестанты-де грубый и невоспитанный народъ.—Сколько у васъ здѣсь арестантовъ? спрашиваетъ ревизоръ.—«Только три человѣка, ваше и(прочее), отвѣчаетъ градоначальникъ: здѣсь не только злодѣянія, и моральные проступки очень рѣдки. Мораль между жителями примѣрная!» Надо замѣтить, что на французскихъ словечкахъ онъ очень упиралъ: дескать, знай нашихъ.

Входятъ въ арестантскую. Это большая изба; половину ея занимаетъ русская печь, сколоченная изъ глины. Ревизора обдаетъ атмосфера, отъ которой онъ напрасно старается освободиться, то отдуваясь, то отплевываясь, то зажимая носъ. Въ избѣ никого не видно. Насонъ Моисѣичъ со страхомъ осматриваетъ все кругомъ и тоненькимъ, пискливымъ голосомъ окликаетъ арестантовъ: «арестанты! арестанты! гдѣ вы?» Нѣтъ отвѣта. Онъ ищетъ глазами, носомъ, всѣмъ своимъ существомъ, заглядываетъ во всѣ углы; подъ нарами, на печкѣ, въ подпечьи, въ печуркахъ; взываетъ опять жалобнымъ, отчаяннымъ голосомъ, какъ будто зоветъ свою Эвридику: «арестанты! гдѣ вы?»—Нѣтъ арестантовъ. Ревизоръ помираетъ со смѣху. Въ это время является письмоводитель, чтобы развязать узелъ этой ужасной драмы. На носу его, толстомъ и красномъ, торчатъ нахально два стеклышка въ мѣдной заржавленной оправѣ; голова его прилично наклонена и дрожитъ, руки также трясутся, но не отъ страха... Нѣтъ, это чувство еще никогда не колебало такой души, привыкшей къ ежедневнымъ подвигамъ. Съ приходомъ его вносится густая струя воздуха, напитаннаго виномъ и лукомъ. Отрывистымъ, но твердымъ голосомъ, какъ человѣкъ самостоятельный, знающій свое дѣло, онъ объявляетъ, что еще рано поутру выпустилъ арестантовъ, потому что на дѣлѣ они оказывались невинными. Какъ сдѣлалъ этотъ фокусъ ловкій письмоводитель, когда ключи были у городничаго, это осталось покрыто густою завѣсой тайны. Снисходительный къ слабостямъ человѣческимъ, ревизоръ и не взялъ на себя труда ее изслѣдовать. Кончилась вся исторія однимъ смѣ-

хомъ главной персоны. Но на городничаго она такъ подѣйствовала, что онъ, по отъѣздѣ ревизора, слегъ въ постель и не вставалъ съ нея болѣе.

Во время болѣзни все бредилъ арестантами и взывалъ жалобнымъ голосомъ: «арестанты! гдѣ вы?» Передъ смертью пришелъ въ разсудокъ, исполнилъ свои христіянскія обязанности, попросилъ у всѣхъ прощенія, въ чемъ кого обидѣлъ, не намекнулъ даже письмоводителю, что умираетъ отъ его руки, и завѣщалъ похоронить его въ рыжемъ парикѣ, чтобы въ гробу ему не было стыдно.

За гробомъ шло много народу. За нимъ слѣдовалъ письмоводитель, держа шпагу въ рукахъ, печальный, понуря голову, какъ бывало въ рыцарскія времена вѣрный конь, носившій своего господина въ бояхъ и на турнирахъ, слѣдовалъ за носилками его, чтобы положить свои кости въ одной съ нимъ могилѣ. Купечество сдѣлало богатыя поминки, стоившія большихъ денегъ; ѣли и пили много въ память своего бывшаго благодѣтеля. Но когда (по приглашенію Максима Ильича) приступлено было къ подпискѣ на уплату его долговъ, которыхъ оказалось рублей на шестьдесятъ по счетамъ (можетъ и съ нѣкоторою добросовѣстною приписочкой на умершаго), всѣ отозвались, что и такъ много потратились на вина и прочее угощеніе для покойника. Вслѣдствіе чего Пшеницынъ одинъ взялся уплатить долги и содержать старушку кухарку, крѣпостную его женщину, оставшуюся безъ крова и куска хлѣба. Кухарка, какъ увидимъ, надѣлала много хлопотъ своему благодѣтелю.

Сдѣлали вѣрную опись оказавшемуся послѣ покойника имѣнію; присяжные цѣновщики оцѣнили его въ 36 рублей, 27 и 3/4 копѣекъ. Но какъ наслѣдниковъ на лицо не оказалось, то и приступили къ вызову посредствомъ публикаціи, не означая цѣны имѣнію. Между тѣмъ нанята коморка для храненія вещей и отдана лошадь въ полицію, чтобы содержать ее по положенію. Войлочки взялъ себѣ на память письмоводитель. Черезъ годъ наслѣдники отыскались. Но когда они потребовали имѣніе, или деньги по выручкѣ за него съ аукціоннаго торга, то оказалось, что съ нихъ слѣдуетъ довзыскать, сверхъ вырученной суммы, еще рублей двадцать пять и столько-то копѣекъ съ дробями за наемъ комнаты для храненія вещей и за содержаніе лошади. Дѣло объ этомъ тянулось лѣтъ десять и на него изведено бумаги на сумму,

которая превышала самое взысканіе. Кухарку, попавшую тоже въ опись, за старостію лѣтъ никто не согласился взять.

На безыменной земляной насыпи, подъ которою навсегда почилъ Насонъ Моисѣичъ, поставленъ деревянный крестъ усердіемъ кухарки и ею же творились по немъ поминки. Но и тѣ скоро замолкли. Только неизмѣнные съ вѣками солнышко и мѣсяцъ попеременно, да звѣзды разсыпныя, приходятъ и понынѣ голубить своими лучами могилку его, какъ и прочихъ братьевъ, почіющихъ на общей усыпальнѣ; только вѣтры неплодные прилетаютъ на нее съ своими заунывными пѣснями и гулятъ покойниковъ въ ихъ смертной колыбели. Еще чадолюбивая церковь не перестаетъ ежегодно поминать всѣхъ ихъ въ общей своей молитвѣ. Богъ знаетъ, и могилка-то Насона Моисѣича *его* ли нынче?... Можетъ быть, два-три новые вѣчные жильца пришли занять ее и потѣснить въ ней кости бывшаго начальника цѣлаго города.

Не знаю, какой дурной человѣкъ выучилъ Ваню разыгрывать роль городничаго, отыскивающаго своихъ арестантовъ. Всѣ помирали со смѣху, когда мальчикъ, щуря глаза и пыряя по сторонамъ, взывалъ тоненькимъ, пискливымъ голосомъ: «арестанты! арестанты! гдѣ вы?» Но Ларивонъ скоро прекратилъ эту комедію, сказавъ Ванѣ, что стыдно и грѣшно передразнивать покойника.

Послѣ Насона Моисѣича принялъ бразды правленія какой-то коллежскій секретарь. Онъ былъ изъ числа тѣхъ господъ, которые носятъ романическое имя и половину фамиліи своего отца. Назовемъ его просто Модестомъ Эразмовичемъ. Это былъ человѣкъ порядочно образованный по тогдашнему, писалъ отличнымъ почеркомъ по-французски и даже сочинялъ русскіе стихи. Презентабельная наружность говорила въ его пользу. Онъ всегда былъ одѣтъ щегольски. Такъ и сіяло отъ него перстнями, золотомъ массивныхъ цѣпей съ разными побрякушками и дорогими булавками въ видѣ пылающаго сердца, колчана съ стрѣлами и голубя, несущаго во рту письмо. Особенно имѣлъ онъ искусство, даруемое только нѣкоторымъ избранникамъ, поражать взоры ослѣпительнымъ блескомъ солитера на указательномъ пальцѣ.

Разница въ управленіи городомъ между двумя начальниками была неизмѣримая. Предшественникъ никогда ни на шагъ не отлучался изъ города, подъ опасеніемъ, что его разстрѣляютъ, если онъ нарушитъ это правило; а преемникъ почти никогда не

бывалъ въ городѣ. Первый трясся на войлочкахъ, окутавъ ноги тряпицей, а второй спокойно ѣзжалъ на дрожкахъ, ни чѣмъ не покрывая глянцовитыхъ своихъ сапогъ. Одинъ имѣлъ письмоводителемъ низенькаго старичка, съ носомъ въ видѣ кровяной колбасы, на которомъ нахально торчали два стеклышка въ родѣ очковъ, а другой привезъ своего письмоводителя, высокаго, среднихъ лѣтъ, съ орлинымъ носомъ, у котораго кончикъ былъ очень бѣлъ, какъ бы отмороженный, но замѣтьте — съ носомъ, нетерпящимъ никакого ига. У одного письмоводитель пилъ горькую и закусывалъ лукомъ, у другаго пилъ сладкую и замаривалъ водочный запахъ гвоздикой и амбре. Секретарь Асона Моисѣевича дѣлалъ только *свои* дѣла, а секретарь Модеста Эразмовича домашнія и служебныя дѣла свои и своего начальника съ неутомимымъ рвеніемъ и преданностію, отчего расходы просителей и вообще гражданъ получили быстрое развитіе и преуспѣяніе. Сначала жители ощутили эту разницу, немного втайнѣ пороптали, но, едва прошло нѣсколько недѣль, попривыкли къ новому ходу дѣлъ, какъ привыкнетъ ко всему человѣкъ, съумѣвшій ужиться и между льдами полярными и подъ зноемъ трониковъ. Впрочемъ, какъ скоро новый письмоводитель ознакомился съ жителями, а еще болѣе вникъ глубоко въ статистику ихъ состояній, онъ очень уравнительно, по правилу товарищества, *обложилъ* каждаго, необходя и сумы нищаго, а купцы *наложили* маленькіе проценты на товары и съѣстные припасы. Вскорѣ граждане обучились считать городничаго и его штатъ какою-то законною повинностью. Новаго письмоводителя начали также провозглашать благодѣтелемъ человѣчества и говорили при этомъ: — Вотъ и Асонъ Моисѣичъ, дай Богъ ему царствіе небесное! ужь не добрая ли была душа... а все-таки бывало гнетъ на законъ. Все упрашивалъ, чтобы купцы не скупали ничего за заставами. Это, говоритъ, какое-то манноболіе! Видно, по малоросійски, или по чухонски, прости Господи! Не равно, говоритъ, пріѣдетъ ревизоръ, меня и васъ всѣхъ упечетъ подъ судъ. Толку что въ немъ, что честный—ни себѣ, ни людямъ! А этотъ—молодецъ, никого не боится, любитъ взять, да и нашему брату любитъ дать поживу.

Новый благовоспитанный городничій былъ очень далекъ отъ всѣхъ этихъ продѣлокъ. Попробуй принести, турнетъ, что и своихъ не узнаешь. Онъ сердито на словахъ гналъ взяточничество и даже

написалъ оду на лихоимство, гдѣ представилъ его во образѣ какого-то ужаснаго чудовища, пожирающаго собственныхъ дѣтей. А вздумай кто жаловаться на письмоводителя, пугнетъ такъ, что ступеньки всѣ на лѣстницѣ его пересчитаешь. Не пожалѣетъ и солитера!

Такъ жители забыли добрѣйшаго Асона Моисѣича и обращались къ Модесту Эразмовичу только съ высокоторжественными поздравленіями, въ томъ числѣ и въ день его ангела.

Какъ выше сказано, новый городничій бо́льшую часть дня, иногда и ночи, проводилъ внѣ города. Почти каждый день ѣзжалъ онъ къ какой-то графинѣ, жившей врознь съ мужемъ, въ богатомъ помѣстьѣ за нѣсколько верстъ отъ Холодни. Ея протекціи обязанъ онъ былъ своимъ новымъ мѣстомъ, и за то въ благодарность исполнялъ при ней должность домашняго секретаря. А такъ какъ графиня занималась сочиненіемъ французскихъ романовъ, довольно многотомныхъ, которыхъ рукописи любила имѣть въ нѣсколькихъ экземплярахъ, то и записывался онъ до изнеможенія силъ. Въ нынѣшнее время графиня взяла бы въ секретари Француза, но тогда въ Россіи иностранцы были рѣдки, особенно трудно было ихъ найдти для должности домашняго секретаря. Все были старые роялисты!.. Собираясь къ графинѣ, чтобы явиться къ ней въ пріятномъ видѣ, онъ часа два тщательно занимался туалетомъ своимъ: чистилъ себѣ ногти, артистически обдѣлывалъ свои букли, помадилъ губы, пудрилъ лицо, надѣвъ свой солитеръ, долго любовался имъ и т. п.

Сверхъ того Модестъ Эразмовичъ страстно любилъ охоту съ ружьемъ. Стрѣлялъ онъ такъ мѣтко, что попадалъ въ серебряный пятачокъ. Письмоводитель, котораго онъ опредѣлилъ въ эту должность за то, что нѣсколько лѣтъ таскался съ нимъ по болотамъ и носилъ застрѣленную дичь, хотя и славился тоже мастерскою стрѣльбой, попадалъ только въ мѣдный пятакъ. Можетъ быть, какъ политичное лицо, онъ немного кривилъ ружьемъ и душой, чтобы не помрачить славы своего начальника. Новый городничій посвящалъ также нѣсколько часовъ сочиненію стиховъ. Стихи эти, большею частію эротическіе, или любовные, какъ ихъ называли, ходили между властями по городу и даже губерніи. Не мудрено, что многія изъ его пѣсенъ дошли до насъ въ пѣсенникахъ того времени и тѣ, которыя считаются лучшими въ этихъ сборникахъ, принадлежатъ, конечно, тогдашнему городничему. Съ дамами могъ

бы, но боялся быть очень любезнымъ, потому что люди, при немъ въ услуженіи находившіеся, принадлежали графинѣ.

Такъ какъ онъ обрѣтался болѣе въ уѣздѣ, чѣмъ въ городѣ, то и прозвали его уѣзднымъ городничимъ. Въ этомъ названіи, какъ и во многихъ другихъ, довольно мѣткихъ, былъ виновенъ добрѣйшій Максимъ Ильичъ Пшеницынъ, который, не смотря на свой кроткій, миротворный характеръ, любилъ почесать язычокъ на счетъ другихъ. Это была врожденная слабость, за которую онъ не разъ дорого платился и однажды едва не подпалъ большой бѣдѣ.

Уѣздный городничій ласкалъ Ваню и имѣлъ отчасти вліяніе на его воспитаніе. Когда мальчику минуло десять лѣтъ, Модестъ Эразмовичь научилъ его первымъ правиламъ стихотворства и декламаціи. Ваня съ одушевленіемъ и вѣрно читалъ его стихи передъ многочисленною публикой и даже разъ произнесъ русскій акростихъ, заранѣе переведенный на французскій языкъ, передъ поэтическою графиней, куда городничій возилъ его, какъ ранній талантъ. Ваня декламировалъ ихъ «съ толкомъ, съ чувствомъ, съ разстановкой», и графиня наградила ранній талантъ поцѣлуемъ и французскимъ молитвенникомъ въ роскошномъ переплетѣ.— «*Будь добродѣтель, имѣй нравъ чистъ и благочесть* (1)» сказала Ванѣ русская графиня и дала городничему поцѣловать свою ручку въ знакъ благодарности, что привезъ такого милаго цитатора стиховъ. Надо сказать, что эта высоконравственная женщина, покинувшая своего мужа за его безпутную жизнь, когда ей было гораздо за сорокъ лѣтъ, одѣвалась иногда въ подражаніе островитянкамъ Тихаго Океана—въ какомъ-то легкомъ, полувоздушномъ пенюарѣ, обрисовывавшемъ очень хорошо ея роскошныя формы.

Разъ зашла откуда-то въ Холодню цыганка гадальщица и предсказала, что городничіе тамошніе не будутъ долго сидѣть на мѣстѣ. Какъ сказала, такъ и сдѣлалось. Черезъ два, три года Модестъ Еразмовичъ очень захирѣлъ, вышелъ въ отставку и отправился съ графиней поправлять свое здоровье на какія-то воды, изумительно возстановлявшія силы.

Преемникомъ его былъ титулярный совѣтникъ Герасимъ Сазо-

(1) Въ десятыхъ годахъ знавалъ я одну русскую графиню, которая такъ худо по русски говорила, что даже и другія аристократки надъ нею смѣялись.

нычъ Поскребкинъ, собою молодецъ, и ростомъ и дородствомъ взялъ. Грудь широкая, выя, хоть сейчасъ подъ ярмо, глаза, какъ у рыси, спокойствіе и твердость невозмутимыя во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ жизни. Онъ былъ женатъ на пріемышѣ какой-то знатной особы, подъ покровительствомъ которой и состоялъ. О! этотъ далеко обогналъ своихъ предшественниковъ. Надо сказать, что онъ, сколько извѣстно было, служилъ прежде какимъ-то полицейскимъ чиновникомъ по пожарной части и потерялъ это мѣсто за неблаговидныя дѣла, потомъ проходилъ служеніе въ какомъ-то мѣстѣ въ родѣ экзекуторскаго.

Здѣсь обнаружилъ онъ широкія способности къ экономіи. Такъ, отпуская на канцелярію свѣчи, сберегалъ изъ нихъ нѣкоторое количество, не только для своего домашняго обихода, на что̀ начальство посмотрѣло бы сквозь пальцы, но и для дешеваго распространенія сальнаго свѣта по городу. Это бы еще ничего. Слабость къ сальнымъ свѣчамъ!... Вотъ напримѣръ, что̀ можетъ быть гаже зеленаго фонарнаго масла? Чтожь дѣлать, я имѣю слабость къ зеленому фонарному маслу. Зеленое масло, особенно когда оно горитъ à petit jour, производитъ на меня какое-то магическое дѣйствіе. Вы не повѣрите? Право, не шучу. Впрочемъ не я одинъ съ такимъ страннымъ вкусомъ: въ каждомъ порядочномъ городѣ вы найдете мнѣ товарища гебра, поклонника фонарнаго огня, горящаго отъ зеленаго масла. Затѣмъ Поскребкинъ имѣлъ слабость къ бумагѣ. Отпуская бумагу канцелярскимъ служителямъ, удерживалъ онъ утонченнымъ хозяйственнымъ образомъ изъ каждой дести по нѣскольку листовъ, а изъ каждой стопы по нѣскольку дестей. Такимъ образомъ, въ извѣстный періодъ времени, накапливалось достаточное количество стопъ, которыя, за вѣдомокраденыя, покупали у него мелкіе торговцы. Для избѣжанія чего начальство вынуждено было накладывать на бумагу штемпель того мѣста, которому принадлежала бумага. Съ дровами опять экономія! Изъ каждыхъ двухъ покупаемыхъ саженей выводилъ онъ три, а когда недоставало дровъ, рубилъ на отопленіе и заборы.

Поскребкинъ былъ человѣкъ ловкій, умѣлъ угодить. То на паперти выхватитъ коверчикъ изъ рукъ выѣзднаго за женою своего начальника. Она въ церкви, а ужь подъ ноги ея Герасимъ Сазонычь стелетъ коверчикъ, и награжденъ улыбкой. То при выходѣ ея изъ театра онъ первый прокричитъ: карета ваша подана! Тутъ

привѣтливое киваніе, а онъ успѣетъ хоть подолъ салопа ея посадить въ карету, да еще дружески раскланяться съ выѣзднымъ, котораго когда-то употчивалъ въ трактирѣ. Какой прекрасный, услужливый человѣкъ этотъ Поскребкинъ! говорила жена начальника своему мужу. И швейцаръ первой особы въ городѣ жметъ «съ своимъ почтеніемъ» щедрую руку ловкаго человѣчка. Случится ли пожаръ, онъ тутъ, хотя и не его дѣло, и первый въ глазахъ начальника зажметъ мощною рукою то мѣсто пожарной кишки, которое прорвалось. На другой день начальникъ видитъ его съ обожженнымъ ухомъ, или съ подвязанною рукой. Онъ хвастался, что, когда былъ на службѣ въ какой-то глухой губерніи, никто лучше его не умѣлъ управлять кишкою пожарной трубы. Особенно мастеръ былъ на это дѣло въ угожденіе какого-то главнаго начальника, который, катаясь съ ледяныхъ горъ, приказывалъ опрыскивать изъ трубы каждаго, кто осмѣливался смотрѣть на его забавы.

Но, увы! не смотря на всѣ эти угожденія, начальникъ, увидавъ, что хозяйственные таланты Поскребкина все болѣе и болѣе совершенствуются и принимаютъ ужасающіе размѣры, сначала говорилъ, что постыдно такъ воровать. Потомъ, видя, что эти учтивые намеки не помогаютъ, сказалъ ему наединѣ, въ кабинетѣ, что онъ плутъ, воръ, мошенникъ, и что нельзя съ нимъ служить. Поскребкинъ, съ благороднымъ достоинствомъ ударяя себя въ грудь, отвѣчалъ: «ваше...! (и прочее: надо замѣтить, что онъ своихъ начальниковъ величалъ всегда одною степенью выше, нежели какую они имѣли) изволите обижать меня понапрасну. Ей Богу, понапрасну! Я воромъ и мошенникомъ никогда не былъ. И на что мнѣ? Я самъ имѣю состояніе — деревушку въ Расторгуевой губерніи; довольствуюсь малымъ.» Начальникъ, высчитавъ всѣ хозяйственныя его продѣлки, очень вѣжливо опять повторялъ прежнія деликатныя имена и просилъ сдѣлать ему одолженіе избавить его отъ служенія съ нимъ. Тутъ Поскребкинъ, показывая на уголъ комнаты, восклицалъ яркимъ, басистымъ голосомъ, вылетавшимъ изъ широкой груди его: «Чтобъ мнѣ сальнымъ огаркомъ подавиться! Утроба моя разорвалась бы отъ одного листа бумаги! Дѣтей моихъ всѣхъ перебило бы полѣномъ дровъ! Вы изволили видѣть, жена моя беременна... чтобъ она родила бревно вмѣсто живаго ребенка, если я посягнулъ на разореніе хоть одного столба въ заборѣ!.. А я еще уповалъ (тутъ онъ говорилъ

болѣе жалостливымъ голосомъ, фистулой), что ваше (и прочее), какъ всегдашній мой благодѣтель и отецъ, удостоите быть у меня крестнымъ отцомъ! Помилуйте! Какимъ нибудь кускомъ сала или ветошнымъ отребьемъ захочу ли марать свою честь!» Потомъ начиналъ кулакомъ утирать слезы, упрекалъ въ клеветѣ своихъ недоброжелателей, которые будто требовали отъ него *акциденціи*, да онъ, помня присягу и долгъ благороднаго человѣка и вѣрнаго сына отечества, не посягнулъ на такія гнусныя дѣла. «Чтобъ имъ такъ сладко было, какъ мнѣ теперь, передъ лицомъ великодушнѣйшаго и благороднѣйшаго изъ начальниковъ! Ежеденно молю Господа за здравіе ваше и вашей супруги... Божественная женщина!.. Чтобъ Господь даровалъ вамъ хоть одно дѣтище на порадованіе ваше! Помилосердуйте, ваше (и прочее). Жена, куча дѣтей, малъ-малымъ меньше... пить, ѣсть надо...» Говоря это, Поскребкинъ думалъ, какъ искусный ораторъ, какую мимику употребить въ пособіе своему краснорѣчію. Поцѣловать у начальника ручку?—неравно ткнетъ его въ глазъ огнемъ сигары. Броситься въ ноги?—оттолкнетъ, какъ гадину, концомъ своего сапога. И не рѣшился ни на то, ни на другое. А начальникъ думалъ: настоящій разбойникъ! какъ бы еще не задушилъ!.. Однакожь порѣшилъ это дѣло тѣмъ, на чемъ его началъ: Поскребникъ долженъ былъ выйдти въ отставку.

Не долго, только полгодика, томился онъ въ ней..Жена бросилась къ своей покровительницѣ, расплакалась, жаловалась на несправедливость начальства, на коварство и недоброжелательство клеветниковъ и наушниковъ, и успѣла до того разжалобить сильную особу, что та обѣщала ей свою протекцію и даже назвала бывшаго главнаго начальника Поскребкина человѣкомъ безъ сердца, злодѣемъ. Un homme sans foi, ni loi, прибавила она, обратясь къ сидѣвшему у ней генералу. Даже, говорятъ, попрекнула гонителя бездѣтностью.

И вотъ Поскребкинъ городничимъ въ Холоднѣ. Здѣсь представился широкій кругозоръ его наклонностямъ; начальства для него въ городѣ не было. Гуляй мой мечъ! сказалъ бы онъ, еслибъ зналъ стихи изъ новѣйшихъ трагедій. Тутъ начались у него—вѣдь голодалъ шесть мѣсяцевъ—ненасытные припадки какихъ-то апетитовъ. То появятся апетиты на сахаръ, осетрину, стерлядь, лиссабонское и прочіе съѣстные и питейные припасы; то на сукно

или матерію для жены. Давай то и другое, пятое и десятое. Бѣда, коль не заморить этихъ прихотей. Берегись тогда первый купецъ, попавшійся ему на глаза; сейчасъ оборветъ, да еще хуже чтобъ не надѣлалъ. «Пожалуй, чего добраго, подлецъ и впрямь обезчеститъ, наплюетъ въ глаза!» говоритъ торговецъ, который успѣлъ ему подвернуться. И несетъ съ низкимъ поклономъ отъ усердія своего. Наконецъ вкусы Поскребкина до того стали разнообразиться, что слюнки у него потекли на все, что жаднымъ глазамъ его только полюбится, даже на коровъ, на лошадей. Можетъ-быть, современемъ пришелъ бы аппетитъ и на домикъ; но, какъ увидимъ далѣе, Максимъ Ильичъ умѣлъ разомъ пресѣчь припадки его бѣшенаго обжорства.

Ѣздилъ Поскребкинъ развалясь въ крытыхъ дрожкахъ на чубаромъ иноходцѣ съ такою же пристяжкою, которая завивалась кольцомъ и ѣла землю. Вотъ увидалъ онъ у Максима Ильича кровнаго сѣраго рысака; спитъ и видитъ, достать рысака. Вихремъ прокатитъ на немъ хозяинъ; кажется, такъ и топчетъ имъ городничаго.

— Воля твоя, говоритъ Поскребкинъ Максиму Ильичу, уступи, братъ, сѣраго коня. И во снѣ меня мордой пихаетъ. Апетитъ на него такой припалъ... слышь (тутъ онъ взялъ руку своего собесѣдника и приложилъ ладонь къ желудку), такъ и ворчитъ: подай ры-са-ка! Не дашь, свалюсь въ постель, будешь Богу отвѣчать. Я ли тебѣ не слуга?

— Поворчитъ, отвѣчалъ Пшеницынъ, да и перестанетъ, а я тебѣ по этой части не лѣкарь. Сѣраго коня любитъ жена, не отдамъ ни за какія деньги.

— Ой ли?

— Сказалъ.

— Послѣднее слово?

— Рѣшительное.

— Ну, смотри, братъ Максимъ, доѣду.

— Доѣзжай, а я покуда поѣду на рысакѣ. Еще будь разъ навсегда сказано: безчестныхъ и беззаконныхъ дѣлъ не дѣлаю, и не только тебя, *никого* не боюсь.

— Помни ты у меня эти слова! сказалъ Поскребкинъ и погрозилъ своимъ пальцемъ, какъ жезломъ.

— Никогда не забываю; готовъ повторить и повыше кому.

Съ того времени городничій и рветъ и мечетъ и кипитъ гнѣвомъ на Пшеницыныхъ. Еще болѣе разожгли его слѣдующіе случаи. На другой день въ церкви у обѣдни Прасковья Михайловна стала впереди городничихи, а послѣ обѣда проѣхала мимо оконъ ея на лихомъ сѣромъ рысакѣ, въ новыхъ щегольскихъ дрожкахъ. Мелькнула молніей, и сердита и блистательна, да еще обдала городничиху, будто въ насмѣшку, облакомъ пыли.

—Купчиха лѣзетъ впередъ! Я все-таки начальница города, говорила жена городничаго. Воля твоя, это афронтъ. Я этого не потерплю, я напишу къ моей благодѣтельницѣ. Какъ хочешь, Герасимъ Сазонычъ, ты у меня упеки ее въ тюрьму, чтобы не хвалилась; не то разведусь съ тобой.

Выжидая случая подкосить Максима Ильича, какъ говорилъ Поскребкинъ, онъ продолжалъ безбоязненно свои подвиги. Такъ забываютъ этого рода люди свои прежнія невзгоды, иногда нужду, холодъ, голодъ, страданія цѣлаго семейства, лишь только на новомъ мѣстѣ удаются имъ новыя беззаконныя пріобрѣтенія. Такъ-то бываетъ..., Придетъ бѣда люди охаютъ, стонутъ, обѣщаютъ исправиться, обновиться и просвѣтиться добромъ; пройдетъ невзгода— забываютъ все, и опять принимаются за старое, и опять погрязаютъ въ тинѣ невѣжества, въ нѣгѣ взяточничества.

Приведутъ въ полицію краденую лошадь съ воромъ—конокрада выпустятъ, а похищеніе рано или поздно дѣлается достояніемъ Пшеницына, словно онъ всеобщій наслѣдникъ. Является за лошадью хозяинъ крестьянинъ. Онъ обѣгалъ болѣе ста верстъ по разнымъ уѣздамъ, упустивъ дома важныя полевыя работы, отъ которыхъ живетъ цѣлый годъ; растрясъ на мошенниковъ и колдуновъ послѣднія свои деньжонки, чтобы указали ему только на слѣдъ *живота* его. Услужливо ему выводятъ лошадь изъ полицейской конюшни. Скотина его, по всѣмъ примѣтамъ, описаннымъ въ явочномъ объявленіи! И масть та же, и конецъ уха также обрубленъ, и грива лежитъ на ту же сторону, какъ у пропавшей лошади. Его, да не его. Жена притащилась съ нимъ и дочерью выручать своего дорогаго воронка. И онѣ также признаютъ ее.—«Вотъ, говоритъ старушка, и сама признала насъ; заржала кормилица, и мордочку къ намъ протянула, только насъ завидѣла. Въ какой сторонѣ была ты, моя голубушка? По какимъ мытарствамъ не водили тебя? Чай не во время попоили, не въ сласть накормили, а мо-

жетъ, и вовсе цѣлый денекъ была не ѣвши. Легче бъ намъ самимъ безъ хлѣбушка оставаться.» И начнетъ старушка причитать разныя нѣжности своему животу и выть надъ нимъ. Дочь подставляетъ руку свою подъ морду лошади, и та лижетъ руку, которая привыкла ее лакомить краюхами хлѣба, посыпаннаго солью.— Наша, да и только, матушка, говоритъ дѣвка, и отъ радости цѣлуетъ воронка. Дѣйствительно ихъ лошадь, а выходитъ не ихъ. У ихъ лошади на одной ногѣ бѣлое пятнышко, а у этой вся нога словно въ черный чулокъ обута. Опытный глазъ увидѣлъ бы, что пятно закрашено черною краской. Въ явочномъ объявленіи стоитъ бѣлое пятнышко на ногѣ.—«Такъ ли, мужикъ?» спрашиваетъ безпристрастный письмоводитель.—«Такъ, батюшка, грѣшить нече», отвѣчаетъ горюнъ. Гдѣ жь мужику признать косметическую поддѣлку?.. Приходитъ отступиться. Почешетъ старикъ голову, почешетъ и въ другихъ мѣстахъ, горько вздохнетъ, да поохаетъ съ старушкой, а дѣлать нечего—знать, лукавый подшутилъ надъ ними. Но дѣвкѣ нетакъ легко разстаться съ воронкомъ; видно, натура молодая и неопытная! Обвила шею его своими мощными, загорѣлыми руками, и замерла на ней, не смотря на брань полицейскихъ служителей! Рыдая говоритъ она: «нашъ, свято слово, нашъ! Не разстанусь съ тобой, ро́дный мой, кормилецъ ты нашъ!» И пуще прежняго сжимаетъ шею коня въ своихъ объятіяхъ. Позвали городничаго. Мигнулъ онъ двумъ бравымъ молодцамъ... Разомъ оторвались отъ лошади двѣ дѣвичьи руки, какъ двѣ гибкія вѣтви молодой березы, дружно сплетшіяся; хотѣли было молодцы куда-то потащить дѣвку, да... взглянули на городничаго. Тотъ махнулъ рукой, плюнулъ и скрылся, чтобъ неравно не случилось при нёмъ какого несчастія. Дѣвка лежала полумертвая на землѣ, пѣна клубомъ била у ней изо рта...

Такимъ образомъ и другими фокусами краденыя забѣглыя лошади поступали въ собственность Поскребкина. Также и краденые самовары, кострюли, оловянная посуда, якори, рогожи, бичевки, все цѣнное и нецѣнное поглощалось ненасытною утробой его. Въ извѣстный, благопріятный періодъ времени, подъ укрывательствомъ волчьей ночи, всѣ эти вещи укладывались въ краденую телегу, въ которую запрягали лошадь неотысканнаго хозяина, и отправлялись съ вѣрнымъ служителемъ въ деревушку Герасима Сазоновича, родъ закутки, укрытой лѣсами и охраняемой боло-

тами. Такъ по немногу изъ песчинокъ невидимо слѣпливаются домà и большія состоянія!

Случилось однажды богатому купцу, по невѣдѣнію ли законовъ, по намѣренности ли, сдѣлать какой-то проступокъ. Виноватъ, да и только. Приходило ему худо, и добрые люди присовѣтовали ему отнести сотнягу рублей Герасиму Сазонычу. Такъ и сдѣлалъ купецъ. Главный совѣтникъ его по этому дѣлу далъ знать Поскребкину о кушѣ, который ему готовится, и о часѣ, въ который сдѣлано будетъ приношеніе. Въ это время остановилось въ городѣ по болѣзни или по домашнему дѣлу значительное лицо. Вотъ приходитъ *по секрету* къ городничему виновный купецъ. Ласково принимаютъ его. Онъ осторожно затворяетъ за собою дверь и, объяснивъ, что у него есть такое и такое-то дѣльце, проситъ пощады; вмѣстѣ съ этимъ осторожно, съ низкими поклонами, кладетъ на столъ кувертъ, немного отдувшійся. Для вящшаго эффекта положены въ него все синенькія. Надо было видѣть, какъ гнѣвно привсталъ Поскребкинъ во всю грамадную высоту свою, какъ онъ вскипѣлъ гнѣвомъ, швырнулъ на полъ кувертъ такъ, что бумажки разлетѣлись, и закричалъ громовымъ голосомъ, потрясшимъ стѣны:—«Что это?.. Подкупать?.. Меня?.. Развѣ я взяточникъ?.. Покляпешься ли, что я бралъ отъ тебя когда-нибудь?.. Подъ колоколами спросятъ. Развѣ я не присягалъ служить, какъ подобаетъ вѣрнымъ подданнымъ?.. Господа, прошу засвидѣтельствовать.» А тутъ какъ тутъ, выросли изъ земли три свидѣтеля. Впереди самъ стражъ законовъ, богобоязливый старичокъ, съ постнымъ лицомъ, выплываетъ мѣрно и ныряя головой, точно утка съ своими утенятами скользитъ по зеркалу пруда, гдѣ рыболовы закинули неводъ. Онъ смиренно дѣлаетъ какіе-то знаки рукой на груди, словно готовится на какое-нибудь благочестивое дѣло. За нимъ невозмутимо выступаетъ своимъ брюшкомъ купецъ, тоже должностное лицо. Онъ держитъ пальцы правой руки, налитые брагою, между петлями сюртука. Сзади, господствуя надъ всѣми взъерошенною головой, выказываетъ свой острый, бекасиный носикъ надзиратель, испитой, длинный и прямой, какъ верстовой столбъ. Въ его глазахъ видны одно холодное безстрастіе и строгое испытаніе своего долга. Онъ знаетъ, что отъ сладкаго пирога ему достанутся только корки.

Улика на лицо. Купецъ помертвѣлъ и бросается въ ноги город-

ничему. «Не погубите, ваше благородіе,» вопіетъ онъ отчаяннымъ голосомъ. «Не самъ собою, помутили худые люди.»—Нѣтъ пощады! Записать въ журналъ, да и только; отослать деньги въ пользу богоугоднаго заведенія!

Въ ту же минуту, съ быстротою электрическаго телеграфа, сказалъ бы я, если бъ электричество было тогда изобрѣтено, и потому скажу съ быстротою стоустой молвы, честный, благородный, примѣрный поступокъ Герасима Сазоныча разносится по городу и доходитъ до ушей значительнаго человѣка, который по болѣзни или по домашнимъ обстоятельствамъ остановился въ городѣ. Значительный человѣкъ въ неописанномъ восторгѣ отъ этого неслыханнаго подвига, желаетъ видѣть въ лицо городничаго, чтобы удержать благородныя черты его въ своей памяти, разсыпается въ похвалахъ ему, говоритъ, что разкажетъ объ этомъ по всему пути своему, въ Петербургѣ, когда туда пріѣдетъ, вездѣ, гдѣ живутъ люди. Мало—надо непремѣнно въ газетахъ напечатать объ этомъ во всеобщее свѣдѣніе, на поученіе всѣмъ городничимъ и прочимъ правителямъ. Съ такими высокими мнѣніями о Поскребкинѣ и чувствами удивленія къ его душевнымъ качествамъ значительный человѣкъ уѣзжаетъ изъ Холодни. Чѣмъ же все это оканчивается? Чтобы замять и потушить дѣло, купецъ вноситъ уже по секрету не сто, а пятьсотъ рублей, да еще задаетъ на славу обѣдъ. Никакое богоугодное заведеніе не записывало у себя на приходъ ни одной копѣйки изъ этихъ денегъ. Надо прибавить къ чести Герасима Сазоныча, онъ на этотъ обѣдъ не явился, но уговаривалъ всѣхъ ѣхать, говоря, что купецъ человѣкъ прекрасный, только опростоволосился по наущенію недобрыхъ людей, желавшихъ его погубить.

Разъ какъ-то на дворъ къ Максиму Ильичу въѣхала лихая тройка одной масти. Подъ дугою гудѣлъ заливнымъ звономъ валдайскій колоколъ; бубенчики лепетали разными звуками, мастерски подобранными отъ самаго тоненькаго до самаго густаго. Въ звукахъ этихъ былъ какой-то музыкальный строй. Покромка краснаго сукна обвивала сбрую на лошадяхъ; мѣдь въ бляхахъ, звѣздахъ и полумѣсяцахъ, казалось, должна была сдавить коней. Пестрый, съ азіятскими узорами яркихъ цвѣтовъ, коверъ упадалъ съ кресеиъ пошевень почти до земли. Всю ширину пошевень занимала огромная медвѣжья шуба и поверхъ ея торчала, похожая

фигурой на башню съ куполомъ, высокая шапка изъ сѣрыхъ мерлушекъ съ бархатнымъ верхомъ зеленаго цвѣта. Кучеръ былъ въ нагольномъ тулупѣ, видавшемъ разные виды и непогоды на своемъ вѣку, и потому носившій какой-то неопредѣленный цвѣтъ, не то желтый, не то красный, не то буропѣгій. Рядомъ, свѣсивъ съ кучерскаго мѣста ноги въ холодныхъ сапожкахъ, которыми изрѣдка постукивалъ одинъ объ другой, сидѣлъ мальчикъ лѣтъ тринадцати, остриженный въ кружокъ. Онъ также былъ въ овчинномъ тулупчикѣ, только совершенно новенькомъ, что̀ можно было не только видѣть по мучистой бѣлизнѣ его, но и слышать по запаху. Нарядомъ своимъ онъ очень занимался; это замѣтно было изъ движеній его рукавовъ, которые подымалъ попеременно, смотря на нихъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Казалось, онъ любовался въ нихъ самъ собою, какъ въ зеркалѣ. На головѣ у него нахлобучена была высокая шапка изъ порыжѣлыхъ мерлушекъ, безпрестанно наѣзжавшая ему на лобъ. Вѣроятно, ее сняли съ большой головы, взявши однакожь предосторожность удержать ее по возможности на мальчикѣ, о чемъ можно было также догадаться по нѣсколькимъ вѣткамъ сѣна, упорно выползавшимъ изъ-подъ шапки. Тройка лихо завернула къ крыльцу. Ваня игралъ въ это время на дворѣ въ снѣжки.

— Что дома тятенька? спросила медвѣжья шуба.

Это былъ исправникъ Трехвостовъ.

— Дома, сказалъ Ваня, и побѣжалъ къ отцу повѣстить о пріѣзжемъ гостѣ. Послѣ того онъ ужь не показывался въ гостиной, потому что всегда чувствовалъ какой-то страхъ къ Трехвостову.

И не мудрено. Трехвостовъ былъ мужикъ ражій, широкоплечій, но сутуловатый. Оспа такъ обезобразила его лицо, какъ будто первоученикъ портной вывелъ на немъ суровыми нитками грубые швы и рубцы, и выковырилъ толстою иглой брови и вѣки. Слеза всегда била у него изъ глазъ, какъ у старой оболонки. Голосъ его, казалось, выходилъ не изъ груди, а изъ желудка. Правда, онъ считалъ этотъ органъ едва ли не лишнимъ. Вся бесѣда его обыкновенно происходила въ нѣсколькихъ словахъ, произношеніе которыхъ иногда сбивалось на сдержанное мычанье коровы. До смысла ихъ слушатели доходили съ трудомъ, да и не гонялись за смысломъ, зная, что его не оказалось бы много, еслибъ онъ изъяснялся и въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Въ уѣздѣ на-

зывали его прекраснымъ человѣкомъ, а онъ считалъ себя честнѣйшимъ, потому что не бралъ отъ дворянъ взятокъ деньгами, а развѣ некупленными съѣстными припасами для себя и лошадей. Поживиться, гдѣ можно, отъ казны и купцовъ, дѣло другое. Что имъ? богаты! говорилъ онъ. Отъ крестьянъ любилъ только угощеніе.—«Добрѣйшая душа! говорилъ въ одной деревнѣ староста, у котораго торчала одна половина бороды (русскій человѣкъ не злопамятенъ), только больно сердцемъ горячъ». Бывало, разъяренный заскрежещетъ зубами, казалось, съѣстъ тебя, дастъ волю кулакамъ, того и гляди убьетъ, а за клочкомъ бороды, какъ староста, ужь и не гоняйся. За то сердце скоро и сбѣжитъ, словно съ гуся вода. Опомнится, сниметъ передъ битымъ шапку, да еще поцѣлуетъ его.—«Не взыщи, братъ», молвитъ онъ, «больно горячъ! Такъ матушка уродила.» Надо сказать, что у русскаго мужика голова вылита будто изъ чугуна. Лежитъ себѣ на печкѣ, а сѣрозеленая мгла угара стоитъ съ потолка по поясъ избы. Ему ничего, тогда какъ у васъ въ этой избѣ въ двѣ-три минуты затрещитъ черепъ. Посмотришь на сельскихъ праздникахъ, пьяный мужикъ за угломъ клѣти замертво валяется, въ ужасномъ видѣ; голова проломлена, кровь бьетъ изъ носу и ушей. Пьяный ли падая ударился объ уголъ клети, или подвизался въ рукопашномъ бою? кто его знаетъ. Только и думаешь, послать было скорѣе за лѣкаремъ, да за попомъ. — «Э, батюшка, не тревожьтесь напрасно, говоритъ братъ, или сынъ родной; бывалое дѣло!» И подлинно не для чего было тревожиться. Окатятъ холодною водой, а иногда дѣло и безъ того обойдется; сдѣлаетъ богатырскую высыпку на полсутки безъ движенія, потомъ встанетъ какъ ни въ чемъ не бывало, да только попроситъ опохмѣлиться.

Любилъ-таки покушать Трехвостовъ. Ѣда для него была все равно, что жвачка для коровы. Чего, и въ какое время дня и ночи, не былъ онъ въ состояніи поглотить! Не разъ случалось, что онъ бывалъ на двухъ закускахъ и двухъ обѣдахъ, черезъ часъ на каждомъ. Онъ ѣлъ и пилъ за вторымъ обѣдомъ такъ же апетитно, какъ и за первымъ. По окончаніи послѣдняго говорилъ иногда: «Много ли надо человѣку, чтобы сыту быть!» Послѣдствій отъ такихъ пресыщеній никогда не случалось, кромѣ двухъ, трехъ лишнихъ часочковъ сна—хоть на кочкѣ болотной, или въ полдень на солнечномъ припекѣ. За то могъ, какъ верблюдъ, оставаться

по цѣлымъ суткамъ безъ ѣды. Развѣ заморитъ червяка коркою хлѣба, посыпаннаго солью едва ли не въ толщину самой корки. Дѣлавшимъ ему въ этомъ случаѣ замѣчаніе, почему онъ своей провизіи никогда не возитъ? отвѣчалъ: «А на чтожь я и исправникъ!» Но испытывать эту діэту случалось ему очень рѣдко, и то развѣ въ дремучихъ лѣсахъ, на ловлѣ разбойниковъ. Когда онъ пріѣзжалъ на слѣдствіе, головы, старосты и прикащики угощали его отборными сельскими яствами на убой и питіями до положенія.

Велѣлъ Пшеницынъ принять гостя.

Пыхтя ввалился онъ въ гостиную, молча обнялъ Максима Ильича, также молча подошелъ къ рукѣ Прасковьи Михайловны, которая только наклонилась къ щекѣ его и въ осторожномъ разстояніи послала ей поцѣлуй.

— Не за дѣломъ ли? спросилъ Пшеницынъ. (А случались у нихъ дѣла по караванамъ, проходившимъ въ уѣздѣ.)

— Нѣтъ, братецъ.

Помолчали.

— А закусить?... будетъ?

Подали закуску: икры, пирогъ, ветчины окорокъ, холоднаго поросенка, холодной телятины, копченаго гуся и графинъ ерофеичу. Будто голодный боа, глоталъ гость куски полнаго блюда въ ужасающихъ размѣрахъ; къ концу закуски графинъ былъ пустъ. Это упражненіе продолжалось съ полчаса: изрѣдка только кряхтѣлъ и пыхтѣлъ онъ, какъ иногда мужикъ, когда рубитъ очень твердое дерево, кряхтитъ, чтобы придать себѣ силы. Наконецъ Трехвостовъ всталъ, молча обнялъ Максима Ильича, опять съ тою же процедурой подошелъ къ ручкѣ Прасковьи Михайловны, взялъ свою шапку, въ видѣ башни, и вывалился въ переднюю. Влѣзъ было онъ въ своего медвѣдя, да вдругъ ударилъ себя широкою ладонью по лбу, сбросилъ медвѣдя и воротился.

— Забылъ.

— Что такое? спросилъ Максимъ Ильичъ.

— Прошу... завтра... на свадьбу, Прасковью Михайловну... посаженой матерью. Удостойте. Му!...

— Къ кожу жь? спросила она.

— Вѣстимо ко мнѣ... къ моей невѣстѣ, гмъ!

— По нашему обычаю, долженъ объ этомъ просить ближній родственникъ невѣсты.

— Какіе родственники!... (Тутъ онъ махнулъ рукой.) Знаете Палашку?

Максимъ Ильичъ зналъ подъ этимъ именемъ у Трехвостова довольно красивую дѣвку или женщину среднихъ лѣтъ. Она являлась для прислуги передъ очами пріѣзжихъ гостей босикомъ, но въ черевикахъ, съ ситцевымъ платкомъ на головѣ и такой же матеріи шалью, которою крестъ-на-крестъ покрывала грудь и опоясывала себя такъ, что назади торчалъ горбомъ огромный узелъ съ длинными концами. Иногда Пшеницынъ видалъ ее съ подбитымъ глазомъ и волосами, причесанными въ подозрительномъ безпорядкѣ. Вслѣдствіе этихъ соображеній, онъ видимо смутился и не зналъ, что̀ отвѣчать. Но Трехвостовъ и не далъ ему этого труда и опять спросилъ: — Видалъ ребятишекъ? (тутъ указалъ онъ на переднюю). Одинъ здѣсь.... Накормили ли его?

— Накормили, сказалъ Ларивонъ, прибиравшій опорожненную послѣ закуски посуду.

— Ладно.

Максимъ Ильичъ опять не отвѣчалъ. Онъ также видалъ у Трехвостова двухъ дворовыхъ мальчиковъ, лѣтъ тринадцати и одиннадцати, которые за столомъ бойко подавали и принимали тарелки. Трехвостовъ опять не дождался отвѣта и продолжалъ. На этотъ разъ онъ разлился такимъ потокомъ словъ, какого Пшеницынъ не слыхивалъ съ перваго знакомства съ нимъ. — Проворные ребята!... Третій пищитъ еще въ люлькѣ. Три дѣвки.... двѣ ужь славно шьютъ въ пяльцахъ. И баба служила мнѣ вѣрою и правдой. Сколько побоевъ отъ меня приняла! Признаюсь, братецъ, больно горячъ, такимъ матушка уродила!... жаль ихъ! Хочу все вѣнцомъ прикрыть. Неравно карачунъ.... отниметъ деревню мерзавецъ братъ, му!... останутся безъ куска хлѣба, да еще, чего добраго! въ крѣпость возьметъ....

— Доброе дѣло, сказала жалостливо Прасковья Михайловна, у которой навернулись слезы при этомъ разказѣ.—А свадьба неужьли завтра?

— Завтра, спѣшу. Вотъ видите шея коротка (тутъ онъ щелкнулъ себя по шеѣ пальцами); подчасъ бьетъ въ голову, будто молотомъ кто тебя ударитъ.... наклоненъ къ пострѣлу.

— Какъ же, спросила Прасковья Михайловна, чай и приданаго не успѣли приготовить?

— Есть праздничное тряпье.

— Какъ же это можно? Все-таки съѣдутся у васъ дворяне на свадьбу.... Жена исправника.... И въ церкви отъ прихожанъ будетъ стыдно. Позвольте мнѣ самой снарядить невѣсту. У меня есть платья два, три, новехоньки.... надѣвала только по разу.... Кое-что изъ уборчиковъ еще привезу.

Трихвостовъ, вмѣсто благодарнаго отвѣта, молча поцѣловалъ у Прасковьи Михайловны руку, на которую упала слеза какъ она всегда падала — изъ больныхъ глазъ его. И опять влѣзъ онъ въ своего медвѣдя, и опять занялъ имъ пошевни во всю ширину ихъ, и опять мальчикъ въ новомъ нагольномъ тулупчикѣ бойко вскочилъ на сидѣнье рядомъ съ кучеромъ.

Проводивъ гостя, долго еще сидѣлъ Максимъ Ильичъ на одномъ мѣстѣ въ раздумьи о семействѣ Трехвостова и его свадьбѣ. Чтобы освободиться отъ гнета этихъ мыслей, онъ принялся читать жизнеописанія великихъ мужей Плутарха (чьего перевода, теперь не припомню). Съ своей стороны Прасковья Михайловна думала только о той роли, которую будетъ играть посаженою матерью, и о томъ, чтобы одѣть завтра невѣсту въ лучшіе свои наряды. Началась выборка ихъ изъ сундуковъ и раскладка по стульямъ, диванамъ и кроватямъ. Часто отрывала она Максима Ильича отъ чтенія распросами, какого цвѣта волосы и глаза у невѣсты, какого роста, худа или дородна. Эти занятія наполнили весь день и захватили половину ночи. Объ ѣдѣ она забыла; только перехватила кое-что на лету.

Мы было забыли сказать о томъ, что случилось съ Ванею въ то время, когда сидѣлъ гость у отца его. Онъ приходилъ въ переднюю посмотрѣть на мальчика въ новомъ тулупчикѣ. Мальчикъ былъ очень хорошенькій и съ такою заманчивою, грустною улыбкой смотрѣлъ на барченка, что тотъ поддался этой привлекательной наружности и посягнулъ было на приглашеніе играть съ нимъ въ снѣжки на дворѣ. Но Ларивонъ, вышедшій въ это время въ переднюю, пресѣкъ разомъ это желаніе, покачавъ очень серіозно головой. Ваня догадался, что ему неприлично связываться съ дворовымъ мальчишкой. Услыхавъ, что стучатъ въ гостиной тарелками, попросилъ онъ дядьку накормить маленькаго

слугу. — Господа ѣдятъ, и слуга, чай, хочетъ тоже кушать, говорилъ онъ. Между тѣмъ, пользуясь новымъ отсутствіемъ своего ментора, сталъ любоваться чернымъ пушистымъ волосомъ медвѣдя, ласкалъ его своею ручонкой и называлъ хорошенькимъ, добрымъ Мишей. Мальчикъ въ тулупчикѣ сдѣлался смѣлѣе, выворотилъ рукавъ шубы, накрылъ имъ лицо свое, и осторожно, на приличномъ разстояніи, подходилъ къ Ванѣ, приговаривая: «У! у! медвѣдь—съѣстъ.» Но видя, что тотъ не боится медвѣдя, а только смѣется, схватилъ его съ недѣтскою силой въ охапку, посадилъ на скамейку и закуталъ въ огромную шубу такъ, что изъ нея было видно только горящее лицо малютки, окаймленное черною, густою шерстью ужаснаго звѣря. Въ этихъ новыхъ забавахъ накрылъ ихъ опять Ларивонъ, но на этотъ разъ отвелъ своего питомца въ другую комнату, велѣлъ ему смирно сидѣть на стулѣ и сказалъ съ педагогическою важностью:—Въ этакую шубу зарылись! Богъ знаетъ, гдѣ валялась, да и грѣхомъ воняетъ....

Тутъ Ларивонъ, для вящшаго подкрѣпленія своихъ наставленій, не преминулъ плюнуть.

Отчего грѣхомъ воняетъ, разказалъ послѣ дядька. Богатая эта шуба была подарена Трехвостову купцомъ, чтобы онъ показалъ, что у него потонула барка съ казеннымъ провіянтомъ, а провіянтъ былъ заранѣе проданъ въ сосѣднія пребрежныя деревни. Понятые, какъ водится, получили ведерки двѣ вина, и прочее и прочее.—Грѣхъ великій! говоритъ Ларивонъ: не скоро отмолить его этому богопротивному человѣку.

Свадьба дѣйствительно состоялась на другой день. Невѣста, по милости Прасковьи Михайловны, была разряжена впухъ и блаженствовала. Казалось, она помолодѣла десятью годами. И какъ не радоваться ей было? Она дѣлалась свободною, дворянкой; существованіе ея и семьи было навсегда обезпечено. За свадебнымъ обѣдомъ сидѣло человѣкъ двадцать дворянъ. Самъ предводитель Подсохинъ былъ приглашенъ, но не удостоилъ пріѣхать. Это обстоятельство нагнало легкую тучу на пирующихъ; задумался и Трехвостовъ. На другой день, когда подали ему медвѣжью шубу, онъ, неизвѣстно почему, оттолкнулъ было ее отъ себя, и надѣлъ съ сердцемъ. Нѣсколько дней медвѣдь тяготилъ его могучія плечи, какъ будто живой звѣрь сжималъ его въ своихъ лапахъ. Взглянулъ онъ на своихъ дѣтей, погла-

дилъ одного и другую по головѣ, поцѣловалъ малютку въ люлькѣ, сквозь слезы улыбнулся женѣ, махнулъ рукою, и снова медвѣдь сдѣлался для него легокъ, какъ и прежде. Съ того времени бывшая Палашка, нынѣ Палагея Софроновна, никогда не была бита.

По поводу ли медвѣжьей шубы, подъ которою скрывалось нечистое дѣло, не пріѣхалъ щекотливый въ дѣлѣ чести предводитель, или по другой причинѣ, неизвѣстно. Но какъ мы о немъ заговорили, то и остановимся нѣсколько на его замѣчательной личности.

Это былъ одинъ изъ достойно уважаемыхъ дворянъ того времени, человѣкъ бѣленькій, съ которыхъ сторонъ ни посмотрѣть на него. Рѣдко въ комъ можно была найдти соединеніе такой чистоты нравовъ съ такимъ прямодушіемъ, честностію и твердостію. Онъ всегда думалъ не только о томъ, что̀ скажутъ о немъ при его жизни, но и послѣ смерти. Молодость провелъ онъ въ морской службѣ, дѣлалъ нѣсколько кампаній, былъ офицеръ ретивый и исполнительный, и также требовалъ строгаго исполненія своихъ обязанностей, какъ и самъ исполнялъ ихъ. Хозяйство, порученное ему на кораблѣ, шло какъ нельзя успѣшнѣе — не для него, но для всей команды. Онъ не имѣлъ привычки извлекать свои выгоды изъ общественныхъ или казенныхъ суммъ, и пріобрѣлъ для себя только имя прекраснаго *эконома*—разумѣется, въ хорошемъ смыслѣ. Обстоятельства потребовали, чтобъ онъ вышелъ въ отставку. Его призвали къ домашнему очагу мать, молодая жена, трое дѣтей и сестра, которыхъ обязанъ онъ былъ содержать отъ небольшихъ деревушекъ въ холоденскомъ уѣздѣ, а имѣніе это подъ слабымъ, можетъ-быть безтолковымъ, женскимъ управленіемъ, начинало разстроиваться. Взявъ въ твердыя и искусныя руки руль хозяйства, онъ въ нѣсколько лѣтъ успѣлъ привесть свое и женино имѣнія въ цвѣтущее положеніе и удвоилъ доходы безъ отягощенія крестьянъ.

Вскорѣ дворянство уѣзда потребовало отъ него жертвы. Прежній судья не выполнилъ надеждъ своихъ избирателей и, какъ мы видѣли, взъѣзжалъ верхомъ на лошади по лѣсамъ строившагося вмѣсто того, чтобы твердо сидѣть на своихъ курульскихъ креслахъ. Къ тому-же, замѣчено было, высшимъ ли начальствомъ или дворянствомъ, что онъ очень *однообразенъ* въ прісканіи и приложеніи законовъ къ судебнымъ опредѣленіямъ, между тѣмъ

слишкомъ *разнообразенъ* въ рѣшеніяхъ своихъ помимо законовъ. Такъ въ уголовныхъ дѣлахъ ни одного опредѣленія не обходилось безъ того, чтобы онъ не включилъ слѣдующихъ реченій: «Лучше простить десять виновныхъ, нежели наказать одного невиннаго. Судья долженъ помнить, что онъ человѣкъ есть.» И эти рѣшенія выставлялъ даже тогда, когда опредѣлялись кнутъ или каторжная работа. Въ судъ поступило однажды дѣло *о зарѣзаніи на смерть* медвѣдемъ мужика. И тутъ судья не преминулъ поставить свой любимый текстъ: «Лучше простить десять виновныхъ, чѣмъ одного невиннаго наказать;» виновнаго же въ опредѣленіи своемъ предоставилъ суду Божіему. За то какъ любилъ онъ разыгрываться въ рѣшеніяхъ своихъ! Когда подносили ему въ одно время два журнала по преступленіямъ, хотя совершеннымъ двумя разными лицами и въ разныхъ мѣстахъ, но одинаковымъ по обстоятельствамъ и степени вины, даже по лѣтамъ преступниковъ, онъ опредѣлялъ одного наказать кнутомъ, а другаго плетьми. Если же секретарь замѣчалъ ему, что законы въ обоихъ журналахъ подведены одни и тѣ же, онъ съ неудовольствіемъ отвѣчалъ: «Что ты, братецъ, толкуешь мнѣ о законахъ? Законы сами по себѣ; пусть и остаются на своемъ мѣстѣ. Заборъ стоитъ что ль, или ровъ вырытъ между ними и постановленіемъ? Или по твоему запряжены они вмѣстѣ, какъ па́рныя лошади въ дышло? Видишь, тутъ два человѣка разные. Одинъ изъ Перекусихиной — тамъ народъ все разбойничій, а другой изъ Белендряевки—когда проѣзжаешь, такъ всѣ міромъ встаютъ, будто единый человѣкъ, и всѣ въ поясъ, будто единое лицо. Одинъ убитъ въ густомъ лѣсу, а другой въ кустарникахъ. Понимаешь ли, умная голова? Въ лѣсу никто не видитъ, а въ кустахъ—самъ посуди—бываетъ рѣдочь, тамъ этакъ вербочка или жиденькій олешникъ, ну какъ бы напримѣръ сказать, будто сквозь стеклянную бутыль видно, какая тамъ себѣ ягода плаваетъ. Слѣдственно, понимаешь, душегубство одного совершено въ отчаянномъ азартѣ, другаго осторожно, съ наклоненіемъ головы и прочее.... понимаешь? Да и *тамъ* у начальства, ты самъ, умная голова, тамъ увидятъ разнообразіе; оно и читать пріятнѣе. Видно дескать тонкій судья, даромъ что хмѣльнымъ зашибается! все по косточкамъ разобралъ. Эхъ! братецъ, нужна вездѣ политика, то есть букетъ. Поднеси только къ носу, узнаешь сейчасъ по одному духу, какого поля ягода, виш-

невка или смородиновка. Помни ты, крыса архивная, магазинъ ты этакой законовъ, вездѣ нуженъ букетъ!» При этомъ судья дружески потрепалъ секретаря по плечу, а секретарь поклонился и крякнулъ. Вся канцелярія поняла, что въ этомъ звукѣ отзывалось больше смысла и значенія, нежели въ произнесенной рѣчи.

Хотя судья и самъ походилъ съ лица на букетъ разнородныхъ ягодъ по тѣнямъ наливокъ, какія онъ вкушалъ, однако жь дворянство и судилище раскланялись съ нимъ навсегда. На новыхъ выборахъ Подсохинъ былъ единодушно избранъ въ судьи. Знакомъ онъ былъ съ девятымъ валомъ[1] грозной стихіи, какъ съ движеніемъ пуховика, когда онъ въ безсонницу переминалъ на немъ съ боку на бокъ свою тучную особу. Но его ожидалъ девятый валъ еще болѣе грозной стихіи—подъяческой. Здѣсь собственная его неопытность и геніяльная сноровка приказныхъ, передъ которою блѣднѣютъ величайшіе умы и таланты промышленнаго міра, готовили ему мели и скалы, гибельнѣе всѣхъ, какія только случалось ему встрѣтить на своемъ вѣку. «Однако жь, подумалъ онъ, одарилъ же меня Господь койкакимъ разсудкомъ, правилъ я успѣшно хозяйствомъ на кораблѣ, вынесъ и собственное хозяйство отъ крушенія; къ тому жь, грѣхъ таить, *писать охотникъ*, да и отказываться отъ чести, мнѣ сдѣланной, *постыдно*»—и рѣшился принять должность, на которую вызвалъ его голосъ дворянства цѣлаго уѣзда. Отслуживъ молебенъ въ своей сельской церкви, онъ поднялся со всѣмъ семействомъ, большими и малыми, и переѣхалъ на житье въ Холодню. Передъ входомъ въ судейскую онъ, какъ простой работникъ, начинающій свой поденный трудъ, перекрестился на всѣ четыре стороны. Здѣсь первымъ его дѣломъ было изучить добросовѣстно свои новыя обязанности, и изучивъ ихъ, онъ принялся за исполненіе съ рѣдкимъ усердіемъ и твердостію.

Не очень уважаю я судью, у котораго секретарь, извѣстный каждому въ уѣздѣ и даже въ губерніи не только по фамиліи, но и по имени и отчеству, какъ-то: Семенъ Макарычъ, Антонъ Сидорычъ (охъ! ужь эти Макарычи!), пріобрѣлъ себѣ громкую извѣстность великаго дѣльца, закрывающаго своею важною, иногда неприступною персоной, ничтожность президента и его товарищей. Секретарь у Подсохина ничего не значилъ, или значилъ то, чѣмъ ему велѣно быть законами. Просители, безъ

всякихъ предварительныхъ сношеній, посредничества и остановокъ, обращались прямо къ судьѣ. Онъ заранѣе ничего не обѣщалъ, но вникнувъ въ дѣло, обнявъ его хорошо со всѣхъ сторонъ, сообразивъ съ законами, говорилъ твердо, наотрѣзъ одному: ваше дѣло право, другому—не могу для васъ ничего. Слова эти были неизмѣнны. Иногда удавалось ему помирить тяжущихся и безъ поощренія бумажной фабрикаціи.

И прошло его шестилѣтнее служеніе въ судейской камерѣ, какъ для трудолюбиваго пахаря дни лѣтней *страды*. Отеръ онъ честный потъ съ чела своего и отслужилъ въ той же сельской церкви благодарственный молебенъ за то, что сподобилъ его Милосердый Отецъ исполнить свято долгъ свой. Съ той поры могъ онъ ежедневно засыпать съ невозмутимою совѣстью младенца и также спокойно готовъ былъ навсегда закрыть глаза на лонѣ своего Господа. Никогда не промышлялъ онъ ничего для себя изъ своей должности, никогда не продавалъ ни за какія выгоды чужихъ интересовъ. Трудился много и трудился особенно, когда предстояло въ судѣ рѣшеніе дѣла, въ которомъ замѣшано было благосостояніе беззащитныхъ сиротъ или женщины, несвѣдущей въ законахъ. Горячо, до изступленія, гналъ лихоимство, но закрывалъ глаза, когда благодарили его бѣдныхъ подчиненныхъ за усиленные труды по дѣлу, которое было ужь рѣшено присутствующими. Уважалъ онъ высшія губернскія власти, но никогда не унижался передъ ними и никогда не былъ ихъ угодникомъ изъ надежды на награды или на милостивое *взысканіе:* не знаю почему, а можетъ-быть потому, что рѣзко говорилъ правду въ глаза, и губернскія власти заискивали въ немъ. То назовутъ дружочкомъ, то посадятъ за столъ рядомъ съ женою, то велятъ слугѣ, помимо болѣе значительныхъ лицъ, подать ему трубку табаку. Но онъ никогда не обольщался этими приманками и для нихъ не перемѣнялъ своихъ правилъ. Были даже случаи, когда онъ велъ съ дружочками борьбу упорную и часто выходилъ изъ нея побѣдителемъ. А если торжествовала иногда неправда сильнаго, утѣшался по крайней мѣрѣ мыслію, что исполнилъ долгъ свой. Скорѣе готовъ онъ былъ претерпѣть гоненіе, чѣмъ согласиться на несправедливую потачку богатству и сильнымъ связямъ.

Да это феноменъ! скажутъ многіе. И я то же скажу, да еще переведу это иноземное слово по русски: чудакъ! диво-дивное!

Иной, пожалуй, въ насмѣшку прибавитъ: уродъ!... И опять съ этимъ соглашусь. Что жь дѣлать? выскакиваютъ во всѣ времена изъ толпы румяныхъ, пригожихъ человѣчковъ такіе уроды. Вотъ, напримѣръ, знавалъ я въ одной губерніи подобнаго возвышеннаго урода; знаю и теперь въ той же губерніи такой же экземпляръ. Это молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати шести, кончившій свое образованіе въ московскомъ университетѣ. Дворянство убѣдило его принять должность судьи. Онъ принялъ ее и, принеся въ жертву долгу лучшіе годы своей жизни, любовь къ искусствамъ, свѣтскія удовольствія, которыми состояніе его дозволяло ему пользоваться въ столицахъ, постригся на служеніе правдѣ и добру въ скучномъ городѣ. Честь ему и мѣсту, гдѣ онъ воспитывался! Не сомнѣваюсь, что и во многихъ губерніяхъ найдутся подобные прекрасныя личности, въ душѣ которыхъ неугасимо горитъ искра Божія. Поболѣе такихъ сыновъ отечеству, и я увѣренъ, что правда и милость утвердятся въ судахъ по слову помазанника Божія!

Подсохину не дали отдохнуть въ деревнѣ. Такъ ретиваго коня почаще и запрягаютъ. На этотъ разъ, къ чести холоденскаго дворянства, выбрали его въ предводители, не смотря на то, что этого мѣста домогались соперники несравненно его богаче, выше чинами и съ сильнѣйшими связями. Эта почетная должность была какъ бы наградою за его прошедшее трудное служеніе и польстила его благородному самолюбію. При этомъ тѣшила его еще одна затаенная мысль, о которой будемъ сейчасъ говорить. Здѣсь, въ кругѣ своихъ обязанностей, дѣйствовалъ онъ, какъ и прежде, обращая главныя свои попеченія на опеки. До него онѣ отдавались, какъ воеводства, въ древнія времена, на прокормленіе и поправку оборванныхъ судьбой или собственною виною бѣдняковъ. Кончались эти опеки тѣмъ, что ощипанныя до послѣдняго пера имѣнія продавались съ молотка. Наслѣдники вступали въ свои права, получая только право входить въ тяжбу съ опекунами. Подсохинъ противился подобнымъ назначеніямъ и наблюдалъ за имѣніями сиротъ и другихъ лицъ, подпавшихъ опекамъ, болѣе, нежели за своимъ собственнымъ.

Но—увы! и у него была Ахиллесова пята, и онъ имѣлъ слабости. Кто же изъ адамовыхъ дѣтей не имѣетъ ихъ? Его слабость никому не вредила, а была только смѣшна. Подсохинъ **любилъ—** ***писать!***

Еще въ морской службѣ посягалъ онъ въ офиціяльныхъ бумагахъ на кудреватость и обиліе словъ. Хотя они не шли вовсе къ дѣлу, онъ думалъ однакожь щегольнуть, блеснуть ими. Иногда и самъ, въ душѣ своей признаваясь, что они лишнія, долго колебался, выкинуть ли ихъ, или оставить; наконецъ рѣшался выкинуть. Но лишь только исполнить это, какъ набѣгало на душу его сожалѣніе, неотступное, грызущее, что этими перлами никто уже не полюбуется, и они останутся зарытыми въ его собственной персонѣ. И вотъ опять нанизываетъ ихъ въ своихъ *репортахъ*. Доставалось же ему за эти перлы отъ начальства, которое ихъ не понимало или не умѣло оцѣнить. Капитанъ говорилъ ему: «Сдѣлайте одолженіе, Владиміръ Петровичъ, избавьте меня отъ вашего краснорѣчія. Оно, можетъ, и хорошо въ другомъ мѣстѣ, но въ служебныхъ бумагахъ никуда негодно. Скажите мнѣ сущность дѣла въ нѣсколькихъ словахъ, хотя въ одномъ, если можно, да чтобъ я зналъ, въ чемъ дѣло. Дайте мнѣ ядро, сударь, а мнѣ вашей красивой скорлупы или шелухи не нужно. Въ другой разъ, извините, я выброшу ее за бортъ.» Не унялся было Подсохинъ, увлекаемый своимъ демономъ; но капитанъ не любилъ дважды повторять своихъ приказаній, даже въ видѣ поученій, и арестовалъ витію. Въ сердцахъ Подсохинъ мысленно назвалъ капитана человѣкомъ черствымъ, не одареннымъ отъ природы чувствомъ высокаго и прекраснаго; но крѣпко сохраняя субординацію, пересталъ съ того времени писать служебныя бумаги пространно и кудревато. За то по секрету писалъ, ужь по своему, дубликаты этихъ бумагъ, и услаждался чтеніемъ ихъ про себя по нѣскольку разъ. Иногда, на вопросъ своихъ сослуживцевъ: не написали ли вы чего новенькаго, Владиміръ Петровичъ? таинственно посвящалъ какого нибудь неопытнаго юношу въ красоты своихъ созданій. Иногда товарищь, плохо владѣющій перомъ, просилъ его сочинить письмецо къ родителямъ своимъ, или къ далекой красавицѣ, вздыхающей въ какомъ нибудь русскомъ портѣ по юномъ мореходцѣ. Не льзя было сдѣлать ему лучшаго подарка.

Порывался было онъ на краснорѣчіе въ судейскихъ опредѣленіяхъ. Но тутъ являлся передъ нимъ, какъ тѣнь Гамлету, грозный образъ его капитана и стучали ему въ уши роковыя поученія. Казалось ему, вотъ сей часъ арестуетъ его капитанъ, всегда добрый для него, кромѣ одного случая, и даже разъ оказавшій ему

кровную, братскую услугу. И опредѣленіе писалось Подсохинымъ сколько возможно ему было преодолѣть натуру, простымъ, понятнымъ языкомъ безъ авторскаго пошиба. Но какъ скоро попалъ онъ въ предводители, искуситель шепнулъ ему, что именно тутъ, на этомъ мѣстѣ, краснорѣчіе необходимо, въ адресахъ, воззваніяхъ и тому подобныхъ бумагахъ. Вздохнулъ онъ свободно, будто свалился камень съ груди и развязались руки. Съ того времени принялся, по поводу или безъ повода, писать и писать. Цвѣты краснорѣчія сыпались изъ его головы, какъ изъ рога изобилія, даже по случаю приглашенія къ обѣду или присылки ему индѣйскаго пѣтуха хорошей породы. Богъ мой! страшно сказать, какъ онъ писалъ!

Владиміръ Петровичъ не скрывалъ своей слабости, или, вѣрнѣе, таланта, ниспосланнаго ему свыше, считая грѣхомъ зарывать его въ землю.—*Люблю писать!* говорилъ онъ съ гордостью, увѣренный, что каждое произведеніе его пера возбудитъ восторгъ въ его современникахъ. И находились дѣйствительно въ то время люди, которые приходили въ восторгъ отъ его твореній, хотя ихъ не понимали, и провозглашали его великимъ писателемъ. Списывали ихъ другъ для друга и заставляли дѣтей своихъ выучивать наизустъ.

— Каково пишетъ нашъ предводитель! говорилъ сосѣдъ сосѣду почти со слезами на глазахъ.

— Откуда это у него берется? говорилъ другой, растопыривъ руки и пожимая плечами въ видѣ фигуры недоумѣнія (замѣтьте, новая реторическая фигура!) — Изъ какого родника бьетъ такой талантъ? Вотъ, братецъ, попробовалъ и я было. Сядешь чинно, какъ и слѣдуетъ, записьменный столъ, возьмешь порядкомъ перо въ руки, подумаешь, какъ слѣдуетъ, а что-то не пишется. Поворочаешь перомъ, какъ будто прутомъ желѣзнымъ, даже поковыряешь имъ въ головѣ, еще разъ поковыряешь — не лѣзетъ ничего. Инда постучишься въ ней съ сердцемъ — что жь ты, голова?.. Настоящій выдолбленный арбузъ или тыква; пустотой какой-то и отдается. Плюнешь на бумагу, съ тѣмъ и отъѣдешь отъ нея.

— Видно, даръ ему такой отъ Бога! говорилъ третій сосѣдъ. По моему, братецъ, я думаю, голова у него устроена, какъ бы органъ какой. Завелъ, и пошла, пошла писать музыка... симфонія, лакосезъ, концерты... Вотъ какъ рѣка бурная льется, или бьетъ бутылка съ пивомъ, когда ее раскупоришь.

— Сильно пишетъ! молвитъ новый собесѣдникъ, вздыхая и возводя глаза къ небу. Инда подчасъ волосъ дыбомъ поднимается. Иной разъ махнетъ такъ, что кровь въ голову ударитъ, зарябитъ въ глазахъ и свѣтъ Божій помутится.

— Сладко пишетъ, прибавилъ еще одинъ господинъ. Захочетъ за сердце схватить, такъ ужь не пеняй, схватитъ, а слезы и кулакомъ не удержишь.

— Ужь не бѣсъ ли пишетъ за него, вмѣшалась тутъ старушка, занятая въ своихъ креслахъ вязаньемъ чулка и слышавшая весь разговоръ. (Она не любила предводителя за то, что когда былъ судьей, рѣшилъ ея неправое дѣло въ пользу противника). Тфу пропасть! прости мнѣ, Господи, съ этимъ... вотъ и петлю распустила. А вы думаете, скажу, Парѳенъ Михайловичъ, прибавила она, относясь къ собесѣднику, большому вольтеріанцу, который смотрѣлъ на нее съ ироническою улыбкой, какъ будто поймалъ ее въ преступленіи: нѣтъ-таки, не скажу опять, не скажу...

— Какой, матушка, бѣсъ, перебилъ ее обиженнымъ тономъ одинъ изъ панегиристовъ Подсохина.—Станутъ ли Владиміръ Петровичъ съ этимъ якшаться; они человѣкъ богобоязненный.

И долго еще собесѣдники разсуждали о томъ, откуда это у него берется, что онъ такъ хорошо и мудрено пишетъ.

Дѣйствительно, Подсохинъ писалъ такъ мудрено, что и самый борзый умъ не добрался бы въ десять лѣтъ до смысла его бумагъ. Никакой гидравлическій прессъ, никакая молотильная машина, если бы они были изобрѣтены для литературныхъ произведеній, не выдавили бы, не вымолотили бы этого смысла. Чего не было въ его сочиненіяхъ? И кочующія номады, и высота бездны, и почіющая на крыльяхъ бури тишина, все это переплетенное, свитое въ какой-то пестрый, нескончаемый жгутъ, ударяющій по воздуху! Сожалѣю очень, что не сохранилъ самыхъ замѣчательныхъ его произведеній. Для примѣра даю здѣсь одинъ слабѣйшій изъ нихъ отрывокъ, уцѣлѣвшій въ бумагахъ Пшеницына. Это воззваніе къ дворянамъ уѣзда о пожертвованіи въ пользу пострадавшихъ отъ пожара или наводненія (не могу вѣрно сказать) жителей Петербурга.

«Малъ мыслію и способностію найдтися въ убѣжденіяхъ краснорѣчія, ибо холоденское благородное общество превышаетъ всякое краснорѣчіе имѣющихъ даръ на оное. Вспомните, мм. гг.,

что мѣсто сіе (Петербургъ) дало намъ начало и науки и возвело насъ на степень, нынѣ при насъ имѣющуюся, и что дѣти и младые родственники наши послѣдуютъ подъ тотъ же покровъ нашего начала, или, такъ сказать, во вторую природу, и наконецъ обратимся духомъ къ слову Божію: «Блаженни милостивіи, яко тіи помилованы будутъ.» Съ истиннымъ почтеніемъ» и проч.

Когда Подсохинъ имѣлъ только малѣйшій поводъ писать, или чувствовалъ въ себѣ позывъ на вдохновеніе, онъ, какъ жрецъ, готовящійся служить своему божеству, уединялся въ особую комнату. Тихи, важны, размѣрены были его шаги въ это время, словно онъ боялся вытряхнуть изъ головы великія идеи, въ ней нагруженныя, какъ драгоцѣнный, но хрупкій фарфоръ; лицо его осѣнялось даже какою-то мрачною таинственностію. При этомъ случаѣ онъ самъ не отворялъ двери, чтобы не было какого потрясенія въ его персонѣ; капище открывалось передъ нимъ и закрывалось за нимъ любимымъ его слугой, который исполнялъ эту обязанность съ особенною важностію и глубокими поклонами. Въ особенной комнатѣ Подсохинъ облекался въ долгополый, испещренный чернильными пятнами сюртукъ гороховаго цвѣта, прозванный имъ *писчимъ*, запирался крѣпко-на-крѣпко, писалъ и переписывалъ до тѣхъ поръ, пока уже мурашки бѣгали у него въ глазахъ и онъ самъ не понималъ, что̀ пишетъ. Слуга, лѣтъ сорока слишкомъ, низенькій, съ лысиной на головѣ (хотя и не терялъ названія *мальчика*), облеченъ былъ въ высокую должность хранителя писчихъ снарядовъ и въ особенности писчаго сюртука. Когда невидимо производилась великая работа въ кабинетѣ, онъ сидѣлъ у дверей его на стулѣ, не двигаясь и затаивъ дыханіе. Боже сохрани кашлянуть! Онъ скорѣе лопнулъ бы отъ натуги, чѣмъ рѣшился бы посягнуть на нарушеніе узаконенной тишины. Если какой нибудь отчаянный сорванецъ проходилъ мимо, хотя и не спѣшными шагами, слуга махалъ рукой, чтобы ходилъ еще осторожнѣе, еще тише, если бъ можно—пролеталъ. Такое высокое понятіе имѣлъ онъ о занятіяхъ своего барина, полагая, что въ кабинетѣ творится что-то чудесное, въ родѣ литья золота или дѣланія алмазовъ! Въ это время и вся многочисленная семья Подсохина ходила на цыпочкахъ, даже и въ отдаленныхъ комнатахъ, боясь малѣйшимъ шумомъ прервать нить краснорѣчія.

И вдругъ, въ глубокую, бездонную тишину канулъ какой-то

звукъ. Чуткое, приложенное къ двери ухо хранителя писчаго сюртука послышало въ кабинетѣ движеніе креселъ; за тѣмъ великій писатель крякнулъ. Это былъ знакъ, что работа кончена. Капище отворялось. Тогда скидался писчій сюртукъ, принимаемый слугой съ подобострастіемъ, доходившимъ едва ли не до благоговѣнія, и укладывался въ комодъ. Баринъ облекался въ обыкновенный сюртукъ. И вотъ онъ съ исписаннымъ листомъ бумаги въ рукѣ, съ лицомъ, сіяющимъ важнымъ спокойствіемъ и самодовольствомъ, вступаетъ въ комнату, гдѣ ожидаетъ его семья. Она первая должна выслушать произведеніе, родившееся въ этотъ часъ, хотя и не можетъ постигать его высокое значеніе. Что жь дѣлать? На первый разъ нѣтъ болѣе достойныхъ слушателей, а новорожденнаго необходимо заявить свѣту, какъ принца крови, родившагося въ хижинѣ, должно показать хоть крестьянамъ. Послѣ процесса чтенія дитя передается протоколисту, который принимаетъ его съ достодолжнымъ уваженіемъ. Наконецъ твореніе переписывается въ нѣсколько рукъ возможно лучшимъ почеркомъ и развозится по уѣзду въ сотняхъ экземпляровъ, если это циркулярное воззваніе къ дворянству или тому подобное.

Надо было видѣть величавую и самодовольную фигуру охотника писать, когда онъ вступалъ въ среду своего семейства для предъявленія ему великаго творенія. Старушка мать слушала, по временамъ творила про себя молитву и возводила глаза къ небу, какъ будто благодарила Господа, что даровалъ ей такого умнаго сынка. Жена, добрая, любящая женщина, жившая въ мужѣ, въ дѣтяхъ и хозяйствѣ, не находила нужнымъ вмѣшиваться въ литературныя дѣла своего мужа и даже простодушно утвердилась на томъ, что она глупенькая, потому что ничего не понимаетъ изъ его сочиненій. Она слушала, а можетъ-быть и не слушала, потому что молчала во время и послѣ чтенія. Какъ понимали произведенія отца двѣ дочери, довольно взрослыя, и сынъ лѣтъ пятнадцати, это неизвѣстно. Только и они попривыкли владѣть своею физіономіей, зная по опыту, что малѣйшая улыбка или знакъ разсѣянія навлечетъ на нихъ родительское негодованіе. А сынъ помнилъ, что ему выдрали уши за то, что задремалъ въ одинъ изъ подобныхъ литературныхъ сеансовъ. Случалось, что и дѣти послѣ чтенія изъявляли свой восторгъ.. У Владиміра Петровича была сестра, дѣвица немолодыхъ лѣтъ, которую

онъ называлъ обыкновенно esprit-fort, хотя всѣ знали ее за женщину богобоязненную. Имя это заслужила она своимъ здравымъ умомъ и прямодушіемъ. Выслушивая новое твореніе брата, рѣшалась она иногда, призвавъ на помощь всѣ небесныя силы, именемъ ихъ умолять его писать *проще* и *понятнѣе*.

Что за улыбка, что за взглядъ бывали отвѣтомъ на смиренныя мольбы ея! Словъ тутъ никогда не употреблялось. Но въ этомъ безмолвномъ отвѣтѣ было болѣе краснорѣчія, нежели во всѣхъ сочиненіяхъ Подсохина. Въ немъ заключались и высокое сознаніе собственнаго достоинства, и жалость къ слабой женщинѣ, не умѣющей понимать литературныхъ красотъ, и великодушіе могущества, которое можетъ задавить червяка, но шагаетъ черезъ него. Самъ Юпитеръ не улыбнулся бы другою улыбкой, не взглянулъ бы другимъ взглядомъ, смотря съ высоты своего Олимпа на ребяческую суету человѣческаго муравейника, который копышется подъ громовыми тучами. На эту улыбку и взглядъ можно бы ходить, какъ на представленіе великаго артиста. Если бы Барнумъ жилъ въ то время, онъ откупилъ бы ихъ.

Какъ морякъ, Подсохинъ любилъ разказывать о корабельныхъ снастяхъ и эволюціяхъ тѣмъ, которые этого не понимали. Побывалъ онъ нѣкогда въ Лондонѣ, и потому, когда ему случалось играть въ бостонъ, при объявленіи пришедшей игры, иначе не произносилъ ее, какъ англійскимъ выговоромъ: *бóстонъ*. Если жь другіе, не бывшіе въ Лондонѣ, подражали ему въ интонаціи и въ произношеніи этого слова, то взглядъ и улыбка его были *отчасти* такія, какими онъ награждалъ сестру свою за простодушныя замѣчанія ея при слушаніи его сочиненій.

Можно сказать, что въ Подсохинѣ были два человѣка; одинъ— хорошій отецъ семейства, домовитый хозяинъ, исправный офицеръ, примѣрный судья; другой—чудакъ, въ арлекинскомъ, писчемъ сюртукѣ, воображающій его цицероновскою тогой, всегда на ходуляхъ, самолюбивый до безразсудства. Когда онъ въ обществѣ разсуждалъ о чемъ-нибудь, онъ говорилъ просто, ясно и умно, шутилъ, не оскорбляя никого, умнѣйшему собесѣднику всегда уступалъ первенство. Какъ онъ писалъ, мы ужь видѣли.

Подсохинъ любилъ Максима Ильича. Зная, что тотъ имѣлъ хорошую русскую библіотеку, и потому, полагаясь на вкусъ обладателя ея, не обошелъ его чтеніемъ своихъ произведеній. Дѣй-

ствительно, Максимъ Ильичъ, одаренный отъ природы чувствомъ добра и красоты, изощривъ его бесѣдами съ Новиковымъ и чтеніемъ книгъ, могъ понимать, что̀ такое сочиненія Подсохина. Но уважая въ охотникѣ писать высокія душевныя качества и столь же прекрасную жизнь, служебную и частную, не желалъ нарушать его самодовольства, такъ пріятнаго для него и ни для кого не обиднаго. Онъ зналъ по опыту, что Подсохинъ не станетъ мстить, еслибъ сдѣлали ему непріятныя замѣчанія—добрая душа предводителя была выше мщенія,—но желалъ лучше пожертвовать часомъ скуки, нежели огорчить его этими замѣчаніями. И потому, искренно преданный человѣку, хвалилъ творенія писателя. Надо сказать еще, что въ отношеніяхъ къ людямъ, которыхъ Максимъ Ильичъ любилъ, онъ былъ особенно мягокъ и податливъ.

Имѣлъ еще друга предводитель, холоденскаго солянаго пристава. Этотъ былъ философъ, какъ и прозвали его, и напрямикъ сказалъ Подсохину, что по книжной части не далекъ, а до письменной и подавно не охотникъ. Такая разница вкусовъ не мѣшала имъ однакожь быть задушевными пріятелями. Соляной приставъ и его дочка сто̀ятъ, чтобы имъ посвятить особенную тетрадь.

И. Лажечниковъ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Чиновникъ, комедія графа В. А. Соллогуба.

Скажите, отчего добрыя намѣренія и благая цѣль не помогаютъ написать хорошей комедіи? Желаешь счастья своимъ ближнимъ, благополучія своему отечеству — какъ же не сочинить или драмы или проекта? Какъ этой драмѣ не быть прекрасной, а проекту дѣльнымъ? Хорошее дерево должно дать хорошій плодъ. Почему же мое желаніе добра и пользы всѣмъ и каждому, чистое, безподобное въ своемъ источникѣ, въ своей сущности, можетъ произвесть и дурную драму и нелѣпый проектъ? По какой безобразной логикѣ моя вѣрная мысль и мое теплое чувство, принимая плоть и кровь, то-есть ложась на бумагу, дѣлаются неузнаваемы для меня самого? Что̀ было премудро кажется легкомысленнымъ, глубина превращается въ пустоту, истина становится ложью. Неисповѣдимы условія духовнаго міра, странна человѣческая природа, а какъ задумываться о ея странностяхъ бываетъ иногда назидательнѣе, чѣмъ даже чертить планы для спасенія человѣческаго рода, то мы должны начать съ изъявленія искренней признательности автору комедіи «Чиновникъ», на дняхъ вышедшей въ свѣтъ особою книжкой. Этой комедіи обязаны мы душеспасительнымъ раздумьемъ. Не скроемъ однакожь, что къ нашей признательности примѣшивается немного ропота и много сожалѣнія. Что̀ это за чудесная комедія могла

бы быть! Какого прелестнаго творенія лишились мы! За чѣмъ она не вызвана къ жизни въ томъ видѣ, въ какомъ ей слѣдовало родиться?

А счастье было такъ возможно! (1)

Да, все было подъ рукой, все было легко, удобно. Тутъ есть и графиня, пріѣхавшая изъ Петербурга въ свою деревню, милая, молодая, пустая и самая ничтожная изъ всѣхъ ничтожныхъ женщинъ; есть сѣдой полковникъ, разумѣется влюбленный въ нее и бѣгающій изъ угла въ уголъ по ея приказаніямъ; есть не сѣдой сосѣдъ, также конечно влюбленный въ ту же графиню, которая идетъ и нейдетъ за него замужъ. Наконецъ, какъ тѣнь въ картинѣ, нашелся между ними еще сосѣдъ, человѣкъ-сутяга, начавшій тяжбу съ графиней. Чтò же было еще нужно? не довольно ли четверыхъ, чтобъ обворожить зрителя? теперь пишутъ изъ двухъ лицъ поговорки, пословицы, комедіи смѣшныя и комедіи печальныя. Всѣ приходятъ въ восхищеніе. Для чего же понадобился пятый, именно чиновникъ? а этотъ пятый испортилъ дѣло. Безъ него все обошлось бы мирно, нѣжно, игриво. Графиня, полковникъ, женихъ и сутяга поговорили бъ между собой, плѣнили бъ зрителя бойкостью своихъ сладкихъ и неуловимыхъ рѣчей, занавѣсъ бы опустился и многіе, пріѣхавъ изъ театра въ какую-нибудь гостиную пить чай, стали бы пророчить будущую славу русскаго языка и величіе отечества. Кто бъ не сказалъ, что комедія разрѣшила важную задачу, доказала, что можно порядочныхъ людей заставить говорить по русски, что и по русски можно болтать всякой вздоръ, болтать очаровательно, говорить, не сказавъ ни слова? Вспомнили бъ милаго француза Мариво, и всѣ остались бы счастливы: мысль была бы удовлетворена, а сердце полно. Вотъ что произошло бы, если бъ комедія ограничилась числомъ четыре. Велика тайна чиселъ. Не даромъ Пиѳагоръ проповѣдывалъ о ней. Не будь пятаго, не будь чиновника, мы во всякомъ случаѣ не рѣшились бы подать голоса ни за комедію, ни противъ нея. Въ случаѣ успѣха не вплели бъ терній въ ея лавровый вѣнокъ, а при паденіи постыдились бы возмущать покой ея могилы. Вся наша бѣда отъ чиновника Надимова. Онъ погубилъ комедію, онъ накинулъ на нее римскую тогу Катона, а самъ выступилъ впередъ, невѣжливо заслоняя другихъ дѣйствующихъ лицъ. Веселое произведеніе искусства, оглушенное его громкою рѣчью, лишилось

(1) Письмо Татьяны въ «Онѣгинѣ».

своего естественнаго характера и является передъ нами въ искаженномъ видѣ. Мы готовились улыбаться милой шуткѣ, но намъ говорятъ: я не шутка, я не комедія, а поступокъ, у меня есть серіозное направленіе. Да ужь и въ самомъ дѣлѣ не правда ли это? вотъ, какую страницу ни разверни, почти на всякой попадаются важныя изреченія: старинный развратъ, искорененіе зла, любовь къ Россіи, потворство, равнодушіе, долгъ!... А, долгъ! исполнимъ же и мы его, по скольку станетъ нашихъ силъ, послѣдуемъ доброму совѣту, не будемъ равнодушны, не окажемъ потворства, чѣмъ конечно заслужимъ вниманіе и хорошее о насъ мнѣніе чиновника Надимова, познакомимся съ нимъ покороче, посмотримъ, что̀, говоря выраженіемъ Шекспира, кромѣ словъ, словъ и словъ, есть еще въ этомъ господинѣ, который такъ смѣло и такъ обязательно предлагаетъ себя грѣшной братіи въ примѣръ, въ образецъ, въ идеалъ. Вступая въ отправленіе тяжкихъ обязанностей правосудія, мы постановляемъ заранѣе, что сама комедія, невиновная ни въ чемъ, должна бъ быть освобождена отъ суда и слѣдствія. Въ ея несообразностяхъ, натяжкахъ, сшивкахъ виноватъ одинъ г. Надимовъ. Всѣ преступленія противъ законовъ творчества совершены по его милости, все принесено ему въ жертву, только бъ онъ показался намъ ужасно краснорѣчивъ и страшно добродѣтеленъ. Между тѣмъ, къ крайнему нашему сожалѣнію, мы не сумѣемъ представить его въ настоящемъ свѣтѣ, не привлекая къ отвѣтственности невинное и неразвившееся твореніе.

Дѣло вотъ въ чемъ: какая-то графиня, богатая вдова, пріѣзжаетъ въ первый разъ къ себѣ въ деревню; одинъ изъ ея сосѣдей, Дробинкинъ, подаетъ жалобу неизвѣстно куда, и едва ли, по смыслу комедіи, не къ губернатору, что мельница графини затопляетъ его Дробинкина сѣнокосъ. Къ ней, какъ она говоритъ сама, пишутъ изъ города, что будетъ чиновникъ для слѣдствія. Графиня пугается при мысли, что найдется въ необходимости видѣть чиновника и говорить съ нимъ. Этотъ испугъ нуженъ за тѣмъ, чтобъ показать то пренебреженіе, какое имѣютъ люди высшаго общества къ чиновникамъ вообще, не различая между ними хорошихъ и честныхъ отъ дурныхъ и взяточниковъ. Къ счастію у графини есть еще сосѣдъ, сѣдой полковникъ Стрѣльскій, влюбленный въ нее. Къ нему-то она обращается съ просьбою принять чиновника и избавить ее отъ бесѣды съ нимъ. Это первая сцена, и начинается она умышленною хитростью. Полковникъ

входитъ къ графинѣ безъ доклада, извиняясь тѣмъ, что не было никого въ передней, обстоятельство ничтожное само по себѣ, а между тѣмъ чрезвычайно важное. Полковникъ вошелъ безъ доклада не потому, что привычку быть храбрымъ перенесъ съ поля битвъ въ мирныя сношенія общественной жизни, а потому, чтобъ послѣ него могъ войдти и чиновникъ Надимовъ также безъ доклада. Еслибъ не было подготовлено, что у графини двери настежь, и не было придумано въ оправданіе такой странности, что всѣ ея люди ушли на село смотрѣть медвѣдя, то Надимовъ по неволѣ велѣлъ бы доложить о себѣ, а она не приняла бъ его и отправила къ полковнику. Тогда хоть опускай занавѣсъ. Безъ медвѣдя на селѣ какое же средство устроить свиданье графини съ чиновникомъ? Полковникъ съ совершенною готовностью и съ величайшею радостью берется исполнить порученіе графини и спасти ее отъ канцелярской крысы, какъ онъ выражается; но при этомъ случаѣ ревнуетъ ее къ третьему сосѣду Мисхорину, увѣряя, что Мисхоринъ не такъ молодъ, какъ кажется, и допрашивая графиню, точно ли она намѣрена выдти за него замужъ. Не смотря однако на обѣщаніе влюбленнаго сердца и зрѣлаго разсудка, ея порученіе остается неисполненнымъ. Полковникъ не щадитъ ногъ, бѣготня возбуждаетъ даже въ немъ аппетитъ, онъ употребляетъ всѣ усилія, направляетъ всѣ мысли на одинъ предметъ, но вѣдь въ деревнѣ такъ трудно укараулить пріѣзжаго и сдѣлать распоряженія, чтобъ онъ не проскользнулъ въ господскій домъ, прямо въ комнаты графини! Мисхоринъ, щегольски и со вкусомъ, но нѣсколько пестро одѣтый, требуетъ отъ графини да или нѣтъ, кровь его въ волненіи, сердце выскочить хочетъ. Онъ не спалъ всю ночь. Графиня не вѣруетъ еще въ него достаточно, чтобъ передать ему всю жизнь, она уже была замужемъ, вскружить ей голову трудно, восторговъ блаженства ей не надо, она хочетъ тихаго, ежедневнаго, прозаическаго счастья и думаетъ, что Мисхоринъ способенъ къ одной только страсти, а страсть живетъ эгоизмомъ, любовь одна живетъ самоотверженіемъ. Мисхоринъ находитъ, что графиня говоритъ, какъ книга, когда онъ надѣялся, что она женщина, что умъ женщины долженъ быть въ ея сердцѣ, что любовь сама себя вознаграждаетъ, что не должно думать, пройдетъ она для насъ или мы пройдемъ для нея, что любви безстрастной нѣтъ, какъ нѣтъ свѣта безъ огня, и прочее и прочее. Оба они говорятъ превосходно. Слушаешь графиню — хочется тихой любви; слушаешь Мисхорина—отвѣдалъ бы стра-

сти. Въ душѣ читателя водворяется раздоръ, не знаешь на что рѣшиться, на тихую любовь, или на страсть, скептицизмъ заражаетъ умъ, но къ счастію скоро наступаетъ минута примиренія. Оказывается, что и графиня и Мисхоринъ несли вздоръ, не будучи нисколько убѣждены въ томъ, что говорили. Графиня черезъ нѣсколько минутъ и въ нѣсколько минутъ влюбляется въ чиновника Надимова, котораго видитъ въ первый разъ, а Мисхоринъ очень легко, не посягая на самоубійство, отказывается отъ нея.

Наконецъ вступаетъ на сцену и чиновникъ Надимовъ, щегольски, но весьма просто одѣтый. Онъ, при своемъ появленіи въ прихожей, оглядывается нерѣшительно, какъ бы отыскивая лакея, но напрасно: противъ этого приняты уже давно благоразумныя мѣры. Всѣ лакеи, какъ намъ извѣстно, отправлены смотрѣть медвѣдя. Надимовъ рекомендуется читателю совершеннымъ джентельменомъ и снимаетъ шляпу не въ дверяхъ передней, а тогда только, какъ предлагаетъ вопросъ Мисхорину, онъ ли хозяинъ. Это чувство нравственнаго достоинства доводитъ его тотчасъ почти до дуэли съ Мисхоринымъ, которому онъ отвѣчаетъ уже: «гдѣ вамъ угодно, только не въ имѣніи графини.»—«Отъ чего же не такъ?» говоритъ Мисхоринъ.—«Отъ того, что здѣсь я не могу заниматься своими личными дѣлами. Въ домѣ графини я не принадлежу самому себѣ.»

Невольное удивленіе поражаетъ вашу душу. Что за человѣкъ! и одѣтъ хорошо, и входитъ какъ порядочные люди, и храбръ, и проникнутъ чувствомъ гражданственности. Себя ставитъ на вторую ступень, на первой стоитъ у него общество, общественному дѣлу подчиняетъ свое собственное. Безподобно. Но гдѣ же логика? спросите вы у себя не разъ въ продолженіе этой комедіи. Надимовъ не дѣлаетъ ни шагу для исполненія даннаго ему порученія, онъ бесѣдуетъ съ графиней, гуляетъ съ нею по саду, влюбляется въ нее—развѣ все это не его личныя дѣла, а подвиги самоотверженія въ видахъ общественной пользы?

Мисхоринъ, пораженный таинственностью своего собесѣдника, торопится, по очень естественному побужденью, узнать, почему домъ графини есть храмина очищенія, гдѣ Надимову не дозволяется ни малѣйшій порывъ эгоизма, и спрашиваетъ:

«Да кто же вы такой?»

Тутъ конечно, при самыхъ чистыхъ понятіяхъ объ искусствѣ, нельзя было отказаться отъ поползновенія на эфектъ. Надимовъ,

какъ Эдипъ, вынужденъ назвать себя и своимъ именемъ выговорить страшное слово: онъ робѣетъ, прибавляетъ частицу *съ* и отвѣчаетъ сначала вопросомъ: *я–съ*? потомъ, послѣ нѣсколькихъ точекъ, повторяетъ опять: *я*? и, выждавъ, сколько этого требуетъ тире, произноситъ наконецъ: «чиновникъ». За симъ слѣдуетъ молчаніе, потому молчаніе, что въ драмахъ новѣйшихъ народовъ нѣтъ хора, иначе хоръ воскликнулъ бы безъ сомнѣнія:

Эдипъ,
Онъ матери супругъ, своимъ онъ дѣтямъ братъ.

Мисхоринъ хохочетъ. Странно, очень странно. Надимовъ принялъ на себя должность ничтожнаго чиновника изъ желанія быть полезнымъ, въ силу будто бы серіозной мысли, но можетъ ли она помѣститься въ такой мелкой душѣ, которая при первомъ случаѣ стыдится сама себя, краснѣетъ за свое убѣжденіе и передъ кѣмъ? передъ человѣкомъ, хотя щегольски, но все-таки нѣсколько пестро одѣтымъ? Странно, очень странно! сейчасъ Надимовъ лѣзъ на дуэль, и Богъ знаетъ за что, теперь Мисхоринъ громко смѣется прямо ему въ лицо надъ тѣмъ высокимъ званіемъ, гдѣ онъ думаетъ служить отечеству, и Надимовъ стоитъ какъ вкопанный, не оскорбляясь ни за себя, ни за званіе! да и при томъ гдѣ это, въ какомъ углу Россіи, на какой планетѣ, извѣстной просвѣщенному міру, губернаторскій чиновникъ оробѣетъ назвать себя, пріѣхавъ на слѣдствіе къ какому бы то ни было помѣщику? Сухо раскланявшись съ Мисхоринымъ, Надимовъ остается одинъ, и чувствуя, вѣроятно, необходимость все болѣе и болѣе раскрывать передъ нами свои духовныя сокровища, свой нравственно-поучительный характеръ, онъ въ краткомъ монологѣ сообщаетъ намъ, «что не имѣть никого въ передней — это деревенскій обычай, что палаты барскія полуразвалившіяся тоже по нашему русскому обычаю, что роскошь для столицы, а въ деревнѣ, для себя, для своего рода, для своихъ крестьянъ все какъ-нибудь; что деньги нужны тамъ на кружева, на оперу, а здѣсь кто насъ увидитъ?... бѣдный чиновникъ или безтолковый сосѣдъ, да мужикъ съ просьбой.» Эти основательныя замѣчанія, не подвигающія однако нисколько впередъ дѣла, порученнаго Надимову, прерываются появленіемъ графини, и мы отдыхаемъ, на сердцѣ у насъ становится весело. Вотъ наконецъ устроилось давно желанное свиданіе. Препятствія были неодолимыя, но счастливо придуманное средство восторжествовало надъ трудностями. Надимовъ

обращается къ графинѣ уже безъ страха, не краснѣя, съ твердостью мужа, съ энергіей убѣжденія:

«Вы, вѣроятно, графиня, никогда не изволили объясняться съ чиновникомъ по тяжебнымъ дѣламъ».

Намъ становится еще веселѣе! какой прекрасный молодой человѣкъ! какая дѣятельность! Какъ онъ любитъ полезныя занятія! Сію минуту онъ объяснится, хотя собственно говоря объясняться не о чемъ и не нужно, но такъ и быть, сію минуту онъ займется дѣломъ, приступитъ къ дѣлу! нельзя же иногда не отвлечься отъ служебнаго долга! Но извольте бороться съ жизнію, кто устоитъ противъ ея бурнаго теченія? завязывается опять разговоръ и, мы не понимаемъ какъ это сдѣлалось, совсѣмъ не о тяжбѣ. Онъ начинается оппозиціей противъ народной мудрости, противъ истинъ, выработанныхъ вѣками и завѣщанныхъ намъ въ наслѣдіе предками. Народная мудрость говоритъ, что по платью встрѣчаютъ, а графиня, видя передъ собой человѣка съ пріемами джентельмена, щегольски, но весьма просто одѣтаго, затрудняется, пригласить его сѣсть, или нѣтъ? Вообще надо замѣтить, что тутъ дѣйствуетъ какая-то графиня допотопная, а не графиня современная намъ. Иные писатели любятъ присвоивать себѣ, преимущественно передъ другими, знаніе всѣхъ тонкостей въ свѣтскомъ кругѣ, называемомъ, если хотите, высшимъ обществомъ. Знаніе это, благодаря нашимъ нравамъ, нашей физіологіи и счастливо или несчастливо сложившимся историческимъ событіямъ, достигается легко и нисколько не сопряжено съ тѣми препятствіями, которыя были отличительною чертою народовъ Запада. Не было и нѣтъ мудрости познакомиться съ графиней, съ убранствомъ ея комнатъ, съ ея гардеробомъ, проникнуть къ ней въ душу, изслѣдовать движенія ея ума, опредѣлить понятія, привитыя ей вѣкомъ. Нуженъ только талантъ. Но, повторяемъ, въ сочиненіяхъ иныхъ писателей не замѣтно дѣльнаго желанія изучить предметъ, который, по благопріятному стеченію обстоятельствъ, находится подъ рукою. Къ несчастію все что̀ носитъ у насъ правильно или неправильно имя образованности: познанія, общественное положеніе, знакомство съ извѣстною средою людей, все употребляется часто средствомъ для одного чванства передъ другими. При внимательномъ глазѣ не рѣдко можно увидѣть тамъ на днѣ ничего болѣе, какъ пустое тщеславіе. «Я профессоръ въ этой наукѣ не потому, чтобъ имѣлъ особенныя способности, а потому, что ежедневно упражняюсь въ ней, я ежеминутно тамъ, гдѣ васъ нѣтъ.»

Это щегольство, основанное на ничтожныхъ случайностяхъ жизни, влечетъ за собою часто свое собственное наказаніе.

Тотъ не знаетъ высшаго общества, кто знаетъ его за тѣмъ только, чтобъ сказать другимъ, что они его не знаютъ, какъ не можетъ назваться образованнымъ человѣкомъ тотъ, кто читаетъ книгу за тѣмъ только, чтобъ похвастать ею. Да, ко многимъ изображеніямъ этого общества примѣшивалось у насъ почти всегда тайное чувство хвастовства, и что̀ же вышло? писатель превратился въ модистку съ Невскаго проспекта, въ столяра, въ бронзовыхъ дѣлъ мастера. Нарядить графиню по модѣ, поставить передъ ней вазу съ цвѣтами, убрать ея столъ разными бездѣлками, посадить ее въ кресла обитыя бархатомъ, заставить непремѣнно ѣздить верхомъ, постлать коверъ, вынуть у нея изъ головы всякую мысль, а изъ сердца всякое путное чувство—это значитъ изобразить свѣтскую женщину, графиню. Но, Боже мой, этотъ рецептъ ужь извѣстенъ давно, это уже невыносимо скучно и страхъ надоѣло. Вѣдь въ свѣтской женщинѣ, въ графинѣ, не смотря на то, что она графиня, можетъ также быть воображенье, тонкость ума, живость чуства, какое нибудь пониманіе того что̀ дышитъ, движется, мыслитъ и чувствуетъ около нея. Ошибитесь ради Бога въ ея туалетѣ, нарушьте требованія моды, оставьте въ покоѣ письменный столъ, верховыхъ лошадей, избавьте насъ отъ ковровъ, отъ мебели; но схватите душу свѣтской женщины, уловите направленіе ея мысли, представьте вліяніе окружающихъ обстоятельствъ на ея природный характеръ. Что̀ это за графиня? за чѣмъ увлекать ее отъ насъ, готовыхъ съ такою нѣжностью любоваться ею, въ сферу давно забытыхъ индѣйскихъ кастъ и насильственно разрывать у нея всѣ точки соприкосновенія съ мелкими чиновниками, когда ни вѣкъ, ни она сама, какъ она есть въ самомъ дѣлѣ, не требуютъ такой разрозненности. Нѣтъ, неправда, что современная графиня, какъ новорожденное дитя, не знающее ни людей, ни ихъ отношеній, испугается губернаторскаго чиновника; неправда, что задумается посадить его. Современная графиня не такъ труслива и не такъ младенчески добродѣтельна. Не только въ деревнѣ, но и въ Петербургѣ она приметъ чиновника съ ласковымъ словомъ, съ очаровательнымъ взглядомъ, посадитъ и тогда, когда онъ будетъ не щегольски одѣтъ, протянетъ ему даже въ иномъ случаѣ, судя по важности дѣла, два нѣжныхъ пальчика, согласно обычаю, перенятому нами у Англичанъ. Въ деревнѣ особенно графини не такъ недоступны и не такъ легкомысленны, какъ

многіе воображаютъ. Тамъ онѣ становятся очень обходительны со всѣми, кто нуженъ, разсчетливы, иногда скупы; онѣ напротивъ спѣшатъ знакомиться съ полезными чиновниками, и, должно сказать къ чести современныхъ графинь, часто умѣютъ обдѣлывать свои практическія дѣла гораздо лучше чѣмъ мущины. Вы видите, что свѣтская женщина на балѣ легка, какъ зефиръ, и вѣрите ей! Такой взглядъ à vol d'oiseau можетъ вести къ важнымъ заблужденіямъ. Нѣтъ, это не графиня изъ нынѣшняго Петербурга или изъ нынѣшней Москвы, а маркиза изъ древнихъ записокъ Saint-Simon. Виноватъ, маркизы были все-таки умнѣе нашей графини.

По примѣру одного гоголевскаго лица, которое, не придумавъ болѣе важнаго содержанія для разговора, приступаетъ къ нему наблюденіемъ, какъ много нынѣшнимъ лѣтомъ мухъ, Надимовъ, приглашенный наконецъ сѣсть, замѣчаетъ: «Прекрасное у васъ имѣніе, графиня.» Потомъ пускается въ догадки, что у нея вѣрно предположеніямъ нѣтъ конца, что она конечно думаетъ въ лѣсу завести паркъ, надъ рѣкой террассу, и на ея вопросъ: какъ вы это знаете? отвѣчаетъ, что догадывается, что на Руси всѣ помѣщики хотятъ перестроиваться, но перестройки никогда не исполняются. Наконецъ, сказавъ, что вообще рѣдко какіе планы сбываются, онъ отъ деревенскихъ построекъ переходитъ очень удачно къ устройству нашей жизни.

«Кто не ошибался въ своихъ ожиданіяхъ?»

«Жалокъ тотъ, для котораго прошедшее не служитъ урокомъ для будущаго!»

Глубокомысленно замѣчаетъ г. Надимовъ, а графиня, это милое дитя, изумленная такими новыми мыслями, мудреными для уразумѣнія безъ пособія учителя, спрашиваетъ: «почему же?» Надимовъ отвѣчаетъ:

«Потому, что онъ останется тогда на вѣкъ лицомъ безхарактернымъ, игрушкой въ рукахъ судьбы и случай будетъ имъ руководить, а не воля. Для такого человѣка жизнь не призваніе, а приключеніе такъ себѣ на удачу.»

Тутъ начинаетъ обнаруживаться, что Надимовъ не безъ хитрости. Ему нужно было какъ-нибудь добраться до разсужденій о цѣли жизни, и вотъ вы видите, что онъ поставилъ на своемъ, добрался, хотя и окольными путями. Цѣль эта, по его мнѣнію, заключается для мужщины въ пользѣ, которую онъ приноситъ, для женщины въ счастіи, которымъ она даритъ. Графиня, оказывая предпочтеніе философіи скептической надъ всѣми другими философіями, не знаетъ, что̀ такое польза, кто ее приноситъ, и со-

мнѣвается даже, чтобъ Надимовъ могъ самъ, по совѣсти, признавать себя полезнымъ. Надимовъ старается по крайней мѣрѣ, а какъ старается намъ уже извѣстно: онъ на службѣ, онъ чиновникъ.

Здѣсь переломъ комедіи, здѣсь становится очевидно, что до сихъ поръ мы были подъ вліяніемъ мистификаціи, мы воображали, что тяжба графини — дѣло первой важности, и что Надимовъ пріѣхалъ точно для освидѣтельствованія разрушительныхъ дѣйствій одной изъ стихій земнаго шара, но ошиблись. Мельница только предлогъ, только случай высказать важныя истины, до которыхъ додумался г. Надимовъ. Онъ человѣкъ богатый, молодой, путешествовалъ, живалъ въ Петербургѣ. Убѣдившись, какъ мы сейчасъ узнали, въ чемъ состоитъ цѣль жизни, онъ рѣшился приносить пользу, и находя, что слѣдуетъ пуще всего заботиться объ искорененіи взятокъ, а что къ этому ведетъ примѣръ честныхъ людей, особенно на неважныхъ мѣстахъ въ губерніяхъ, опредѣлился гдѣ-то на службу въ губернаторскіе чиновники. Мы уже отчасти познакомились съ его пылкою дѣятельностью, теперь предстоитъ намъ краснорѣчіе, мысли о разныхъ нравственныхъ и юридическихъ вопросахъ, добытыя конечно тяжелымъ трудомъ и упорною работой ума въ продолженіе многихъ и многихъ безсонныхъ ночей.

Графиня. Но вѣдь служить, быть чиновникомъ, писать длинныя бумаги—оно должно быть очень скучно, очень важно....

Надимовъ. Шуточныхъ обязанностей не бываетъ. Долгъ всегда важенъ. Впрочемъ служба поприще, не требующее рѣзкихъ положительныхъ способностей, какъ наука или искуство. На службѣ, на небольшихъ мѣстахъ въ особенности, можно принести настоящую пользу одними отрицательными достоинствами.

Графиня. Я не понимаю.

Надимовъ. Оно очень понятно. У насъ нужны чиновники честные, грамотные, толковые и прилежные. Для меня всѣ эти достоинства отрицательныя. Я имѣю состояніе, кое-чему учился, много видѣлъ и не отвлекаюсь отъ занятій, потому что ничего не ищу и не желаю. Счастье дѣло случайное, польза открытая цѣль. Я убѣдился, что для Россіи нужны не чиновники по названію, а чиновники по дѣлу: оттого я и опредѣлился на службу, что я въ ней не нуждаюсь (*съ достоинствомъ*), но что она во мнѣ нуждается.

Прежде всего въ этихъ выписанныхъ строкахъ поражаетъ насъ непріятно дикая форма рѣчи, слишкомъ частое употребленіе личныхъ мѣстоименій. *Для меня! я! для меня это достоинства отрицательныя!* Да, если вы, г. Надимовъ, хотите говорить серіозно,

то потрудитесь ужь говорить отъ лица всѣхъ, отъ имени разума; что намъ за дѣло, какъ иной вопросъ разрѣшается лично для васъ? Это его не объяснитъ и не докажетъ. Я убѣдился! да какая намъ надобность до вашихъ личныхъ убѣжденій, тѣмъ болѣе, что они и не головоломны. Вы убѣдились, что для Россіи нужны чиновники не по названію, чиновники по дѣлу, а для Индіи, для Америки, а для другихъ странъ какіе нужны? кто же въ этомъ не убѣдился? гдѣ спорщики? это убѣжденіе существуетъ едва ли не съ потопа, къ чему же тутъ *я*, безпрестанное *я*? Надо вести рѣчь о самомъ предметѣ и смирять буйство всегда ограниченной личности — этого требуютъ и законы разума и приличія образованныхъ обществъ. Далѣе, мы, не безъ сожалѣнія, видимъ, что не ясенъ и не широкъ взглядъ г. Надимова на природу человѣка, но, желая быть справедливыми, думаемъ, что мысли, высказанныя имъ, принадлежатъ не ему, онѣ повторяются кой-гдѣ, онъ слышалъ ихъ въ какихъ-нибудь кружкахъ на пошломъ языкѣ отупѣвшихъ головъ, и, не давъ себѣ труда повѣрить слышанное собственнымъ умомъ, заражаетъ, безъ умысла, голову милой женщины ложными понятіями, убѣжденный, что она, не имѣя привычки размышлять, приметъ ихъ на вѣру и еще подивится имъ. Какъ? постановлять за правило, возводить въ теорію, что человѣкъ, существо разумное, вѣнецъ созданія, можетъ принести настоящую пользу одними отрицательными достоинствами? но что̀ такое отрицательныя достоинства? Это исполненіе формальнаго закона, обязанностей, наложенныхъ извнѣ, исполненіе изъ страха наказанія или изъ приманки возмездія, а не изъ внутренняго побужденія, не отъ внутренней самодѣятельности. Ни общество, ни законы не могутъ требовать отъ человѣка ничего кромѣ отрицательныхъ достоинствъ; нельзя приказать: полюби дѣло, которое дѣлаешь, одушеви работу твоей внутреннею жизнью, прибавь что-нибудь свое, удѣли частичку отъ твоего собственнаго ума, будь геній, имѣй талантъ. Вы назначили ему пройдти по битой тропѣ въ извѣстное время извѣстное число шаговъ, онъ прошелъ, будьте довольны. Но это ли *настоящая польза*, которую онъ можетъ принести? должно ли обрекать его на эту дѣятельность? должно ли думать, что мы, опредѣливъ правила для исполненія предначертанной ему обязанности, положили въ нихъ весь огонь человѣческой души, всю силу любви, которою онъ можетъ быть проникнутъ къ труду, къ ближнимъ, къ общественному дѣлу? нѣтъ, ни съ метлой на улицѣ, ни въ должности ничтожнаго переписчика.

человѣкъ не можетъ принести настоящей пользы одними отрицательными достоинствами. Опредѣленіе ихъ просто. Напрасно г. Надимовъ припуталъ науку и искусство. Всякое свойство человѣка имѣетъ положительную и отрицательную сторону. Терпѣніе, которое сноситъ, и терпѣніе, которое преодолѣваетъ, терпѣніе Сикста пятаго и терпѣніе негра южной Америки — это разные полюсы одной и той же способности — положительный, отрицательный. Если честный человѣкъ не мучится желаніемъ, чтобъ и другіе были честны, не ищетъ передать свою честность окружающей сферѣ, не дѣйствуетъ для этой цѣли, а отъ лѣни, отъ безнадежности, безъ любви и негодованія, остается самодовольно-покоенъ при отвратительныхъ явленіяхъ жизни — это будетъ честность отрицательная. Работникъ, занятой механической работой, если отправляетъ ее, какъ отправлялъ вчера, если не старается съ каждымъ днемъ придумать что-нибудь къ ускоренію и улучшенію своего труда, не требуетъ отъ него этой оконченности, къ которой долженъ стремиться по свойствамъ своей природы, если не любуется трудомъ, совершеннымъ хорошо, а идетъ себѣ подъ игомъ, привычнымъ шагомъ, какъ полезный волъ, это также не положительное качество. Чего же хочетъ г. Надимовъ? этихъ ли свойствъ? этихъ ли сторонъ человѣческой дѣятельности? можно по неволѣ довольствоваться отрицательными достоинствами, но вообразить, что они только нужны на службѣ, въ какой бы тѣсной и низкой средѣ ни разсматривать ее, — это значитъ принимать человѣка за машину и признавать въ немъ за недостатокъ ту способность, которою онъ гордится передъ животными. Нѣтъ, г. Надимовъ, напротивъ, вездѣ, на каждомъ шагу, во всѣхъ дѣйствіяхъ нужны въ человѣкѣ положительныя достоинства, только ими онъ можетъ принести настоящую пользу, а что не у всѣхъ они обнаруживаются, у бо́льшей части спятъ, это не даетъ намъ права возводить грустнаго явленія въ непреложный законъ. Вы скажете: пиши, не разсуждай! вы натвердите: вотъ кругъ, изъ него ты не долженъ выходить ни полетомъ воображенія, ни силою мысли, вы станете обращаться съ человѣкомъ какъ съ куклой, которая поводитъ глазами и киваетъ головой тогда только, какъ вы дернете за нитку, вы убьете въ немъ по капризу вашей теоріи объ отрицательныхъ достоинствахъ, даже безъ малѣйшей нужды, все высокое, все благородное, все истинно-человѣческое, всякое чувство независимости отъ вашей мысли и отъ вашей руки, такъ не хло-

почите понапрасну, не говорите ему: не бери взятокъ, онъ васъ не послушаетъ.

Милая графиня не поняла ни единаго слова. Да и на что ей отрицательныя достоинства, къ чему разсужденія о службѣ? она переходитъ къ вопросу, который ей ближе, къ вопросу о счастьи, къ вопросу о любви, и, если Надимовъ, для бесѣды съ нею, забылъ свою обязанность, то она, становясь на его мѣсто, превращаясь въ чиновника, приступаетъ къ слѣдствію и допрашиваетъ немилосердо:

«А счастья вы не ищете?

«Кого же вы любите?

Надимовъ. Я-съ, графиня? да, я живу любовью, я постоянно счастливъ въ любви.

Графинѣ становится это непріятно. Онъ живетъ уже, а не начинаетъ жить, слѣдовательно эта любовь не относится къ ней. Надимовъ продолжаетъ:

«Да-съ, я счастливъ въ любви съ тѣхъ поръ, какъ догадался, гдѣ надо искать ее. Я нашелъ такую любовь, на которую положиться можно, которая навѣрно и никогда не измѣнитъ.

Графиня. Какую же это?

И графиня и мы заинтересованы чрезвычайно. Любопытство наше возбуждено до неимовѣрности. Мы пылаемъ нетерпѣньемъ узнать поскорѣе эту чудную женщину, ниспосланную небесами, въ ихъ благости, губернаторскому чиновнику, пріѣхавшему по дѣлу о затопленныхъ лугахъ Дробинкина, эту восхитительную любовь, которая навѣрно и никогда не измѣнитъ. Надимовъ называетъ намъ ее. Судите же о горечи нашего разочарованья. Это обманъ. Это не живая дама съ миловиднымъ лицомъ и въ нарядномъ платьѣ, а дама-идея, идея огромная, уничтожающая, это Россія.

«Любовь къ нашему отечеству, любовь къ Россіи, говоритъ Надимовъ. Этого чувства на всю жизнь хватитъ и съ избыткомъ даже.»

И у графини и у насъ опускаются руки. Надимовъ любитъ Россію и, какъ кажется, сколько это проглядываетъ изъ его словъ, увѣренъ немного во взаимности, хотя до него великіе люди жаловались бо̀льшею частью на холодность и неблагодарность отечества: Аристидъ былъ изгнанъ, Велисарій умиралъ съ голоду. Любовь къ Россіи чувство похвальное! да, его хватитъ на цѣлую жизнь и не на одну даже, это правда. Но за чѣмъ г. Надимовъ говоритъ объ этомъ? за чѣмъ такъ торжественно, съ такимъ ли-

рическимъ вступленьемъ? развѣ это какая-нибудь диковинка? развѣ любить Россію есть привилегія, дарованная исключительно ему и пріобрѣтенная какими-нибудь усиліями? развѣ предполагается, что графиня не любитъ тоже Россіи? Давать чувствовать такое предположеніе было бы неучтиво. Разговоръ между образованными людьми основанъ на взаимныхъ уступкахъ, на взаимномъ благоволеніи другъ къ другу. Графиня очень ограниченная женщина, но не можетъ же Надимовъ сказать ей: я уменъ. Не можетъ потому, что и графиня, какова она ни есть, должна приниматься за умную. Онъ уменъ, умна и она. Не хочетъ ли Надимовъ намекнуть ей, что вотъ Мисхоринъ, котораго онъ сейчасъ видѣлъ, не любитъ Россіи, а я люблю? Конечно Мисхоринъ хотя щегольски, но нѣсколько пестро одѣтъ, да во первыхъ Надимовъ не довольно хорошо его знаетъ, а во вторыхъ ронять въ мнѣніи графини заочно кого бы то ни было не идетъ человѣку щегольски и весьма просто одѣтому. Для чего же, повторяемъ, говоритъ г. Надимовъ о своей любви къ Россіи, если предполагается и должно по совѣсти и изъ учтивости предположить, что любитъ ее и графиня и Мисхоринъ и тѣ, которые на лицо, и тѣ, которые еще за кулисами? Я люблю, а графиня скажетъ: и я люблю; послѣ этого слѣдуетъ: ты любишь, мы любимъ. Что жь это за разговоръ? это повтореніе грамматики, спряженіе дѣйствительнаго глагола и ничего болѣе.

Любовь къ отечеству не заслуга, не преимущество, не достоинство. Это чувство инстинктивное, невольное. Любишь и потому, что не любить не можешь, и потому, что внѣ отечества никуда не годишься и никому не нуженъ. Не любить было бы гораздо мудренѣе, чѣмъ любить. Человѣкъ живетъ во времени и въ пространствѣ, иначе на землѣ и жить не льзя. Отечество есть именно пространство, одно изъ условій его существованья. Все что̀ въ насъ есть, нашъ духовный и физическій составъ, все образовалось на этой почвѣ, въ этомъ воздухѣ, все, что заимствовали мы изъ-подъ чужаго неба, пріобрѣтено нами по милости той же почвы и того же воздуха. Да и кто не любитъ отечества? гдѣ эти люди, эти народы? есть такіе, которые умираютъ съ тоски по немъ. Не станемъ прибѣгать къ пошлымъ возгласамъ о благодарности: въ любви къ отечеству таится идея болѣе существенная и болѣе истинная — идея необходимости. По этому покинемъ ли мы Петербургъ и выберемъ своей резиденціей городъ Устьсысольскъ, опредѣлимся ли на службу въ писцы становаго пристава

ва или пойдемъ положить голову за великую Россію, намъ всѣмъ равно любезную и равно дорогую, мы не имѣемъ права становиться на ходули и высовываться изъ необозримой массы обыкновенныхъ людей, провозглашая громогласно, что таемъ любовью къ своему отечеству. Даже, прибывъ въ имѣніе графини или княгини, по жалобѣ Дробинкина о двухъ или трехъ стогахъ сѣна, мы должны совершить этотъ подвигъ, не увѣряя другихъ, что спасаемъ Россію или приносимъ ей пользу. Этого требуетъ чувство уваженія къ себѣ, чувство нравственнаго приличія, этого требуютъ и законы смѣшнаго. Вы вступили въ должность муравья и тащите песчинку на огромную гору, —прекрасно, но чтоже изъ этого? неужели это должно послужить поводомъ къ диссертаціи о любви къ отечеству? Впрочемъ г. Надимовъ и песчинки-то не тащитъ, до сихъ поръ онъ только разговариваетъ, а какъ примѣръ соблазнителенъ, то мы боимся, что въ губерніи, гдѣ онъ поселился, будетъ большое запущеніе въ дѣлахъ. Всѣ закипятъ любовью и перестанутъ писать. Видно любовь, даже и къ отечеству, отвлекаетъ человѣка отъ занятій. Но, намъ скажутъ, онъ отказался отъ удовольствій столицы, пренебрегъ наслажденіями богатства, заѣхалъ въ какую-то трущобу, принесъ жертву. Это опять не исключительное положеніе. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ губерніяхъ служитъ много чиновниковъ, которые и живали въ Петербургѣ, и богаты, и путешествовали. Что касается до жертвы, тутъ вопросъ важнѣе. Чтобъ жертва получила общественное значеніе, для этого нужны ея плоды, нужно не собственное мнѣніе, а мнѣніе другихъ. Иного нѣтъ средства отличить черту самоотверженія отъ побужденій эгоизма. Пріѣхать изъ Петербурга въ губернію можно отъ сплина, отъ нечего дѣлать, отъ неудачь, изъ мелкаго честолюбія выказать себя. Г. Надимовъ любитъ какъ-то огромно. Любить всю Россію не легко. Отъ чего бы не ограничиться какою-нибудь изъ ея частей? полюбить бы хоть одну губернію. Россія такъ обширна, что есть изъ чего выбрать. Вотъ, напримѣръ въ эту минуту, какъ онъ изъясняется въ своей нѣжности къ цѣлому, части этого цѣлаго, то-есть понятые или окольные люди, безъ которыхъ нельзя составить законнаго удостовѣренія о затопленныхъ лугахъ, лежатъ на травѣ или сидятъ пригорюнившись у конторы на завалинѣ, оторванные отъ своихъ работъ, въ ожиданіи, когда будетъ угодно губернаторскому чиновнику спросить ихъ Богъ знаетъ за чѣмъ и Богъ знаетъ о чемъ. Они, вѣроятно, также любятъ Россію, но, одаренные большимъ знаніемъ свѣтскихъ усло-

вій, любятъ молча.—Мы говорили до сихъ поръ, не касаясь важнаго опроверженія, которое можетъ быть намъ сдѣлано. Г. Надимовъ можетъ возразить, что его любовь особеннаго рода, не та, какую мы излагали, онъ любитъ лучше и разумнѣе, чѣмъ эти несчетные милліоны людей. Точно, инстинктивное чувство любви къ отечеству переходитъ иногда въ другую, высшую степень, въ сознаніе, возводится въ идею, и, правда, человѣкъ пріобрѣтаетъ право сказать громко: я люблю Россію. Но за это право должно заплатить дорого. Оно дается не многимъ. Это достояніе историческихъ лицъ, способствовавшихъ развитію, просвѣщенію, благоденствію и славѣ отечества. Тутъ любить мало, надо еще умѣть любить, надо видѣть ясно цѣль, куда любовь ведетъ, и находить въ душѣ своей средства для достиженія цѣли. Надо знать, почему люблю и для чего люблю. Тутъ уже всѣ помыслы человѣка, всѣ его шаги, всѣ дѣйствія обращены на служеніе одной, всепоглощающей идеѣ. Съ нимъ уже не безпокойтесь, не наряжайте графинь и не ставьте бронзовыхъ бездѣлокъ на ихъ столики. Для него и нарядна и прекрасна и молода одна Россія. Ея только образъ будетъ носиться у его изголовья. Да, существуетъ любовь разумная, любовь не инстинктивная, любовь-идея, но много ли сердецъ, способныхъ биться ею? Есть въ нашей исторіи имя, котораго не льзя произнесть безъ особеннаго изумленія, есть человѣкъ, въ которомъ ясно и осязательно воплотилась эта высокая любовь, но за то куда ни поѣзжайте по неизмѣримому пространству, называемому Россіей, вездѣ, во всѣхъ самыхъ темныхъ углахъ вы встрѣтите слѣды этой разумной, безпрестанной, заботливой и всевидящей любви.

Разговоръ между графиней и Надимовымъ льется какъ рѣка. Графиня продолжаетъ производить слѣдствіе и допрашивать его, давно ли онъ служитъ въ губерніи, гдѣ былъ прежде. Прежде давно Надимовъ жилъ въ Петербургѣ, но онъ *не годится для петербургской жизни,* онъ *не можетъ ужиться въ городѣ, гдѣ на улицахъ сыро, а въ людяхъ холодно.* Не льзя не отдать чести г. Надимову. Все ново что онъ говоритъ. Не годится для петербургской жизни! какая серіозность! Въ Петербургѣ на улицахъ сыро, а въ людяхъ холодно! какая свѣжесть мысли, какая теплота чувства! Читатель конечно начинаетъ уже догадываться, что графиня влюбилась по уши въ чиновника, да и какъ не влюбиться? Надо себя представить на ея мѣстѣ. Но не все постижимо для всѣхъ. Для людей съ медленною понятливостью и съ спо-

койнымъ обращеніемъ крови было необходимо сдѣлать такую внезапную страсть вѣроподобною. Это, разумѣется, и сдѣлано. Воображеніе графини, еще въ самыя юныя лѣта ея, было поражено рѣдкими свойствами Надимова, его далекимъ, но поэтическимъ образомъ! Когда она еще и не помышляла, что встрѣтится съ нимъ въ жизни по милости сосѣда Дробинкина, Надимовъ владѣлъ уже неопытнымъ сердцемъ не подъ именемъ дѣльнаго чиновника, а подъ милымъ именемъ Саши. Саша же, съ своей стороны, не видавъ также графини въ глаза, зналъ ее подъ нѣжнымъ названьемъ Настеньки. Ихъ соединяло уже предчувствіе, предопредѣленіе. Все это обдумано, приведено и объяснено въ комедіи очень натурально. Оказывается, что графиня воспитывалась въ институтѣ съ Оленькой Надимовой, что Оленька сестра чиновнику, что она имѣла намѣреніе не выходить замужъ, остаться всегда жить съ подругой, нынѣшней графиней, и обвѣнчать ее съ братомъ Сашей, который есть не что иное, какъ нашъ подсудимый чиновникъ Надимовъ. И такъ не естественно ли, что графиня все знаетъ про него, знаетъ, чего никакъ не могли провѣдать мы, что у него *восторженныя чувства* и *непреклонный характеръ*. Онъ писалъ къ сестрѣ письма изъ Италіи, изъ Египта, сестра тоже писала къ нему, и онѣ вмѣстѣ съ графиней сочиняли эти письма, имѣя обыкновеніе называть его между собою рыцаремъ.

Графиня. Ахъ, извините! такъ вотъ гдѣ мы должны были встрѣтиться! О, я васъ хорошо знаю! мы васъ называли рыцаремъ. Я читала всѣ ваши письма изъ Италіи, изъ Египта, вамъ сестра ваша тоже писала обо мнѣ. Мы вмѣстѣ и письма-то сочиняли.

Вы видите, что мало по малу на голову Надимова, какъ на миѳическія лица, собираются всѣ достоинства, разбросанныя по многимъ людямъ, и всѣ подвиги, совершаемые порознь различными членами человѣческаго семейства. Онъ и щегольски, но весьма просто одѣтъ, живалъ въ Петербургѣ, вѣроятно танцуетъ превосходно польку, и онъ же мелкій чиновникъ какого-то захолустья Россіи; онъ богатъ и взялся за черную работу; онъ муравей и онъ же рыцарь; онъ такъ мягокъ, что увлекается первою графиней, попавшейся ему на глаза, и онъ же имѣетъ непреклонный характеръ. Онъ видѣлъ Египетъ, затопленный Ниломъ, и онъ же пріѣхалъ обозрѣть луга Дробинкина, затопленные мельницей графини. Какая полнота жизни! Передъ нами воскресаетъ древній, волшебный міръ Греціи, гармонія аѳинскаго существованья! Надимовъ не пишетъ къ сестрѣ изъ пошлыхъ мѣстностей, какъ напримѣръ берега Рей-

на, Парижъ, Лондонъ. Что оттуда писать, да и кто не писалъ? Конечно Италія до нѣкоторой степени тоже пошлость, но не совсѣмъ. Тамъ слѣды отжившаго могущества и величія, тамъ памятники чудесъ шестнадцатаго вѣка... А Египетъ, это уже вовсе не пошлость, колыбель человѣческой мудрости, страна пирамидъ и іероглифовъ! Туда уже не отправится вѣтрогонъ-путешественникъ, которому хочется только разсѣяться, да повеселиться. Признаемся, мы давно подозрѣваемъ, что г. Надимовъ съѣздилъ въ Египетъ, хотя и не рѣшались намекнуть объ этомъ, ожидая отъ него собственнаго признанья, и хотя до сихъ поръ нисколько не замѣтно, чтобъ онъ былъ посвященъ въ таинства премудрыхъ маговъ. Скоро услышимъ мы отъ него такія африканскія понятія, что они, даже безъ египетскихъ писемъ, превратили бъ наше подозрѣніе въ несокрушимую увѣренность и заставили бы насъ думать, что онъ, не смотря на скромность, запрещающую ему разказывать о себѣ всѣ подробности, посѣтилъ не только Египетъ, но, мучимый любознательностью, проникалъ въ самую гущу Африки.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Н. Павловъ.

*
* *

Не говори, что сердцу больно
От ран чужих;
Что слезы катятся невольно
Из глаз твоих.

Будь молчалива как могилы,
Кто ни страдай;
И за невинных Бога силы
Не призывай.

Твоей души святые звуки,
Твой детскій бред —
Перетолкует все от скуки
Безбожный свет (1).

Н. Павлов.

1853 года.

---

(1) Музыка нашего знаменитаго М. И. Глинки на эти слова вышла на днях из печати в музыкальном магазине Грессера.

КОРНЕТЪ ОТЛЕТАЕВЪ

ПОВѢСТЬ.

Посвящается М. Н. Капустину.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

VII.

Окончивъ въ городѣ дѣла, я вспомнилъ объ Отлетаевѣ и рѣшился наконецъ воспользоваться его приглашеніемъ, чтобъ поближе познакомиться съ этою оригинальною личностью. Въ городѣ узналъ я о блажномъ корнетѣ еще нѣсколько интересныхъ подробностей, особенно благодаря исправнику, большому говоруну и разкащику, у котораго былъ неистощимый запасъ мѣстныхъ анекдотовъ и біографій. Старожилъ уѣзда, онъ зналъ всѣхъ и все, а потому, когда рѣчь коснулась Отлетаева, неудивительно, что потокъ разказовъ полился какъ рѣка, прорвавшая плотину. Ужь я былъ и не радъ, что коснулся такого плодотворнаго вопроса, и насилу могъ уйдти отъ повѣствователя.

Изъ всѣхъ этихъ разказовъ и изъ собственныхъ недавнихъ наблюденій составилось у меня довольно полное представленіе о человѣкѣ, къ которому я отправился въ гости по ухабистой проселочной дорогѣ.

Василій Сергѣевичь, давшій въ послѣдствіи жизнь Сергѣю Васильевичу, нашему герою, былъ человѣкъ уже весьма толстый, когда узналъ его исправникъ. Какъ протекло его дѣтство, что за люди были его родители, покрыто, какъ говорится, мракомъ неизвѣстности. Что они были дворяне, и дворяне весьма богатые, остается фактомъ, не требующимъ доказательствъ. Василій Сергѣевичь служилъ смолоду въ гвардіи, но вышелъ рано въ отставку по требованію старичковъ, которымъ черезъ два-три года закрылъ глаза и остался одинъ одинехонекъ въ огромномъ опустѣвшемъ домѣ.

Въ лицѣ сосѣдки, Лизы Меркулиной, дочери весьма богатаго помѣщика, обремененнаго, впрочемъ, огромною семьей, обрѣлъ онъ надежду на счастье, женился и изъ барченка сталъ вполнѣ бариномъ. Лиза была не дурна собой, съ лицомъ весьма выразительнымъ и съ тою степенью воспитанія, которая какъ разъ подходила подъ уровень понятій ея супруга. Они, казалось, были счастливы. Василій Сергѣевичъ былъ уступчивъ, и терпѣливо переносилъ капризы вспыльчивой Лизы, подарившей его, послѣ двухгодоваго супружества, дочерью, а въ послѣдствіи сыномъ Сережей, нашимъ героемъ, котораго рожденіе было праздновано съ неимовѣрною помпой, поразившею всѣхъ сосѣдей и занявшею умы не только всего уѣзда, но даже и далѣе.

Сережа со дня рожденія былъ кумиромъ своихъ родителей. Сами не зная почему, гордились они сыномъ въ то время, когда онъ былъ еще такъ малъ, что не могъ своими совершенствами внушать подобное чувство. Безчисленное множество нянекъ, крѣпостныхъ и наемныхъ, суетилось вокругъ Сережи, предупреждая малѣйшія его желанія, изъ боязни раздразнить мальчика, въ капризахъ котораго родители всегда обвиняли прислугу. Такъ росъ Сережа до десяти лѣтъ. Тутъ только начали его сажать за азбуку, надѣляя предварительно конфетами. «Не заучите его!» говорили родители Сережи нанятому къ нему педагогу, — «ему вѣдь не ученымъ быть.» Сережа былъ мальчикъ очень живой и понятливый, но выучивалъ обыкновенно только то, что̀ ему нравилось; иногда же просто-на-просто не хотѣлъ ничѣмъ заниматься. Педагогъ приходилъ въ отчаяніе, Сережа настаивалъ, возникала ссора, въ которую вступались родители, преимущественно отецъ, говорившій въ такихъ случаяхъ:

— Дайте ему отдохнуть. Что это съ нимъ точно съ равнымъ себѣ поступаете! Дайте срокъ, онъ перещеголяетъ васъ ученыхъ.

Сережа торжествовалъ. Нѣсколько дѣтей сосѣднихъ мелкопомѣстныхъ дворянъ жили въ домѣ Отлетаевыхъ, какъ бы изъ милости и для воспитанія, а собственно для Сережиной забавы. Привыкши повелѣвать, мальчикъ обращался съ ними болѣе нежели безцеремонно. Худшія игрушки доставались имъ; въ играхъ *воинственныхъ* роли побѣжденныхъ всегда выпадали на ихъ долю, не считая тѣхъ пинковъ и потасовокъ, не входившихъ въ условія игры, которыми онъ произвольно награждалъ своихъ товарищей.

— Хорошенько ихъ, мелкотравчатыхъ, хорошенько! вотъ такъ! лихо, Сережа! молодецъ! кричалъ Василій Сергѣичъ съ балкона, и хохоталъ во все горло.

Можно себѣ представить теперь, что̀ терпѣли прикомандированные къ особѣ Сережи дворовые мальчишки. Впрочемъ если онъ и больно таскалъ ихъ, то конечно не отъ злости, а такъ, по навыку. За то надобно отдать справедливость мальчику: ни одинъ нищій не уходилъ отъ него безъ щедраго подаянія. Сережа, будучи двѣнадцати лѣтъ, имѣлъ уже свой штатъ людей, своихъ лошадей, свои экипажи, даже свои карманныя, значительныя деньги, которымъ, разумѣется, не зналъ цѣны и тратилъ ихъ безъ пользы и дѣла. Дворня обирала мальчика: всякая лесть стоила денегъ, всякое наушничанье приносило барскую милость. Лукавыя горничныя выманивали у Сережи мелочь на пряники и орѣхи, а между тѣмъ то и дѣло твердили ему, что ужь лучше его и на свѣтѣ-то нѣтъ, что ужь такого молодца, какъ Сергѣй Васильевичъ, только въ сказкахъ встрѣтить можно, и многое другое. Слѣдствіемъ этого было то, что Сережа, будучи четырнадцати лѣтъ, былъ уже страстно и чуть ли не преступно влюбленъ въ молоденькую швею, только-что кончившую курсъ наукъ въ московскомъ модномъ магазинѣ и вернувшуюся въ деревню. Такъ развивался Сережа, приводя въ отчаяніе сначала Нѣмку Шарлоту Карловну, потомъ Француза Mr. Cornichon, за нимъ Русскаго учителя и даже холоднѣйшую изъ Англичанокъ, какую-то миссъ, приставленную къ кроткой и тихой Танѣ. Ей бѣдной тоже доставалось отъ Сережи въ минуты запальчивости; но не проходило секунды, какъ ужь онъ страстно обнималъ сестру, которую очень любилъ.

Такъ проходило время въ домѣ Отлетаевыхъ, когда въ одно утро, камердинеръ Василья Сергѣевича, удивляясь, что баринъ долго не просыпается, рѣшился войдти въ его комнату и нашелъ его недвижимымъ и холоднымъ. Василій Сергѣевичъ умеръ ударомъ на тридцать седьмомъ году своего возраста. Прошелъ годъ траура, и неутѣшная вдова рѣшилась снова принимать сосѣдей и снова показаться въ мѣстномъ свѣтѣ, гдѣ давно уже, еще при жизни Василья Сергѣевича, показался нѣкто господинъ Треухинъ, пріѣхавшій изъ Петербурга погостить къ матери, весьма умной и образованной старухѣ, принадлежавшей нѣсколько лѣтъ тому назадъ къ самому высокому кругу и поселившейся подъ старость въ весьма, впрочемъ, небольшомъ своемъ имѣніи. Треухинъ, молодой, красивый, ловкій, быстро овладѣлъ всеобщимъ вниманіемъ, сталъ душою общества и побѣдителемъ неопытныхъ и опытныхъ сердецъ. Онъ обратилъ вниманіе на молодую Отлетаеву еще при жизни мужа, хотя она по воспитанію

нисколько не могла оправдать такого съ его стороны предпочтенія передъ другими дамами и дѣвицами тѣхъ странъ; но Лиза считала его ухаживаніе за излишнюю любезность, сознавая, впрочемъ, въ душѣ все превосходство Треухина надъ ея супругомъ, какъ въ физическомъ, такъ и въ моральномъ отношеніяхъ.

По смерти мужа, Треухинъ удвоилъ свое къ ней вниманіе и постепенно учащая свои посѣщенія, сталъ наконецъ ежедневнымъ ея гостемъ, о чемъ, конечно, не преминули забарабанить любители скандалёзныхъ исторій, которыя доходили до слуха Лизаветы Ивановны. Она обдумала свое положеніе, и вникнувъ глубже въ сердце, дѣйствительно нашла въ немъ привлекательный образъ молодаго Треухина. Испугавшись этого открытія, она вспомнила, что ей тридцать два года, что она старѣе предмета своей страсти, и невольныя сомнѣнія на счетъ чистоты намѣреній Треухина запали въ ея робкую душу. Треухинъ же, въ свою очередь, сознавая вполнѣ, что истинное счастіе такого человѣка, какъ онъ, которому недостаетъ только состоянія, заключается именно въ томъ, чего у него нѣтъ, очень естественно разсчитывалъ на состояніе вдовушки и ту седьмую часть, которая по закону слѣдовала ей изъ имѣнія покойнаго мужа. Онъ любилъ вдовушку не восторженною любовью безбородаго юноши, а весьма разсудительно и здраво. Хорошо имѣть прекрасную жену, но вдвое лучше имѣть при такой женѣ и прекрасное состояніе. Сообразя это, но не обращая вниманія на лѣта Лизаветы Ивановны и видя только зрѣлую, полную и румяную красоту ея, Треухинъ счелъ нужнымъ, при первомъ необходимомъ между имъ и ею объясненіи, разыграть роль безкорыстно преданнаго любовника и окончательно увлечь довѣрчивое сердце въ свои искусно разставленныя сѣти. Между тѣмъ дѣти, осиротѣвшія послѣ добраго папаши, перенесли всю силу обожанія на мать, занятую одною любовью; люди же, нянюшки, мамушки, мосье Корнишонъ, самая миссъ, и вся челядь, понимая отношенія вдовы къ Треухину, не нашли нужнымъ скрывать отъ дѣтей намѣренія послѣдняго — замѣнить имъ покойнаго папашу, и ненависть было первое чувство, которое Треухинъ въ нихъ встрѣтилъ. Но объясненіе послѣдовало; увлеченная Лизавета Ивановна отдала красавцу Треухину свою руку и давно побѣжденное сердце, не спросясь разумѣется дѣтей, и только послѣ скромной свадьбы, сыгранной весьма романически, поутру въ своей же церкви, гдѣ невѣста была въ бѣломъ утреннемъ капотѣ, съ свѣжею розою въ волосахъ, а женихъ въ легкомъ лѣтнемъ сюртукѣ,—

представила его дѣтямъ, какъ отца и покровителя. Очень понятно, каково было дѣтямъ это грустное обстоятельство, слѣдствіемъ котораго возникла затаенная вражда между ними и вотчимомъ. Вотчимъ, впрочемъ, оказался человѣкомъ честнымъ, но разсчетливымъ, съ твердымъ и настойчивымъ характеромъ. Лизавета Ивановна боготворила своего втораго мужа и была счастлива новою семьею, прибывавшею съ каждымъ годомъ. Между тѣмъ Таня, оставленная единственно на попеченія гувернантки, выросла, стала дѣвицей прехорошенькою, но неразвитою и недоученою, что впрочемъ не помѣшало ей выйдти за долговязаго офицера полка, квартировавшаго въ уѣздѣ, и вскорѣ уѣхать съ нимъ куда-то. Сережа, въ свою очередь, достигнувъ на свободѣ семнадцати лѣтъ и не ставя ни въ грошъ мосье Корнишона, также недоученый и совершенно неразвитый, пылкій, взбалмошный и бѣшеный, дѣлалъ на каждомъ шагу такія непріятности вотчиму, котораго ненавидѣлъ, что тотъ, занятый разсчетами и приведеніемъ въ порядокъ своего имѣнія, опустѣвшаго со смертью матери, рѣшился, съ согласія жены, записать его въ одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ россійской арміи, и тѣмъ избавиться отъ непріятныхъ сценъ, дѣлаемыхъ ему избалованнымъ мальчишкой. Понятно, что дворня не любила Треухина и, наушничая на него Сережѣ, только подливала масла въ огонь. Наконецъ Сережа уѣхалъ, и спокойствіе водворилось. Треухинъ съ лѣтами сталъ взыскательнѣе, характеръ его сталъ жеще, и у бѣдной Лизаветы Ивановны всегда навертывалась слеза при воспоминаніи о слабой добротѣ перваго мужа; она съ грустью помышляла о любви Тани, выданной безвременно и странно, съ грустію мечтала о пылкомъ и отчаянномъ Сережѣ, безпрестанно бомбардировавшемъ вотчима письмами о высылкѣ денегъ и уплатѣ долговъ. Лизавета Ивановна грустила и цѣловала новую семью свою — пятерыхъ хорошенькихъ малютокъ. Такъ прошло время до совершеннолѣтія Сережи, которому Треухинъ честно и вѣрно сдавъ имѣніе, нисколько не разоренное, перевезъ жену въ свою деревню, гдѣ и поселился. Сережа надѣлъ эполеты, спрыснулъ ихъ весьма лихо и, поносивъ не долго, вышелъ въ отставку также порывисто и безотчетно, какъ дѣлалъ все въ своей жизни. Вскорѣ умерла и мать его, давъ жизнь шестому малюткѣ, и Треухинъ остался вдовъ, молодъ еще, съ шестью дѣтьми, но съ сознаніемъ своихъ тысячи незаложенныхъ душъ и съ надеждою нажить еще столько же, въ чемъ онъ и успѣваетъ. Понятно, что Сережа, потерявъ послѣднее существо, которое изъ любви къ нему могло сло-

вомъ и дѣломъ останавливать въ немъ буйные порывы, увлекаемый ежеминутно, на каждомъ шагу дѣлалъ необыкновенныя глупости. Деньги не имѣли въ глазахъ его ровно никакой цѣны, но онъ сознавалъ ихъ необходимость на удовлетвореніе своихъ желаній, и потому приказывалъ грабившему его управителю обращать все въ деньги, не заботясь о запасахъ и объ улучшеніи имѣнія. Тысячи летѣли на пустяки. Напримѣръ, пріѣхать въ магазинъ за склянкою духовъ и накупить ихъ на пять сотъ рублей было у него дѣломъ весьма обыкновеннымъ. Купить лошадь за неслыханную цѣну, для того только, чтобъ отбить ее у богатаго какого нибудь туза, считалъ онъ тоже забавною шуткой.

Въ Москвѣ, Отлетаевъ имѣлъ порядочное знакомство, и на одномъ балѣ встрѣтилъ теперешнюю жену свою, Надежду Васильевну, переименованную имъ послѣ въ Нину. Мудрено ли, что молодой, стройный, красивый Отлетаевъ, особенно при желаніи понравиться, увлекъ молоденькое, неопытное сердце хорошенькой пансіонерки, впервые вывезенной въ свѣтъ? Дома всю ночь не спалъ Отлетаевъ, и на другое утро переломалъ нѣсколько стульевъ, разбилъ два зеркала, и все это только потому, что хотѣлъ видѣть Нину и не могъ, не зная гдѣ она живетъ, на какой улицѣ и въ чьемъ домѣ: а то бы онъ сталъ то и дѣло ѣздить взадъ и впередъ по этой улицѣ и около этого дома,—что̀ онъ въ послѣдствіи и дѣлалъ, и что̀, какъ ясный признакъ любви, очень нравилось молодой дѣвушкѣ. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ кадрилей, вальсовъ и мазурокъ на многихъ балахъ, корнетъ не вытерпѣлъ, и пока другія пары дѣлали фигуру мазурки, онъ въ самыхъ пламенныхъ выраженіяхъ описалъ Нинѣ свою мучительную страсть, и просто-на-просто просилъ у ней самой ея руки. Дѣвочка, довольная и счастливая, вспыхнула, какъ тѣ розы, которыя дрожали, на длинныхъ стебелькахъ, въ густыхъ бѣлокурыхъ ея локонахъ, и быстро вставъ съ мѣста, робко, но весело отвѣчала:

— Погодите немножко, пойду скажу маменькѣ.

Дѣвушка побѣжала къ матери, а Отлетаевъ, восхищенный такимъ наивнымъ отвѣтомъ, чуть-чуть не расцѣловалъ даму сосѣдней по мазуркѣ пары. Матушка конечно дала свое согласіе, и молодыхъ людей помолвили. Влюбленный Отлетаевъ, разумѣется, не справлялся о количествѣ приданаго своей невѣсты; но когда онъ узналъ отъ матери, что она не можетъ ничего дать за дочерью, кромѣ тряпокъ, ему пришла блажь ослѣпить и мать и дочь великолѣпіемъ, слѣдствіемъ чего была первая продажа лѣса, и свадьба съ подарками

обошлась ему около ста тысячь. Хорошо еще, что лѣсу было такъ много, что одинъ столичный пріятель Отлетаева, случившійся въ Сережинѣ и увидавшій необозримое зеленое пространство, воскликнулъ:

— Que de bois à manger!

Однакожь, не смотря на это восклицаніе, лѣсъ значительно, почти совершенно убылъ со дня свадьбы корнета и до времени моего разказа, то-есть ровно въ десять лѣтъ, которыя я прейду молчаніемъ, чтобы заняться Отлетаевымъ такимъ, какимъ уже видѣлъ его читатель.

Еще версты за три до села Сережина, стоявшаго на вершинѣ горы, показалась, на зеленомъ грунтѣ густаго лѣса, громадная барская усадьба, пестрѣвшая издали множествомъ разноцвѣтныхъ крышъ, угловыхъ раскрашенныхъ бесѣдокъ и блестѣвшая на солнцѣ своею бѣлизной. Всѣ строенія были каменныя, и между ними особенно виднѣлась большая старинной архитектуры церковь, съ отнесенною по-одаль превысокою колокольнею: все вмѣстѣ издали походило болѣе на крошечный городокъ, чѣмъ на обыкновенную усадьбу. Господскій домъ состоялъ собственно изъ трехъ домовъ, раздѣленныхъ между собою садами и стоявшихъ, благодаря мѣстности, каждый выше другаго. Третій изъ этихъ домовъ, построенный въ видѣ башни, стоялъ на самой вершинѣ горы, высоко надъ другими, и былъ, вѣроятно, замѣчателенъ видами, надъ которыми господствовалъ. Все это гнѣздо, утопавшее въ густой зелени садовъ, виднѣлось мнѣ то въ правое, то въ лѣвое окно кареты, смотря по тому, какими изгибами шла узкая проселочная дорога. Наконецъ предметы, выроставшіе по мѣрѣ моего къ нимъ приближенія, приняли свои настоящіе размѣры, когда карета моя въѣхала на мощеный дворъ перваго, самаго большаго дома и остановилась у террассы, служившей подъѣздомъ, отъ котораго широкая аллея, идущая въ гору, вела ко второму дому, почти изчезавшему въ зелени. Домъ, къ которому я подъѣхалъ, былъ большой двухъ-этажный; главный его корпусъ соединялся съ каждой стороны длинными галлереями съ флигелями, отчего строеніе принимало огромные размѣры. Изумленные лакеи, въ прекрасныхъ ливреяхъ, выбѣжали ко мнѣ на встрѣчу и казалось, не знали, что̀ имъ дѣлать. По ихъ смущенію мнѣ показалось, что хозяина нѣтъ дома; и дѣйствительно, онъ былъ въ другомъ домѣ, гдѣ никто не жилъ кромѣ его, и который назывался *монплезиромъ*. Лакей, объявившій мнѣ объ этомъ, просилъ меня пожаловать на верхъ, куда, войдя по широкой

паркетной лѣстницѣ, тщательно натертой и снабженной ковромъ, очутился я въ залѣ, и остановился, пока другой лакей бѣгомъ отправился доложить барину о моемъ пріѣздѣ. Мертвая тишина царствовала въ этой половинѣ дома. Отъ нечего дѣлать я сталъ осматривать комнаты. Зала была въ два свѣта, съ круглыми, верхними окнами, со стѣнами, окрашенными свѣтло-шеколаднаго цвѣта краской. Группы играющихъ наядъ занимали простѣнки; тѣ же наяды играли и по всему потолку. Вся мебель залы была старинная съ инкрустаціей, и обитая голубымъ нѣсколько полинявшимъ штофомъ. Густыя драпировки, стариннаго фасона, на золотыхъ стрѣлахъ, обшитыя тяжелою бахромой, закрывали нижнія окна. Я пошелъ дальше. Гостиная была тоже велика, тоже въ два свѣта, съ балкономъ; стѣны здѣсь были разрисованы, по блѣдно-зеленому полю, разноцвѣтными китайскими аттрибутами; старинная золоченая мебель, разставленная симметрически, была обита китайскою матеріей, шитою шелками. Та же матерія драпировала окна. Худенькая, длинная, на тонкихъ ножкахъ, старинная рояль, розоваго дерева, скромно стояла у стѣнки. Столы и подстольники огромныхъ зеркалъ, занимавшихъ простѣнки, были мраморные на золоченыхъ ножкахъ. Третья комната, обитая желтымъ штофомъ, была готическая, съ рѣзною мебелью, надѣленною узкими и высокими спинками. Ею кончался домъ; она выходила въ корридоръ, куда вела одна изъ дверей залы. Я пошелъ назадъ; хозяинъ все еще не показывался, и я успѣлъ осмотрѣть столовую, съ аттрибутами охоты, картинами, изображавшими группы дичи, плодовъ, овощей и прочаго, съ стариннымъ серебромъ, коллекціей чучелъ и лѣпными украшеніями. Комнаты были мрачны: на всемъ лежалъ отпечатокъ времени и давнишнихъ барскихъ затѣй. По разказамъ я ожидалъ бо́льшаго. Къ столовой, выходившей на дворъ, примыкала и верхняя галлерея, соединявшая домъ съ флигелемъ. Галлерея эта освѣщалась сверху и вмѣщала на стѣнахъ своихъ по два ряда фамильныхъ портретовъ. Три поколѣнія родственниковъ, кто въ пудрѣ, кто въ уродливомъ костюмѣ первой французской имперіи, кто въ гигантскомъ токѣ, или съ огромными хохлами тридцатыхъ годовъ, кто въ современномъ, хотя и устарѣвшемъ костюмѣ, привѣтливо смотрѣли изъ золоченыхъ рамъ своихъ и, казалось, въ веселой компаніи припоминали свое прошедшее. Это собственно не картины были, а дешевое малеванье мѣстнаго живописца. Я не пошелъ далѣе въ виднѣвшуюся на концѣ галлереи билліардную, и предпочелъ вернуться въ залу, заслыша на лѣстницѣ знакомый голосъ Отлетаева.

— Ослы! кричалъ онъ на людей—сто разъ вамъ повторять:

Просить, принять, сказать что дома!...

— Извините! обратился онъ ко мнѣ. — Mille pardons. Эти дураки опростоволосились, увидавъ незнакомое и прекрасное лице ваше, что̀ и не съ ними одними случается, и Богъ знаетъ для чего, заставили васъ взойдти на лѣстницу, блуждать по этимъ неуклюжимъ сараямъ, которые посвящены воспоминаніямъ и торжественнымъ обѣдамъ въ дни моего тезоименитства, а не просили внизъ, гдѣ давно-предупрежденная Нина приняла бы васъ въ мое отсутствіе, въ болѣе современныхъ комнатахъ. Извините, извините...

— Помилуйте, сказалъ я,—минуты моего ожиданія протекли незамѣтно, среди этой старинной обстановки.... я любовался.... а теперь здороваюсь.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, здравствуйте! вскрикнулъ Отлетаевъ.

— Здравствуйте! молвилъ я.

— Какъ ваше здоровье? комически спросилъ онъ,—слава Богу? Слава Богу лучше всего. Не хотите ли закусить съ дороги и съ прескверной, надо замѣтить, дороги. До обѣда далеко. Пойдемте пока сюда, въ кабинетъ....

Мы вошли въ корридоръ, изъ котораго дверь налѣво вела въ надворный кабинетъ, оклеенный дубомъ подъ лакъ, съ рѣзнымъ карнизомъ, уставленный такою же мебелью, обитою бархатомъ. Кабинетъ былъ лучше прочихъ комнатъ.

— Сядемте! куда хотите? спрашивалъ хозяинъ, указывая на диванъ и кресла.—Не взыщите за безпорядокъ.... Не хотите ли сигару?... Или.... я и забылъ.... завтракать вы хотите? Въ такомъ случаѣ скажите, чего хотите?

— Что дадите! сказалъ я.

— Все есть! замѣтилъ хозяинъ, — кромѣ птичьяго молока, разумѣется, да какихъ нибудь глупостей въ родѣ страусовыхъ мозговъ, соловьиныхъ языковъ и прочей дряни. Все есть! Чего хотите, то и принесутъ.

— Право, я не знаю, сказалъ я, озадаченный.—Ну, хоть котлету.

— А съ чѣмъ? Я совѣтую вамъ спросить котлету съ свѣжими шампиньонами въ папильоткѣ.

— Прекрасно, пусть такъ и будетъ.

— Слышишь? спросилъ хозяинъ лакея,—а мнѣ спроси телячью ножку, съ каперцами и оливками.

— Слушаю-съ! сказалъ лакей и, обратясь ко мнѣ прибавилъ:— вино какое кушать изволите?

— То есть, быстро замѣтилъ хозяинъ,—какого вы захотите теперь именно отвѣдать, какимъ

Залить горячій жиръ котлетъ?

— Лафиту, что-ли, вымолвилъ я, крайне удивленный.

— Слышишь? спрашивалъ опять корнетъ лакея.—А мнѣ чего бы глотнуть? шато д'икему развѣ? Выпью! кончилъ онъ утвердительно.

Лакей поклонился и вышелъ.

— Гдѣ вы были, спросилъ я, — когда я пріѣхалъ? въ саду?

— Почти въ саду, вонъ въ томъ домикѣ, это mon-plaisir: я тамъ живу почти. Да нельзя же: тамъ считки, репетиціи, другая жизнь, дѣятельность, все кипитъ.... весело.

— Что же это вы репетируете? у васъ своя музыка?

— Три: духовная, роговая и инструментальная, хоръ пѣвчихъ, труппа драматическая, балетъ,—однимъ словомъ все, что только можно себѣ представить. Не говорилъ ли я вамъ, что я все люблю? Да дайте срокъ, день великъ, все это я вамъ покажу.... у меня составлена и программа нынѣшняго дня, то есть вообще того дня, въ который бы вы ни пріѣхали ко мнѣ: вотъ отчего и изумленіе моихъ дураковъ въ минуту вашего пріѣзда.

— Вы очень любезны.

— А вы вдвое. Мнѣ пріятно показать мои затѣи, со всею любезностью, а вамъ надо смотрѣть, скучать не показывая виду, смѣяться въ душѣ надъ чудакомъ Отлетаевымъ и дѣлать серіозный видъ—все это вдвое любезнѣе. Да впрочемъ, и то сказать:

Пускай зовутъ меня вандаломъ,
Я это имя заслужилъ....

И хотя, конечно, не вполнѣ какъ Репетиловъ, а все-таки:

Обманывалъ жену, танцовщицу держалъ,

да, держалъ Парашку. Она и теперь въ труппѣ. Удивительное было творенье, то есть просто:

То вдругъ прыжокъ, то вдругъ летитъ.

Вотъ вы все увидите. Дрянь стала, а впрочемъ, она вамъ въ качучѣ *и станъ совьетъ и разовьетъ, и быстрой ножкой ножку бьетъ,* и все, что только можно себѣ представить... А удивительная эта комедія: «Горе отъ ума» Пробовалъ ставить; нѣтъ, дураки

не понимаютъ, не умѣютъ читать стиховъ; не выдаютъ, разбойники, красотъ, рубятъ себѣ сплеча.... снялъ съ репертуара.

— Что вы теперь ставите? спросилъ я.

— Видите ли, скоро именины Нины.... ахъ, риѳма!... примемъ къ свѣдѣнію! Такъ я готовлю ей сюрпризъ и ставлю піесу съ превращеніями, пресмѣшную, подъ заглавіемъ: «Вотъ такъ пилюли! что въ ротъ, то спасибо». Надо вамъ замѣтить, что докторъ на дняхъ прописалъ женѣ пилюли, до того непріятныя, что она съ трудомъ можетъ проглотить ихъ: слѣдовательно одно заглавіе піесы должно уже разсмѣшить Ниночку.

— Ну, а машины?

— Выписалъ.

— Откуда?

— Изъ Москвы. Знаете ли, во что мнѣ обойдется этотъ вечеръ?

— Не дешево, я полагаю.

— Тысячь въ шесть.

— Неужели серебромъ? спросилъ я.

— Comme vous le dites fort élégament. У меня есть знакомый, который къ дѣлу и не къ дѣлу все отпускаетъ эту уродливую фразу. Не короче ли было бы просто сказать oui?

— Я думаю. Ужь это не Великодольскій-ли?

— А вы его знаете? Предводитель вѣдь, вы имъ не шутите. О Господи! Ты все зришь и все Ты терпишь!

— Я у него былъ въ городѣ. Хотѣлъ быть сюда.

— Ну что жъ, милости просимъ! у насъ *про всѣхъ готовъ обѣдъ*

Для званыхъ и незваныхъ.

А вотъ завтракать-то что не даютъ, это удивительно. Избаловался мой Michel, который давно ли былъ просто Мишка!

Не успѣлъ этого выговорить Отлетаевъ, какъ три лакея вошли въ комнату. Одинъ взялъ по небольшому круглому столику въ каждую руку и поставилъ ихъ, одинъ противъ моего кресла, а другой къ дивану, на которомъ сидѣлъ хозяинъ. Прочіе два лакея поставили каждый по серебряному подносу на приготовленные столики и всѣ трое вышли. Передо мной на серебряномъ подносѣ стоялъ приборъ, крошечное блюдо съ горячей котлетой въ папильоткѣ, бутылка лафиту и замороженная бутылка шампанскаго. Все серебряное, кромѣ та-

релки: она была настоящаго китайскаго фарфора. Хозяину подали точно также его порцію, только вмѣсто лафита стояла передъ нимъ бутылка д'икема.

Мы принялись за наши порціи.

— Эй! крикнулъ хозяинъ.

Лакей вошелъ.—Барыня завтракала? — Кушали-съ. — И дѣти? — Кушали-съ.—И всѣ кушали? — Всѣ-съ. — А кто есть ихъ чужихъ внизу?—Антонъ Иванычъ Трезвонинъ-съ.—Пріѣхалъ?—Князь Евгеній Васильичъ—И онъ тутъ?...—Иванъ Иванычъ Огородъ-съ.—А?—Василій Васильевичъ Великодольскій.—Ужь здѣсь?—Да еще Николай Петровичъ Хвостиковъ.—А, рѣдкій гость. Еще кто?—Агаѳонъ Анисимычъ-съ. — Ну этотъ не всчетъ. Что же? Всѣ завтракали?—Всѣ-съ.

— Люблю, чтобъ у меня кушали, и много кушали, и хорошо кушали. А шампанское подавали? обратился онъ опять къ лакею.

— Подавали-съ.

— Пили?

— Мало съ.

— У меня, обратился корнетъ ко мнѣ, — все есть, въ одномъ только недостатокъ....

— Въ чемъ же это?...

— Въ водѣ. Да еще въ квасѣ. Ни воды, ни квасу у меня не подаютъ, а не угодно ли шампанскаго.... та же вода.

— Ужасная система, замѣтилъ я,—можно истомиться отъ жажды.

— Впрочемъ, продолжалъ онъ, — тайно отъ меня, когда я не вижу, можно пить и воду.... Вели-ка ты—обратился корнетъ къ лакею — если снесли со стола шампанское, отдать его въ монплезирѣ музыкантамъ, актерамъ и актрисамъ, а Сашѣ скажи, чтобъ не пила: ей вредно; я ей пришлю фруктовъ и пирожнаго отъ обѣда. Ступай.

Лакей поклонился и вышелъ.

— Извините, сказалъ Отлетаевъ, — что я при васъ вхожу въ эти подробности, но у меня каждый день такая исторія.

Я попробовалъ лафитъ: вино было отличное. Мы позавтракали и принялись курить.

Эй! крикнулъ хозяинъ,—убирай!

Вошедшій лакей взялъ подносъ хозяина и вышелъ, но другой, стоявшій въ корридорѣ, вошелъ, и взявъ мой подносъ, проходилъ уже мимо хозяина, чтобы тоже уйдти.....

— Постой-ка! крикнулъ Отлетаевъ лакею:—поди-ка сюда.

Лакей съ подносомъ подошелъ къ барину, который взявъ тарелку и, сбросивъ съ нея бумажку, служившую папильоткою съѣденной мною котлеты, громко крикнулъ: Это что такое? и поднося тарелку къ самому носу лакея, продолжалъ: — что это такое? А? Давно ли говорено: чуть изъянъ, чуть царапина, не подавать? Давно ли говорено? А? это что? Эту тарелку я давно замѣтилъ, давно не велѣлъ подавать, а вы все свое: срамить меня хотите!

И съ этимъ словомъ Отлетаевъ сильно хватилъ тарелку объ полъ: рѣдкая дорогая вещь распалась на три неровные куска. Затѣмъ онъ сѣлъ, а лакей, поставя на минуту подносъ, спокойно поднялъ черепки и съ тѣмъ и съ другимъ вышелъ. Настало молчаніе.

— Вы не разсердитесь, спросилъ я хозяина,—если я сдѣлаю вамъ одинъ нескромный вопросъ?

— За кого жь вы меня принимаете?

— Бить такую дорогую посуду доставляетъ вамъ удовольствіе?

— Нѣтъ, но мнѣ досадно, какъ смѣли они подать вамъ тарелку съ царапиной.

— Которой я даже и не замѣтилъ.

— Да я-то видѣлъ, — я далеко вижу. Точно у меня нѣтъ тарелокъ въ домѣ! Терпѣть не могу безпорядка! Люблю, чтобъ все было хорошо и ново: вѣдь только то и хорошо, что ново. Мы сами хороши только пока молоды, а ужь тарелки и подавно. Не годится — такъ ну ее къ чорту! Она свое отжила, теперь ее не подадутъ больше: вотъ для чего я ее разбилъ, а не для того, чтобъ пустить пыль въ глаза. Кого и чѣмъ удивишь нынче? Я жизнь не понимаю иначе какъ такою, какою я ее веду. Мнѣ это пріятно, я и дѣлаю. Безразсудно, можетъ быть, глупо, сознаюсь; но не могу, привыкъ. Мнѣ все ни почемъ, увѣряю васъ.

— Конечно, сказалъ я, — если средства позволяютъ, отчего же.

— Средства? спросилъ онъ,—какія средства? Откуда? Все заложено. Лѣтомъ доходовъ нѣтъ. Одинъ только кредитъ и вывозитъ. Да вотъ какъ, я вамъ скажу: мѣсяцъ тому назадъ продалъ лѣсу на двадцать тысячь серебромъ. Много денегъ?

— Много, отвѣчалъ я.

— Туда, сюда, машины, жалованье артисткамъ, то, сё, въ городъ, въ лавки позаплатилъ, чтобъ кредитъ-то былъ. Ну, хорошо кажется, а какъ вы думаете, сколько у меня теперь въ наличности осталось денегъ?...

Онъ пріумолкъ, какъ бы ожидая отъ меня отвѣта.

— Неужели только тысяча рублей?

— Два двугривенныхъ, продолжалъ онъ, и вышвырнулъ ихъ изъ жилетнаго кармана на столъ.—Теперь вы вѣрите, что я не пускаю пыль въ глаза? Я мотъ, страшный, презрѣнный мотъ, низкій, отвратительный мотъ, потому что у меня есть жена ангелъ, которую я люблю по своему, дѣти, которыхъ я боготворю тоже по своему, несчастныя дѣти, которыхъ я могу пустить по̀-міру, и пущу когда нибудь, даже скоро, дѣти, которыя въ нищетѣ проклянутъ пагубное мотовство отца.... Я гнусный, подлый мотъ, но не фанфаронъ, не двуличный человѣкъ, я весь тутъ, на-лицо.... вотъ что такое корнетъ Отлетаевъ!

Онъ задумался и долго мы сидѣли молча.

— Э! да что тутъ думать! вскрикнулъ онъ весело. — Развѣ вы за тѣмъ ко мнѣ пріѣхали, чтобъ видѣть, какъ иногда и на мою особу находитъ грусть? За чѣмъ унывать, когда самъ виноватъ, или когда дьяволъ-теща въ домѣ, которая то и дѣло говоритъ мнѣ, что я калифъ на часъ.... Она, старая вѣдьма, помнитъ эту оперу, знаетъ, что мои дѣти нищіе, что я погубилъ Нину, а Нинѣ выдаетъ всѣ мои шалости, минутныя заблужденія, легкія привязанности.... она ссоритъ насъ, эта старая амфибія! Надо забыться, надо развлечься, надо доказать ей, старой, что она вретъ, когда пророчитъ мнѣ суму.... а она только въ этомъ и не вретъ.... вотъ и льется шампанское и гремитъ музыка, а тамъ, что у меня иногда на душѣ, до этого ей, старой курицѣ, нѣтъ дѣла. Пойдемте внизъ, я вамъ покажу ея куріозную фигуру. Внизу цѣлое общество! Пойдемте.... пойдемте!... Только не удивляйтесь, что я съ вами такъ откровененъ, я не могу иначе. Пойдемте.

Онъ весело схватилъ меня за руку и, напѣвая арію изъ Донъ-Жуана, повлекъ меня за собой внизъ по лѣстницѣ.

VIII.

Низъ состоялъ изъ такихъ же трехъ комнатъ: залы, съ бѣлыми мраморными колоннами, за которыми вдоль стѣнъ тянулись лавки, обитыя пунцовымъ бархатомъ, и величаво красовалась рояль Вирта; изъ гостиной, съ двумя окнами и балконною дверью, выходившею на широкую террассу, которая двумя отлогими лѣстницами, въ видѣ

pente douce, примыкала къ желтымъ дорожкамъ великолѣпнаго цвѣтника; и наконецъ изъ будуара, обитаго бѣлымъ штофомъ, полнаго всевозможной роскошной мебели, цвѣтовъ, деревьевъ, картинъ, всего, однимъ словомъ, что̀ только можетъ присниться молодой избалованной женщинѣ. Занавѣски будуара были кружевныя, покрытыя другими изъ голубаго муара, которымъ была обита и вся мебель. Когда мы сошли съ хозяиномъ въ этотъ пріютъ современной роскоши, все общество находилось на террассѣ, уставленной со всѣхъ сторонъ померанцевыми деревьями въ цвѣту и сквозною чугунною, бронзированною мебелью, покрытою коврами и шитыми подушками. Нина, высокая, стройная, граціозная, но весьма блѣдная женщина, лѣтъ двадцати-шести, съ густыми бѣлокурыми локонами, взбитыми à la neige, въ роскошномъ негліже, обшитомъ кружевами, сидѣла на диванѣ, небрежно играя шелковистою шерстью крошечнаго кингъ-чарльса, лежавшаго на ея колѣняхъ, и меланхолически смотря куда-то вдаль. Прямо противъ нея, прислонясь къ одной изъ колоннъ, поддерживавшихъ балконъ втораго этажа, стоялъ въ живописной позѣ до нельзя разрисованный Трезвонинъ. У другой колонны, ближе къ Нинѣ, стоялъ молодой человѣкъ лѣтъ осьмнадцати, бѣлый и розовый, съ густыми, вьющимися по плечамъ темными волосами, съ едва пробивающимся пушкомъ сверхъ розовой губки, похожій болѣе на переодѣтую женщину, чѣмъ на мущину. Юноша, одѣтый безукоризненно, держался весьма прилично; большіе синіе глаза его поминутно взглядывали на граціозный образъ задумчивой Нины, не обращавшей на него никакого вниманія. Великодольскій, также важно, какъ и всегда, сидѣлъ на стулѣ и объяснялъ что-то облеченному въ сѣренькое трико Огороду, который сидѣлъ съ нимъ рядомъ, хлопалъ глазами и отмахивался, длинною вѣткой фуксіи въ цвѣту, отъ мухъ осаждавшихъ его сильно напомаженные сѣденькіе, коротко остриженные волоски. Какой-то худенькій господинъ, съ маленькими усиками, съ сладкою улыбкой, одѣтый въ весьма узкое и короткое платье, но прилично, объяснялъ что-то пожилой съ сѣдыми буклями, подъ кружевнымъ чепцомъ, дамѣ, какъ я догадывался, матери Нины. На дорожкахъ вдали виднѣлись бѣгавшія дѣти и плавно выступавшія женщины, вѣроятно гувернантки. Какой-то старичокъ, весь въ желтой нанкѣ, сидѣлъ уединенно на скамьѣ подъ кустомъ акаціи и, казалось, о чемъ-то думалъ. Такъ было сгруппировано все общество, когда мы шумно и весело вступили съ хозяиномъ на террассу. Представляя меня женѣ своей, онъ прибавилъ:

— Похожъ-ли на то описаніе, которое я тебѣ объ немъ сдѣлалъ?

— Сережа только и бредилъ вами, сказала мнѣ Нина, пріятнымъ, но слабымъ голоскомъ, премило улыбаясь, — и я очень рада, что вы доставили намъ удовольствіе видѣть васъ у себя.

Я поклонился, чтобъ не сказать какой нибудь пошлой фразы.

— А вотъ и Аграфена Матвевна! сказалъ мнѣ корнетъ, повертывая меня къ пожилой женщинѣ въ чепцѣ. — Не правда ли, что очень вѣрны всѣ тѣ эпитеты, которыми я украшалъ почтенное имя Аграфены Матвевны?

Закусивъ губы, я поклонился. Нина вспыхнула.

— Если бъ вы знали, Аграфена Матвевна, какими красками описывалъ я ему, продолжалъ онъ, указывая на меня, — всю вашу любезность, кротость и смиреніе, ангельскій вашъ характеръ, нѣжное ко мнѣ вниманіе, однимъ словомъ, всѣ ваши добродѣтели, которыя вы скрываете часто подъ личиной гнѣва, вотъ какъ въ эту минуту. Но это гнѣвъ притворный.... рвется кружево-то.... рвется!

Аграфена Матвевна, блѣдная отъ злости, строго посмотрѣла на дочь, но кисло улыбнувшись мнѣ, прошипѣла:

— Сереженька у насъ большой балагуръ... вы его извините.... надо мною все потѣшается... конечно я стара.... смѣшна стала... не могу по модному.... . . . .

— Сергѣй Васильевичъ превеселаго характера, сказалъ я.

— Да, говорила старуха, — все шутитъ! кажется злость какую нибудь скажетъ, анъ это шутка выходитъ.

— Ну, будетъ вамъ любезничать-то, замѣтилъ мнѣ корнетъ, — какъ разъ влюбитесь и увезете Аграфену Матвевну.... пропалъ я тогда.

— Кто про кого, отозвалась старуха, — а мы все про своихъ, и опять взглянула на дочь, которая то блѣднѣла, то краснѣла и посылала умоляющіе взгляды то матери, то мужу.

— Этого франтика вы знаете? спросилъ меня Отлетаевъ, указывая на юношу, только-что поднявшаго розу, которую измявъ уронила Нина.

— Не имѣю удовольствія.

— Молодо, зелено, неопытно, продолжалъ корнетъ.

— Князь Евгеній Черноряжскій! весь вспыхнувъ, тоненькимъ голоскомъ, но съ чувствомъ оскорбленнаго самолюбія, сказалъ юноша.

— И только! замѣтилъ неумолимый хозяинъ.

Юноша вспыхнулъ снова, и замѣтилъ: — Будущее впереди....

— Разумѣется не сзади, смѣясь отозвался корнетъ.

— Корнетомъ-то быть и я могу, кончилъ князекъ.

— Вотъ люблю! быстро сказалъ Отлетаевъ, — люблю за то, что оборвалъ — и, поцѣловавъ его въ лобъ, обратился къ тещѣ: — Аграфена Матвевна!...

— Ну, опять за меня, прошипѣла она.

— Обрывайте меня почаще, я васъ еще сильнѣе любить буду! сказалъ корнетъ и, снова обратясь къ князю, спросилъ:

— Ты на меня не сердишься?

— За что же? Не въ первый разъ! отвѣчалъ юноша.

— И не въ послѣдній.

— Ну вотъ видите!

— Молчи, дай срокъ! лучшій персикъ твой, конфеты тоже, варенье....

— Видите, вы опять начинаете, замѣтилъ князь.

— Согласись, что ты дитя. Я за то тебя и преслѣдую, что ты корчишь большаго. Ну скажи, что ты дитя.

— Нѣтъ, сказалъ князь, взглянувъ на Нину, — не дитя.

— Ну, право, ты дитя, настаивалъ корнетъ. — Да?

— Нѣтъ.

— Ну такъ берегись, война.

— Пускай будетъ война.

— Какъ бы не просить пардону.

— У васъ? спросилъ князь. Никогда!

Я между тѣмъ отошелъ къ Великодольскому, который отпустилъ мнѣ какую-то баснословную, страшную фразу на созданномъ имъ языкѣ. Огородъ крикнулъ мнѣ: Припоминаю!

Но я спѣшилъ добавить:

— Какъ восемь мѣсяцевъ тому назадъ мы встрѣтились съ вами у Антона Ивановича? Мнѣ очень пріятно, какъ ваше здоровье?

— Ничего! пробасилъ Огородъ, и пока я пожималъ руку Трезвонина, прибавилъ:

— Припоминаю!

— Что знали моихъ родителей?...

— Зналъ.

— Что были у нихъ въ домѣ?...— Былъ....— Что батюшку покойнаго встрѣчали въ клубѣ....— Встрѣчалъ....— А потомъ съ тѣхъ

поръ и не видали?—Нѣтъ!—Онъ скончался въ Петербургѣ, продолжалъ я.—Жаль!—Какъ у васъ урожай?—Плохъ.—Это не хорошо.—Нѣтъ!

— Браво! крикнулъ Отлетаевъ, обращаясь ко мнѣ:—вы геній! вы, открыли способъ разговаривать съ Иваномъ Ивановичемъ.

— Хорошъ! басилъ Огородъ, и положивъ мощную руку на плечо мое, прибавилъ:—люблю.

Въ это время Трезвонинъ, взявъ меня подъ руку и отводя всторону, спросилъ.

— Ну, что Нина?

— Прелесть, отвѣчалъ я.

— А замѣчаете вы какъ она блѣдна? Но еслибъ вы знали.... часъ тому назадъ я пріѣхалъ съ Великодольскимъ.... этого было довольно.... но какъ тяжело!..

— Да, жарко, отвѣтилъ я.

— Какое раздолье для посторонняго наблюдателя, но страшно, увѣряю васъ, быть не простымъ зрителемъ, а....

Трезвонинъ опустилъ глаза и манерился, а я отошелъ было въ сторону.

— Что вы это шепчетесь? спросилъ корнетъ?—Не новая ли побѣда? разказъ о любви? О счастливецъ!

— Нѣтъ-съ, сказалъ Трезвонинъ, опуская глаза,—мы говорили, такъ, о пустякахъ.

— А посмотрите, продолжалъ хозяинъ, адресуясь ко мнѣ,—какая странная игра природы! сличите князя и Трезвонина: та же бѣлизна, свѣжесть, тотъ же румянецъ.... это удивительно.... Который тебѣ годъ? обратился онъ къ князю.

— Въ сентябрѣ будетъ девятнадцать, сказалъ юноша, вытягивая какъ можно выше воротнички рубашки.

— А вамъ, Антонъ Ивановичъ, сколько бишь, я что-то забылъ....

— Мнѣ? пищалъ онъ, потупляя глаза,—пусть это рѣшатъ дамы....

— Нина! который годъ Трезвонину?

— Не знаю! нéхотя и лѣниво отвѣчала Нина.

— Аграфена Матвевна? спросилъ хозяинъ.

— Ахъ, батюшка, проговорила она,—что я воспріемницей его была, что ли? Почемъ мнѣ знать?

— *Чужихъ имѣній мнѣ ль не знать*? продолжалъ онъ Что—до меня, то я не могу надивиться свѣжести Трезвонина.

— Это.... съ весною, пищалъ онъ, потупляя глаза.

— Ты просто вторая Ninon de Lanclos, только въ мужскомъ платьѣ.

— Кто это такая?... спросилъ Трезвонинъ.

— Неужто ты не знаешь? Всѣ знаютъ эту женщину....

— Ахъ позвольте! вспомнилъ! пищалъ Трезвонинъ.—Это было въ Москвѣ.... Француженка?.... брюнетка?....

— Мы всѣ покатились со смѣху....

— Припоминаю! забасилъ Огородъ....

— И ты Нинону?... сквозь слезы спросилъ Отлетаевъ, и снова дружный взрывъ общаго хохота раздался на террассѣ и слился со стукомъ ножей, вилокъ и тарелокъ, которыми гремѣли накрывавшіе въ залѣ на столъ люди.

Мало по малу хохотъ стихъ, и среди общаго молчанія раздавался тонкій голосъ молодаго человѣка съ усиками, обращавшагося къ Аграфенѣ Матвевнѣ.

— Нѣтъ-съ, говорилъ онъ,—напрасно вы приписываете мнѣ небывалыя добродѣтели. Что за важность, что я хорошо служилъ, былъ адъютантомъ, да бросилъ службу? за то я теперь занимаюсь устройствомъ своего имѣнія. Вѣдь это не жертва; мнѣ вѣдь это пріятно— живу себѣ покойно, въ деревнѣ; на рукахъ у меня братишки, забочусь объ ихъ будущности, да покою старушку мать, да съ чистою совѣстью гляжу на свѣтъ Божій.

Молодой человѣкъ задумался было на минуту, но потомъ вставъ, повернулся на коблукахъ и сказалъ:—А впрочемъ какъ вамъ будетъ угодно!

Я удивился такому неожиданному переходу.

— Ахъ, я и забылъ, сказалъ мнѣ Отлетаевъ: позвольте мнѣ познакомить васъ съ Николаемъ Петровичемъ Хвостиковымъ.

— Который часъ? спросила Нина.

— Скоро четыре, сказалъ князь.

Нина лѣниво встала, поцѣловала собачку и взявъ ее на руки, пошла къ двери:

— Ты здорова? спросилъ ее мужъ....

— Д.. да.... отвѣчала она съ гримаской.

— Отчегожь блѣдна?...

— Н.. не знаю....

Корнетъ обнялъ ее, поцѣловалъ въ лобъ и пропустилъ въ дверь.

гостиной, пройдя которую Нина скрылась въ будуаръ. Князь и Трезвонинъ проводили ее глазами.

— Василій Васильевичь! не сѣсть ли намъ въ пикетъ пока до обѣда? спросила старуха Великодольскаго, который изъявилъ на это свое согласіе.—Столикъ бы, Сереженька, зашипѣла она.

— Давно бы такъ, только не здѣсь, а въ гостиной....

— Оно и лучше!... замѣтила старуха.

— О, смиреніе!... шопотомъ произнесъ Отлетаевъ, и крикнулъ:—фонъ! Агаѳонъ!...

Задумчивый желтенькій старичекъ поднялъ голову.

— Бѣги! крикнулъ ему корнетъ,—вели подать столъ и карты.

— Ладно! сказалъ старикъ, — а то, карты старыя, или то новыя?

— Старыя, сказала старуха,—мы вѣдь по копѣечкѣ?

Великодольскій презрительно улыбнулся и слегка пожавъ плечами, сдѣлалъ такой жестъ, которымъ хотѣлъ сказать: «рѣшаюсь и по копѣйкѣ!»

— Ладно-то.... произнесъ старикъ и ушелъ въ залу, а Аграфена Матвевна съ Великодольскимъ поплелась въ гостиную.

Между тѣмъ Трезвонинъ, взявъ князька подъ руку, пустился съ нимъ въ припрыжку въ садъ. Хвостиковъ, погрузившійся было въ задумчивость, вдругъ произнесъ, не вѣдомо къ кому обращаясь: — А впрочемъ какъ вамъ будетъ угодно! перевернулся и отправился тоже въ садъ.

— Скажите мнѣ, ради Бога, обратился я къ хозяину,—что это у него за странности?

— Да такъ-себѣ. Нѣтъ нѣтъ, да и отпуститъ какое-нибудь изреченіе. Это такъ у него шутка, въ родѣ остроты, что ли!.. Думаетъ ли онъ о чемъ про себя, да вдругъ вслухъ и отвѣтитъ, право не знаю. А дѣльный человѣкъ, очень не глупый малый, хозяинъ хорошій. Только выпить любитъ.

Тутъ вбѣжали на террассу двѣ дѣвочки, одна лѣтъ семи, другая еще меньше, въ сопровожденіи двухъ спутницъ, рябой, толстой Нѣмки, и худенькой, вертлявой и кокетливой Француженки. Дѣти бросились къ отцу. Онъ заставилъ ихъ присѣсть мнѣ и потомъ посадилъ обѣихъ къ себѣ на колѣни. Дѣвочки ласкались къ нему и цѣловали его щеки и руки.

— Eh bien! обратился онъ къ Француженкѣ, —comment ça va-t-il?

— Mais fort bien, отвѣчала она, вертясь и охорашиваясь.

— Ce que je sais.... началъ было корнетъ....

— Voyons....

— C'est que vous êtes jolie....

— Ah! bah!

— Et ce que je sens.... продолжалъ онъ.

— Ce que vous sentez.... повторила она.

— Je ne le dirai pas! кончилъ корнетъ и, взявъ ее за руку, запѣлъ:

Ce que j'éprouve en te voyant!

Француженка вырвала руку и, указывая глазами на меня и потомъ на Аграфену Матвевну, все видѣвшую въ открытое окно, погрозила ему пальцемъ, что̀ не скрылось отъ входившей въ эту минуту на террассу Нины, измѣнившей прежній туалетъ на другой, болѣе нарядный. Голубое барежевое платье съ затканными воланами ловко сидѣло на ея стройномъ станѣ, и почти изчезало подъ обильными складками большой черной кружевной косынки; черное же кружево, накинутое на свѣтлые локоны, прикрывало два роскошные букета разноцвѣтныхъ гвоздикъ, граціозно воткнутыхъ въ ея огромную косу.

— Мила, сказалъ корнетъ, увидавъ жену. —Не правда ли мила? обратился онъ ко мнѣ.—Умѣетъ одѣться. Тьма вкуса! Да ужь это одно доказываетъ, что вкусъ есть, если меня выбрала въ мужья. Правда, Нина?

— Д.. да! отвѣчала она нéхотя.

— Вы куда нибудь ѣдете? спросилъ я.

— Я? переспросила она,—нѣтъ....

— Извините, продолжалъ я,—судя по изящному туалету вашему я полагалъ, что....

— Я одѣлась къ обѣду....

— Назначенье женщины—нравиться, замѣтилъ хозяинъ.

— Но не рядиться, прибавила Нина.

— Нарядъ выдаетъ еще больше красоту женщины, продолжалъ онъ,—она должна гордиться этимъ даромъ неба.... Нравиться, обязанность женщины.

— Слушаться, вотъ обязанность жены, замѣтила Нина:—ты этого̀ хочешь, и я исполняю твое желаніе: мѣняю туалетъ четыре раза въ день.

— И прекрасно! Эти наряды такъ идутъ къ тебѣ....

— Видите ли, обратилась она ко мнѣ, — прежде онъ любилъ Нину въ нарядахъ, а теперь.... теперь онъ любитъ наряды на Нинѣ: вотъ почему я почти только и дѣлаю, что одѣваюсь.

— Вы несправедливы къ Сергѣю Васильевичу, замѣтилъ я.

— На то она моя жена, сказалъ корнетъ,—на то есть Аграфена Матвевна....

— Сережа! произнесла умоляющимъ голосомъ Нина.

— Вы несправедливы и къ себѣ самой, продолжалъ я, — наряды не нужны ни вамъ, чтобъ нравиться, ни ему, чтобъ находить васъ прекрасною.

— Еслибъ вашими устами да медъ пить! сказала она.

— *Кто не пилъ слезъ изъ чаши бытія?* продекламировалъ корнетъ, и спросилъ самого себя:—откуда бишь это?

— А ты забылъ? спросила Нина. — И то сказать: давно.... въ первые мѣсяцы нашего супружества, мы пѣвали дуэтъ....

— Ахъ Боже мой! помню теперь, сказалъ онъ,—и дѣйствительно, мы давно не пѣли этого дуэта. За то у насъ есть другіе... споемъ что нибудь? хочешь, Нина? ты въ голосѣ?...

— Кажется! сказала она и, сдѣлавъ въ полголоса бѣглую, чистую и граціозную руладу, прибавила:—да.

— Дѣти, бѣгите за гитарой, сказалъ онъ дѣвочкамъ и спустилъ ихъ съ колѣнъ.

— Не лучше ли съ роялью, молвила Нина.

— Я бы попросилъ позволенія вамъ акомпанировать, сказалъ я,— предложилъ бы вамъ свои услуги.

— Въ комнатѣ душно! сказалъ онъ,—то ли дѣло здѣсь: воздухъ, померанцы, свѣтлое небо, музыка, *женщины*, любовь.... гитару мнѣ! живо! крикнулъ онъ, пихнувъ отъ себя дѣвочекъ, которыя побѣжали въ залу.

Нина, вспыхнувшая при словѣ: *женщины*, сухо и холодно обратилась къ Француженкѣ, стоявшей, прислонясь къ колоннѣ:

— Que faites vous là, mademoiselle?...

— Je vous admire, madame! лукаво отвѣчала Француженка.

— C'est de trop, продолжала Нина,—suivez, je vous prie, les enfans, et veillez à ce qu'elles ne tombent.

— Je vais, madame, вспыхнувъ въ свою очередь, сказала Француженка и, адресуясь къ рябой Нѣмкѣ:—*comméne si, madame!* вышла изъ комнаты.

— Ты очень строга съ мамзелью Constance, замѣтилъ Сережа.

— Она мнѣ не нравится, отвѣчала Нина, ударяя на слово «*мнѣ*.»

— *Тревожная ревность кипѣла!*....—продекламировалъ корнетъ прибавя:—откуда бишь это? ревность кипѣла?

— Во мнѣ ревность? спросила Нина,—къ ней? какъ будто я не знаю....

— Что?...

— Que tu aimes ta femme avec constance? сказала Нина и лукаво взглянула на мужа.

— Что? что?... Ахъ какъ ты мила! Особенно нынче. Теперь вотъ! прелесть!...

— Да? спросила она:—хорошо платье?...

— Жестокая! *Коварный другъ, но сердцу милый!* запѣлъ онъ и прибавилъ: — о! старина какая! Гитару мнѣ!... давай, Нина, *про любовь тебѣ спою!* Гдѣжь гитара!...

Въ эту минуту мальчикъ лѣтъ девяти, одѣтый въ прекрасную курточку съ отложнымъ батистовымъ воротничкомъ, весь въ локонахъ, вбѣжалъ на террассу, съ гитарой въ рукахъ.

— Папаша! вотъ тебѣ! крикнулъ онъ и бросился къ отцу....

— Ne criez pas si fort! раздался за нимъ голосъ гувернера, красиваго Француза, одѣтаго чисто и прилично.

— Сынъ мой, Вася! сказалъ мнѣ хозяинъ.

— Saluez donc monsieur, замѣтилъ Васѣ Французъ, указывая на меня, и кланяясь въ свою очередь.

Мы привѣтствовали другъ друга, пока Отлетаевъ настраивалъ гитару.

— Allons promener! сказалъ Вася Французу, и побѣжалъ въ садъ.

— Allons nous promener, поправилъ его Французъ, слѣдуя за нимъ. — Ne courrez pas si vite, mon Dieu! je n'ai pas votre âge, moi....

— Nous allons dîner, крикнула имъ вслѣдъ Нина,—ne vous éloignez pas.

— Non, madame,—отвѣчалъ ей издали Французъ.

— Живой, пробасилъ Огородъ и, прибавя послѣ аккорда, взятаго корнетомъ,—мальчикъ! продолжалъ обмахиваться и вдругъ проговорилъ:—Живой мальчикъ!

— Ну! сказалъ Отлетаевъ, вставая и принимая позу цыгана, дирижирующаго хоромъ, то опуская, то повышая инструментъ, по мѣрѣ повышенія или пониженія голоса пѣвицы: — качай, Нина! Вмѣстѣ!... *О! не гляди!*... Ну!...

Онъ ударилъ по струнамъ и два ихъ голоса, молодые, звучные, слившись вмѣстѣ, то тихо дребезжа, то громко раскатываясь, раздались подъ сводомъ террассы, оглашая окрестность.... Каждое слово было слышно:

О не гляди, не наводи,
Ты на меня взглядъ милый, чудный....
И не буди, въ моей груди
Былыхъ мечтаній жизни трудной....

Не успѣли они повторить послѣдняго стиха, какъ запыхавшійся Трезвонинъ съ молодымъ княземъ уже стояли противъ Нины и впивались каждый въ оживленное лицо пѣвицы. Хвостиковъ прибѣжалъ тоже. Великодольскій и Аграфена Матвевна встали изъ-за картъ и вышли на террассу. Французъ и Вася подходили къ ней тоже. Француженка, Нѣмка и дѣвочки выглядывали изъ дверей, а желтенькій Агаѳонъ изъ окна гостиной. Оживленная внимательная группа, тѣсно обступивъ сидѣвшую Нину, молча слушала дружные переливы двухъ свѣжихъ голосовъ. Пѣли молодые люди, клеветавшіе на себя, любившіе еще другъ друга безъ ума, безъ памяти, въ эту минуту по крайней мѣрѣ, и, увлеченные, посылали другъ другу жгучіе пламенные взоры.

— Еще пой, Нина!... этого мало.... Начинай, а мы подхватимъ хоромъ.... дружнѣе....—говорилъ, задыхаясь отъ волненія, хозяинъ и ударяя молодецки по струнамъ.

— Въ этомъ тонѣ хорошо? сказала Нина,—я начинаю....

И она запѣла довольно грустное анданте, въ которомъ слышалась тоска нераздѣленной страсти. За фіоритурами и украшеніями, слова̀ слышались вполовину.... Она пѣла что-то въ родѣ того, что съ ней приключился недугъ такой.... что больно полюбился баринъ молодой; послѣ чего мелодія перешла въ болѣе скорый темпъ, и она запѣла:

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, онъ меня не любитъ!

возвышая голосъ на словѣ меня, произнося тише «не любитъ» и снова повторяя:

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ меня онъ не полюбитъ!

Шопотъ одобренія возрасталъ съ каждымъ куплетомъ, но когда,

собравъ для финала всѣ силы, все выраженіе, Нина на высокой нотѣ произнесла «нѣтъ, онъ меня не любитъ!...» въ этой сильной, звучной нотѣ было столько грусти, столько отчаянія, что мы всѣ пришли въ неописанный восторгъ, и громъ рукоплесканій, весьма некстати возбужденный Великодольскимъ, усиленный княземъ и поддержанный Трезвонинымъ, заглушилъ послѣдніе звуки очаровательной пѣвицы....

— Любитъ! крикнулъ Отлетаевъ, отдавая кому-то гитару, — страстно любитъ! и бросился къ Нинѣ, которую поцѣловалъ во всеуслышаніе, одною рукою обвивая ея голову и прижимая къ сердцу....

— Мнешь, цвѣты мнешь.... прическу спутаешь!... — говорила Нина, слабо защищаясь отъ ласкъ увлеченнаго мужа.

— Кушанье поставлено-съ! громко раздалось въ гостиной. Корнетъ освободилъ голову жены; она встала, пошла къ двери и, сдѣлавъ привѣтливый знакъ рукою, чѣмъ приглашала къ столу, обняла мать и увлекла ее въ залу....

— Чему радуешься? шипѣла ей мать, пока мужчины на особомъ столикѣ пили водку и закусывали: — поцѣловалъ? эка невидаль!... развѣ ты того стòишь-то?... нужны очень его поцѣлуи!...

— Вы жестоки, maman, шепнула ей Нина.

— Да, по твоему небось, продолжала старуха, — приласкалъ и растаяла; небось мамзель-то не таяла, когда ты одѣвалась, и онъ ей ручки пожималъ....

— Вы видѣли? поблѣднѣвъ спросила Нина.

— Да развѣ она одна? все шипѣла мать.

— Ужасно! сказала Нина.

Трезвонинъ между тѣмъ говорилъ мнѣ на ухо своимъ тонкимъ голоскомъ:

— Слышали сколько выраженія было въ этихъ немногихъ словахъ: *нѣтъ, онъ меня не любитъ!*

— Да, сказалъ я, — слышалъ, удивительно!

— Тяжело мнѣ ее слушать, сказалъ онъ со вздохомъ, и опустилъ глаза.

Мы сѣли за столъ. Нина, какъ хозяйка занимала первое мѣсто. Я очутился между княземъ и Великодольскимъ. Нина разливала супъ, Отлетаевъ щи. — Вамъ чего? спросилъ онъ меня, — шей?

— Нѣтъ, сказалъ я, — я попрошу супу.

— Вы, значитъ, по части французской кухни! Не терплю всѣхъ

этихъ утонченностей: легко, прозрачно! дунь, кажется, все съ блюда слетитъ. Несутъ—трясется.... одни только фокусы. То ли дѣло щи, бужанина, бокъ съ кашей.... плотно, увѣсисто.... чисто по русски.

— Я люблю и щи иногда, только рѣдко....

Дѣвочки отказывались кушать поставленный передъ ними супъ.

— N'est-ce pas, madame — спросила mlle Констансъ Нѣмку, — *ci esséne immér* votre soupe?

— Я—отвѣчала Нѣмка,—ихъ ессе иммеръ мейне зуппе.

— Voyez vous, обратилась Француженка къ дѣвочкамъ, madame mange toujours sa soupe, c'est pourquoi elle est aussi grande; qui mangera, grandira.

Дѣвочки принялись за супъ. Въ это самое время неожиданно и неизвѣстно гдѣ, грянули звуки оркестра, заигравшаго какую-то увертюру. Всѣ кушали, не обращая вниманіе на музыку, стуча ложками, ножами и вилками. Лакей, подававшій блюдо, не дойдя до меня, уронилъ вилку. Хозяинъ, слѣдившій глазами за скоростью и ходомъ сервированья, вспыхнулъ и закричалъ:

— Дуракъ! вотъ дуракъ! ничего не умѣетъ сдѣлать! экая дубина!

Нина вздрогнула. Аграфена Матвевна сказала ей что-то, чего я не разслышалъ. Я замѣтилъ, что, обнеся каждое блюдо, его снова подносили къ хозяину, который бралъ съ него порцію на особую тарелку, закрывалъ ее другою и отсылалъ куда-то съ лакеемъ, предварительно пошептавъ ему что-то на ухо.

— Это что? важно и торжественно спросилъ меня Великодольскій, указывая на стоявшую близь меня бутылку.

— Лафитъ.

— Лафитъ даетъ апетитъ, сострилъ Великодольскій, и самодовольно улыбнулся.

— Прикажете? спросилъ я его, взявъ бутылку и наклоняя ее къ его стакану.

— Прошу, благосклонно отвѣчалъ Великодольскій.

— А сосѣду-то, что же? сказалъ мнѣ хозяинъ,—мужчинѣ-то почтенному? да не покрѣпче ли чего?

— Я не пью! краснѣя сказалъ князь.

— Неужели? въ ваши лѣта? настаивалъ корнетъ.

— Мнѣ нужна твердость, сказалъ князь,—бороться... но не договоря, взглянулъ на Нину.

— Съ кѣмъ бороться? спросилъ хозяинъ.

— Съ вами! отвѣчалъ князь.

— Да, вѣдь я и забылъ, что мы воюемъ.

— Значитъ я сильнѣе васъ въ наукѣ побѣждать, продолжалъ князекъ, глядя на Нину,—я ничего не забываю и никогда не забуду.

«И изъ чего ты хлопочешь, мой милый?» подумалъ я.

Въ это время увертюру только - что кончили и подавали жаркое. Тотъ же лакей, уронившій вилку, подавая блюдо, покачнулъ его, и струя жиру слилась на розовое платье Француженки.

— Ma robe, ma pauvre robe! крикнула она и, вскочивъ со стула, начала салфеткой вытирать полотнище.

— Ахъ, скотина! крикнулъ корнетъ, пунцовый отъ гнѣва,—пьянъ ты что-ли? постой, я съ тобой справлюсь!...

Нина снова вздрогнула и поблѣднѣла. Француженка вытерла платье, надулась и сѣла за столъ.

Однакожь несчастія лакея не прекратились. Подавъ меньшой дѣвочкѣ, какъ послѣдней по порядку, онъ возвращался съ блюдомъ къ барину, но, по несчастію, поскользнулся, потерялъ равновѣсіе: серебряное блюдо полетѣло изъ рукъ его и громко зазвенѣло по паркету.

— Амфибія! крикнулъ Отлетаевъ, и въ одно мгновеніе, вскочивъ со стула, подбѣжалъ къ лакею .. Рѣзкіе звуки двухъ полновѣсныхъ пощечинъ раздались въ комнатѣ. Нина слегка вскрикнула, закрыла глаза и, блѣдная, прислонилась къ спинкѣ своего кресла.

— Спирту! воды! закричала мать.—Ниночка! дружочекъ!...

Нина открыла глаза и сказала:

— Ничего.... прошло.. . я только испугалась....

— Да какъ не испугаться! продолжала мать: — шумъ, крикъ, точно свѣта преставленье!...

— Я думала, говорила Нина,—Богъ знаетъ что̀ случилось....

— Выпей хоть водицы, Ниночка.

Между тѣмъ корнетъ уже сѣлъ на свое мѣсто, пока прочіе лакеи подбирали съ полу куски разбросаннаго жаркаго и ножомъ снимали застывшій на паркетѣ жиръ.

— Нина! сказалъ корнетъ, — не сердись на меня, успокойся! я дуракъ, взбалмошный, но не злой, право! видишь все прошло, право!... я пью за твое здоровье! Онъ поднялъ бокалъ съ шампанскимъ.

— Merci, сказала она,—довольно объ этомъ....

Каждый изъ насъ спѣшилъ выпить за здоровье хозяйки.

— Тушъ! крикнулъ хозяинъ, и оркестръ прогремѣлъ нѣсколько тактовъ,

— Съ этимъ бокаломъ все забыто, не такъ ли? продолжалъ онъ, адресуясь ко всѣмъ,—извините, прошу васъ, невольный порывъ бѣшенства! Я желалъ бы вернуть эту минуту, но поздно. А болѣе всѣхъ, у васъ я долженъ просить извиненія, сказалъ онъ адресуясь исключительно ко мнѣ,—я не желалъ бы погибнуть окончательно въ вашемъ мнѣніи. Забудьте этотъ поступокъ! право, мнѣ совѣстно взглянуть на васъ. Чѣмъ бы мнѣ его выкупить?... Васька!...— крикнулъ онъ, и тотъ же лакей, который уронилъ блюдо, приблизился, дрожа всѣмъ тѣломъ, и робко произнесъ:

— Чего изволите-съ!

— Больно я тебя ударилъ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Ну, Васька! чтобъ ты не ронялъ больше блюдъ и вилокъ, не заливалъ платьевъ, не выводилъ меня изъ терпѣнія и не заставлялъ краснѣть передъ моими гостями, за то, что я тебя ударилъ, поздравляю тебя.... ты.... ну, какъ ты думаешь?...

— Есть воля ваша-съ, бормоталъ Васька.

— Ты вольный!

— Батюшка! отецъ и благодѣтель!... крикнулъ Васька со слезами и кинулся ему въ ноги.

— Тушъ! крикнулъ хозяинъ. Музыка загремѣла, и онъ прибавилъ: встань, ступай!... и обратясь къ Француженкѣ спросилъ: A la santé de votre nouvelle robe que vous aurez demain.

— Cela s'appelle être aimable, весело сказала Француженка и глотнула изъ бокала.

— А ты, Вася! сказалъ корнетъ своему сыну,—не бери съ меня примѣра, не будь такимъ какъ я! не хорошо: сердиться не надо, не годится! спроси хоть у бабушки.

— Слышишь, бабушка! сказалъ Вася Аграфенѣ Матвеевнѣ. — За чѣмъ же ты сама-то все сердишься, да дерешься!

— Что ты, что ты, мой дружокъ, вскрикнула старуха, — когда же я?

— Какъ же! Развѣ я не видалъ, какъ ты сегодня Сашу танцовщицу башмакомъ по щекамъ била.

— Voulez vous parler français, замѣтилъ Французъ Васѣ.

— Сашу? спросилъ вспыхнувъ корнетъ.

— Что ты это? твердила старуха.

— Сашу башмакомъ! повторялъ Отлетаевъ: — Аграфена Матвевна?...

— Serge, mon ami, едва-едва выговорила Нина.

— Я молчу, Аграфена Матвевна, съ разстановкой и удареніемъ на каждое слово сказалъ корнетъ:—фонъ Агаѳонъ!

— Чего-то, отозвался старикъ въ нанкѣ.

— Знаешь ты это:

Ѣду, ѣду, не свищу,
А наѣду, не спущу?

— Какъ не знать-то.

— Ну, и мотай себѣ на усъ.

— Да у меня ихъ-то, усовъ нѣтъ-то.

— Все равно!... Есть еще одна штучка: пѣсенка поется и кончится такъ:

Та, кому она, пойметъ,
Отъ кого узнаетъ.

Не такъ ли? вѣдь она пойметъ пѣсенку, Агаѳонъ, и отъ кого узнаетъ?

— А я же-то почемъ знаю-то!... сказалъ старикъ.

Но та, къ кому все это относилось, то есть Аграфена Матвевна, была какъ на иголкахъ. Нина тоже страдала. Князь и Трезвонинъ продолжали глядѣть на нее очень нѣжно. Настало молчаніе.

— Что такое наша жизнь? вопросительно и задумчиво воскликнулъ Хвостиковъ, и налилъ себѣ шампанскаго.

Мы всѣ засмѣялись. Подавали десертъ, когда лакей просунулъ между мною и княземъ тарелку, на которой лежалъ большой персикъ, и сказалъ:

— Сергѣй Васильевичь изволили прислать вашему сіятельству.

Князекъ посмотрѣлъ на персикъ, взялъ его себѣ, а свой, взятый прежде, положилъ на тарелку и сказалъ:—Скажи Сергѣю Васильевичу отъ меня, что долгъ платежемъ красенъ.

Корнетъ, услышавъ отвѣтъ князя, сказалъ ему:

— Я тебѣ послалъ твой портретъ, а ты мнѣ его возвращаешь?

— Пришлите мнѣ вашъ, я сохраню его, отвѣчалъ князь.

— И сходство-то только въ свѣжести, а вовсе не въ зрѣлости.... персикъ-то спѣлый, а ты недозрѣлый герой.

— За то вы перезрѣлый герой!

— Браво! крикнулъ Отлетаевъ и засмѣялся. Мы всѣ послѣдовали его примѣру и встали изъ-за стола.

— Сигаръ, сказалъ хозяинъ лакею.

— Все готово-съ, пожалуйте, отвѣчалъ онъ.

— Господа! прошу васъ, пойдемте, покурить, сюда, за мною.... Нина, хочешь пахитоску!...

— Д.. да! произнесла она не-хотя.

— Пойдемъ, жизнь моя, твердилъ онъ и, взявъ ее за талію, прибавилъ:—ты сердишься?...

— Что съ тобою дѣлать....

— Ты ангелъ.

— Въ эту минуту? спросила она.

— Всегда!...

— Ахъ, пойдемъ курить! кончила она грустно, и хозяева вышли изъ залы въ небольшую комнату, въ родѣ пріемной, находившейся подъ столовой верхняго этажа. Мы всѣ послѣдовали за ними, кромѣ старухи съ дѣтьми и Великодольскаго, который остался доигрывать съ нею партію пикета. Взорамъ нашимъ представился такъ-называемый зимній садъ, устроенный въ галлереѣ, снабженной огромными рамами съ обѣихъ сторонъ. Рамы были открыты, и легкій сквозной вѣтерокъ, пробивавшійся между множествомъ огромныхъ экзотическихъ растеній, посаженныхъ въ укрытыя землею и дерномъ кадки, шелестилъ въ ихъ странныхъ, колючихъ вѣткахъ и колыхалъ огромные листы высокаго банана. Искусственный фонтанъ, занимавшій середину сада, билъ весело, и высоко бросая тысячи брызгъ своихъ, обратно, какъ жемчугомъ, осыпалъ ими обитый жестью бассейнъ, гдѣ плавали и рѣзвились золотыя рыбки. Въ одномъ изъ угловъ сада помѣщалась большая рѣшетчатая клѣтка, гдѣ порхала, кружилась и вилась цѣлая стая ручныхъ, красивыхъ птичекъ. На особыхъ шестахъ, съ цѣпочками, привязанными къ ножкѣ, хохлились нѣсколько зеленыхъ и красныхъ попугаевъ, и всѣмъ кричали «дуракъ.» Нѣсколько скамеечекъ встрѣтили мы на дорожкахъ, хотя устать въ этомъ саду не было возможности. Параллельно съ клѣткой помѣщался прозрачный павильонъ, весь покрытый дикимъ виноградомъ и другими вьющимися растеніями въ цвѣту. На столѣ этого пріюта стоялъ серебряный кофейный сервизъ и лежали глыбы сигаръ, папиросъ, пахитосъ, со всѣми принадлежностями, то-есть пепельницами и огнемъ, горѣвшимъ,

посредствомъ зажженнаго фитиля, напоеннаго спиртомъ и торчавшаго изъ открытой пасти какого-то бронзоваго чудовища. Группа чубуковъ, съ наложенными уже трубками, тѣснилась въ углу. Когда мы вошли въ бесѣдку, корнетъ сказалъ:

— Здѣсь хорошо бываетъ зимою. Здѣсь зимняя резиденція Нины. Сядемте. Не прикажете ли кофе? Кому сигару?

Нина принялась наливать кофе. Хозяинъ взялъ сигару, Огородъ и Хвостиковъ закурили трубки, а я взялъ папироску, за которою потянулся и князь.

— Ваше сіятельство! закричалъ хозяинъ.

— Сергѣй Васильевичъ! отвѣчалъ князь, закуривая папироску.

— Курить изволите?

— Изволю.

— Не сдѣлалось бы дурно.

— Не безпокойтесь. Отчего же мнѣ не курить, если даже дамы курятъ?

Нина, наливъ всѣмъ кофе, закурила пахитоску, а Трезвонинъ, охорашиваясь, шагалъ по дорожкамъ.

— Eugène! сказала Нина. — Сережа на васъ все нападаетъ, я буду защищать васъ.

— Merci, произнесъ юноша и вспыхнулъ.

— Нина! я приревную, замѣтилъ шутя корнетъ.

Вдругъ въ эту минуту послышались вдали нѣжные звуки роговой музыки. Настало молчаніе. Мы слушали. Не успѣлъ я похвалить исполненіе, когда звуки стихли и замерли, какъ въ другомъ мѣстѣ грянулъ хоръ трубачей, и заунывная волторна то сливала свое соло съ общими мѣстами, то снова одна оглашала окрестность. Я былъ въ восхищеніи, а корнетъ прыгалъ отъ радости, довольный, счастливый и до того разрѣзвился, что обнялъ Агаѳона, и сказалъ:

— Ну, фонъ, скажи ты мнѣ, нашелъ или не нашелъ?

— Нѣтъ-то!... не нашелъ, сердито отвѣчалъ старикъ въ нанкѣ.

— Такъ и не нашелъ?

— Нѣтъ-то! Чистота эта-то проклятая! — отвѣчалъ онъ.

Корнетъ расхохотался и прибавилъ:

— Ну сходи еще поищи.

— Нѣтъ-то, не пойду-то.

— Не пойдешь? Ну, такъ не дамъ табаку.

Старикъ злобно показалъ ему кулакъ, а корнетъ расхохотавшись продолжалъ:

— Не дамъ табаку, ни нюхать, ни курить....

— Какъ же! Смѣешь-то! злобно отвѣчалъ старикъ....

— Вотъ увидишь!... Сейчасъ отниму трубку....

Старикъ жадно потянулъ дымъ изъ чубука, и дико смотрѣлъ на хозяина.

— Serge, mon ami, ne l'irritez donc pas, de grâce! произнесла Нина.

— Ну, ступай же, ищи продолжалъ хозяинъ.

— Не пойду-то! рѣшительно отвѣчалъ Агафонъ.

— А? такъ подай трубку!... крикнулъ корнетъ и схватилъ чубукъ Агаѳона.

— Не тронь-то! кричалъ онъ.

— Пойдешь искать?

— Пойду-то.... не тронь....

— Ну, иди!...

— Иду-то! отвѣчалъ старикъ, вставая и держа одною рукою чубукъ, а другою показывая кулакъ корнету.—Иду-то.... Иду....

— То-то смотри!...

— У! вотъ тебѣ-то! У! вотъ-то, тебѣ! кричалъ Агаѳонъ, показывая языкъ корнету и убѣгая изъ бесѣдки.

Я не зналъ, что подумать, и попросилъ объясненія.

— Кто это?—спросилъ я корнета.

— Бѣдный помѣшанный дворянинъ, котораго крошечное имѣніе законные наслѣдники отдали въ опеку. Взялъ его къ себѣ для забавы, смѣха ради. Мое гостепріимство ему дорого обходится: подразнить моя страсть. Мнѣ потѣха, когда онъ сердится.

— Не вѣрьте ему! горячо вступилась Нина,—онъ не такъ дуренъ: онъ добръ мой Сережа, очень добръ! Онъ пріютилъ бѣднаго помѣшаннаго изъ состраданія, изъ человѣколюбія, а не по капризу: это было бы слишкомъ по барски, не вѣрьте ему.

Князь нахмурилъ свои хорошенькія бровки: вѣроятно похвала корнету въ устахъ Нины была ему непріятна.

— Ниночка! сказалъ корнетъ,—зачѣмъ ты меня выводишь на свѣжую воду?

— Въ чемъ же пунктъ помѣшательства у этого несчастнаго? спросилъ я.

— Представьте, отвѣчалъ хозяинъ:—онъ вездѣ ищетъ пауковъ, сажаетъ ихъ въ коробки, которыя заклеиваетъ наглухо и ждетъ три

года, чтобы по прошествіи этого времени вмѣсто паука найдти.... ну, чтобы вы думали?... брилліантъ!...

— Жаль его, а вѣдь право смѣшно! сказала Нина: — смѣшно всякій разъ, когда онъ, увидя на мнѣ брилліанты, вскрикнетъ: эки-то паучищи!

Мы засмѣялись, особенно князекъ, котораго восхитила манера, съ какою Нина передразнила старика; но въ эту самую минуту, вдругъ, хоръ свѣжихъ мужскихъ голосовъ раздался гдѣ-то далеко за домомъ, и заслышалась удалая:

Я пойду, пойду косить,

за которой послѣдовала заунывная:

Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту,

скоро перешедшая въ плясовую. Не смотря на скорый темпъ пѣсни и удалое исполненіе, эти народные звуки, полные затаенной грусти, какъ вся русская музыка, хватали за сердце и особенно послѣ сцены съ помѣшаннымъ старикомъ, наводили какую-то тоску, а у болѣе нервнаго человѣка вызвали бы слезы. Я поникъ головою и задумался. Между тѣмъ пѣсня рѣзко оборвалась на высокомъ, удаломъ звукѣ запѣвалы.

— Сережа! вели перестать, будетъ! грустно! сказала Нина.

— Да какъ же дать имъ знать? хоръ въ паркѣ. Если закричать, не услышатъ, отвѣчалъ хозяинъ.

— Я сбѣгаю! вызвался князекъ и опрометью бросился къ дому. Трезвонинъ, давно выжидавшій его и ходившій по дорожкамъ, обрадовался товарищу и въ припрыжку послѣдовалъ за нимъ.

— Однакожь, началъ хозяинъ,—напрасно мы услали князька-то. И всѣмъ пора къ дому, въ экипажи, да въ театръ. Вы ужь позвольте мнѣ сегодня распоряжаться вашимъ временемъ, обратился онъ ко мнѣ.

— Располагайте мною.

— Иначе сказать: терзайте, мучайте меня. Такъ?

— У васъ очень подозрительный характеръ....

— Я боюсь, вы поссоритесь, смѣясь возразила Нина: — лучше скажите мнѣ, который часъ?

— Восемь! быстро вынувъ часы, прохрипѣлъ Огородъ.

— Поздно! мнѣ пора! вставая и идя изъ бесѣдки, сказала Нина.

— Поѣдешь ты въ театръ? спросилъ ее мужъ.

— Д.. да!... а что?

— Ничего, я очень радъ.... только что̀ заложить?

— Char-à-bancs голубой и сѣрую пару....

— Кто же править будетъ?

— Ты.

— Не могу! мнѣ надо прежде сбѣгать посмотрѣть, все ли дураки-то такъ сдѣлали, какъ я велѣлъ, и тамъ, на мѣстѣ, встрѣтить дорогаго гостя.

— Ну, я сама буду править.

— Боже сохрани! крикнулъ корнетъ: — понесутъ, чего добраго! одинъ щекотливъ, другой пугливъ....

— Пустяки! позволь, Сережа, сдѣлай милость!

— Ни за что на свѣтѣ!...

— Ну, пожалуста....

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

— У! злой! поди отъ меня! злой! притворно сердясь, сказала Нина.

— Пусть я буду чѣмъ хочешь, а не пущу иначе, какъ въ открытомъ ландо. Всѣ усядитесь и прекрасно....

— Нельзя мнѣ самой править? спросила Нина.

— Нѣтъ.

— Нѣтъ? переспросила она и послѣ молчанія, прибавивъ:—хорошо же, Сергѣй Васильевичь! весело вышла изъ бесѣдки, и запѣла:

Нѣтъ, нѣтъ, меня онъ любитъ!...

и съ послѣднимъ словомъ скрылась въ домѣ.

— Ну, не ангелъ это? спросилъ меня корнетъ, разумѣя жену.—И какъ я мало ея стою! И какъ она меня любитъ!

— Это видно! замѣтилъ я.

— И какъ мало я ее люблю! продолжалъ корнетъ.—Она стоила бы обожанія. Иной счелъ бы за блаженство умереть у ногъ ея, не только взглянуть на другую женщину... А я, презрѣнный, позволяю себѣ увлекаться, я, низкій, жалкій человѣкъ.... а все виновата эта дурацкая, пылкая, необузданная натура! И то сказать, если бы не было этой фуріи Аграфены Матвевны!... А то наговоритъ ей съ три короба, поссоритъ, пойдутъ сцены ревности, упреки. Да туда же еще Сашу танцовщицу башмакомъ!... Постой! хорошо, что я вспомнилъ! Узнаю, что за исторія. Я покажу ей, какъ въ моемъ домѣ

распоряжаться! Однакожь пора! Извините, если я васъ на полчаса оставлю и пойду распоряжусь на счетъ спектакля. Пойдемъ и ты со мной, Иванъ Ивановичь, кой объ чемъ помолчимъ дорогой-то; я бы тебя и здѣсь оставилъ, да тебѣ все равно молчать-то, еще пожалуй и лишній экипажъ закладывать, всѣ не умѣститесь, а я съ тобой безъ церемоніи: ты знаешь, что я только и скупъ что на лошадей; къ тому же и моціонъ тебѣ нуженъ, а вамъ — обратился онъ ко мнѣ— отдыхъ послѣ моей болтовни. Нина одѣнется, пріѣзжайте съ нею... идемъ, Иванъ Иванычь.

— Идемъ, прибавилъ Огородъ, на все согласный.

— И такъ, я жду васъ въ храмѣ Таліи что ли, или какъ лучше? Тѐрпсихоры? обратился ко мнѣ Отлетаевъ.

— Горю нетерпѣніемъ осыпать аплодиссементами вашихъ артистовъ.

— Поддержите Сашу, она премиленькая.

— Непремѣнно. А Параша, про которую вы мнѣ говорили на верху.

— Парашка? Она въ отставкѣ, теперь Саша—фуроръ!... Впрочемъ велю и Парашкѣ что-нибудь такое, въ старомъ костюмѣ. Она дрянь стала, подурнѣла, блѣдна!... Влюблена что ли въ кого, чортъ ее знаетъ!

— Припоминаю! забасилъ Огородъ.

— Что Сергѣй Васильевичь былъ прежде ея защитникомъ, досказалъ я мысль Ивана Ивановича.

— Былъ! утвердительно сказалъ онъ.

— Каюсь! Непостоянство у меня въ крови.

— И несправедливость тоже?... замѣтилъ я, въ видѣ шутливаго вопроса.

— Я смертный, слабый смертный.... Однако пора! пойдемъ, обольститель!... обратился онъ къ Огороду, и прибавилъ мнѣ: — съ вами только свяжись и не отвяжешься. Ну, чувствую къ вамъ

Влеченье, родъ недуга,
Любовь какую-то и страсть....

— Благодарю! сказалъ я: —я самъ, право, не вижу какъ проходитъ время.

— До свиданія, идемъ! сказалъ Отлетаевъ и, взявъ Огорода за руку, побѣжалъ къ дому.

— Охъ! басилъ Огородъ, охъ! и подпрыгивая едва поспѣвалъ за корнетомъ.

IX.

Оставшись одинъ, я сталъ приводить въ порядокъ впечатлѣнія этого страннаго дня, но посидѣвъ съ четверть часа, почувствовалъ, что становится свѣжо̀ на сквозномъ вѣтру, и вышелъ изъ искусственнаго сада въ натуральный. Пробѣжавшись по дорожкамъ, я взошелъ на террассу, гдѣ было уже совершенно темно отъ крыши и деревьевъ. Взглянувъ въ открытое окно, я увидѣлъ Нину въ новомъ туалетѣ— прозрачномъ, какъ дымъ, бѣломъ платьѣ и съ вѣтками незабудокъ во взбитыхъ локонахъ, нарядную и интересную. Съ террассы я могъ видѣть все, что̀ происходило въ гостиной и не быть замѣченнымъ. Нина сидѣла въ креслѣ. Трезвонинъ молодцовато ходилъ по комнатѣ, по временамъ останавливаясь передъ Ниною, и казалось, былъ очень встревоженъ.

Я, грѣшный человѣкъ, остался въ моей засадѣ и прислушался. Трезвонинъ говорилъ своимъ тоненькимъ голоскомъ:

— Это случай, и случай рѣдкій, что мы одни.... я благословляю судьбу.... впрочемъ, я вообще очень счастливъ.

— Съ чѣмъ я васъ и поздравляю, смѣясь замѣтила Нина.

— Послушайте, пищалъ онъ,—ревность тяжелое чувство....

— Да, отвѣчала Нина,—ужасное чувство! ужасное чувство!...

— Не надо давать ему воли, продолжалъ Трезвонинъ.

— Нельзя!

— Постарайтесь, умолялъ старикашка.

— Я говорю вообще, Антонъ Ивановичь.

— Понимаю!... вѣдь человѣкъ не властенъ надъ своимъ сердцемъ, что же дѣлать?... горю не поможешь, это несчастіе!...

— Вы говорите, Антонъ Ивановичь, какъ-то очень темно, какими-то намеками, а иногда вырвется слово мнѣ доступное.... и я начинаю понимать васъ....

— Ну, слава Богу! вѣдь я вамъ такъ преданъ.... конечно, если иногда.... но что же дѣлать?... Я, право .. вы знаете.... такъ всегда любилъ васъ.... что....

— Право? спросила Нина, и громкій хохотъ раздался въ гостиной....

— Это нервный припадокъ! Не спросить ли вамъ воды?...

— Съ чего вы взяли!... мнѣ просто смѣшно.... Я здорова. А лучше вотъ что: велите-ка подавать карету, да посмотрите, не въ зимнемъ ли саду нашъ гость? Кстати, не правда ли, онъ....

— Пренадменная особа, прервалъ Трезвонинъ, — много о себѣ думаетъ....

— Я не замѣтила.

— Мнѣ говорила Annette....

— Кто?

— Жена Великодольскаго.... будто онъ сказалъ, что я старше ея мужа.

— Неужели? смѣясь спросила Нина. — А что Великодольскій гдѣ?...

— Уѣхалъ и звалъ меня завтра къ себѣ. Не могу же я не ѣхать? я поѣду.... Я напередъ вамъ говорю, что поѣду.

— Ну что же? Съ Богомъ. А гдѣ другіе всѣ?

— Какъ вы это говорите: *ну что же? съ Богомъ*. Я не знаю гдѣ всѣ.

— Сыщите же ихъ, подите.... прошу васъ.

— Иду! пищалъ онъ,—только вы успокойтесь....

— Я спокойна. Да что вы, Антонъ Ивановичъ?...

— Развѣ я не вижу?... ахъ, еслибъ вы знали, какъ мнѣ тяжело! вскрикнулъ селадонъ и, выпрямляясь, быстро выбѣжалъ въ залу. Въ это самое время молодой князекъ, какъ вихрь, влетѣлъ на террассу и не замѣчая меня, остановился въ дверяхъ гостиной.

— Вы однѣ? сказалъ онъ.

Нина вскрикнула, робко оглянулась и, увидавъ его, сказала:

— Шалунъ! ребенокъ!... какъ вы меня испугали!...

— Виноватъ! началъ онъ: — извините, но минуты дороги..... вы однѣ, а это случается рѣдко.... знаете, что я вамъ скажу?

— Что такое? Боже мой! не случилось ли чего? вы такъ встревожены....

— Я думаю! продолжалъ онъ,—будешь встревоженъ, когда я завтра ѣду.

— Куда? спокойно спросила Нина.

— Съ бабушкой въ Петербургъ.

— Опредѣляться на службу?

— Да! съ отчаяніемъ вскрикнулъ князь.—Везутъ! увозятъ!

— Поздравляю васъ. Что вы не сказали раньше? я очень рада!...

— Вы рады?... Это ужасно! Что я не сказалъ раньше! но развѣ мы были одни?...

— Это вы могли сказать при всѣхъ, я полагаю...

— Того, что̀ я имѣю вамъ сказать, я не могу сказать при всѣхъ! Выдавать эту тайну людямъ? никогда! Они осмѣяли бы мою святыню! Они называютъ меня ребенкомъ, когда я столько выстрадалъ, столько пережилъ тяжелыхъ, страшныхъ минутъ, столько выплакалъ слезъ!... И мнѣ уѣхать! Мнѣ разстаться съ вами!

— Что за бредъ, Eugène? конечно, вы къ намъ привыкли, мы свои, но обстоятельства прежде всего. Поѣзжайте съ бабушкой: она умная женщина, она васъ пристроитъ....

— Хорошо вамъ разсуждать! крикнулъ онъ: — вы стало-быть не знаете, что̀ я чувствую, вы не понимаете моихъ мученій.... Я люблю васъ!...

Нина, какъ ужаленная, вскочила съ кресла, но робкій за минуту князь продолжалъ:

— Да, я люблю васъ, безумно люблю! я не могу жить безъ васъ, не могу ѣхать, не поѣду! я люблю васъ! что мнѣ будущность, когда я люблю васъ? что мнѣ самая жизнь вдали отъ васъ?... Сжальтесь, скажите только одно слово!... Нина!...

— Не смѣйте падать на колѣна! сказала она строго, но спокойно: — чего вы хотите? любви моей! по какому праву? Вы знаете, что она принадлежитъ моему мужу.

— Ему? крикнулъ онъ, — который....

— Ни слова! гордо сказала Нина: — не усиливайте вины своей клеветою. Вы слишкомъ молоды, и не вамъ судить другихъ. Подите, выпейте воды; я отъ васъ не ожидала такого ребячества....

— Пощадите.... пощадите, шепталъ юноша, наклоняя голову, и, двѣ слезы скатились по розовымъ щекамъ его.

— Я вамъ прощаю, Eugène. Вы можетъ-быть не хотѣли оскорбить меня, вы даже не понимаете, что словомъ «я люблю» можно оскорбить женщину; но я совѣтую вамъ впередъ быть осторожнѣе. Мы одни.... Это останется между нами; я не хочу подвергать васъ насмѣшкамъ общества.... Идутъ, оправьтесь и забудьте этотъ вечеръ.... докажите, что вы не ребенокъ....

Съ этимъ словомъ она подошла къ зеркалу, князь закрылъ лицо руками, а я сбѣжалъ осторожно съ террассы въ садъ въ то время,

когда Трезвонинъ съ Хвостиковымъ входили въ гостиную и объявляли Нинѣ, что карета готова, а меня не нашли. Но я не замедлилъ явиться.

— А я то васъ искалъ - искалъ, кликалъ - кликалъ, и по саду и даже на верху, сказалъ Трезвонинъ.

— Ну, господа поѣдемте, пора, перебила его хозяйка: — Сережа вѣрно заждался насъ. Князь, дайте мнѣ бурнусъ.

Юноша схватилъ бѣлый бурнусъ, брошенный на стулѣ, и бережно прикрылъ имъ высокія и нѣсколько худыя плечи Нины.

Нина пошла впередъ; мы всѣ послѣдовали за нею.

— Ну, батюшка, шепнулъ мнѣ Трезвонинъ: — какая у меня съ ней безъ васъ была сцена!...

— Неужели? спросилъ я очень натурально.

— Не говорилъ ли я вамъ, что я въ этомъ домѣ поставленъ судьбой въ самое неловкое положеніе?...

Онъ махнулъ рукой и опустилъ глаза. Мы сошли съ лѣстницы. Лихая четверня подкатила къ подъѣзду откидное, четвероместное ландо̀. Нина сѣла. Рядомъ съ нею, по усильной моей просьбѣ и вслѣдствіе долгихъ церемоній, сѣлъ Трезвонинъ; мы съ княземъ помѣстились напротивъ, Хвостиковъ вспрыгнулъ на козлы, и мы понеслись въ гору, по песчаному, широкому шоссе вырубленной въ паркѣ аллеи, уставленной съ обѣихъ сторонъ горящими смоляными бочками. Набѣжавшія тучи висѣли надъ землею; было темно; толстыя деревья казались черными, особенно при пламени горѣвшихъ бочекъ, колыхаемомъ и вытягиваемомъ силою небольшаго вѣтра. Видъ былъ чудесный. На концѣ аллеи виднѣлся театръ, весь уставленный плошками и разноцвѣтными стаканчиками. На разстояніи не болѣе полуторы версты, хоръ мѣдныхъ инструментовъ и пѣсенниковъ привѣтствовалъ царицу села Сережина. Нѣсколько всадниковъ изъ лакеевъ, одѣтыхъ англійскими берейторами, галопировали впереди, по бокамъ и сзади кареты. Однимъ словомъ, корнетъ высказывался во всемъ, даже въ мельчайшихъ подробностяхъ. Когда мы подъѣхали къ крыльцу большаго четырехъ-угольнаго зданія, лакеи, въ парадныхъ ливреяхъ, съ галунами, высадили Нину и повели ее подъ руки на лѣстницу.

— Скажите мнѣ, князь, спросилъ я, — васъ не удивляетъ, какъ меня, все что̀ вы видите?

— Нѣтъ, сказалъ онъ: — я привыкъ. Я это вижу почти каждый день, и вотъ уже сколько лѣтъ.

Я улыбнулся и вошелъ вмѣстѣ со всѣми въ довольно большую театральную залу. Занавѣсъ, съ видомъ Сережина на полотнѣ, скрывала сцену; оркестръ помѣщался у самой рампы, ярко освѣщенной лампами, и грянулъ увертюру какъ только Нина показалась въ залѣ. Ложъ не было. Въ первомъ и второмъ ряду стояли кресла, дальше лавки, обитыя краснымъ бархатомъ, равно какъ и балюстрада, отдѣлявшая оркестръ. Проходъ между креселъ и лавокъ былъ по серединѣ. Передъ иными креслами перваго ряда стояли столики; на столикахъ лежали афишки, писанныя весьма красиво на розовой кружевной бумажкѣ. Я взялъ одну и, пока Нина садилась и отдавала бурнусъ Трезвонину, а князь и Хвостиковъ о чемъ-то разсуждали, прочелъ слѣдующее:

Село Сережино.
Іюля 5-го 185 . . . года.

Труппою корнета Отлетаева
представлено будетъ:

НОВИЧКИ ВЪ ЛЮБВИ,

водевиль въ одномъ дѣйствіи.

Роли *Вареньки* и *Сашеньки* будутъ играть дѣвицы: *Вѣра* и *Ольга Рыжкины.*

ПУТАНИЦА,

водевиль въ одномъ дѣйствіи.

Роль Клушиной будетъ играть *Маша, 17 лѣтъ.*

и

ДИВЕРТИСЕМЕНТЪ,

составленный изъ разныхъ танцевъ.

1. Па съ шалью. . . . . . . Саша.
2. Качуча. . . . . Параша.
3. Pas des deux. . . . . Саша и Параша.
4. Русская. . . . . Маша.

ФИНАЛЪ.

Прочитавъ афишку и спрятавъ ее въ карманъ, я увидалъ на заднихъ скамейкахъ знакомыя лица: толстаго, черноволосаго, съ крас-

нымъ лицомъ, плутовскими, масляными глазками и улыбающеюся физіономіей человѣка, рядомъ съ худою, рябоватою и чрезвычайно сухою женщиной; я узналъ въ нихъ, къ крайнему моему изумленію, плута управляющаго, котораго я прогналъ изъ моего имѣнія, Рыжкина и жену его. Рыжкинъ смотрѣлъ на меня во всѣ глаза и, дѣлая видъ, что не узнаетъ меня, не удостоивалъ даже поклона: такъ онъ желалъ этимъ оскорбить меня и вмѣстѣ съ тѣмъ выказать свое теперешнее значеніе. Онъ видимо гордился мѣстомъ управителя и талантомъ дочерей своихъ. Рядомъ съ ними сидѣла еще какая-то длинная фигура, молодая, въ длинномъ же сюртукѣ, съ ухватками семинариста. Молодая полная женщина, повязанная платочкомъ, сидѣла молча около него, скрестивъ руки на желудкѣ. Это былъ конторщикъ съ супругою. За ними скромно помѣщались на лавкахъ нянюшки, мамушки, дворецкій съ супругою, актрисы незанятыя на сценѣ, прислуга театра и много разныхъ лицъ изъ огромной дворни. Но вотъ, съ послѣднимъ аккордомъ увертюры, взвилась занавѣсъ, и взорамъ нашимъ представилась недурная декорація, представлявшая павильонъ, съ стеклянною дверью въ садъ. Двѣ рѣзвыя пансіонерки пробѣжали по саду, догоняя другъ друга и наконецъ влетѣли на сцену, продолжая граціозную ссору за облатку, или что-то въ этомъ родѣ. Но, увы, это были не рѣзвыя, граціозныя пансіонерки, а дебелыя, рослыя дѣвы, хорошенькія, это правда, но лишенныя всякой граціи.

Влюбленный юноша, не знавшій утвердительно въ кого влюбленъ, былъ очень не дуренъ въ лицѣ того самаго Васьки, который въ одинъ день сервировалъ за столомъ, получилъ двѣ оплеухи, вольную, и, наконецъ, игралъ на театрѣ.

Артисты были вызваны. Въ антрактѣ пришелъ Отлетаевъ и пригласилъ меня на сцену. Мы отправились.

— Возьмите и меня! пищалъ Трезвонинъ.—Я обожатель красоты и, могу сказать, опытный цѣнитель....

— Пойдемте, сказалъ ему корнетъ,—только я право боюсь, вы вскружите головы всѣмъ моимъ танцовщицамъ, и я останусь безъ комедіи и балета....

— Нѣтъ, вы напрасно тревожитесь, пищалъ Трезвонинъ, идя съ нами по корридору, окружавшему залу и прорѣзанному дверьми въ комнаты артистокъ,—я не позволю себѣ ничего такого; кулисы заманчивы юношамъ.... новичкамъ.... помилуйте, а мнѣ!...

Отлетаевъ улыбнулся и, занятый другимъ, спросилъ меня:

— Кстати, какое впечатлѣніе произвели на васъ мои *новички?*

Я хотѣлъ ему сказать: «грустное, какъ пародія на искусство, какъ безплодная трата времени.... тяжелое впечатлѣніе произвела на меня *эта камедь* и эти толстыя дѣвы..» Многое хотѣлъ я сказать ему, и только послѣ нерѣшительнаго молчанія отвѣчалъ похвалою.

— Но вотъ мы и на сценѣ. Взгляните, и судите.

Я осмотрѣлся. Сцена была, какъ сцена. Работники ставили новую декорацію, передвигали мебель и суетились. Участвовавшіе въ объявленной піесѣ, въ костюмахъ, набѣленные и нарумяненные, ходили по сценѣ, кто попарно, кто въ одиначку. Нѣсколько танцовщицъ, одѣтыхъ въ коротенькія юбочки съ блесками, порхали по сценѣ. Одна перебѣгала сцену наноскахъ, другая упражнялась въ тщательномъ выдѣлываніи какого нибудь па, третья вертѣлась на одной ногѣ, растопыря руки; корнетъ подвелъ меня къ Сашѣ и, потрепавъ ее по плечу, сказалъ:

— Вотъ она! попрыгунья стрекоза!

Саша была худенькая, стройненькая, черненькая дѣвочка, съ живыми глазками и плутовскою улыбкой.

— Смотри, не осрамись! сказалъ ей баринъ.

Она опустила глаза.

— Посмотри-ка на меня!

Саша взглянула на барина и улыбнулась.

— О глаза! воскликнулъ онъ.

Аллахъ сорвалъ съ покрова ночи
Двѣ яркія прекрасныя звѣзды,
И бросилъ ихъ съ небесной высоты,
И звѣзды тѣ въ твои впилися очи!

продекламировалъ Отлетаевъ и, страстно обнявъ Сашу, прижалъ ее къ себѣ. Саша бросила ему взглядъ, который весьма искусно выражалъ любовь самую пылкую.

— Бѣдная Нина! подумалъ я, и сказалъ, когда Отлетаевъ, прошептавъ что-то Сашѣ, освободилъ ее:

— Это созданіе напоминаетъ мнѣ другое....

— Сегодня день воспоминаній! замѣтилъ онъ.

— Именно! я зналъ одну дѣвочку, но она не была танцовщицей.... бѣдная Ѳеша!

— Какъ вы ее назвали? быстро спросилъ Отлетаевъ.

— Ѳешей! повторилъ я.

Танцовщица лукаво посмотрѣла на меня, потомъ на барина, который вспыхнулъ, но я не обратилъ на это вниманія и спросилъ:

— А гдѣ же другіе сюжеты?

— Парашка! крикнулъ корнетъ, и молодая высокая дѣвушка, съ темною большою косой, круглымъ личикомъ, вздернутымъ носикомъ и темными глазками, въ розовомъ атласномъ коротенькомъ платьѣ, обшитомъ черными кружевами, съ розой въ головѣ и кастаньетами въ рукахъ, робко приблизилась къ барину.

— Ну, иди, что модничаешь-то, не укусятъ! точно виноватая! какія нѣжности еще! говорилъ ей баринъ.

Параша грустно взглянула на корнета.

— Да смотри у меня, продолжалъ онъ:—танцовать какъ слѣдуетъ.

— Я... кажется...., начала было Параша.

— Ну, ну, безъ разсужденій у меня, строго прервалъ ее баринъ:—намедни при губернаторѣ осрамилась, хоть онъ и сказалъ, что хорошо, да это только изъ учтивости, а ужь я-то знаю. Онъ даже утверждалъ, что ты будто лучше Саши: ну, да это потому, что онъ не знатокъ въ этомъ дѣлѣ, а меня-то не надуешь.

Соперницы послали другъ другу по долгому блестящему, злому, насквозь пронизывающему взгляду. Во взорѣ Саши виднѣлось торжество любимицы, глаза Параши выражали сознаніе силъ и вмѣстѣ съ тѣмъ жгучую ревность. Улыбки обѣихъ выказывали презрѣніе другъ къ другу.

— Ну, ступай, чего глазѣешь? налюбовались твоею прелестью, сказалъ корнетъ, не зло, но насмѣшливо Парашѣ.

Она взглянула на него влажнымъ отъ набѣжавшихъ слезъ взоромъ и грустно опустя голову, изчезла въ глубинѣ сцены. Хохотъ Отлетаева прикрылъ ея отступленіе. Оркестръ игралъ польку, и Саша сдѣлала нѣсколько па всторону. Трезвонинъ между тѣмъ перебѣгалъ отъ группы актрисъ къ танцовщицамъ, и, у самаго ихъ носа, разсматривалъ ихъ въ лорнетъ, какъ какія нибудь вещи.

— Извините, сказалъ я корнету:—вы смѣетесь, а вамъ должно быть жутко. Слезы этой дѣвушки падаютъ на вашу совѣсть. Между вами, если не драма, то маленькій романъ.

— Коротенькій, отвѣчалъ онъ:—было и прошло: вотъ его заглавіе; а содержаніе: любилъ и разлюбилъ.

— Въ романѣ, замѣтилъ я:—все должно быть естественно, особенно развязка. Не хорошо, если родится вопросъ: почему?

— Ужь я такой человѣкъ, отвѣчалъ корнетъ:—я требую отъ женщины

ны увлеченія, а не разсчета! Чуть замѣчу, что мое *я* играетъ второстепенную роль, очарованіе изчезаетъ и является холодность, мщеніе, даже ненависть. Короче, мнѣ сказали, что она имѣла виды....

— А если это клевета?...

— Почему вы думаете?...

— Мнѣ кажется. Въ ея глазахъ замѣтилъ я безграничную къ вамъ преданность, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отчаяніе, грусть.... она плакала....

— Параша! крикнулъ онъ.

Въ одно мгновеніе, оживленная этимъ зовомъ, быстро и весело, въ два прыжка, очутилась она около барина. Саша, въ свою очередь, испуганная и встревоженная, стояла тоже подлѣ него.

— Посмотри-ка на меня! сказалъ онъ Парашѣ.

Она взглянула на него непередаваемымъ взглядомъ и молча говорила: я люблю тебя, неблагодарный! Саша, между тѣмъ, безъ словъ принявъ театральную позу, и ловко изогнувшись, подставила ему свое нахальное личико.

Отлетаевъ посмотрѣлъ на одну, потомъ на другую... Обѣ улыбались. Настала минута тревожнаго молчанія.

— Нѣтъ, сказалъ корнетъ:—эта лучше! и потрепалъ Сашу по щекѣ.

Соперницы снова смѣрили одна другую взглядомъ и, по знаку барина, разошлись въ разныя стороны, а корнетъ, обратясь ко мнѣ, произнесъ:—Ну, что вы хотите, неисправимъ, хоть брось! и, махнувъ рукою, отошелъ всторону. Въ залѣ раздались аплодиссементы Хвостикова и князя.

— Начинать! антрактъ длиненъ, сказалъ Отлетаевъ и, крикнувъ:—участвующіе въ Путаницѣ на сцену! обратился ко мнѣ и Трезвонину:—пойдемте въ залу.

Занавѣсь уже взвилась, когда мы вошли въ залу. Играли и сыграли—вотъ все, что можно было сказать о ходѣ піесы. Въ антрактѣ, между второю піесой и танцами, намъ подали чаю. Каждый изъ насъ придвинулъ столикъ къ своему креслу и принялся за ароматическій напитокъ. Я поставилъ свой стаканъ и задумался, пока Трезвонинъ и князь услуживали Нинѣ, то поднимая скатившійся съ колѣнъ ея букетъ, составленный изъ бѣлаго піона въ широкой рамкѣ незабудокъ, то принимая чашку, предлагая сухарей и многое другое. Сцены за кулисами не выходили изъ моей головы.

— Подумаешь, сказалъ мнѣ хозяинъ:—глядя на васъ, что сейчасъ только что кончили раздирательнѣйшую изъ драмъ французской кухни, а не игривую «Путаницу»: такъ вы мрачны и задумчивы!

— Ваша правда, отвѣчалъ я:—у меня въ головѣ такая путаница. Я сегодня особенно настроенъ къ мечтательности.

— Ужь не глазки-ли которой нибудь изъ дѣвицъ Рыжкиныхъ зажгли ваше сѣверное сердце огнемъ южной любви?

— Ахъ, кстати, сказалъ я,—отецъ этихъ толстыхъ нимфъ у васъ управителемъ, не такъ-ли?

— Да, съ полгода.

— Ну, я по совѣсти, не желая ему зла, долженъ предупредить васъ: будьте осторожны. Онъ управлялъ въ Подкосихинѣ.

— Знаю, отвѣчалъ корнетъ:—мнѣ его рекомендовалъ Трезвонинъ какъ отца прекрасныхъ дочерей, а мнѣ то̀ и на руку: нужны актрисы... я и взялъ его... Особенныхъ мошенничествъ пока не вижу.

— Какъ знаете. По крайней мѣрѣ я свое дѣло сдѣлалъ, предупредилъ васъ.

— Благодарю. Такъ не онѣ, не Рыжкины, навели на васъ эту задумчивость, которая не скрылась отъ моихъ взоровъ? шутя продолжалъ Отлетаевъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я:—не онѣ, а участь бѣдной Параши.

— Тише говорите, шепнулъ мнѣ Отлетаевъ.—Она вамъ нравится? очень радъ.

— Напрасно! шепталъ я въ свою очередь:—онѣ обѣ, Саша и Параша напомнили мнѣ одну дѣвушку. Она была въ то время, когда я зналъ ее, также счастлива, какъ теперь Саша и, кто знаетъ, теперь быть-можетъ также брошена и забыта какъ преданная и забытая Параша.

— Я удивляюсь, замѣтилъ онъ:—что вы, съ вашимъ умомъ.... (я поклонился) смотрите на эти вещи съ серіозной точки зрѣнія.

— Вещей? развѣ это вещи?...

— Ну, игрушки, если хотите.

— Не ужели же вы не признаете въ нихъ живаго человѣческаго сердца?...

— Врядъ-ли.... Впрочемъ бываетъ... только это исключенія.... искать поэзіи въ грязи? странно! сказалъ хозяинъ.—Вотъ она натуральная-то школа!

— Нѣтъ, вотъ бѣда, когда натуральная школа въ жизни совер-

шается, сказалъ я,—когда изъ человѣка дѣлается грязь и мерзость: вотъ что ужасно! Признаюсь эти обрызганныя грязью созданія возбуждаютъ во мнѣ невольное чувство симпатіи и сострананія. Я зналъ одно такое созданье! Оно теперь, конечно, тоже покрыто этою грязью и я, въ лицѣ бѣдной Ѳеши, скорблю за грустную участь всѣхъ Сашъ, Парашъ, Машъ, не исключая и дѣвицъ Рыжкиныхъ.

Отлетаевъ посмотрѣлъ на меня, и только послѣ долгаго молчанія сказалъ:

— Видно эта Ѳеша сдѣлала на васъ сильное впечатлѣніе!

— Это цѣлая исторія, печальная исторія....

Но тутъ взвилась занавѣсь. Саша, съ шарфомъ въ рукахъ, влетѣла на сцену, и дружный взрывъ аплодиссементовъ встрѣтилъ и проводилъ танцовщицу. Я слѣдилъ за Ниною: она не смотрѣла на Сашу, видимо старавшуюся встрѣтить взглядъ ея, и разговаривала все время съ княземъ, что̀ разумѣется приводило юношу въ восторгъ. Но вотъ раздались первыя такты качучи, и покинутая Параша, полная огня и нѣги, съ страстнымъ взоромъ, вбѣжала на сцену, встрѣчаемая свѣтлой улыбкой Нины и гробовымъ молчаніемъ мужшины. Затрещали кастаньеты, одна сладострастная поза смѣняла другую, гибкій станъ изгибался какъ змѣя, глаза бросали молніи; Параша была хороша въ эту минуту. Отлетаевъ, отвернувшись отъ сцены, смотрѣлъ на дѣвицъ Рыжкиныхъ, которыя, переодѣвшись, присоединились къ своимъ родителямъ. Зло меня взяло и, по первому знаку одобренія, сдѣланному Ниной, я неистово захлопалъ, князь счелъ обязанностію раздѣлить мнѣніе Нины на счетъ танцовщицы, Трезвонинъ послѣдовалъ нашему примѣру, увлеченный сладкимъ взоромъ, который, вѣроятно съ умысломъ, бросила ему испанка; Хвостиковъже, непосвященный въ тайны закулиснаго міра, слилъ свое увлеченіе съ нашимъ *браво*, и громъ восторга привѣтствовалъ жертву минутной барской страсти. Танцовщица спорхнула со сцены съ тѣмъ же тріумфомъ, который проводилъ ея соперницу. Порядокъ дивертиссемента измѣнили, вѣроятно съ цѣлью дать время Парашѣ перемѣнить костюмъ. Пляска Маши прошла незамѣтно; одинъ Агаѳонъ стучалъ и волновался.

Но вотъ настала торжественная и рѣшительная минута. Обѣ танцовщицы-соперницы выбѣжали на сцену и заняли, каждая, свою сторону. Sólo Саши покрыли аплодиссементами самъ хозяинъ, Трезво-

нинъ и Агаѳонъ; solo Параши встрѣчало взрывы грома со стороны князя, меня и Хвостикова, пересѣвшаго ко мнѣ. Публика раздѣлилась на партіи. Но когда обѣ танцовщицы, съ ненавистью въ душѣ, но съ улыбкой на устахъ, нѣжно обнявъ другъ друга, понеслись по сценѣ, одна желая превзойдти другую; когда началась между ними ровная и сильная борба: наши партіи, каждая отстаивая свою танцовщицу, слились въ одинъ общій гулъ одобренія. Нина слѣдила за Парашей съ какимъ-то судорожнымъ участіемъ. Глаза танцовщицы встрѣчались съ глазами барыни. И въ самомъ дѣлѣ между этими двумя созданіями, темною крѣпостною артисткой, и блестящею барыней, было что-то общее. Обѣ любили, обѣ страдали, одна въ тѣни, въ простой избѣ отца-сапожника; другая на виду, въ кругу друзей и знакомыхъ, лежа на бархатѣ. Одно чувствовали обѣ эти женщины, одного и того же любили, и какая бездна раздѣляла ихъ, а между тѣмъ сколько различныхъ чувствъ было у нихъ одна къ другой: и сочувствія и ненависти, и ревности, и состраданія!

Но вотъ танцовщицы, задыхаясь отъ волненія и усталости, пролетѣли еще разъ по сценѣ, сдѣлали два-три прыжка и, остановясь въ граціозныхъ позахъ, кончили поединокъ, вызывая дани нашего удивленія. Увлеченный Отлетаевъ, забывшись въ пылу восторга, схватилъ положенный Ниной возлѣ себя на пустое кресло букетъ, и въ одно мгновеніе бросилъ его на сцену. Обѣ танцовщицы кинулись было поднять его, но баринъ крикнулъ: Сашѣ! и она съ торжествомъ взяла цвѣты, а обиженная соперница грустно отошла всторону.

— Мой букетъ! вспыхнувъ отъ негодованія и вскакивая съ креселъ, сказала сильно Нина:—мой букетъ!...

Отлетаевъ, опомнясь, стоялъ какъ школьникъ, пойманный въ шалости.

— Сережа, Сережа!... грустно продолжала Нина, качая головой и глотая навертывавшіяся слезы.

Князь вспыхнулъ и сжалъ кулаки. Я такъ думалъ, что онъ бросится на корнета и, по малой мѣрѣ, вызоветъ его на дуэль; но юноша, напротивъ, пустился къ двери и изчезъ за нею.

Между тѣмъ Нина направилась тоже къ двери.

— Ниночка! робко спросилъ ее мужъ:—куда-же ты?

— Домой!... поздно.... я устала.... голова болитъ....

— Помилуй, а финалъ?

— Какого же еще? спросила Нина, и обратясь ко мнѣ, прибавила:—прощайте, я надѣюсь вы здѣсь ночуете?...

— Если позволитъ Сергѣй Васильевичь, отвѣчалъ я.

— И такъ, до завтра! Adieu, messieurs, обратилась она ко всѣмъ и пошла къ двери.

— А со мной-то и проститься не хочешь? грустно сказалъ Отлетаевъ:—по дѣломъ вору мука! я дуракъ, больше ничего и не стою....

— Прощай, Сережа! кротко сказала она, всходя на крыльцо, окруженная нами.

— Ты на меня сердишься? спросилъ онъ ее шепотомъ, подойдя очень близко, застегивая ей бурнусъ и накидывая капишонъ на взбитые локоны.

— Нѣтъ, прошептала она,—но мнѣ больно.... Долго сдерживаемыя слезы хлынули изъ глазъ Нины; она быстро сбѣжала съ ступенекъ крыльца и бросилась въ экипажъ.

Въ эту самую минуту издали показался князь съ огромнымъ пучкомъ всякихъ цвѣтовъ, которые онъ рвалъ въ темнотѣ наугадъ и безъ разбора....

— Постойте! кричалъ онъ.

Кучеръ пріостановилъ лошадей. Князь подбѣжалъ къ каретѣ.

— Прощайте, сказалъ онъ Нинѣ:—я ѣду....

— Dieu vous garde! отвѣчала Нина и подала ему руку, которую онъ страстно, въ первый разъ въ жизни, прижалъ къ пылавшимъ губамъ своимъ.

— Помните сегоднешній вечеръ, продолжала Нина, прощайте!..

— Будьте счастливы! сказалъ ей молодой человѣкъ, и бросилъ въ карету пучокъ нарванныхъ цвѣтовъ: — вотъ цвѣты, продолжалъ онъ—вмѣсто тѣхъ, которыя...

Но цвѣты, несвязанные, разсыпались по колѣнамъ и у ногъ Нины, обдавая ее своимъ благоуханіемъ. Карета тронулась, и бѣдный юноша остался неподвиженъ и нѣмъ на томъ мѣстѣ, гдѣ за секунду, цѣлуя руку Нины, былъ такъ безгранично счастливъ.

А музыка между тѣмъ гремѣла въ залѣ, гдѣ совершался, я полагаю, финалъ, на потѣху дворни. Карета Нины все уменьшалась по мѣрѣ удаленія, а мы все еще стояли молча на крыльцѣ. Всѣмъ было неловко. Самъ Отлетаетъ не зналъ съ чего начать, но принявъ, наконецъ, беззаботный, веселый видъ, обратился ко всѣмъ намъ и сказалъ:

— Господа! знаете, что я вамъ скажу:

А ночь была тюрьмы чернѣй
И на дворѣ шумѣла буря,

И дѣйствительно деревья сильно шумѣли.

— Здѣсь, продолжалъ онъ, можетъ-быть и очень хорошо для наблюдателей природы, какъ и для любящихъ сердецъ, которымъ нужна прохлада, а намъ не войдти ли въ мою половину, да не закусить ли, такъ для подкрѣпленья силъ? Съ этими словами онъ обнялъ Трезвонина, который пропищалъ со вздохомъ:

— Дайте мнѣ силъ! нравственныхъ силъ дайте, и я легче понесу бремя жизни...

— Куда ужь тебѣ щедушному, замѣтилъ хозяинъ, и мы всѣ вошли въ преддверіе театральной залы, откуда повернувъ на лѣво въ корридоръ, противуположный тому, который велъ на сцену, усмотрѣли дверь и очутились въ весьма длинной комнатѣ, раздѣленной на двѣ аркой и колоннами.

— Милости прошу! сказалъ мнѣ хозяинъ,—вотъ мое жилище. Здѣсь я забываю все то, что иногда меня волнуетъ, здѣсь пріютъ моихъ мелкихъ заботъ, здѣсь въ чаду мимолетной любви я на минуту нахожу счастье... А въ полуторѣ верстѣ отсюда живетъ настоящее-то счастіе, которое я отталкиваю, какъ сегодня, напримѣръ, поступкомъ съ букетомъ... Кстати! началъ онъ другимъ тономъ, обращаясь къ князю,— вы осыпаете мою жену цвѣтами: вѣдь это, ваше сіятельство, я вамъ скажу, могло бы кончиться, не будьте вы сами цвѣтокъ, такою исторіей между нами, что бѣда!

— Я надѣюсь, что вы шутите, серіозно сказалъ князь.

— Надѣйся, душа моя, и знай, что съ тобой я всегда шучу.

— Основываясь на томъ, что дѣти не понимаютъ серіознаго? вспросительно возразилъ князь.

— Нѣтъ, мальчикъ, нѣтъ! на томъ, что я тебя люблю больше нежели ты думаешь, да на томъ еще, что ты понимаешь шутку. Однакожь, чтожь это я не предложу сигаръ?

Люди между тѣмъ накрывали на столъ въ одномъ углу комнаты, гдѣ царствовалъ ужаснѣйшій хаосъ; всѣ театральныя принадлежности валялись тутъ какъ ни попало, на стульяхъ, столахъ, по полу; книги, тетради валялись по окнамъ; измятые цвѣты, обрывки лентъ, какъ соръ, были большою кучею сметены въ уголъ. Сотни старыхъ афишекъ, смятыхъ и обгорѣлыхъ, валялись на полу, словомъ, безпорядокъ былъ удивительный. Въ одной изъ стѣнъ устроенъ былъ альковъ, украшенный шелковыми занавѣсками и снабженный широкою

кушеткою; нѣсколько стульевъ стояло около стѣнъ. Эта комната и весь *монплезиръ* хозяина мнѣ что-то очень не нравились.

— А какого вы мнѣнія на счетъ водочки? обратился хозяинъ къ Хвостикову.

— Водка, это такой бальзамъ, отвѣчалъ онъ,—котораго можно выпить рюмку, много-много двѣ.

— Можно, пробасилъ Огородъ, который, надо замѣтить, предпочелъ отдохновеніе спектаклю и все время проспавъ гдѣ-то въ уборной, только-что вошелъ въ комнату.

— Впрочемъ, прибавилъ Хвостиковъ, какъ вамъ будетъ угодно.

По знаку хозяина подали водку. Хвостиковъ выпилъ рюмку залпомъ. Огородъ послѣдовалъ его примѣру.

— Проснулся? спросилъ его хозяинъ.

— Проснулся, хладнокровно проревѣлъ Огородъ, и горькій глотокъ закусилъ соленымъ.

— Что же это? только-то? обратился корнетъ къ Хвостикову:—не конфузьтесь. . .

— Вамъ непремѣнно угодно, чтобы я еще выпилъ?

— Конечно! неужели нѣтъ? . .

— Я васъ уважаю, я не смѣю ослушаться, если вы приказываете, говорилъ Хвостиковъ, наливая рюмку. . .

— Водка же, кажется, не дурная, замѣтилъ хозяинъ.

— Вы непремѣнно желаете, чтобы я выпилъ эту рюмку? . .

— Желаю. . .

— Мнѣ совѣстно. . .

— Да ну, ужь куда ни шло! . .

— Впрочемъ, какъ вамъ будетъ угодно, заключилъ Хвостиковъ и глотнулъ, съ сильною гримасой, изъ рюмки.

Лакей пошелъ было къ Трезвонину, который сидѣлъ въ креслахъ, почти въ изнеможеніи; лѣта брали верхъ надъ бодрымъ духомъ селадона, и цѣлый день молодцоватости утомилъ слабое и худое тѣло.

— Постой! сказалъ корнетъ лакею и, обратясь къ Хвостикову, прибавилъ:—хвати еще! знаешь пословицу? ну, будь молодецъ! . .

— Вы непремѣнно этого хотите? . .

— Да ну! . . .

Хвостиковъ быстро налилъ рюмку, выпилъ и, не ставя ея на подносъ, обратился ко мнѣ. . .

— Можетъ-быть и вы непремѣнно хотите, чтобы я выпилъ еще рюмку?

— Сдѣлайте одолженіе, сказалъ я, съ грустью смотря на него.

— Я васъ въ первый разъ имѣю удовольствіе видѣть, началъ онъ, — но я васъ уважаю. Вы требуете, я не могу вамъ отказать, и потому вы меня извините, я выпью водки.

Онъ налилъ четвертую рюмку, выпилъ и продолжалъ:

— Только вы не подумайте, что я могу быть пьянъ, нѣтъ, намъ это ни почемъ. Вы пожалуйста не заключайте... Впрочемъ, какъ вамъ будетъ угодно.

Лакей подошелъ къ Трезвонину, который жестомъ отказался отъ водки.

— Что съ вами? спросилъ я его.

— Утомленъ, слабымъ голосомъ отвѣчалъ онъ, — морально утомленъ.

— Вы бы легли, отдохнули...

— Нѣтъ, за чѣмъ? мнѣ тяжело, мнѣ очень тяжело! я поставленъ судьбой въ такое ложное положеніе...

Онъ махнулъ рукой и опустилъ глаза. Старикъ ни на минуту не измѣнялъ принятой имъ добровольно на всю жизнь роли. Я пожалѣлъ объ немъ и утомился. Между тѣмъ нѣсколько холодныхъ блюдъ и разныя закуски появились на столѣ, и мы всѣ сѣли ужинать. Хозяинъ болталъ безъ умолку и подливалъ всѣмъ вина. Хвостикову же постоянно наполнялъ рюмку ромомъ, который онъ глоталъ, заѣдая кусочкомъ сахара и предварительно спрашивая:

— Вы этого непремѣнно хотите?.. Я выпью, будьте увѣрены.

Огородъ тоже не отказывался отъ хереса.

Долго мы ужинали и много выпили. Шампанское развязало языки, пошли анекдоты, затѣялись споры, поднялся общій говоръ, шумъ, хохотъ, крикъ. Становилось поздно.

— Что, мои лошади готовы? спросилъ князь лакея.

— Готовы-съ, отвѣчалъ онъ

— Куда это вы, ваше сіятельство? спросилъ хозяинъ.

— Домой.

— Не ночуете?

— Нѣтъ.

— Отчего же это, смѣю спросить?

— Я завтра уѣзжаю изъ Сосновскаго.

— Уѣзжаете? куда?

— Въ Петербургъ!

— Очень радъ!

— Странно! сказалъ князь,—всѣ рады, что я уѣзжаю.

— Что же? лучше, по твоему, баклуши-то здѣсъ бить? Поступишь на службу... послужишь, вернешься къ намъ мущиной.

— Вотъ далось все одно и тоже, сказалъ князь.

— Чтобъ быть тебѣ мущиной, продолжалъ корнетъ,—нужны три вещи: служить, любить и пить, а ты до сихъ поръ ни того, ни другаго, ни третьяго не вѣдалъ...

— Вы думаете? спросилъ неосторожный юноша.

— Не ужто любилъ? злодѣй! не мою ли Парашку?

— Я могу полюбить только чистое созданье, которое я уважаю, передъ которымъ благоговѣю...

— Но, которое никогда не оскорблю необдуманнымъ и не умѣстнымъ признаніемъ, быстро прибавилъ я.

Князь вытаращилъ на меня свои огромные глаза.

— А развѣ ты оскорбилъ какое нибудь этакое созданье неумѣстнымъ и необдуманнымъ признаніемъ? спросилъ корнетъ князя.

— Нѣтъ, сказалъ я,—это на всякій случай мое замѣчаніе, быть можетъ также неумѣстное, но которое я себѣ позволилъ изъ участія къ прекрасной молодости князя, какъ человѣкъ, переживші опасное время безразсудной любви и часто впадавшій въ такъ-называемый просакъ.

— Я вамъ очень обязанъ, отвѣчалъ мнѣ князь,—но, право, я не понимаю, къ чему это предостереженіе? я, кажется, никому не объяснялъ моихъ чувствъ, да еслибъ даже и объяснялъ, то вѣрно не тамъ, гдѣ бы я могъ думать, чтобы вы рѣшились подслушать мои признанія, которыя, какъ я полагаю, говорятся наединѣ.

— Извините, сказалъ я,—я не думалъ оскорбить васъ моимъ замѣчаніемъ, полагая, что если вы говорили вообще, то я могъ говорить тоже вообще. Оскорбляясь, вы подаете поводъ думать, что вы дѣйствительно кому нибудь изъясняли ваши чувства, а я ихъ подслушалъ, чего разумѣется никогда не было.

— Повѣрьте, что онъ увлекъ мою Парашку! сказалъ, смѣясь хозяинъ:—у ней же сердце объемистое, вмѣщающее громадную любовь съ большимъ количествомъ ревности, частицей кажущагося самоотверженія и обильнымъ источникомъ слезъ. Чего же больше для юноши?

— Но только не для меня! сказалъ князь. Однако пора. Прощайте.

— Прощай, человѣчекъ!

— Кланяйтесь Надеждѣ... Васильевнѣ...

— Буду кланяться, смѣясь отвѣчалъ корнетъ.

— Вамъ смѣшно!

— Неужели плакать?

— Скажите ей... что я... уѣхалъ... съ трудомъ произнесъ юноша.

— Скажи бабушкѣ, отвѣчалъ корнетъ, что ты пріѣхалъ.

— Прощайте, обратился ко мнѣ князь,—извините, если я, для перваго знакомства, принялъ вашъ совѣтъ не съ тѣмъ жаромъ, съ какимъ онъ былъ мнѣ предложенъ.

Я пожалъ руку князя и сказалъ:

— Теперь, болѣе нежели когда нибудь, я убѣждаюсь, что излишній жаръ всегда опасенъ и не ведетъ къ добру.

— Какіе экивоки! сказалъ корнетъ.—Приди со стороны свѣжій человѣкъ, ничего не пойметъ. Да нѣтъ, братъ, обратился онъ къ князю,—партіи-то не равны, какъ разъ спасуешь.

— Сознаюсь, сказалъ князь,—меня можно озадачить, но не испугать. Я буду защищаться, пока не выбьюсь изъ силъ. Но и тогда умру лучше, а не попрошу пардону.

— Въ тебѣ будетъ прокъ! замѣтилъ хозяинъ.

— Благодарю васъ! однако прощайте...

Хозяинъ обнялъ князя, и они поцѣловались. На сколько былъ искрененъ этотъ поцѣлуй со стороны послѣдняго, рѣшить трудно... Онъ хотѣлъ было проститься и съ остальными собесѣдниками, но они давно спали: Трезвонинъ на креслѣ, въ граціозной позѣ, отъ усталости; Хвостиковъ отъ сильнаго опьянѣнія; а Огородъ просто изъ желанія спать, которое было въ немъ сильнѣе всѣхъ прочихъ желаній, не исключая и желанія высказаться, что̀ ему никогда не удавалось.

— Скажите же Надеждѣ... Васильевнѣ, что я уѣхалъ, сказалъ князь, уходя въ корридоръ.

— Скажу, скажу... твердилъ хозяинъ, провожая его до двери.

— Она, быть-можетъ, пожалѣетъ.

— Напротивъ, обрадуется...

— Отчего обрадуется?..

— Изъ участія къ тебѣ...

— А? ну, пусть хоть радуется...

— Напиши изъ Петербурга.

— Напишу... слышался издали голосъ князя. — Напишу! еще дальше отозвался голосъ и стихъ окончательно.

— Славный мальчикъ! сказалъ Отлетаевъ, возвращаясь въ комнату,— немножко самолюбивъ, очень самонадѣянъ, но это ничего. То-то, я воображаю, будетъ пораженъ, какъ пріѣдетъ въ Петербургъ, особенно послѣ деревни. Впрочемъ, у него тамъ родные, онъ человѣкъ съ состояніемъ; бабушка женщина умная и всѣми уважаемая. Того и жду, что поживя полгода въ столицѣ, будетъ къ каждому слову прибавлять фразу: у насъ въ Петербургѣ! Буду ждать его болтовни: замѣчательныя будутъ письма!.. Кстати! что же ваше обѣщаніе?

— Какое?

— А помните, на постояломъ дворѣ. . .

— На постояломъ дворѣ? переспросилъ я.

— Вы мнѣ обѣщали показать одно письмо, куріозное письмо!

— Ахъ да! я и забылъ совсѣмъ. Оно со мной.

— Гдѣ? покажите.

— Вчера въ городѣ, разбирая портфель, я нашелъ это посланіе, вспомнилъ объ васъ и отложилъ его въ мой карманный бумажникъ.

— Посмотримъ, сказалъ Отлетаевъ,—что такое? нѣтъ ли ужь его у меня въ коллекціи.

— Не думаю, сказалъ я, и вынувъ бумажникъ, досталъ письмо, за которымъ хозяинъ протянулъ было руку. — Вы не прочтете, сказалъ я, я пишу очень связно. Слушайте: «Ѳеша! жизнь моя! *Только узналъ я тебя, какъ трепетомъ сладкимъ впервьие*, то-есть, какъ тебѣ сказать? не впервые, а *сердце забилось мое! . .*»

— Позвольте! быстро остановилъ меня корнетъ,—какъ попало къ вамъ это письмо?

— Это цѣлая исторія.

— Однакожь?

— Оно было брошено въ букетѣ, обронено, поднято, возвращено, списано... однимъ словомъ, долго разказывать, да и стòитъ ли того?

— Какъ! стòитъ ли того? быстро спросилъ корнетъ.

— Что васъ такъ интересуютъ эти ненужныя подробности?

— Онѣ мнѣ нужны болѣе, нежели вы думаете... Кому было адресовано это письмо?

— Къ одной дѣвушкѣ, которую я зналъ. . .

— Которую вы знали? переспросилъ корнетъ.

— И къ которой былъ очень привязанъ. . .

— И къ которой вы были очень привязаны? Вотъ что! замѣтилъ корнетъ.—Какъ же это было?

— Очень просто. Она была хороша, нравилась, и вотъ слѣдствіе... Я указалъ на письмо.

— Кто же писалъ это письмо?

— Не знаю.

— Не знаете? все переспрашивалъ корнетъ.

— Да и сама Ѳеша, та самая Ѳеша, о которой я вамъ говорилъ, не знала, отъ кого было это письмо. А должно быть оригинальный человѣкъ, и весьма богатый. Но кто бы онъ ни былъ, Богъ съ нимъ! дѣло въ письмѣ. Какъ вамъ нравятся эти фразы, пересыпанныя стихами изъ разныхъ пѣсенъ и романсовъ: неправдали, очень смѣшно? . .

— Смѣшно, крикнулъ корнетъ. . .

— Смѣшно! продолжалъ я, какъ и все ухаживанье этого господина за бѣдной Ѳешей, цѣлая комедія, которая кончилась, впрочемъ, довольно драматически. Ахъ, бѣдная Ѳеша!

— Нѣтъ! это уже слишкомъ! это невыносимо! крикнулъ корнетъ,— давеча на сценѣ, потомъ въ залѣ театра, наконецъ здѣсь!.. это имя, постоянно произносимое, эти воспоминанія, такъ грустно высказываемыя, все это вмѣстѣ меня волнуетъ, бѣситъ, приводитъ въ отчаяніе!

— Что съ вами? спросилъ я,—да вы дослушайте, это умора!

— Нѣтъ! сказалъ онъ,—не могу, не хочу слушать!

— Но отчего же?

— Оттого! началъ онъ,—оттого, что если разъ во мнѣ шевельнулось какое нибудь чувство, его надо удовлетворить, затушить въ началѣ вспыхнувшее пламя, а то оно разростется и превратится въ пожаръ, котораго не залить никакими доводами разсудка. Подозрѣніе родилось теперь въ моей душѣ; не надо развивать его. Знайте, что въ эту минуту мы съ вами стоимъ на краю пропасти, на рубежѣ между пріязнію и ненавистью. Теперь еще я люблю васъ, но черезъ минуту я могу васъ возненавидѣть, если только подозрѣніе мое оправдается! Это ужасно!

— Что съ вами? молвилъ я:—объяснитесь.

— Что со мною? спросилъ онъ.—Что во мнѣ? спросите лучше. Огонь, отвѣчу я вамъ, мучительный огонь сомнѣнія и ревности. Я тоже когда-то любилъ Ѳешу, Ѳешу, которая никогда меня не любила. За чѣмъ вы произнесли тоже имя! Что если это одно и тоже лицо? Что если она любила васъ, а не меня?

— Успокойтесь, моя Ѳеша никогда меня не любила!....

— Нужды нѣтъ, продолжалъ корнетъ, — она могла не любить ни васъ, ни меня, никого не любить! Но это письмо? Гдѣ оно было писано?

— Въ Москвѣ.

— Гдѣ найдено?

— Въ саду.

— Кѣмъ?

— Мною.

— А потомъ?

— Отдано Ѳешѣ.

— Ей самой? Вами?

— Мною!

— О это невыносимо!

Вотъ наконецъ рѣшеніе загадки?
Вотъ я пожертвованъ кому!

декламировалъ Отлетаевъ внѣ себя, красный, неистовый....

— Что все это значитъ? спрашивалъ я, не зная догадываться ли мнѣ.

— А вотъ сію минуту, мы увидимъ, что все это значитъ! Пойдемте? сказалъ онъ рѣшительно, надѣвъ фуражку и взявъ хлыстикъ.

Онъ грозно взглянулъ на меня, и, схвативъ за руку, потащилъ за собою черезъ балконную дверь въ садъ, едва давъ мнѣ время найдти мою фуражку.

— Что же тогда? спросилъ я, когда мы вышли. Въ это самое время мнѣ показалось, что въ смежной аллеѣ мелькнула чья-то тѣнь.

—Предупреждаю васъ, сказалъ мнѣ корнетъ, —что въ минуты бѣшенства я перестаю быть человѣкомъ.... Примите свои мѣры!...

— Вы меня ужасаете!.... сказалъ я, едва переводя духъ отъ быстрой ходьбы.—Куда вы меня тащите? молвилъ я задыхаясь.

— Вонъ огонекъ, видите, во второмъ этажѣ?

— Вижу.

— Тамъ! сказалъ онъ,—тамъ я узнаю истину.

Когда мы добѣжали до одинокаго узенькаго дома, корнетъ постучался у двери.

— Кто тамъ? послышался старушечій голосъ изъ дому.

— Кому же быть?.. Я! сказалъ Отлетаевъ.—Отпирай!

Дверь отворилась. Мы вошли въ большую переднюю.

— Что? спросилъ корнетъ струху.

— Ничего, батюшка ты мой, прилегла маленько, какъ есть прилегла, шамшила старуха.

— Свѣчку! крикнулъ хозяинъ.

— Сейчасъ, батюшка ты мой, сейчасъ.

Старуха дернула спичкой объ стѣну. Огонекъ вспыхнулъ и освѣтилъ витую, круглую лѣстницу. Старуха зажгла свѣчку.

— Вотъ, батюшка ты мой, вотъ и свѣчку зажгла. Зажгла, батюшка ты мой, свѣчку.

Корнетъ взялъ шандалъ со свѣчею и, не выпуская руки моей, молча повлекъ меня по лѣстницѣ. Поднявшись на верхъ, мы повернули направо, прошли прекрасно отдѣланную гостиную и остановились на порогѣ второй комнаты, слабо освѣщенной одною свѣчой съ абажуромъ. На низенькомъ диванѣ лежала женщина, одѣтая въ бѣлый пенюаръ, обшитый кружевами. Обернувшись къ стѣнѣ, обитой тѣмъ же бархатомъ, и закинувъ ручки подъ огромную черную косу, она прижалась лицомъ къ бѣлоснѣжной подушкѣ и казалась спящею; обильныя складки капота скатились съ дивана на роскошный коверъ и выказывали пару смуглыхъ ножекъ, обутыхъ въ турецкія шитыя туфли; одна изъ нихъ, въ минуту нашего появленія, разставшись съ ножкой, юркнула на коверъ и разбудила спящую. Она медленно поднялась, оперлась одною рукою о подушку и оглянулась. Свѣтъ лишней свѣчки ослѣпилъ ее. Она закрыла руками глаза, протирая ихъ, и свѣсивъ ногу, ощупью искала потерянной туфли. Найдя ее, она отвела руки отъ глазъ, осмотрѣлась, взглянула на корнета, потомъ на меня, и страшный крикъ, но крикъ радости, а не отчаянія, вырвался изъ груди ея.

— Ѳеша! крикнулъ я,—ты ли это? Ѳеша!...

Но она, безъ словъ, въ припадкѣ истерическаго хохота, дрожащая и блѣдная, лежала уже въ моихъ объятіяхъ. Корнетъ выронилъ изъ рукъ шандалъ; и свѣчка, падая, переломилась и погасла. Прежній полусвѣтъ набросалъ тѣней на эту картину.

—Вотъ что! Не ожидалъ! Такъ вотъ доказательство! Вотъ слово загадки! Вотъ объясненіе сомнѣнія! кричалъ корнетъ, указывая на меня и Ѳешу, которая все еще была въ моихъ объятіяхъ.—Теперь вы понимаете причину моего бѣшенства, моего изступленія! Понимаете вы теперь, что ваша и моя Ѳеша была одно и тоже лицо. Теперь вы понимаете, что это письмо писано мною, и что я никому не позволю надъ нимъ смѣяться. Оно писано въ минуту увлеченія, любви самой пылкой.... Понимаете вы теперь мое положеніе?

— Понимаю, крикнулъ я въ свою очередь, освобождая Ѳешу, которая тяжело опустилась на первое кресло,—понимаю, что вы похитили невинную дѣвушку, оторвали ее отъ семейства и, какъ невольницу, заперли въ этой разукрашенной клѣткѣ; я все понимаю, все знаю, и будь я не вашимъ гостемъ, я бы назвалъ вашъ поступокъ...

Я замялся.

— Вы назвали бы его подлымъ, возразилъ онъ, потому что у васъ нѣтъ сердца, потому что въ вашихъ жилахъ течетъ не кровь, а вода, потому что вы неспособны увлекаться и любить, а вѣдь извѣстно всѣмъ и каждому, что чѣмъ меньше любишь женщину, тѣмъ больше ей нравишься. И васъ, эта женщина,—холоднаго и разсудительнаго,—промѣняла на меня; вамъ повѣряла всѣ мои поступки; передъ вами щеголяла моими подарками, за которые я платилъ втрое, векселями, потому что бралъ вещи въ долгъ, не имѣя въ то время наличныхъ; вамъ показывала она мои письма; значитъ она любила васъ, а мнѣ отдалась по одному разсчету, ослѣпленная однимъ блескомъ... и когда я какъ царицу везъ ее сюда и ожидалъ словъ любви, я встрѣтилъ одну холодность, одно равнодушіе, смѣшанное съ воспоминаніями. Такъ вотъ эти воспоминанія! Змѣя! обратился онъ къ Ѳешѣ,—змѣя, согрѣтая на груди моей; змѣя, стоившая мнѣ около тридцати тысячъ и ужалившая меня при первомъ моемъ поцѣлуѣ. На столько страсти отвѣчать холодностью! Въ первый разъ въ жизни я побѣжденъ женщиной. Встань! крикнулъ онъ ей:—какъ ты смѣешь сидѣть при мнѣ? Я баринъ, а ты что? холопка, дочь лакея. Встань! я тебѣ говорю.

Ѳеша сдѣлала усиліе и встала.

— И я-то поддался очарованію! Но могъ ли я думать, продолжалъ корнетъ, указывая на Ѳешу,—чтобы она была такъ хитра и дальновидна. Это свиданіе было заранѣе условлено, списались какъ нибудь, стакнулись... да и письмо это было читано нарочно... все это обманъ одинъ, интрига, чтобы меня одурачить, опозорить... Но нѣтъ, голубки, вамъ не удастся!.... Я не таковскій.

Ѳеша хотѣла что-то сказать.

— Молчи!—крикнулъ онъ, молчи! не оправдывайся. Все ясно!... все на лицо!... Я самъ видѣлъ, чего же еще?

— Актеръ! актеръ! прошептала Ѳеша.

— Что? крикнулъ онъ.—Ахъ ты дерзкое творенье! Я актеръ? Нѣтъ, я не притворялся, когда любилъ тебя, когда разорялся на тебя!

а ты, презрѣнная, ты притворялась, когда бѣжала со мною! Чего ты хотѣла? замужъ хотѣла? Развѣ ты меня любила? Чѣмъ доказала?

— Ну чтожь! всегда скажу, любила ли я тамъ кого, нѣтъ ли, только не тебя, сказала Ѳеша,—а рѣшилась отъ дурной жизни, да отъ стараго жениха, ѣхала такъ, пошла на отчаянность.. вотъ тебѣ и сказъ!

— И ты это говоришь мнѣ въ глаза?

— Говорю, крикнула Ѳеша:—говорю, говорю!...

— Ехидная! проревѣлъ корнетъ, и внѣ себя, бросившись на Ѳешу, схватилъ ее за руку такъ сильно, что она вскрикнула, слезы брызнули изъ глазъ ея, гребенка выпала изъ ея густой разсыпавшейся косы, и бѣдная дѣвушка опустилась въ изнеможеніи на коверъ.

— Убей, молила Ѳеша, — но не терзай меня. — Заступитесь!... кричала она мнѣ.—Варваръ, злодѣй!.... чего ты хочешь? Я и такъ чуть жива....

— Небось! кричалъ корнетъ, держа распростертую на полу Ѳешу за руку и, взмахивая хлыстикомъ... Страшный, раздирающій душу крикъ, какъ кинжаломъ, ударилъ меня по сердцу.

— Опомнитесь! что вы дѣлаете? крикнулъ я, бросаясь между ними и вырывая хлыстикъ изъ рукъ корнета. Не только ударить, но и замахнуться на женщину есть уже преступленіе. Этотъ взмахъ хлыста такой позоръ, такое оскорбленіе, которое снимаетъ съ нея всякую вину, какова бы она ни была. А она даже и не виновата передъ вами. И по какому праву обращаетесь вы такъ съ несчастнымъ созданьемъ, ввѣрившимъ вамъ, изъ чего бы то ни было, свою свободу? И за что же? За то, что она смѣла располагать собою.

Я былъ сильно взволнованъ, а корнетъ освободилъ руку Ѳеши, которая, вставая, блѣдная и изнеможенная, со взоромъ блиставшимъ злостью, съ выраженіемъ уничиженія на лицѣ, цѣпляясь за кресла, доползла до дивана, обняла подушку, и скрыла въ ней свою голову.

— Зачѣмъ она меня обманывала? За чѣмъ она меня увлекала? продолжалъ корнетъ, съ меньшею впрочемъ запальчивостью.—Сама не знала...

— Не то же ли вы сами дѣлаете, извините меня. Парашу вы преслѣдуете за то, что она васъ любитъ, Ѳешу мучаете за то, что не любитъ... Я назвалъ бы еще одно лицо, еслибъ я меньше уважалъ его... Вы странный, непонятный человѣкъ.

— А вы не странный и понятный человѣкъ, вы самый положительный, матеріяльный человѣкъ. И какое вамъ дѣло до нашихъ отношеній? Къ какой стати берете вы ея сторону? Гдѣ вы ее знали? Какъ вы ее знали? Почему она недоступна только мнѣ одному, истратившему на нее такую гибель невозвратимыхъ денегъ? Почему? Какъ можете вы знать подробности всей этой продѣлки? Какъ попало къ вамъ письмо мое наконецъ, если эта нимфа въ самомъ дѣлѣ такъ безгрѣшна? Кто это объяснитъ теперь, кто докажетъ? кто?

— Я объясню вамъ это, сказалъ я, — очень просто и коротко. Ѳеша воспитанница графини Буриме, а я—ея племянникъ.

— Возможно ли?

— Тотъ самый племянникъ, о которомъ вы однажды имѣли дерзость разговаривать съ Ѳешей у самой рѣшетки дачи, котораго вы думали провести, но который все видѣлъ, все слышалъ; тотъ самый племянникъ, которому вы обязаны удовольствіемъ увезти Ѳешу. Я все зналъ, но связанный честнымъ словомъ, даннымъ Ѳешѣ, молчалъ и не предупредилъ тетушку. Этою благосклонностью я сгубилъ Ѳешу и навлекъ на себя кучу непріятностей, не исключая и непріятности объяснять вамъ все это и какъ будто оправдываться въ вашихъ незаслуженныхъ и оскорбительныхъ обвиненіяхъ. Надѣюсь, что послѣ всего этого вы не найдете больше возраженій, и позволите мнѣ уйдти отдохнуть отъ тѣхъ драматическихъ сценъ, которыми вамъ угодно было кончить нынѣшній день, не лишенный тоже драматизма своего рода...

— Я не приду въ себя! началъ онъ.—Вы племянникъ этой графини? вы были тогда въ Паркѣ?... Боже мой! а я смѣлъ думать... я можетъ-быть въ пылу бѣшенства наговорилъ вамъ такихъ вещей, что за *человѣка страшно!* Ахъ я дуракъ! дуракъ!... (Отлетаевъ рвалъ на себѣ волосы.) Извините... да нѣтъ, этого мало!.... Что я могу сдѣлать, чтобы загладить мою вину? скажите, приказывайте.... ахъ, мнѣ такъ совѣстно, что я не смѣю взглянуть на васъ!... не нахожу словъ... Я понимаю, какъ я гадокъ въ вашихъ глазахъ!... а все виноватъ мой глупый характеръ!... рѣшительно я не могу взглянуть на васъ, меня душатъ мои собственныя слова!.. я уйду... завтра можетъ быть вы забудете мое глупѣйшее поведеніе, la nuit prête conseil, какъ говорится.... ахъ я дуракъ! ахъ я скотина!.... продолжалъ корнетъ, склоня голову и быстро уходя въ другую комнату.

За стѣной послышались его шаги на лѣстницѣ и наконецъ говоръ внизу. Скрипъ отворившейся въ садъ двери увѣрилъ меня, что хозяинъ ушелъ, и тутъ только, опомнившись отъ рѣзкаго его перехода изъ одной крайности въ другую, я подумалъ, зачѣмъ я не ушелъ съ нимъ вмѣстѣ?

— Ѳеша, ты спишь? спросилъ я, подходя къ дивану.

Она быстро подняла голову и спросила:

— Гдѣ онъ? злодѣй-то мой?

— Ушелъ!

— Ну! слава Богу! сказала она, вставая и скрестивъ руки на груди.—Чѣмъ покончили?

— Я сказалъ ему истину.

— Что же?

— Сконфузился, извинялся.... и убѣжалъ....

— Знаетъ кошка чье мясо съѣла! сказала Ѳеша...—Вотъ и всегда-то такъ: раскричится, раскричится, а тамъ не знаетъ какъ и подольститься. Да ужь поздно.... Какъ это вы къ намъ-то попали, какими судьбами? Ужь какъ же я испугалась, когда вы съ нимъ-то вошли, да какъ же и обрадовалась!... Да что же это вы стоите? Садитесь вотъ сюда, на диванъ; семъ я велю убрать подушки? До спанья ли тутъ!.. Няня! крикнула она, потомъ позвонила, потомъ затопала по ковру, потомъ опять крикнула: — Няня!... Славная она старуха, добрая такая! У ней тоже была дочь Катя.... Плачетъ, не наплачется: умерла, зачахла. Вотъ и у меня чахотка, право!... вы не вѣрите? Грудь болитъ, кашель. Да туда и дорога, умирать такъ умирать. Няня! крикнула она опять.

— Иду, матушка ты моя, иду! послышалось съ низу.

— Да какъ же ужь я рада, что васъ-то увидѣла! продолжала Ѳеша.—Вѣрите ли, только и есть въ глазахъ, что эти стѣны. Вотъ изъ огня-то, да въ полымя попала! Да что же это вы стоите? Чѣмъ васъ подчивать?... Няня, да ползи же!...

— Иду, матушка ты моя, иду какъ есть иду, сказала старуха, входя въ комнату.

— Убери-ка подушки. Да подай намъ папиросъ....

Старуха взяла подушки и вынесла въ другую комнату, ворча про себя.

— Ну, сядемте, сказала Ѳеша,—потолкуемъ. Вы добрые, съ вами и говорить-то хочется, откуда что берется, а съ нимъ, что?

только слушаешь его театральности, да глазами хлопаешь. Чай вамъ показывалъ свои представленія-то? Чай и Сашку-то, и Парашку, а обѣ куда не взрачны! Мнѣ вѣдь все равно; по мнѣ онѣ себѣ тамъ какъ хотятъ, а ничего-то въ нихъ нѣтъ.... Няня! что же папиросъ-то?

— Несу, матушка ты моя, несу, такъ-таки какъ есть, такъ вотъ и несу, сказала старуха, кладя пачку папиросъ и ставя пепельницу на столикъ.

— Да зажги-ка еще свѣчку—сказала ей Ѳеша.

— Зажгу, матушка ты моя, зажгу.

— Да дай мнѣ что нибудь, шаль тамъ, что ли, холодно что-то; или это такъ дрожь, или лихорадка....

— Ну ужь и лихорадка! какая тамъ лихорадка? твердила старуха, ставя зажженную свѣчу на столъ,—нашла ишь тамъ лихорадку! Откуда она лихорадка-то?

— Дай же шаль-то!

— Сейчасъ, матушка ты моя, сейчасъ! ишь, что выдумала: лихорадка! проговорила старуха и вышла.

Ѳеша сѣла съ ногами на диванъ и прижалась въ уголокъ, дрожа всѣмъ тѣломъ. Я взглянулъ на нее: она была все также хороша, только что-то болѣзненное выражалось на ея лицѣ, только румянецъ круглыми пятнами игралъ то на одной, то на другой ея смуглой щечкѣ. Большіе голубые глаза казались еще больше, отъ образовавшихся около нихъ впадинъ; улыбка, даже въ минуты оживленія, была растворена какою-то грустью. Вообще она очень похудѣла, хотя бюстъ и плечи получили большее, противъ прежняго, развитіе. Густые черные волосы, которыхъ она не успѣла еще собрать подъ валявшуюся на полу гребенку, длинными прядями скользили съ плечъ на грудь и, какъ темнымъ плащомъ, покрывали все худенькое существо ея. Старуха вошла съ шалью, которою Ѳеша укуталась съ ногъ до головы.

— Ишь гребенка-то валяется, замѣтила старуха, и подала ее Ѳешѣ, которая, поднявъ руки, собрала всѣ волосы назадъ, устроила громадный бантъ и утвердила его гребенкою.

— Надобно бы сказать нянѣ, молвилъ я Ѳешѣ по-французски,— чтобъ она не уходила. Пусть сидитъ въ той комнатѣ: все-таки третье лицо, а то онъ можетъ Богъ знаетъ что̀ подумать.

— Ну! смѣетъ! сказала Ѳеша по-русски.—А впрочемъ.... Няня!...

— Асеньки?

— Ты бы посидѣла тутъ въ гостиной....

— Отчегожь? посижу, матушка ты моя, посижу.

— Чулокъ бы повязала.

— Ну вотъ еще выдумала, чулокъ повяжи. Стану я по ночамъ чулки вязать.... повяжи ишь я чулокъ!...

— Ну, какъ хочешь! неравно спрошу....

— Ну, ладно! вы гутарьте себѣ на здоровье, на здоровье гутарьте, а я вздремну маленько.

— Ну хоть вздремни, сказала Ѳеша.

— А, то, вишь я чулокъ вяжи, вяжи я чулокъ! И съ этимъ словомъ старуха вышла въ гостиную, гдѣ преспокойно усѣлась въ кресло.

— Вотъ только и радости, сказала мнѣ Ѳеша,—что съ ней посмѣешься, и то иногда не до нея: день деньской глазъ не осушаешь. Да теперь-то слава Богу легче: все въ театрѣ торчитъ, сюда и глазъ не кажетъ—злится! Вотъ только съ вами пришелъ, да и то за дѣломъ. Накричалъ, нашумѣлъ, да еще наровитъ драться! Да что же это вы не курите? Какъ же мнѣ теперь быть-то? Научите вы меня, начала опять Ѳеша,—спасите вы меня, рязвяжите вы мнѣ руки! Вѣдь это не жизнь, а каторга! Только что стѣны-то вонъ бархатныя, да на кой онѣ мнѣ чортъ? Душа вѣдь не на мѣстѣ: то не хорошо, другое не такъ сказала, да не такъ сѣла: фу ты пропасть какая! Да пропадай онъ совсѣмъ! Я лучше готова въ бѣдности жить, воду носить, полы мыть, только не у него жить... Миленькій! голубчикъ! выручите, спасите!

— Да какъ же это сдѣлать, Ѳеша? сказалъ я.—Я радъ бы былъ душою: да вѣдь, сама знаешь, каково ладить съ Отлетаевымъ.

— Неужто невозможно? почти съ отчаяніемъ спросила Ѳеша. Неужто вы уѣдете и ничего для меня не сдѣлаете? Вотъ польстилась на деньги! Вотъ соблазнилъ меня лукавый. Вотъ Богъ и наказалъ! Ужь какъ же я каялась! сколько слезъ я пролила!...

Горькія рыданія, искреннія, сердечныя, заглушили голосъ Ѳеши.

— И то сказать! начала она снова,—не будь этого стараго хрыча Полосушкина, не поверни графиня круто, онъ бы у меня наплясался, этотъ стрекулатникъ; я бы карманы-то его повытрясла, да носъ бы и наклеила, вотъ бы я что съ нимъ сдѣлала! Не суйся въ воду не спросясь броду! А то, думала, идти за стараго еще хуже;

лучше хоть убѣжать, да съ молодымъ. А этотъ молодой-то вышелъ хуже всякой горькой рѣдьки. Я тогда-то его не любила, а теперь и подавно. И за что только эту егозу любятъ, хоть бы жена, или эта Параша?.. не понимаю! Наказалъ меня Господь. И по дѣломъ! Не дури!

Снова крупныя слезы потекли изъ глазъ Ѳеши, а я между тѣмъ разказалъ ей о моемъ разрывѣ съ тетушкой.

— И это за меня! вскрикнула она,—экое горе! Вотъ я несчастная! Сама попалась да и другихъ-то ввожу въ непріятности. Я вѣдь этого не знала, не думала! Ахъ, Господи!

— Я все искалъ тебя въ Москвѣ.

— Я васъ разъ встрѣтила: вы ѣхали въ каретѣ, а я въ колискѣ...

— Ну такъ и есть, и мнѣ показалось, что это ты. Это ты была?

— Я хотѣла остановиться, да совѣстно стало: ну, думаю, такъ и быть.

— Разкажи же мнѣ, какъ это вы уѣхали-то съ нимъ? И какъ это никто не догадался, ни отецъ твой, никто?

— Тятеньку-то моего вы видѣли?

— Какъ же?

— Ну, что онъ, постарѣлъ? бранится?

— Нѣтъ, Ѳеша, старикъ плачетъ, горько плачетъ.

— Сто́итъ ли? замѣтила она,—по такой дурѣ, и слезъ то тратить не стоитъ, сама виновата.

Она заплакала и послѣ молчанія продолжала:

— Вотъ какъ это было: какъ записку-то, помните, вы мнѣ написали, я ее и брось ему. Вотъ пришла и середа.... такъ мнѣ стало жутко! точно я сама не своя, ноги подкашиваются. Боюсь! страшно! Думаю, обману я его: постоитъ, постоитъ карета у рѣшетки и уѣдетъ. Такъ на томъ и положила. Графиня, какъ всегда, играть сѣла. Вдругъ, гляжу, эта фигура лѣзетъ изъ передней, старичишка-то, Полусушкинъ. Ну, думаю, видно такая моя судьба! Васъ нѣтъ, не ѣдете; пріѣзжайте вы, другая бы статья совсѣмъ вышла. Такъ мнѣ досадно стало. Гляжу семь часовъ; я обошла весь домъ: такъ мнѣ стало скучно, скучно, слезы даже проступили; хотѣла выйдти въ переднюю, на тятеньку въ послѣдній разъ посмотрѣть, какъ будто стаканъ воды спросить, да нѣтъ, духу не хватило. Вышла я на террасу, да какъ вспомнила я этотъ послѣдній вечеръ, какъ вы-то это

тутъ были, чай-то вы еще кушали: такъ мнѣ стало не вмочь, я благимъ матомъ въ садъ. Онъ тутъ. Ну, извѣстное дѣло, чуть съ ума не сошелъ. Подхватилъ онъ меня, да въ карету. Не успѣла я опомниться, летимъ.... Ну, думаю, кончено, была такова, конецъ. Пріѣхали мы въ Москву, остановились мы въ гостиницѣ. Сначала-то это все ничего, шло хорошо. И я-то пріѣхала какъ дура, ничего не понимаю. Онъ, извѣстное дѣло, съ нѣжностями, а мнѣ ужь не до того: ни жива, ни мертва, хоть назадъ бѣжать. Что жь вы думаете? — спросила она меня, и помолчавъ прибавила: — опротивѣлъ онъ мнѣ; я и такъ-то не очень его жаловала, а тутъ, что дальше, то хуже. Ну, противенъ да и только! А онъ-то съ нѣжностями. Надоѣлъ даже! Ахъ ты, Господи! Деньгами такъ и посыпаетъ. Нашилъ мнѣ, накупилъ, видимо-невидимо. Я себѣ думаю: приданое нашиваетъ. Вотъ хорошо. Наконецъ я говорю: когда же свадьба-то? — Усмѣхнулся онъ, да и говоритъ: погоди, говоритъ, вотъ въ деревнѣ. Вотъ пожили мы въ Москвѣ съ недѣлю, поѣхали! Что ни станція, стой! Изба что твой дворецъ.

— Такъ это онъ съ тобой ѣхалъ? спросилъ я, — а мнѣ сказали съ женой.

— А вы почемъ знаете? Развѣ вы насъ видѣли?

— Какъ же! сказалъ я, — это было въ сумерки, на первой станціи.

— А я-то, глупая, и не видала!... Вотъ пріѣхали мы сюда. Вижу домъ большой; вотъ, говорю, гдѣ я жить-то буду. Нѣтъ, онъ говоритъ, тутъ живетъ жена, а ты будешь подальше. — Какая жена? спрашиваю я.—Какія жены бываютъ?—Чья жена?—Моя, говоритъ, а самъ смѣется.—Такъ ты женатъ значитъ?—Немножко, говоритъ, а самъ все смѣется.—Ну, думаю, пропала моя головушка!—Чего же, думаю, онъ меня завѣрялъ, что холостой, что женится, образованіе-то его, тоже не Богъ вѣсть какое: только что по французски-то рѣжетъ, да я сама не хуже его смыслю. У меня и руки опустились.—Вотъ съ тѣхъ самыхъ поръ и заперъ онъ меня здѣсь. Живу, не чаю какъ бы лѣто скорѣй прошло. Думаю, что же это когда мы въ Москву? вѣдь говорилъ только лѣто проживемъ въ деревнѣ. Патка, ужь снѣгъ! Когда же мы въ Москву-то? спрашиваю я его. —За чѣмъ? говоритъ.—А какъ же?—Да такъ же!—Скучно, я говорю.—А развѣ, говоритъ, я тебя для веселья твоего привезъ? Мнѣ, говоритъ, и здѣсь весело. — Ну, меня пусти. — Нѣтъ, говоритъ, это такъ

не водится! рано пташечка запѣла, какъ бы кошечка не съѣла.... Извѣстно какія его рѣчи.—Да я, говорю, не хочу съ тобою жить, я вольная, говорю, гдѣ моя бумага, отдай мнѣ ее, я уѣду. Такъ нѣтъ, куды тебѣ, и слышать не хочетъ. Вотъ такимъ манеромъ всю зиму промаялась, въ четырехъ стѣнахъ-то живучи. Вотъ и опять лѣто настало, а я все конца этому не вижу. Батюшка! заступитесь! Миленькій! не оставьте вы меня! Выручите, спасите!

Ѳеша залилась горькими слезами.

— Хорошо, сказалъ я,—я сдѣлаю все, что̀ могу, поговорю съ Отлетаевымъ и надѣюсь, что улажу это дѣло. Только вотъ моя бѣда: какъ мнѣ тебѣ дать знать завтра, на чемъ мы покончимъ? Написать если....

— Это все равно, что ничего, перебила она меня,—вы сами знаете, что чтеніе не по моей части.

— Такъ, какъ же быть?

— Я ужь и не знаю. Да зайдите сами, вотъ и дѣло съ концемъ.

— Да можно ли?

— Отчего же? скажите ему, что, молъ, мнѣ нужно повидаться. Вотъ и все....

— Ну, я увижу. Какъ нибудь устрою. А теперь, прощай пока.

— Вы ужь и уходите? грустно спросила Ѳеша.

— Пора, сказалъ я, и отдернулъ занавѣску окна.

Молодое утро весело глянуло въ комнату.

— Видишь, продолжалъ я,—бѣлый день на дворѣ....

— И то, сказала Ѳеша,—пора вамъ на покой.

— Ну, прощай же.

— До свиданія! прошептала Ѳеша, и подойдя ко мнѣ очень близко, положила обѣ ручки ко мнѣ на плеча и прибавила:

— Не оставьте! сжальтесь! Миленькій вы мой, голубчикъ!

Слезы хлынули изъ глазъ ея. Я наклонилъ голову; ея высокій, блестящій лобикъ пришелся прямо противъ губъ моихъ, и я въ первый разъ оставилъ на немъ долгій и несовсѣмъ холодный поцѣлуй. Ѳеша вспыхнула; не только щечки, даже этотъ самый лобикъ, ушки, шейка, все покрылось яркимъ розовымъ оттѣнкомъ, и бѣглый трепетъ пробѣжалъ по всѣмъ ея членамъ. Я бросился въ гостиную, и быстро сбѣжавъ съ лѣстницы, вышелъ въ садъ. На поворотѣ съ одной дорожки на другую мелькнуло издали чье-то голубое платье.

Солнце еще не вставало; природа не просыпалась; ни звука, ни

пороха. Было такъ тихо, что я могъ слышать легкій шелестъ песка подъ моими шагами. Я пошелъ прямо аллеей, ведущей къ театру. Однозвучное: *па-сма-три-вай!* которому черезъ минуту откликалось такое же: *па-гля-ды-ва-а-й!* провожали мое одинокое шествіе. Въ зданіи театра огня уже не было, но голубое платье юркнуло съ быстротою молніи въ отверенную гдѣ-то дверь. Въ передней большаго дома мелькнулъ огонекъ. Я обрадовался и пошелъ скорѣе. И дѣйствительно, Кузьма въ компаніи дежурнаго лакея ждали моего возвращенія. Здѣсь узналъ я, что кабинетъ хозяина отданъ въ полное мое разпоряженіе, и радъ былъ отдохнуть отъ тревожнаго и утомительнаго дня.

Проснувшись на другое утро, я принялся было за принесенный мнѣ чай, какъ лакей вошелъ въ мою комнату, предварительно за дверью спросивъ на это разрѣшеніе, и подалъ мнѣ письмо.

— Отъ кого? спросилъ я.

— Отъ корнета Отлетаева! сказалъ лакей и поклонясь вышелъ.

Я улыбнулся, какъ странности письменнаго сообщенія между людьми, находящимися почти въ одномъ и томъ же домѣ, такъ и тому, что люди, говоря о баринѣ не называли его по имени и отечеству, а должны были непремѣнно произносить фамилію, прибавляя и чинъ, точно какъ будто онъ придавалъ ей особенную звучность или былъ ея нераздѣльною принадлежностью. Распечатавъ письмо, я прочелъ слѣдующее:

«Милостивый государь,

«Анатолій Петровичъ,

«Если самъ Пушкинъ, подразумѣвая рабыню и подругу пріятеля, сказалъ:

О! Боже Праведный! прости
Мнѣ зависть ко блаженству друга!

то какъ же мнѣ, корнету Отлетаеву, было возможно не позавидовать тому, что сердце Ѳеши принадлежитъ вамъ (въ чемъ я убѣжденъ и въ эту минуту), а не мнѣ, ходившему на него, съ такою огромною потерею серебряныхъ рублей, въ атаку, взявшему его съ боя, но не успѣвшему въ немъ удержаться? Вчера вы окончательно сбили меня съ позиціи, и я сдаюсь военноплѣннымъ, но размѣна ратификацій весьма бы не желалъ, почему и посылаю вамъ эти строки, которыя убѣдятъ васъ, при свиданіи со мною не преслѣдовать меня на отступленіи и, забывъ вчерашнюю стычку, посторонними рѣ-

чами упрочить честный миръ. Наши партіи равны: я нападалъ отчаянно, вы храбро защищались и если вы побѣдили, то я отступилъ, весьма дипломатически, допуская переговоры и набрасывая покрывало на ихъ послѣдствія. Впрочемъ, изъ достовѣрныхъ источниковъ, черезъ посредство почтеннаго лица, повторяющаго трижды каждое произносимое имъ слово, мнѣ извѣстно, что непріятель, оставшись въ крѣпости, благородно щадилъ частную собственность.

«Примите увѣренія въ совершенномъ уваженіи, съ которымъ имѣетъ честь быть, вашимъ,

«Милостивый государь

«покорнѣйшимъ слугою.

«Корнетъ Отлетаевъ.»

Это оригинальное посланіе заставило меня улыбнуться и задуматься. Значитъ, подумалъ я, раскаяніе корнета не было искреннее, значитъ его отступленіе было сдѣлано съ цѣлью, въ видѣ испытанія, и я въ душѣ радовался, что принялъ мѣры предосторожности въ лицѣ старухи, которой двуличность теперь обнаружена. Я радовался, что корнету не къ чему было придраться и обвинить Ѳешу. Недовѣріе его было оскорбительно. Впрочемъ, если я изъ состраданія къ жалкимъ и смѣшнымъ порывамъ необузданнаго характера, уже многое прощалъ корнету, то почему было не простить ему и это недовѣріе, какъ и то подозрѣніе, что сердце Ѳеши принадлежитъ мнѣ,—и я не обратилъ особеннаго вниманія на это обстоятельство. Меня бѣсило только то, что Отлетаевъ, предвидя вѣроятно дальнѣйшее съ моей стороны заступничество за Ѳешу, предупреждалъ всякое на то покушеніе, и этимъ письмомъ окончательно зажималъ мнѣ ротъ; но я тѣмъ болѣе рѣшился, не смотря на предписываемыя имъ условія, снова вызвать его на объясненіе, и во что бы то ни стало, вырвать у него свободу Ѳеши. Кликнувъ человѣка, и спросилъ его:

— Гдѣ Сергѣй Васильевичъ?

— У себя-съ, отвѣчалъ вошедшій лакей.

— А именно?

— Въ Монплезирѣ-съ.

— Ну, ступай туда и скажи барину, что я потому не отвѣчаю, что самъ сейчасъ буду.

Добравшись до увеселительнаго зàмка, я предпочелъ не входить въ главную дверь, откуда неминуемо попалъ бы въ театральную залу,

а обогнуть строеніе и, воспользовавшись балконною дверью, войдти прямо въ комнату хозяина. Предначертавъ себѣ такой планъ дѣйствій, я привелъ его въ исполненіе и засталъ Отлетаева въ халатѣ, въ креслѣ, за стаканомъ кофе, съ трубкою въ зубахъ и съ тетрадью въ рукѣ. Сидя такимъ образомъ, онъ суфлировалъ какую-то роль актрисѣ Машѣ, игравшей вчера старуху и плясавшей русскую. Маша дѣлала руками сильные жесты.

— Дура! говорилъ корнетъ. Не такъ, повтори!...

— «Ахъ! еслибъ ты зналъ»,—кричала Маша:—«всю силу моей страсти; если бъ ты понималъ то отчаяніе, которымъ полна душа моя, если бы ты могъ сочувствовать слезамъ моимъ...»

— Хорошо! громче! замѣчалъ хозяинъ...

— «Если бъ у тебя было сердце, а не гранитъ...»

— Хорошо...

— «Ты бы сжалился надо мной, ты бы не бросилъ меня, не оклеветалъ меня!... Ахъ Андре! Андре.»

— André, сказалъ корнетъ.

— Андре, я говорю-съ Андре, сказала Маша.

— Да дура, пойми ты, André, а не Андре. Ну скажи André.

— Андре-съ.

— Фу! ты дубина какая! Поди скажи, чтобы во всей піесѣ, гдѣ André, поставили Жоржъ... Ну, повтори...

— Жоржъ, сказала Маша.

— Ну пусть будетъ Жоржъ! сказалъ я, все стоя въ дверяхъ и желая прекратить начинавшую утомлять меня сцену.

— Это вы? сказалъ хозяинъ.—Mille pardons, я въ халатѣ. Вы меня застаете за моимъ ежедневнымъ занятіемъ. Измучили они меня, просто. Но для чего вы это безпокоились, идти сюда? я самъ бы пришелъ освѣдомиться какъ вы ночь провели, покойно ли вамъ было, что̀ вы видѣли во снѣ? исполнилъ бы обыкновенныя обязанности хозяина.

— Благодарю вамъ, сказалъ я,—за столько вниманія.

— Садитесь, прошу васъ! куда прикажете? говорилъ хозяинъ и, обратившись къ Машѣ, сказалъ: — ступай, вели перемѣнить имя, да смотри у меня учить роль; да скажи тамъ на сценѣ, чтобы первые два акта безъ меня репетовали, а третій оставить, безъ меня не начинать, а придти доложить: кончили, молъ, первые два. Ну, ступай, да смотри не переври.

— Никакъ нѣтъ-съ, сказала Маша и вышла, а корнетъ обратился ко мнѣ:

— Извините, прошу васъ. У меня какъ утро пастанетъ, такъ возня: одного научи, другому покажи какъ и что. Съ одною роль пройди, третью заставь па дѣлать, гардеробъ разпредѣли, а тутъ бутафорская часть: все я самъ, голова кругомъ пойдетъ, право!

Корнету было видимо неловко въ моемъ присутствіи, и онъ не зналъ съ чего начать и какъ поддерживать разговоръ, желая въ душѣ, чтобы я провалился сквозь землю. Я, между тѣмъ, держалъ себя холодно и весьма спокойно. Мое намѣреніе было твердо принято.

— Не хотите ли вы кофе? спросилъ онъ меня, чтобы что-нибудь сказать.

— Благодарю васъ, мнѣ подавали чаю, отвѣчалъ я.

— Настало молчаніе.

— И такъ, началъ было корнетъ, и остановился...

— Сегодня у насъ прекрасная погода, сказалъ я:—вотъ фраза, какую обыкновенно говорятъ людямъ, которымъ не знаешь что̀ сказать.... но, успокойтесь, я имѣю вамъ сказать многое.

— Вы не въ духѣ, началъ хозяинъ, — вы вѣрно встали лѣвою ногою.

— Можетъ-быть, но вставши я получилъ письмо ваше, столь же оригинальное, какъ вѣроятно и всѣ ваши письма.

— Но вѣроятно не прочли его, иначе пе стали бы возобновлять объ немъ разговора. Я, по крайней мѣрѣ, думалъ, что въ немъ достаточно ясно выражено желаніе мое забыть, что было.

— Какъ вы однакожь привыкли, чтобъ всѣ ваши желанія исполнялись безпрекословно! замѣтилъ я.

— Мнѣ кажется, что это желаніе могло бы быть такъ легко исполнено!

— А мнѣ кажется напротивъ. Не смотря на всю тягость подобнаго разговора, не смотря на все мое желаніе сдѣлать по вашему, я долженъ говорить вамъ о Ѳешѣ.

— Отложимъ этотъ разговоръ до другаго раза. Я обдумывалъ вчерашнее, ничего не придумалъ и не знаю, что мнѣ дѣлать.

— Все равно, началъ я, — дайте мнѣ только слово, что вы будете с ушать меня хладнокровно.

— Будьте увѣрены.

— Вѣдь согласитесь сами, что ваши припадки бѣшенства ни къ

чему не ведутъ: меня они не испугаютъ, а васъ только разстроиваютъ.

— Да я совершенно покоенъ и готовъ васъ слушать, сказалъ Отлетаевъ.

— Вамъ угодно было вчера доставить мнѣ возможность не только видѣть, но и говорить съ Ѳешей.

— Нѣтъ, быстро сказалъ корнетъ,—мнѣ того не было угодно, а случилось само собою, нечаянно, какъ многое въ моей жизни.

— Впрочемъ, еслибъ вамъ и не угодно было доставить мнѣ возможности откровеннаго разговора съ Ѳешей, я бы самъ нашелъ ее, и во всякомъ случаѣ, съ согласія ли вашего или нѣтъ, а достигъ бы желаемаго, потому что, повторяю вамъ, я долженъ, я обязанъ подать руку помощи несчастной дѣвушкѣ.

— Это прекрасно, похвально, началъ корнетъ,—но къ чему вы это все клоните? Вотъ чего я понять не могу.

— Сію минуту, я все вамъ объясню, почему я обязанъ защищать Ѳешу. Мое молчаніе ее сгубило. Открой я тетушкѣ глаза, вы бы не увезли Ѳеши. Я, противъ воли, покровительствовалъ продѣлкамъ, происходившимъ на глазахъ моихъ, и сталъ отчасти виновникомъ послѣдствій. Не я ли же наконецъ обязанъ, имѣя на то всѣ средства, остановить дальнѣйшее ихъ развитіе?

— Но чего же вы хотите? спросилъ корнетъ: — я право, не могу, себѣ представить.

— Я буду васъ покорнѣйше просить сдѣлать мнѣ величайшее одолженіе и возвратить Ѳешѣ ея отпускную, съ которою она могла бы выѣхать изъ Сережина, куда сама пожелаетъ.

— То есть въ Подкосихино? не правда ли? быстро крикнулъ Отлетаевъ. — Да, ну я теперь понимаю! вотъ вы чего хотите.

— Я хочу свободы Ѳеши, твердо отвѣчалъ я, — и только.

— Ну, а если я этого не хочу? спросилъ онъ.

— Какая ваша цѣль мучить несчастную дѣвушку и держать ее взаперти, терзать неосновательною ревностью, и все это не любя, а главное не будучи любимымъ?

— Хорошо вамъ говорить! сказалъ корнетъ!—Еслибъ вы истратили на нее нѣсколько десятковъ тысячъ, еслибъ вы изстрадались любя ее, какъ я любилъ, и получили въ замѣнъ одну невыносимую холодность; желалъ бы я посмотрѣть, что̀ бы вы тогда сдѣлали! Другой бы удушилъ ее, коварную, а я кажется....

— Вы ее терзаете! Стыдитесь! быстро началъ я. — Неужели и

вчерашняя сцена ничего по вашему? Неужели вы думаете, что грозя ей хлыстомъ, купленнымъ впрочемъ въ магазинѣ, вы можете заставить ее полюбить васъ? Нѣтъ, я ошибался въ васъ! я думалъ, въ васъ есть сердце, есть душа... вы сами говорили, что въ васъ столько же добра, сколько зла. Извините меня, я не вижу въ васъ доброты...

— Что же я такое сдѣлалъ? Я не помню. Но чѣмъ могу я доказать вамъ, что я не такъ дуренъ, какъ вы думаете? почти съ отчаяніемъ спрашивалъ корнетъ.

— Возвратите свободу Ѳешѣ,

— Я думалъ объ этомъ, хотѣлъ, и не могъ.... Не могу.

— Однако жь это необходимо.

— Вы думаете? спросилъ онъ.

— Да, сказалъ я твердо и рѣшительно,—необходимо. Я постараюсь разгласить вчерашнюю встрѣчу съ Ѳешей, опишу всѣмъ и каждому ея печальную исторію, здѣсь, въ Петербургѣ, вездѣ: однимъ словомъ употреблю всѣ средства, чтобы придать этому дѣлу такую гласность, что не только вся наша губернія загудитъ и забарабанитъ, но нѣсколько губерній и двѣ столицы тѣсно свяжутъ имя корнета Отлетаева съ именемъ Ѳеши и, вѣрьте мнѣ, что сочувствіе общественнаго мнѣнія будетъ, конечно, на сторонѣ послѣдней.

Корнетъ, красный отъ волненія, быстро заходилъ по комнатѣ.

— Забавно! забавно! началъ онъ. — Только этого не доставало, чтобы я изъ-за этой дѣвчонки сдѣлался посмѣшищемъ цѣлой губерніи, цѣлаго свѣта. И этимъ всѣмъ я обязанъ буду вамъ? Очень вамъ благодаренъ. Однакожь, началъ онъ еще скорѣе: — неминуемо спросятъ и васъ, по какому праву вмѣшиваетесь вы въ чужія дѣла и отстаиваете свободу этой дѣвушки. А? что вы тогда отвѣтите?

Я только и ждалъ этого вопроса. — Я отвѣчу, что моя собственная честь требуетъ свободы Ѳеши! Вотъ что я отвѣчу.

— Что же изъ этого слѣдуетъ? Я все-таки не понимаю.

— Ѳеша похищена изъ дома тетки моей въ то время, когда я былъ единственнымъ посѣтителемъ, ежедневнымъ гостемъ, своимъ человѣкомъ у ней на дачѣ, и меня обвинили въ похищеніи. Слѣдствіемъ этого былъ разрывъ мой съ теткой, тѣмъ болѣе прискорбный, что я вовсе не заслужилъ его. Понимаете вы теперь, что честь моя требуетъ свободы Ѳеши, если даже не для нея самой, то хоть для возстановленія дружественныхъ отношеній между мною и тетушкой, ко-

торыхъ я лишился по милости вашей? Понимаете ли вы теперь, что я не могу же изъ-за вашей прихоти терять во мнѣніи людей мнѣ близкихъ и равнодушно сносить оскорбительныя обвиненія въ такомъ поступкѣ, на который я не способенъ? Вотъ почему я долженъ, я обязанъ, во что бы то ни стало, представить Ѳешу на глаза графини и возстановить свое доброе имя.

— Возможно ли? крикнулъ Отлетаевъ. — Да это цѣлая драма! Васъ обвиняли? Могъ ли я предвидѣть? Давно бы вы сказали! А я думалъ, что вы изъ любви одной хотите отбить у меня мамзельку?...

Настала минута тревожнаго молчанія. Корнетъ быстро ходилъ по комнатѣ. Въ немъ совершалась тяжелая борьба.

— Что за пропасть! началъ онъ:—въ какія вы меня ставите затруднительныя положенія, и въ который уже разъ! Шахъ и матъ, просто. Не знаешь куда и податься. А что если это все одна игра воображенія, чтобъ не сказать выдумка? что если это все слѣдствіе вчерашняго разговора съ Ѳешей и придумано съ нею за одно, какъ отчаянное средство къ достиженію желаемаго? Вѣдь я-то буду нѣчто въ родѣ дурака, если это такъ. Какъ вы думаете?

— Если словъ моихъ для васъ недостаточно, то я представлю вамъ письменное доказательство. Я вынулъ бумажникъ, и отыскавъ записку тетушки, писанную ко мнѣ изъ Парка и приглашавшую меня пріѣхать для объясненія (если только помнятъ еще читатели ея содержаніе), подалъ ее корнету.

— Изъ этой записки, которую я сохранилъ какъ нарочно, вы увидите, сказалъ я,—какія отношенія возникли между мною и тетушкой, а число, мѣсяцъ и годъ докажутъ, что внезапное охлажденіе это произошло на другой же день послѣ бѣгства Ѳени съ вами.

Отлетаевъ взялъ записку и медленно, со вниманіемъ прочитавъ ее нѣсколько разъ, сказалъ:

— Изъ записки не видать однакожь, чтобы васъ связывало какое нибудь родство съ графиней.

— Это дѣло постороннее, отвѣчалъ я,—я могъ быть и не родней вовсе, а просто знакомымъ, ежедневнымъ посѣтителемъ и, волею обстоятельствъ, подвергнуться подозрѣніямъ, лишиться знакомства, потерять домъ; но и тогда бы, все равно, вступился я за честь свою. А чтобы уничтожить и послѣднее въ васъ сомнѣніе, вотъ вамъ другое доказательство того, что записка эта писана рукою

графини: взгляните въ отпускную Ѳеши, сличите почеркъ, и вы убѣдитесь.

Корнетъ быстро сѣлъ, выдвинулъ ящикъ письменнаго стола, гдѣ въ безпорядкѣ лежали разныя бумаги и послѣ долгихъ поисковъ нашелъ отпускную Ѳеши, посмотрѣлъ на подпись и громко произнесъ:

— Я побѣжденъ вторично и окончательно!

— Что же это значитъ въ переносномъ смыслѣ, спросилъ я, — битва кончилась?

— Возьмите вы ее, дѣлайте съ ней, что знаете. Гдѣ наше не пропадало! сказалъ корнетъ, и быстро вставъ, тревожно заходилъ по комнатѣ.

Я замѣтилъ, что, во все продолженіе нашего разговора, дверь въ кабинетъ то пріотворялась немного, то снова затворялась. Я никакъ не могъ придумать, кто бы могъ быть за дверью и рѣшилъ, что это Ѳомка, ожидающій ежеминутно услышать свое имя изъ устъ барина.

— Возьмите же и это, продолжалъ онъ, подавая мнѣ отпускную Ѳеши.

— Благодарю васъ, сказалъ я, но отдайте ей сами эту бумагу: я только посредникъ между вами.

— Пожалуй, молвилъ корнетъ, — была не была!

Ужь если горе пить,
Такъ сразу! А бѣды медленьемъ не избыть!

И громко захохотавъ, крикнулъ: — Ѳомка! одѣваться...

— Какъ бы мнѣ дать ей знать? началъ было я...

— Очень просто: я сейчасъ одѣнусь, и мы отправимся...

— Это всего лучше, сказалъ я, пока входилъ Ѳомка.

— Извините, если при васъ... началъ было корнетъ.

— Сдѣлайте одолженіе, перебилъ я его, и корнетъ началъ одѣваться.

Не могу не замѣтить, что съ самой той минуты, какъ Отлетаевъ, сознавшійся побѣжденнымъ моими доводами, обѣщалъ мнѣ свободу Ѳеши, онъ постоянно былъ въ какомъ-то нервномъ, раздраженномъ состояніи. И не мудрено: этотъ человѣкъ, которому все повиновалось, чьи желанія исполнялись безпрекословно, испытывалъ первую можетъ-быть неудачу: онъ былъ побѣжденъ женщиной, которую ни любовью, ни деньгами, ни угрозами, ни жестокостію, не могъ склонить на свою сторону, и отъ которой долженъ былъ самъ, какъ бы добровольно, от-

казаться. Корнетъ быстро одѣлся, положилъ отпускную Ѳеши въ боковой карманъ своего чернаго бархатнаго сюртука и, надѣвъ фуражку, съ притворною веселостью сказалъ:

— Я готовъ.

— Пойдемте, отвѣчалъ я и взялъ фуражку.

Мы вышли черезъ балконную дверь.

— Вы намѣрены также бѣжать какъ вчера? спросилъ я.

— Я вообще хожу очень скоро. У меня огонь въ крови... Да не велѣть ли заложить дрожки или кабріолетъ? а то я боюсь, вы устанете...

— Не мѣшаетъ, отвѣчалъ я, но вѣдь вы вчера сказали, что скупы на лошадей!..

— Eh! quelle idée! сказалъ корнетъ и крикнулъ: Ѳомка! а Ѳомка!

— Пошли сказать въ большой домъ, кричалъ хозяинъ Ѳомкѣ,— чтобъ заложили Богатыря въ кабріолетъ, только живо, и чтобы пріѣхали за нами въ Монсекре, понимаешь?..

— Понимаю-съ! крикнулъ Ѳомка съ балкона и скрылся. Мы пошли дальше.

— А что этотъ Богатырь, спросилъ я корнета,—какого характера?

— Смирная лошадь, сказалъ онъ,—вы развѣ боитесь?

— Нѣтъ не то, что боюсь, а я люблю, чтобы лошадь была вѣрна своему назначенію.

— То-есть?..

— Чтобъ она возила, а не несла.

— Будьте покойны! я буду самъ править: доѣдемъ, сказалъ корнетъ.

— Признаюсь, когда мнѣ случается ѣхать на какой-нибудь ухарской лошади, я ужасно люблю доѣхать и быть поскорѣе на мѣстѣ.

— Вы шутите? Неужто вы такъ боитесь лошадей? Вы значитъ не любите этихъ благородныхъ животныхъ?

— Нѣтъ, люблю; люблю смотрѣть на нихъ, только издали, и въ особенности на картинкахъ; это очень пріятно. Но ввѣрять свою жизнь произволу животнаго изъ пустаго удальства, по моему, безразсудно. Вообще я не люблю ни гдѣ и ни въ чемъ удальства, хотя оно свойственно чисто русской натурѣ. Во всемъ другомъ я Русскій, но въ этомъ, каюсь, нѣтъ. Всѣ *головоломныя* удовольствія, гдѣ рискуешь расквасить себѣ лице, гдѣ при малѣйшей потерѣ равновѣсія

можно полетѣть вверхъ ногами, и тому подобное... все это не по моей части.

— О! положительный человѣкъ! воскрикнулъ корнетъ и постучался въ дверь Монсекре. Та же старуха впустила насъ въ переднюю.

— Гдѣ Ѳеша? спросилъ ее корнетъ.

— На верху, батюшка ты мой, на верху изволитъ быть. Какъ есть на верху все быть изволитъ, отвѣчала старуха.

Я зло посмотрѣлъ на нее и пошелъ за корнетомъ по лѣстницѣ. Когда мы пройдя гостиную, вошли въ ту самую комнату, гдѣ вчера еще разыгралась извѣстная читателю сцена, Ѳеша стояла у зеркала и пришпиливала на правомъ вискѣ, въ косу, обнимавшую всю ея головку, свѣжую махровую, столиственную розу. Платье на ней было также розовое какъ и то, въ которомъ я видѣлъ ее въ послѣдній разъ на дачѣ, но не такое прозрачное и легкое, а изъ шелковой плотной матеріи. Я понялъ значеніе этого туалета; она хотѣла и сама забыть, и меня можетъ-быть заставить забыть—цѣлый грустный годъ своей жизни. Нарядъ-то былъ тотъ же, такая же роза украшала и тогда правый високъ ея, но сама Ѳеша была уже не тѣмъ цвѣткомъ, какимъ я зналъ ее. Особенно днемъ замѣтилъ я страшную въ ней перемѣну; но не смотря на блѣдность и худобу, она была еще очень хороша: голубые глаза сохранили всю свою прелесть, не смотря на слезы, которыя часто набѣгали на нихъ, а волосы, эти роскошные волосы, были все такъ же густы и глянцовиты. Корнетъ войдя разшаркался, и подавая смущенной Ѳешѣ, весьма комически, бумагу, въ томъ же тонѣ сказалъ какую-то фразу весьма сложную и недоступную пониманію не только Ѳеши, но и моему. Ѳеша смотрѣла во всѣ глаза на корнета, подававшаго ей бумагу.

— Бери же! другимъ тономъ, тономъ барина, сказалъ ей Оглетаевъ.

Она вздрогнула и взяла бумагу.

— Нервы слабы! замѣтилъ корнетъ, улыбаясь язвительно.

Ѳеша посмотрѣла на меня и вѣроятно понявъ изъ глазъ моихъ, въ чемъ дѣло, вскрикнула:

— Вольная! моя вольная! Неужто это моя вольная? и крупныя слезы въ три ручья потекли изъ глазъ ея и закапали на бумагу, которую она держала.

— Ты свободна! сухо и отрывисто продолжалъ корнетъ:—можешь ѣхать или идти, куда хочешь. Все твое—твое. Больше дать не могу.

У меня, вотъ онъ знаетъ, прибавилъ Отлетаевъ, указывая на меня,— только и есть за душой два двугривенныхъ.

— Мнѣ ничего не надо! робко вымолвила Ѳеша.

— Давно ли это?.. Но все равно, не хочу съ тобою ссориться на прощаньи. Повторяю: что̀ твое, то твое. Дай Богъ тебѣ найдти счастье съ другимъ, кто бъ былъ тебѣ милѣе меня, кто бъ и самъ любилъ тебя болѣе меня. Я по крайней мѣрѣ дѣлалъ что могъ, (корнетъ указалъ на комнату и платье Ѳеши) больше нежели могъ, но на мнѣ оправдалась пословица: Насильно милъ не будешь.

Эти слова, полныя горечи, упрековъ, раздраженія, но не искренняго чувства, заставили покраснѣть Ѳешу; но корнетъ, не обращая на это вниманія, обратился ко мнѣ:

— Угодно вамъ сообщить ей ваши намѣренія, гдѣ вы думаете помѣстить ее, или можетъ-быть вамъ угодно будетъ, чтобы я далъ ей экипажъ и лошадей, и доставилъ въ Подъезжаное?

— Я думалъ самъ на дняхъ прислать лошадей...

— Какъ хотите, это ваше дѣло...

— Ѳеша! сказалъ я ей,—сегодня я ѣду домой, въ мое имѣніе, ночую въ городѣ, завтра буду дома, завтра суббота, въ воскресенье велю собрать лошадей, какія есть, въ понедѣльникъ вышлю ихъ сюда, во вторникъ ты пріѣдешь. Я пришлю женщину, ее зовутъ Ариной. Будь готова... Вотъ все, что̀ я имѣлъ сказать ей, обратился я къ корнету.

— Нельзя ли сегодня? необдуманно прошептала Ѳеша...

— Вмѣстѣ ѣхать намъ отсюда не возможно, сказалъ я,—и вѣроятно нѣсколько дней не сдѣлаютъ вамъ разницы? обратился я къ корнету.

— Я не знаю даже, что и отвѣчать на это, отозвался корнетъ. Она можетъ быть увѣрена, что въ эти два, три дня, не только не увидитъ, не услышитъ обо мнѣ, если ужъ ей у меня такъ невыносимо грустно, у меня, который... ну, да что говорить! началъ онъ другимъ тономъ, только себя волновать. Прощай! обратился онъ къ ней,—прощай навсегда! Если и сведетъ насъ когда-нибудь судьба,— я ужъ, надо полагать, буду или очень бѣденъ или оченъ старъ,— такъ тогда и подавно ты будешь для меня не доступна! Желаю тебѣ счастья, отъ души желаю.

Онъ подошелъ къ ней и прильнулъ губами къ ея хорошенькому лбу. Ѳеша стояла не шевелясь.—Прощай неблагодарная!.. сказалъ онъ,—ты не хотѣла понять любви моей, а я сильно любилъ тебя!

Ѳеша все также оставалась неподвижною.

— Мнѣ будетъ досадно, если ты полюбишь когда-нибудь, продолжалъ корнетъ,—будь я увѣренъ въ противномъ, мнѣ было бы легче. Ну, теперь, по примѣру всѣхъ романовъ, у васъ вѣрно будетъ сцена радости и упоенія,—обратился онъ къ намъ обоимъ,—я уйду пожалуй,—и пошелъ къ двери.

— Я за вами, сказалъ я, прибавивъ Ѳешѣ:—я жду тебя во вторникъ, Ѳеша! будь готова!..

— Буду! буду! буду! сказала она шепотомъ, прыгнула нѣсколько разъ на одномъ мѣстѣ, указала на уходившаго Отлетаева, поцѣловала отпускную, потомъ захлопала въ ладоши, но только безъ всякаго звука, одною рукою послала мнѣ поцѣлуй, потомъ упала въ углу на колѣни и начала молиться. Все это было дѣломъ одной минуты, пока корнетъ проходилъ гостиную, а я нѣсколько отсталъ отъ него. Мы молча сошли съ лѣстницы.

— Слушай, что я тебѣ буду говорить, сказалъ корнетъ старухѣ.

— Слушаю, батюшка ты мой, слушаю.

— Да слушай обоими ушами.

— Не могу, батюшка ты мой, на одно крѣпка. Крѣпка на одно.

— Во вторникъ, началъ хозяинъ,—Ѳеша отъ насъ уѣдетъ.

— Уѣдетъ? переспросила старуха, — такъ-таки и уѣдетъ? Какъ есть уѣдетъ?

— Уѣдетъ, продолжалъ корнетъ, — пришлютъ лошадей, экипажъ и въ немъ женщину; вотъ такую же точно какъ ты, если только ты женщина...

— Женщина, батюшка ты мой, женщина!

— Ѳеша съ ней и уѣдетъ. А до тѣхъ поръ, чтобы все здѣсь было какъ всегда, чтобы и за кушаньемъ къ столу приходили: ну чай, разумѣется, фрукты; однимъ словомъ все, чтобы было, какъ было. Понимаешь ты меня?

— Понимаю, батюшка ты мой: чтобы все было, чтобъ было все, ну, вотъ такъ таки все чтобъ и было.

— Кажется поняла? обратился онъ ко мнѣ.

— Кажется.

— Да поняла, батюшка ты мой, поняла, какъ есть поняла.

Корнетъ повелъ меня въ другую дверь, которая вела въ комнату нижняго этажа, служившую столовой, судя по круглому столу, стоявшему посрединѣ и вывелъ другимъ ходомъ на дворъ, гдѣ уже два

берейтора держали за удила великолѣпнаго Богатыря, заложеннаго въ легонькій, прекрасный кабріолетъ.

— Довольны ли вы мной? спросилъ меня хозяинъ съ горькою улыбкой.

— Очень, очень вамъ благодаренъ. Вы сдѣлали три добрыя дѣла: освободили Ѳешу, себя успокоили и меня обязали.

— А мнѣ жаль ее! Я право любилъ ее! Давай! крикнулъ онъ другимъ тономъ.

Конюхи подали Богатыря къ крыльцу. Корнетъ быстро сѣлъ и, взявъ вожжи, сказалъ:—Не пускай.

Лошадь, согнувши голову, храпѣла, взметывая ногою землю и искоса посматривала въ бокъ.

— Посмотрите, сказалъ я,—какія онъ штуки дѣлаетъ! Не пойдти ли мнѣ лучше пѣшкомъ, а вы себѣ, пожалуй, ступайте.

— Э! полноте, сказалъ корнетъ,—какъ вамъ нестыдно, ступайте.

Я сошелъ съ крыльца.

— Только садитесь скорѣе.

— Отчего скорѣе?

— Видите не стоитъ.

— Отчего же не стоитъ? Его обязанность стоять, пока сядутъ.

— Ахъ какой человѣкъ! вскрикнулъ корнетъ. Садитесь же.

Конюхи улыбнулись. Это подстрекнуло мое самолюбіе, и я какъ вихрь бросился въ кабріолетъ.

— Пускай! крикнулъ хозяинъ.

Конюхи отошли. Лошадь взвилась на дыбы.

— Батюшки! крикнулъ я,—что же это такое!

Но Богатырь уже рванулся впередъ, пошелъ съ мѣста галопомъ и въ одно мгновеніе ока мы пролетѣли дворъ, попали однакожь въ ворота, и круто повернули на лѣво. Корнетъ замоталъ вожжи на руки, но никакъ не могъ поставить Богатыря на рысь.

— Шалишь, шалишь! говорилъ онъ ему, но тотъ все не унимался.

— Постой, вотъ я тебя! крикнулъ разсердясь корнетъ и ударилъ его вожжей. Богатырь лягнулъ, загнулъ голову и помчалъ насъ, къ счастью, по дорогѣ, шедшей около каменной ограды, окружавшей весь садъ и тянувшейся вплоть до большаго дома, до котораго впрочемъ было еще далеко.

— Боже мой! крикнулъ я,—погибаемъ.

— Ну, шалишь, шалишь! твердилъ хозяинъ ласковымъ голосомъ, ублажая разъяренное животное,—шалишь, дуракъ, будетъ...

— Я выпрыгну! кричалъ я.

— Боже васъ избави! сказалъ мнѣ очень скоро корнетъ, и снова принялся ублажать лошадь, которую наконецъ поставилъ на рысь; лошадь пошла хорошо.

— Ну вотъ, продолжалъ онъ, — такъ-то лучше! о дуракъ, дуракъ!

Хозяинъ засвисталъ особеннымъ какимъ-то свистомъ, способствующимъ тоже къ укрощенію лютыхъ лошадиныхъ порывовъ, и я вздохнулъ свободнѣе.

— Развѣ вы не видите, что онъ играетъ, обратился онъ ко мнѣ.

— Да чортъ его возьми, что онъ играетъ! вскрикнулъ я, полный негодованія:—развѣ мнѣ отъ этого легче, что онъ сломитъ мнѣ шею? Это мнѣ нравится: «играетъ.» Тутъ невольно раждается вопросъ: для чего онъ играетъ, и какъ онъ смѣетъ играть? развѣ его запрягли для того чтобъ играть?

Хозяинъ расхохотался. Лошадь шла хорошо. Вдругъ тѣнь отъ дерева, лежавшаго поперекъ дороги, испугала Богатыря, и онъ бросился въ сторону. Корнетъ, пустившій вожжи слабѣе, едва успѣлъ натянуть ихъ снова и безъ особеннаго несчастія свернуть Богатыря опять на дорогу...

— Ну, а это что же такое? спросилъ я.

— Шалитъ, равнодушно отвѣчалъ корнетъ.—Да скажите, на чемъ вы ѣздите въ столицѣ?

— Если я проѣздомъ, то въ наемной каретѣ, а если основался на житье, такъ у меня есть добрыя, рослыя лошади, которыя везутъ дружно и скоро, но не играютъ и не шалятъ.

— За то васъ всѣ обгоняютъ!

— А пусть себѣ обгоняютъ, если это кому доставляетъ удовольствіе. Меня обгонятъ, а я обгоню извощика, вотъ и прогрессивность. Значитъ извощикъ ѣдетъ тихо, я скорѣе, а обогнавшіе меня еще скорѣе: вотъ вся и разница.

— Желалъ бы я знать, какая ваша преобладающая страсть? Или точнѣе, къ чему вы страстны?

Но съ этимъ словомъ мы быстро подкатили къ крыльцу. Богатырь сѣлъ назадъ и фыркнулъ, какъ бы стряхивая съ себя весь прошлый

гнѣвъ, всю прежнюю ярость, а я былъ очень радъ, что могъ выпрыгнуть изъ кабріолета и осязать ногами твердую землю.

— Зайдите къ Нинѣ, сказалъ мнѣ корнетъ,—а я съѣзжу посмотрѣть какъ срепетируютъ третій актъ и тотчасъ же вернусь.

— До свиданія, сказалъ я.

Корнетъ повернулъ лошадь въ аллею и помчался къ Монплезиру, а я вошелъ въ домъ.

На вопросъ мой о хозяйкѣ мнѣ сказали, что она не выходила въ гостиную, куда меня попросили только черезъ часъ, проведенный мною съ сигарой въ зимнемъ саду.

Нина въ бѣломъ кашемировомъ капотѣ, роскошно вышитомъ разноцвѣтными шелками на турецкій манеръ, сидѣла на диванѣ съ своимъ кингъ-чарльсомъ на колѣняхъ. Крошечный кружевной чепецъ, украшенный безчисленными петлями изъ разноцвѣтныхъ узенькихъ лентъ, едва-едва прикрывалъ густую косу, къ которой былъ пришпиленъ золотою булавкою. Трезвонинъ, свѣжій и румяный какъ майское, только сценическое, утро, сидѣлъ передъ нею въ граціозной позѣ и читалъ вслухъ своимъ писклывымъ голосомъ какую-то повѣсть. Хвостиковъ, съ лицомъ еще весьма измятымъ отъ вчерашней попойки, глубокомысленно слушалъ чтеніе, медленно прохаживаясь по устланному ковромъ паркету. Безмолвный Огородъ, все также сѣренькій и кругленькій, сидя въ углу, зѣвалъ безъ всякой церемоніи. Я вошелъ въ гостиную. Нина привѣтствовала меня знакомъ. Чтеніе оборвалось на высокой нотѣ Трезвонина.

— Здравствуйте, сказала она,—откуда вы? гдѣ побывали?

— Я только-что съ прогулки, отвѣчалъ я, подавая руку Огороду, Хвостикову и Трезвонину.

— Что это съ вами? замѣтилъ послѣдній:—здоровы ли вы?

— А что? спросилъ я.

— Вы что-то блѣдны.

— Въ самомъ дѣлѣ, подтвердилъ Хвостиковъ.

— Да, пробасилъ изъ угла Огородъ.

— Эта блѣдность—слѣдствіе сильнаго ощущенія; я всегда блѣднѣю въ подобныхъ случаяхъ... И не мудрено: онъ игралъ, а я рисковалъ жизнію.

— Жизнію? съ испугомъ спросила Нина.

— Жизнію? въ одинъ голосъ съ нею вскрикнули Трезвонинъ и Хвостиковъ. Даже Огородъ крикнулъ:—жизнію?

— Сію минуту насъ съ Сергѣемъ Васильевичемъ била лошадь! сказалъ я.

— Сережа! Гдѣ Сережа? быстро вскрикнула Нина, вскакивая съ дивана и забывъ про собачку, которая кубаремъ скатилась на коверъ, завизжала и спряталась подъ диванъ.

— Успокойтесь! началъ я,—случись съ нимъ что-нибудь, у меня достало бы ума и сердца не тревожитъ васъ подобнымъ извѣстіемъ. Онъ живъ, здоровъ и сейчасъ будетъ сюда.

— Ну, слава Богу! прошептала Нина и снова сѣла на диванъ.

— Какъ же это случилось? пищалъ Трезвонинъ.

— Какимъ манеромъ? вторилъ ему Хвостиковъ.

— Сергѣй Васильевичъ объясняетъ это очень просто, отвѣчалъ я:—лошадь прежде играла, а потомъ шалила.

— Вѣрно Богатырь? спросила Нина.

— Онъ самый.

— Чудная лошадь!

— Въ этомъ я съ вами несогласенъ.

— Ахъ, что вы! кровная! Какъ бѣжитъ! восторженно замѣтила Нина.

— И какъ шалитъ! въ томъ же тонѣ отвѣчалъ я.

Всѣ засмѣялись, а Нина, замѣтя отсутствіе собачки, сказала:

— Гдѣ же это вы, моя прелесть? Миленькое существо!.. Капри! Гдѣ вы, моя крошка?

Капри робко, поджавши пушистый хвостъ, выползъ изъ-подъ дивана...

— Подите, мой прекрасный! Я васъ обидѣла... подите, Капренька!

Собачка вспрыгнула прежде на скамейку, и со скамейки уже на колѣни барыни.

— Мы не любимъ прыгать, обратилась она ко мнѣ:—мы такія лѣнивыя, и такія прекрасныя! не правда ли, что мы очень хороши?

— Особенно вмѣстѣ, замѣтилъ я. Трезвонинъ поморщился.

— Посердитесь, Капренька, на него, зачѣмъ онъ говоритъ комплименты. Ну, посердитесь же, Капренька!

Нина начала мять и тормошить собачонку, которая нехотя зарычала...

— Вотъ такъ, Капренька! хорошо! О! мои прекрасныя!

Нина принялась цѣловать собачку, которая очень равнодушно при-

нимала эти ласки. Не знаю почему, равнодушіе Капри напомнило мнѣ горячность молоденькаго князя, и я сказалъ.

— А князь-то уѣхалъ. Вы знаете?

— Вчера еще? спросила Нина очень равнодушно.

— Вчера.

— Послѣ кутежа? продолжала она спрашивать.

— Какого кутежа?

— Полноте, я все знаю. Мнѣ все разказалъ Антонъ Иванычъ. Онъ моя газета.

— Какъ это мило сказано, пищалъ усмѣхаясь Трезвонинъ: — онъ моя газета! Очень мило! Онъ газета! ..

— Развѣ это кутежъ! вскрикнулъ Хвостиковъ:—такіе развѣ бываютъ кутежи?

— А куда это вы съ Сергѣемъ Васильевичемъ ходили ночью-то? спросилъ меня Трезвонинъ.

Я было смутился, но оправясь сказалъ:

— Что̀ это вы говорите? я не понимаю. Вы вѣрно видѣли во снѣ. Вы же прежде всѣхъ заснули.

— Да... бормоталъ сконфуженный въ свою очередь селадонъ,— вздремнулъ... мнѣ что-то было не хорошо... я былъ разстроенъ...

— Чѣмъ? спросила Нина.

— Такъ... отвѣчалъ онъ,—одно обстоятельство... одинъ разговоръ... часто одно слово дѣйствуетъ на нервы человѣка... у меня же они очень разстроены... вотъ отчего я и заснулъ. Но послѣ, когда разбудили меня и всѣхъ, чтобы идти по своимъ комнатамъ, ни васъ, ни Сергѣя Васильевича не оказалось. Гдѣ же это вы были?

Я былъ какъ на иголкахъ, проклиналъ Трезвонина, и не зналъ, что̀ мнѣ отвѣчать ему.

— Это забавно! сказалъ я наконецъ съ притворнымъ смѣхомъ:— увидать что-нибудь во снѣ, и на другой день разказывать сонъ за дѣйствительность...

Нина пристально смотрѣла на меня. Я искоса видѣлъ этотъ взглядъ, но прямо на нее взглянуть не смѣлъ.

— Теперь слушайте, что̀ я вамъ буду говорить, обратилась она ко мнѣ: —бываютъ бездѣлицы, отъ которыхъ раждаются большія послѣдствія... Сначала искра, потомъ пламя и наконецъ пожаръ. Бываютъ сцены въ присутствіи третьяго невидимаго лица. Сцена сыграна, но невидимое лицо слѣдитъ за дѣйствующими. Снова раждаются вопросы, борьба,

снова доводы, разсудокъ беретъ верхъ, все кончено, все слажено .. развязка. Поняли вы меня?

Трезвонинъ, Хвостиковъ и Огородъ хлопали глазами, ничего не понимая. Я хотя и догадывался, къ чему клонилась рѣчь Нины, но подумавъ отвѣчалъ:

— Не совсѣмъ понимаю, и удивляюсь... Во времена миѳологическія были невидимыя феи... а теперь, я полагаю, онѣ вывелись...

— Чего на свѣтѣ не бываетъ? замѣтила Нина.

— Тогда эти феи принимали образы людей, промолвилъ я на удачу.

— Феи принимали граціозные образы женщинъ, вторила мнѣ Нина, какъ бы стараясь объяснить свою мысль аллегорически.

— Теперь, отвѣчалъ я,— женщины исполняютъ должность фей. Теперь все на оборотъ...

— Но какъ тогда, такъ и теперь, всѣ эти превращенія имѣли своею цѣлью любовь.

— Понимаю! отвѣчалъ я:—въ нашъ вѣкъ женщина изъ любви превращается въ невидимую фею... она слѣдитъ...

— За предметомъ страсти, перебила меня Нина,—слѣдитъ и ревнуетъ.

— Это ясно, отвѣчалъ я,—но эти чувства скрывались какъ древними феями, такъ и современными...

— Разумѣется, но всегда какъ только сходились двѣ такія ревнивыя феи... каково бы ни было между ними различіе въ положеніи... вы меня понимаете? любовь и ревность обѣихъ всегда бывали болтливы .. Прибавлю только, что фея поняла и оцѣнила все благородство одного генія и не боится благодарить его за то, что онъ унесётъ на своихъ крыльяхъ одно изъ самыхъ тяжкихъ ея бѣдствій; она очень вѣритъ въ честь генія, если рѣшается открыть ему свои завѣтныя тайны и выдаетъ ему свою симпатію къ другой темной и безвѣстной феѣ.

— Геній у ногъ феи, отвѣчалъ я,—онъ высоко цѣнитъ ее и глубоко ей сочувствуетъ.

Нина подала мнѣ руку и сказала:

— Благодарю васъ.

— Не стою благодарности, отвѣчалъ я,—но принимаю ее, хотя,— прибавилъ я по-французски, — желалъ бы знать въ двухъ словахъ значеніе загадочнаго разговора.

— Я знаю все, отвѣчала мнѣ Нина,—что было вчера между мужемъ и вами. За вами слѣдили, васъ видѣли.

— Но кто же?

— Вспомните вчерашнюю качучу! сказала Нина и встала.

Мнѣ стало все ясно. Нѣкоторыя обстоятельства во время нашихъ вчерашнихъ похожденій объяснялись сами собою. Трезвонинъ, недовольный нами и разговоромъ, котораго не понималъ, тревожно ходилъ большими шагами по комнатѣ. Нина подошла къ нему.

Хвостиковъ тоже прошелся по комнатѣ, одинъ только Огородъ продолжалъ сидѣть на стулѣ и хлопать глазами.

Въ залѣ раздались шаги Отлетаева, который весело вбѣжалъ въ гостиную и обнявъ жену, началъ со всѣми здороваться.

— Она все знаетъ! шепнулъ я ему на ухо:—все!

— Неужели? спросилъ онъ украдкой, адресуя какую-то любезность Трезвонину и снова продолжая:—кто могъ видѣть?

— Не знаю, отвѣчалъ я, боясь еще назвать Парашу.

— Вѣрно старая пронюхала, шепнулъ онъ мнѣ и громко спросилъ.: А гдѣ же Аграфена Матвевна?

— Нездорова, сказала Нина, у ней голова болитъ ..

— Это жаль, но не мѣшаетъ позавтракать, продолжалъ хозяинъ, и началъ обирать у каждаго изъ насъ его желаніе , предварительно позвавъ лакея, котораго я просилъ сказать, чтобы закладывали мнѣ лошадей. Пришли дѣти, Французъ, Нѣмка, Француженка; разговоръ сдѣлался живъ и пустъ; всѣ голоса сливались въ одинъ общій говоръ. Нина, замѣтивъ неудовольствіе Трезвонина, сказала ему что-то пріятное, и онъ снова таялъ у ногъ ея. Между тѣмъ, по заведенному порядку, передъ каждымъ изъ насъ поставили на столикѣ особую порцію, и всѣ мы занялись кто котлетой, кто ростбифомъ. Послѣ завтрака мы вышли курить въ смежную комнату. Отлетаевъ взялъ меня подъ руку. Мы отдѣлились отъ прочихъ.

— Почему вы знаете, что Нина увѣдомлена о случившемся между нами? спросилъ онъ меня.

— Она сама мнѣ сказала.

— Ну, и что же?

— Она счастлива, что я увожу Ѳешу.

— Казалось, что̀ бы ей было за дѣло до нея? . .

— Если бъ она васъ не любила. . .

— Она не сердится? спросилъ корнетъ.

— Нѣтъ, сказалъ я,—не умѣетъ,

— Какой дьяволъ поселился у меня въ домѣ и сплетничаетъ на меня женѣ? . . Аграфена?

— Нѣтъ.

— Значитъ есть еще дьяволъ, кромѣ ея? . .

— Не дьяволъ, а существо доброе, которое слѣдитъ за вами, желая вамъ добра, которое сильно страдаетъ и за себя, и за васъ, и за Нину... извините, сорвалось съ языка... за Надежду Васильевну...

— Ничего, продолжайте. . . Кто же это существо? . . вы знаете?

— Да!

— Странно! Вчера пріѣхалъ, сейчасъ ѣдетъ, и больше меня знаетъ! Кто же это существо: я бъ его пришколилъ!

— О! въ такомъ случаѣ не скажу.

— Ну, нѣтъ, нѣтъ! . . . Скажите! я не трону этого ангела.

— Даете честное слово?

— Даю. Скажите!

— Извольте, только съ условіемъ, сказалъ я.

— Что̀ вы хотите? . .

— Напишите мнѣ двѣ строчки.

— Въ альбомъ?

— Просто на листѣ бумаги. . напишете?

— Извольте! Пойдемте въ кабинетъ.

Онъ взялъ меня подъ руку, и мы поднялись на верхъ. Корнетъ подошелъ къ конторкѣ и, доставъ листъ бумаги, обмакнулъ перо въ чернильницу и сказалъ:

— Я готовъ, диктуйте.

— Потрудитесь написать только эту фразу: — «Не обвиняйте никого въ похищеніи Ѳеши, кромѣ меня. . .» и подпишите: «корнетъ Отлетаевъ.» Вотъ все, что̀ мнѣ нужно.

— О, предусмотрительный человѣкъ! Возьмите, написалъ.

— Благодарю васъ, сказалъ я, кладя записку въ карманъ.

— Ну, будь я писатель, я бы изъ нашихъ отношеній съ вами состряпалъ штуку! И ужь какъ же бы я васъ отпечаталъ! Да жаль, не далась мнѣ эта наука. Ну-съ, однакожь, долгъ платежемъ красенъ? Кто же этотъ незримый ангелъ подъ желѣзною крышей моего дома?

— Параша! сказалъ я.

— Она насъ подслушивала? вскрикнулъ онъ.

— Да.

— И все передала Аграфенѣ Матвеинѣ?

— Нѣтъ.

— Неужели Нинѣ?

— Ей самой.

— Женѣ? крикнулъ корнетъ.—Она съ ума сошла...

— Отъ любви и ревности, замѣтилъ я.

— Но Нинѣ какъ не стыдно, началъ корнетъ... А чтобъ она впередъ не ревновала, знаете, что я сдѣлаю?

— Напримѣръ? спросилъ я.

— Выпорю Парашку!

— А ваше слово?

— Опять вы меня поставили въ ложное положеніе.

— Погодите, сказалъ я, Ѳеша уѣдетъ и все пойдетъ хорошо. Надежда Васильевна успокоится, танцовщица тоже; въ ней достанетъ силъ сносить вашу холодность, достанетъ самоотверженія, чтобы безропотно покориться судьбѣ и радоваться на счастье супруги вашей, которой она такъ предана, и которая сама ее отличаетъ. Однако пора, прощайте!—и я побѣжалъ къ двери.

Черезъ минуту мы уже были въ гостиной, гдѣ Нина, отведя меня въ сторону, сказала:

— Прощайте! Богъ знаетъ увидимся ли мы еще, а если нѣтъ, объ одномъ только прошу васъ: не заключайте слишкомъ дурно о Сережѣ. Право, онъ не такъ дуренъ, какъ кажется. Въ немъ много добраго... Не забывайте насъ, и извините Сережу.

Я раскланялся и шелъ къ двери, когда Трезвонинъ шепнулъ мнѣ на ухо:

— Какъ вы счастливы, что можете ѣхать! я вамъ завидую... Ахъ, если бъ вы знали, какъ мнѣ тяжело! Я поставленъ судьбой въ такое положеніе... что...

— Прощайте, сказалъ я, чтобъ отдѣлаться, и пожалъ его костистую руку.

Простившись еще разъ со всѣми, я, въ сопровожденіи хозяина, сошелъ съ лѣстницы, и напутствуемый его болтовней, сѣлъ и уѣхалъ. Выѣзжая изъ воротъ, я увидѣлъ желтенькаго Агаѳона. Онъ опрометью бѣжалъ къ дому, бережно держа что-то завернутое въ капустномъ листѣ: счастливецъ нашелъ паука.

Князь Григорій Кугушевъ.

КЪ**

Разстались мы, то можетъ нужно,
То можетъ должно было намъ:
Ужь мы давно не дѣлимъ дружно
Единой жизни пополамъ.
И может врозь намъ будетъ можно
Еще съ годами какъ нибудь
Устроиться не такъ тревожно
И даже сердцемъ отдохнуть.
Я несть готовъ твои упреки,
Хотя и жгутъ они какъ ядъ;
Конечно, я имѣлъ пороки,
Конечно, много виноватъ.
Но было время!... вѣдь я вѣрилъ,
Вѣдь я любилъ, быть счастливъ могъ!
Я будущность широко мѣрилъ,
Мой міръ былъ полонъ и глубокъ!
Но замеръ онъ среди печали...
И кто изъ насъ виновенъ въ томъ —
Какое дѣло? ты ли, я ли?....
Его назадъ мы не вернемъ....
Еще слезу зоветъ съ рѣсницы
И холодомъ сжимаетъ грудь
О прошломъ мысль... какъ у гробницы,
Гдѣ въ мукахъ дѣтскій вѣкъ потухъ.
Закрыта книга. Наша повѣсть
Прочлась до крайняго листа;
Но не смутятъ укоромъ совѣсть
Тебѣ отнюдь мои уста.
Благодарю за тѣ мгновенья,
Когда я вѣрилъ и любилъ:
Я не далъ только бъ имъ забвенья,
А горечь радостно бъ забылъ.
О, я не врагъ тебѣ!... Дай руку!
Прощай! Не дай тебѣ знать Богъ
Ни пустоты душевной муку,
Ни заблужденія тревогъ!
Прощай! на жизнь быть можетъ взглянемъ
Еще съ улыбкой мы не разъ,
И съ миромъ оба да помянемъ
Другъ друга мы въ послѣдній часъ!

Н. Огаревъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ВНУТРЕННІЯ ПАРТІИ ВЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ.

III.

Черты изъ невольничьяго быта.

Борьба теоретическая есть собственно борьба между началами. Перенося споръ въ логическую область, каждая партія выставляетъ свое собственное знамя, другими словами, возвышаетъ до значенія общаго начала то самое явленіе или установленіе, которому сама служитъ органомъ во внутренней политикѣ государства. Такимъ образомъ во внутренней борьбѣ партій, въ столкновеніи частнаго съ общечеловѣческимъ, нерѣдко чисто мѣстное, исключительное явленіе можетъ быть поднято до степени почти универсальнаго, то есть имѣющаго обязательную силу равно для всѣхъ. Чтобы только стать на равную ногу въ борьбѣ съ противоположнымъ началомъ, мѣстная или народная стихія должна бываетъ стараться усвоить себѣ этотъ характеръ. Кто и говоритъ, что тутъ не скрывается софизма; но дѣло въ томъ, что споръ только и можетъ быть веденъ при подобной постановкѣ обѣихъ сторонъ. Такъ и сѣверо-американскіе демократы, поднимая перчатку, брошенную имъ аболиціонистами, скоро поставлены были въ необходимость защищать невольничество не просто какъ мѣстное явленіе, условленное особенностями американскаго быта, но какъ общее начало, имѣющее свои болѣе или менѣе разумныя основанія въ самой природѣ вещей и въ ходѣ всего историческаго развитія.

Такое начало, или, лучше сказать, подобіе его, имъ удалось отыскать въ видимомъ для всякаго различіи бѣлой породы людей отъ черной и въ естественныхъ преимуществахъ первой изъ нихъ надъ послѣднею. Черный человѣкъ, говорятъ они, самою природою своей рѣзко отличенъ отъ бѣлаго. Онъ гораздо менѣе одаренъ и не способенъ къ принятію чужаго развитія. По своей умственной организаціи еще болѣе, чѣмъ по физическому устройству, онъ стоитъ гораздо ниже европейскаго человѣка и потому самому обязанъ во всемъ подчиняться ему. Негръ созданъ только для подражательности. Предоставленный самому себѣ, онъ только лишится тѣхъ выгодъ, которыя доставляетъ ему европейское господство, и впадетъ въ полуживотное состояніе. Онъ можетъ съ успѣхомъ трудиться лишь подъ чужимъ руководствомъ и управленіемъ. Ради пользъ самого чернаго

человѣка Европеецъ долженъ сохранить надъ нимъ свою матеріяльную и нравственную опеку. Отсюда вытекаетъ для извѣстной партіи прямое слѣдствіе, что невольничество не только терпимо, но и разумно, потому что глубоко основано на существенныхъ различіяхъ двухъ породъ.

Возведенное на степень начала, это воззрѣніе не замедлило проникнуть въ самую науку и окрасило даже ее въ свой собственный цвѣтъ. Нигдѣ можетъ-быть не занимаются такъ усердно этнографическими изслѣдованіями, какъ въ Сѣверной Америкѣ. Здѣсь въ одно и тоже время прилежно собираются факты и строятся новыя теоріи относительно разселенія человѣческихъ породъ, и большая часть этихъ теорій клонится къ тому, чтобы доказать коренное и исконное различіе бѣлой породы отъ черной. Какъ въ теоріи политической, такъ и въ ученой, негръ вездѣ униженъ до служебнаго значенія бѣлому человѣку. Ученіе о единствѣ происхожденія всѣхъ породъ въ наше время нигдѣ ни встрѣчаетъ себѣ столько горячихъ противниковъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Время отъ времени здѣсь не перестаютъ появляться цѣлыя обширныя изслѣдованія, съ цѣлію доказать противное. Сообщивъ наукѣ свое увлеченіе, партія находитъ въ ней для себя новое оправданіе,—и этимъ до сихъ поръ ограничивается проявленіе народности въ сѣверо-американской наукѣ: то-есть вмѣсто того, чтобы расширяться до универсальныхъ основаній, она также получаетъ исключительное направленіе.

Общее дѣло партіи, впрочемъ, получаетъ при такой обстановкѣ довольно благовидный характеръ. Вѣдь споръ идетъ между началами, которыя кажутся совершенно равноправными. Вѣдь каждое изъ нихъ имѣетъ свои основанія въ наукѣ. Но что̀ можетъ быть необходимо для успѣшнаго веденія борьбы, то̀ вовсе не есть еще необходимость для посторонняго наблюдателя, который желаетъ оцѣнить явленіе по справедливости. Онъ можетъ и не смотрѣть на тѣ формулы, которыя выставляются на знамени: для него всего важнѣе изучить явленіе какъ оно есть въ самой дѣйствительности. Для любимаго парадокса не трудно придумать очень благовидную теорію; прикрываясь щитомъ народности, можно пожалуй и народную исключительность возвести на степень общаго начала. Но вопросъ въ томъ, въ состояніи ли данное явленіе или установленіе выдержать критику внѣ теоріи? Можетъ ли быть оно оправдано самыми фактами, изъ которыхъ слагается дѣйствительная жизнь его? Это общее требованіе вполнѣ прилагается и къ сѣверо-американскому внутреннему спору. Какъ бы ни благовидно казалось начало, которымъ прикрываются защитники невольничества, оно не можетъ служить оправданіемъ установленію, если на самомъ быту, имъ условленномъ, видны слѣды поврежденія. Такъ какъ рѣчь идетъ о черныхъ невольникахъ въ Сѣверной Америкѣ, то надобно же знать, каково ихъ настоящее положеніе въ тамошнихъ плантаціяхъ.

Легко задать себѣ вопросъ, но трудно отвѣчать на него, не имѣя подъ руками ближайшихъ источниковъ, которыхъ можно искать лишь въ сѣверо-американской литературѣ. По счастію, между нами и ею есть очень опытные посредники, не опускающіе изъ виду ни одного

замѣчательнаго явленія въ сѣверо-американскомъ быту. Мы разумѣемъ европейскихъ публицистовъ, тѣхъ въ особенности, которые для ближайшаго знакомства съ Америкою пользуются свидѣтельствами самихъ туземцевъ. Статья французскаго «Обозрѣнія», о которой мы упоминали прежде, послужитъ намъ еще разъ для предположенной цѣли. Свѣдѣнія, въ ней собранныя, почерпнуты прямо изъ новой американской литературы, и невольничій бытъ въ Соединенныхъ Штатахъ изображенъ подлинными его чертами. Критикѣ здѣсь нѣтъ мѣста, и мы въ этомъ случаѣ хотимъ быть лишь простыми референтами. Пусть читатели сами сообразятъ всѣ данныя, предлагаемыя статьею, и по нимъ судятъ о самомъ явленіи.

Установленіе нѣкоторымъ образомъ само себя обличаетъ въ порочности, облекая почти непроницаемою тайною настоящее состояніе невольниковъ. Кто бы повѣрилъ? Въ странѣ, гдѣ публичность развита въ высшей степени, трудно добиться вѣрныхъ свѣдѣній объ истинномъ положеніи цѣлаго и весьма многочисленнаго класса людей! Хорошо, или худо жить невольникамъ, кротко или дурно обращаются съ ними плантаторы, и есть ли въ ихъ быту какія замѣтныя улучшенія—обо всемъ этомъ существуютъ самыя противоположныя мнѣнія. Не удивительно, что европейскіе путешественники, которые имѣли случай посѣтить Сѣверную Америку, сильно разнорѣчатъ между собою на этотъ счетъ: сами Американцы разногласятъ между собою о томъ же предметѣ еще болѣе. Что доказываютъ сѣверные штаты, то положительно отвергаютъ южные, и на оборотъ. Конечно, нельзя вѣрить на слово ни тѣмъ, ни другимъ; но не подозрительно ли поведеніе плантаторовъ, которые стараются держать въ тайнѣ отъ любопытныхъ настоящій образъ жизни своихъ негровъ? Если бы нечего было скрывать отъ глазъ людскихъ, не стали бы они безъ нужды облекаться тайною. Болѣе открытое поведеніе безспорно заслужило бы имъ и больше довѣрія.

Даже въ большихъ городахъ, какъ-то въ Бальтиморѣ, Саваннѣ, Чарльстоунѣ, Новомъ-Орлеанѣ, гдѣ невольничество естественно существуетъ въ болѣе умѣренной формѣ, публичность не всегда бываетъ въ состояніи снять съ него таинственный покровъ. Заѣзжему человѣку въ особенности надобно долго жить на одномъ мѣстѣ и хорошо освоиться съ подробностями его быта, чтобы подмѣтить въ немъ разныя мелкія черты, обыкновенно ускользающія отъ бѣглаго вниманія путешественника, безъ которыхъ однако нельзя составить себѣ понятія о положеніи невольника въ городѣ.

Но городъ по крайней мѣрѣ сдѣлалъ свое дѣло въ другомъ отношеніи. Въ городѣ, гдѣ то и дѣло появляются путешественники, гдѣ часто проживаютъ долгое время граждане сѣверныхъ штатовъ, помнятъ еще о наружныхъ приличіяхъ: тутъ не только избѣгаютъ дурнаго обращенія съ невольниками, но и вообще хорошо содержатъ ихъ, то-есть хорошо кормятъ и одѣваютъ. Но каково же должно быть ихъ положеніе въ самыхъ плантаціяхъ, куда публичность нисколько не проникаетъ, и гдѣ господинъ властенъ такъ или иначе обращаться съ своими рабами, не подвергаясь за то никакой общественной отвѣтственности! Ни чей глазъ не смотритъ за нимъ, никто изъ сосѣдей

не беретъ на себя быть судьею его поступковъ, потому что самъ находится точно въ такомъ же положеніи,— и онъ пользуется своимъ правомъ не только безъ всякаго помѣшательства, но даже и безъ возраженій со стороны другихъ. Въ его рукахъ находится тайна обращенія его съ невольниками, и постороннему посѣтителю, которому случится проѣзжать черезъ плантацію, едва ли когда удастся подмѣтить употребленіе бича, ибо по первому слову господина удары тотчасъ останавливаются, а невольникъ долгимъ опытомъ извѣдалъ, что для него гораздо спасительнѣе смиренное молчаніе, чѣмъ неосторожный ропотъ и жалобы. На сѣверѣ могутъ создавать какія угодно теоріи въ пользу порабощеннаго негра: онѣ вовсе не достигаютъ до слуха людей, которыхъ должны были бы интересовать всего болѣе. Какъ умѣетъ плантаторъ беречь въ тайнѣ свои хозяйственныя распоряженія, такъ съ другой стороны онъ неусыпно смотритъ за тѣмъ, чтобъ въ его заповѣдный кругъ не проникали никакія постороннія вліянія, и держитъ невольниковъ въ совершенной неизвѣстности о томъ, что̀ происходитъ на сѣверѣ. Все это сильное движеніе мысли, направленное противъ рабства и сосредоточивающееся главнымъ образомъ въ литературѣ и журналистикѣ, извѣстно лишь самимъ плантаторамъ. Потому такъ усердно стараются они между прочимъ поддерживать невѣжество между невольниками: ибо безграмотность ихъ дѣлаетъ то, что они не имѣютъ никакого понятія не только о своихъ человѣческихъ правахъ, но и о своихъ естественныхъ защитникахъ. Неграмъ южныхъ штатовъ остаются неизвѣстны даже имена тѣхъ лицъ, которыя посвящаютъ ихъ дѣлу постоянныя и безкорыстныя усилія на сѣверѣ. По той же причинѣ плантаторъ подозрительно смотритъ на всякое новое лицо, показывающееся въ его владѣніяхъ, или только по сосѣдству съ нимъ. Въ каждомъ такомъ посѣтителѣ онъ видитъ аболиціониста, путешествующаго инкогнито, или подъ чужимъ именемъ, чтобы лучше войдти въ сношенія съ невольниками и передать имъ свое ученіе, и вооружается противъ него всѣми мѣрами предосторожности. Имѣя на своей сторонѣ общественное мнѣніе, онъ располагаетъ для этой цѣли обширными средствами. Цѣлая полицейская система готова къ его услугамъ. Чуть только появилось въ томъ или другомъ мѣстѣ неизвѣстное лицо изъ Сѣверныхъ Штатовъ, его тотчасъ окружаютъ шпіонами. Въ короткое время присутствіе путешественника становится извѣстно въ цѣломъ городѣ, и каждый шагъ его, каждое неосторожное, или обоюдное слово немедленно приводится въ извѣстность и подвергается различнымъ толкованіямъ. Само собою разумѣется, что мѣстная журналистика, управляемая тѣмъ же общественнымъ мнѣніемъ, также не пропускаетъ случая и разрабатываетъ тему по своему. Такимъ образомъ противъ самаго невиннаго лица составляется иногда цѣлое обвиненіе, котораго слѣдствія, при необузданности американскихъ нравовъ, могутъ быть весьма невыгодны для его безопасности. Городское населеніе въ Америкѣ нерѣдко беретъ на самого себя расправу съ тѣми, кого оно однажды заклеймило именемъ враговъ своего внутренняго спокойствія. Въ такомъ случаѣ обвиненный ни чѣмъ не обезпеченъ противъ самыхъ позорныхъ оскорбленій. Съ нимъ можетъ случиться все: его пожалуй вы-

купаютъ въ дегтю и потомъ обваляютъ въ пуху... Только быстрымъ переѣздомъ съ одного мѣста на другое можетъ онъ избавиться отъ дурныхъ послѣдствій подозрительности плантаторовъ.

По этому можно судить о нравственномъ и умственномъ состояніи сѣверо-американскаго невольника, предоставленнаго единственно самому себѣ и лишеннаго всякой посторонней опоры. Постоянно находясь подъ владычествомъ страха, онъ почти не можетъ себѣ представить никакихъ улучшеній въ своемъ быту. Перемѣны онъ не хочетъ и не ищетъ для себя, потому что не иначе можетъ вообразить ее, какъ въ видѣ перехода отъ одного рабовладѣльца къ другому, и постоянно боится попасть въ болѣе жестокія руки. Спросите у невольника въ южныхъ штатахъ, доволенъ ли онъ своимъ состояніемъ, и хотя бы съ нимъ обращались какъ съ животнымъ, онъ скажетъ вамъ въ отвѣтъ, что доволенъ, и не выразитъ притомъ никакого особеннаго желанія. Чувства его до того притупѣли, что ему страшно вообразить себѣ какія-нибудь новыя случайности въ своемъ быту. Скорѣе можно допытаться истины отъ его господина, чѣмъ отъ него самого. Парсонсъ приводитъ такой случай изъ своихъ странствованій по южнымъ штатамъ. Въ той же отели, гдѣ онъ стоялъ во время своего пребыванія въ Саваннѣ, былъ одинъ женатый невольникъ, по имени Джонъ, у котораго жена жила за 25 миль отъ города. Джону ничего не значило пройдти это разстояніе, но такъ-какъ ему строго воспрещено было отлучаться изъ дому, то онъ долженъ былъ уходить тайкомъ, чтобы видѣться съ своею женою. Ни одинъ такой случай не обходился ему безъ побоевъ, но не смотря на то, онъ по прежнему продолжалъ свои посѣщенія женѣ. Не видя никакой возможности удержать его страхомъ, или силою, владѣлецъ придумалъ другое средство: онъ положилъ женить его на новой женѣ и запретилъ ему думать о прежней. Но и въ этомъ случаѣ Джонъ остался вѣренъ себѣ: сила нѣжной привязанности одержала въ немъ верхъ надъ рабскимъ чувствомъ. Никакими истязаніями не могли заставить его вступить въ новый бракъ. Сколько его ни били, онъ мужественно переносилъ всѣ удары и упорно отказывался повиноваться. Нужно ли говорить, что Джонъ не могъ быть доволенъ своимъ положеніемъ? Желая узнать настоящія его чувства, Парсонсъ прибѣгнулъ къ посредничеству своего друга, который готовъ былъ стать на сторонѣ защитниковъ невольничества, и просилъ его поговорить съ Джономъ. Тотъ исполнилъ его просьбу, слѣдствіемъ чего былъ слѣдующій разговоръ между нимъ и невольникомъ. — А что̀, Джонъ, началъ другъ г. Парсонса, желалъ ли бы ты получить свободу? — Нисколько, сударь, отвѣчалъ ему невольникъ: я и думать не хочу о свободѣ.—Стало быть, у тебя очень добрый господинъ.—Очень добрый, и я вовсе не желалъ бы, чтобы меня продали другому.—Итакъ ты предпочелъ бы остаться навсегда съ своимъ господиномъ, чѣмъ быть свободнымъ и работать на своей волѣ?—Ужь конечно лучше остаться здѣсь, потому что, кто знаетъ? въ какія еще тамъ попадешься руки? Окончивъ этотъ разговоръ, другъ г. Парсонса обратился къ нему съ торжествующимъ видомъ. — Ну, что̀ вы теперь думаете, спросилъ онъ его, о недовольствѣ рабовъ?—Я думаю, отвѣчалъ Парсонсъ, который, испыты-

вая Джона, хотѣлъ въ тоже время дать небольшой урокъ и своему другу—я думаю, что онъ обманулъ васъ.—Какимъ образомъ?—Да увѣрены ли вы, что онъ точно доволенъ и счастливъ?—По моему, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.—Тутъ-то вы и ошибаетесь. Джонъ не смѣетъ разувѣрять васъ; но мнѣ, назадъ тому нѣсколько дней, онъ открылъ свою тайну и разказалъ всѣ свои несчастія и страданія. За тѣмъ Парсонсъ обратился прямо къ Джону, и тотъ, подовѣренности къ нему, еще разъ повторилъ передъ ними обоими всю свою исторію.

Такъ старается заградить входъ къ себѣ извнутри и снаружи блюститель невольничества на свободной землѣ Сѣверной Америки. Онъ не стыдится ни передъ кѣмъ своего званія и съ жаромъ готовъ защищать его передъ своими противниками, а между тѣмъ въ душѣ его какой-то тайный голосъ говоритъ ему, что у него не совсѣмъ чисто въ хозяйствѣ, что тутъ есть разнаго рода грѣхи, которые, хотя и нераздѣльны съ невольничьимъ состояніемъ и оправдываются такъ-сказать самою его природою, однако боятся свѣта, публичности, и что наконецъ, если не поддерживать это состояніе искусственными средствами и не прикрывать его разными преградами, то оно распадется само собою. Плантатору необходимо содержать въ глубокой тайнѣ свои истинныя отношенія къ невольникамъ. Только заткнувъ у себя всѣ прорѣхи и скважины, черезъ которыя любопытный глазъ можетъ подсмотрѣть домашнія его распоряженія, чтобы потомъ заявить ихъ передъ цѣлымъ свѣтомъ, рабовладѣлецъ чувствуетъ себя спокойнымъ и можетъ не бояться общественнаго порицанія. Но точно ли его старанія вполнѣ достигаютъ своей цѣли? и тѣ покровы, которыми онъ со всѣхъ сторонъ прикрываетъ бытъ своихъ негровъ, точно ли такъ непроницаемы, что изъ-подъ нихъ въ самомъ дѣлѣ ничего не проступаетъ наружу? Но обычное свойство тайны не измѣнилось: какова она была искони, такою осталась и теперь. Какъ ни стараются американскіе плантаторы держать себя чистыми отъ упрека, тайна ихъ все больше и больше обличается исторіею. То прокрадется къ нимъ любознательный путешественникъ изъ сѣверныхъ штатовъ, который терпѣніемъ и ловкостію побѣдитъ всѣ затрудненія и собранный по крохамъ запасъ свѣдѣній о положеніи видѣнныхъ имъ невольниковъ передастъ всему образованному міру; то убѣжитъ отъ нихъ же выведенный изъ терпѣнія невольникъ, и отыскавъ себѣ гдѣ нибудь безопасное убѣжище отъ преслѣдованій, поспѣшитъ сообщить публикѣ свои свѣжія воспоминанія о понесенныхъ имъ истязаніяхъ и другихъ бѣдствіяхъ. Сюда принадлежатъ, напримѣръ, вышедшіе въ прошломъ году особою книгою замѣчательные разказы Фредерика Дугласа, подъ названіемъ: «Мое рабство и свобода» (1). Его-то показанія, вмѣстѣ съ наблюденіями Парсонса, составили главное содержаніе статьи французскаго публициста; ими же воспользуемся и мы, со словъ послѣдняго, чтобы ближе познакомить нашихъ читателей съ подлинными чертами невольничьяго быта въ Сѣверной Америкѣ.

---

(1) Собственно: «**My Bondage and Freedom**», **by Freederik Douglass, London**, 1855.

Всѣ показанія согласны въ томъ, что положеніе невольниковъ сравнительно гораздо лучше въ городахъ, чѣмъ въ плантаціяхъ. Впрочемъ и здѣсь они не обезпечены совершенно противъ тѣхъ крайнихъ злоупотребленій силы, которыя лежатъ въ самыхъ условіяхъ невольничества. Сдерживаемое общественными приличіями самовластіе господина прорывается иногда съ такою страшною яростію, что за ней неминуемо слѣдуетъ преступленіе. Правда, что подобные случаи довольно рѣдки; но тѣмъ не менѣе, какъ вытекающіе изъ самой сущности установленія, они могутъ дать о немъ лишь въ высшей степени невыгодное понятіе. Нѣсколько такихъ случаевъ г. Парсонсъ приводитъ въ своихъ дорожныхъ воспоминаніяхъ. Всѣ они подходятъ подъ разрядъ уголовныхъ преступленій, и во всѣхъ нихъ отвѣтственность прямо падаетъ на самое установленіе. Г. Парсонсъ опять начинаетъ съ Саванны, гдѣ онъ поставленъ былъ въ наиболѣе выгодныхъ условіяхъ, чтобы производить свои наблюденія надъ городскимъ бытомъ невольниковъ. Опять въ той же отели зналъ онъ одного молодаго негра, который отличался отъ другихъ своею дѣятельностію и смышленостію, и въ глазахъ своего господина имѣлъ лишь тотъ порокъ, что обнаруживалъ замѣтную наклонность къ свободѣ. До времени его оставляли въ покоѣ, но скрытая ненависть противъ него искала себѣ выхода и однажды разразилась надъ нимъ самымъ грубымъ образомъ. Это было въ самый праздникъ Рождества. Вина невольника состояла въ томъ, что онъ выпилъ нѣсколько болѣе обыкновеннаго, и служа за столомъ своего господина, имѣлъ несчастіе залить чѣмъ-то жирнымъ платье его дочери. Никто не оправдываетъ неосторожнаго негра, но едва ли кто возьмется извинить сколько-нибудь и поступокъ его хозяина. Послѣдній лишь на другой день узналъ о происшествіи за столомъ, но это обстоятельство не смягчило давно скрывавшагося въ немъ гнѣвнаго расположенія. Позвавъ къ себѣ виновнаго слугу, онъ бросился на него съ остервенѣніемъ, сбилъ его съ ногъ и долго еще потомъ выдѣлывалъ своими ногами разные узоры на его лицѣ и на груди... Конечно, онъ былъ, что̀ называется, самъ не свой: однако подчините дѣйствіе плантатора общимъ законамъ, уничтожьте особенно мысль о безнаказанности преступленія, и вѣрно сердитый господинъ владѣлъ бы гораздо больше собою, и изливъ свою желчь въ словахъ, не вдругъ приступилъ бы къ своему безобразному странствованію по чужому лицу.

Дурные примѣры особенно заразительны. Передъ ними, къ сожалѣнію, не можетъ устоять даже обычная женская нѣжность. По свидѣтельству г. Парсонса, миссъ С.., дочь упомянутаго господина, тоже не отличалась большою чувствительностію. Ей однажды выразили сомнѣніе, чтобы дѣйствительно были такія гончія собаки, которыхъ будто бы высылаютъ для поимки бѣглыхъ рабовъ, какъ объ этомъ разказываютъ аболиціонисты. Не есть ли это просто ихъ выдумка? спросили ее. Вы ошибаетесь, отвѣчала миссъ своимъ музыкальнымъ голосомъ. Мой папа держитъ двадцать пять такихъ собакъ, чтобы охотиться съ ними за бѣглыми неграми. Сколько разъ я видѣла сама, какъ онѣ приводили за собою бѣглецовъ, и какъ тѣ, стараясь вырваться у нихъ, оставляли въ ихъ зубахъ цѣлые куски своего мяса. Сооб-

щая эти факты, хорошо извѣстныя ей по опыту, прекрасная миссъ не выражала притомъ ни ужаса, ни омерзѣнія. Какъ будто дѣло шло о нѣсколькихъ случаяхъ изъ обыкновенной охотничей жизни!

Это равнодушіе, или нечувствительность женщины къ человѣческимъ страданіямъ, если только они касаются рабовъ, а не свободныхъ людей, составляетъ одно изъ самыхъ печальныхъ наблюденій сѣвернаго путешественника по южнымъ штатамъ. Г. Фредерикъ Дугласъ также имѣетъ кое-что поразказать на эту тему. Мы пожалуй можемъ не вѣрить ему, но невѣріе наше не будетъ имѣть другаго основанія, кромѣ того отвращенія, которое необходимо испытываетъ всякій неиспорченный рабствомъ человѣкъ къ подобнымъ явленіямъ. Дѣйствующее лице въ разказѣ г. Дугласа есть мистриссъ Гамильтонъ изъ Бальтимора. Двѣ невольницы, которыя находились при ней для услуженія, постоянно носили на себѣ слѣды ея полновѣсной руки. Безъ жалости нельзя было смотрѣть на нихъ. Лицо, шея и плечи въ буквальномъ смыслѣ были покрыты у нихъ царапинами и другими знаками побоевъ. Мистриссъ Гамильтонъ почти не выпускала бича изъ рукъ и при всякомъ удобномъ случаѣ приводила его въ движеніе, приговаривая своимъ очаровательнымъ голосомъ: «Да ну же скорѣй, негодная чернавка! а вотъ я тебѣ прибавлю, если ты не будешь поворачиваться проворнѣй, негодная чернавка!» и учащенные удары дѣйствительно слѣдовали за этими сладкозвучными припѣвами. Итакъ знаменитая мистриссъ Сенъ-Клеръ въ романѣ г-жи Бичеръ-Сто, предписывающая число ударовъ провинившимся неграмъ, вовсе не есть исключеніе въ своемъ родѣ. Примѣры этой холодной распорядительности въ отношеніи къ невольникамъ довольно часто встрѣчаются между прекрасными обитательницами южныхъ штатовъ. Судя по нѣкоторымъ признакамъ, можно даже заключать, что гдѣ жестокость обращенія съ людьми не составляетъ отступленія отъ обыкновеннаго порядка вещей, тамъ женщины едва ли не воспріимчивѣе къ ней, чѣмъ самые мужчины. «Видъ этихъ отвратительныхъ сценъ—замѣчаетъ авторъ статьи, которому мы слѣдуемъ въ нашемъ изложеніи, — дѣйствуетъ на женщинъ какъ чтеніе дурнаго романа; ибо таково загадочное свойство человѣческой природы, что, какъ скоро воображеніе настроилось на извѣстный ладъ, оно съ такою же охотою рисуетъ себѣ разныя казни и мученія для другихъ, какъ и идиллическія картины, и даже самая чувствительность удивительнымъ образомъ обращается въ орудіе ненависти и жестокости.» Г. Парсонсъ можетъ лишь подтвердить это печальное наблюденіе приводимыми имъ чертами изъ того же самаго быта. Онъ самъ былъ свидѣтелемъ одной сцены, въ которой женщины поразили его своимъ равнодушіемъ къ участи несчастныхъ. Это было впрочемъ не въ городѣ, а въ плантаціи. Отправляли на рынокъ невольниковъ, назначенныхъ для продажи; цѣлая телега была нагружена ими; тутъ были мужья, разлученные съ женами, отцы, кокорыхъ оторвали отъ семействъ. Много горькихъ слезъ было пролито между ними; плачъ и рыданія не утихали. Въ то время, какъ происходила эта раздирающая душу сцена, нѣсколько бѣлыхъ «барышень» смотрѣли на нее со стороны и преспокойно сообщали одна другой свои замѣчанія. «Посмотрите, пожалуста, гово-

рила между прочимъ одна изъ нихъ своей ближайшей сосѣдкѣ, какой шумъ дѣлаютъ эти негры. Подумаешь, что имъ тоже дороги ихъ дѣти! Посмотрите, какъ Коффи обнимаетъ Дину: какъ будто онъ и не знаетъ, что черезъ недѣлю у него будетъ другая жена!» Пусть читатель на минуту забудетъ различіе цвѣтовъ, бѣлаго и чернаго, и положивъ руку на сердце, со всею искренностію отвѣчаетъ себѣ на вопросъ, какая изъ этихъ двухъ сторонъ болѣе заслуживаетъ его человѣческой симпатіи.

Вообще въ плантаціяхъ, гдѣ рабовладѣлецъ почти вовсе не знаетъ надъ собою никакого общественнаго контроля, безчувственность къ страданіямъ человѣка, который имѣлъ несчастіе родиться чернымъ, доходитъ до чудовищныхъ размѣровъ. Этою язвою заражены здѣсь не только мужщины и женщины, но и самыя дѣти, въ которыхъ презрѣніе къ невольнику и безчувственное равнодушіе къ судьбѣ его воспитываются вмѣстѣ съ годами. Потому и самыя преступленія, которыя бываютъ слѣдствіемъ жестокаго обращенія съ рабами, повторяются здѣсь гораздо чаще и носятъ на себѣ еще болѣе безчеловѣчный характеръ. Защитники невольничества во что бы то ни стало могутъ пожалуй находить имъ оправданіе въ излишней запальчивости и раздражительности нѣкоторыхъ рабовладѣльцевъ, будто бы до того уже не владѣющихъ собою въ минуту гнѣва, что готовы наложить руки на перваго встрѣчнаго. Однако никто не смѣшаетъ ихъ поступковъ съ невольниками съ обыкновеннымъ буйствомъ, которое устремляется на кого ни попало и большею частію соединяется съ крайнею умственною ограниченностію. Никогда же самый яростный изъ нихъ не забудется до того, чтобы въ припадкѣ гнѣва точно такъ же поступить съ равнымъ себѣ, вообще съ человѣкомъ свободнаго происхожденія, какъ онъ иногда поступаетъ съ невольникомъ. Вина лежитъ очевидно не въ характерѣ лица, а въ самой природѣ установленія. Оно-то въ особенности и развиваетъ эту болѣзненную желчность и раздражительность, которая наконецъ выражается бѣшеными припадками. Хуже всего, что въ этомъ состояніи къ женщинамъ прививаются именно тѣ черты жестокости, которыя, казалось бы, свойственны лишь однимъ мужщинамъ. Чѣмъ неестественнѣе эти заимствованные пороки, тѣмъ отвратительнѣе производимое ими впечатлѣніе. Тяжело было бы видѣть развратнаго мальчика, или пьяную женщину; но г. Дугласъ можетъ поразказать намъ нѣчто еще болѣе ужасное. Это разказъ объ одной мерилaндской госпожѣ, по имени Гиксъ.

«Жена г-на Джильсъ-Гиксъ, жившаго не подалеку отъ плантаціи полковника Ллойда, собственными руками умертвила двоюродную сестру моей жены—пишетъ бывшій невольникъ,—молодую дѣвушку отъ пятнадцати до шестнадцати лѣтъ, напередъ измучивши ее самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Не довольствуясь убійствомъ, эта жестокая женщина, въ припадкѣ бѣшенства, буквально истерзала своей жертвѣ все лице и вдавила ей грудь. Какъ впрочемъ ни велико было ея неистовство, она сохранила на столько присутствія духа, чтобы немедленно распорядиться уборкою тѣла убитой. Ее успѣли похоронить; но слухи объ убійствѣ скоро распространились,

и трупъ пришлось снова вынуть изъ земли для освидѣтельствованія его. Слѣдователи нашли, что смерть дѣйствительно произведена была насильственнымъ образомъ. Вина, за которую эта несчастная дѣвушка поплатилась своею жизнію, также скоро приведена была въ извѣстность. Мистриссъ Гиксъ велѣла ей смотрѣть за своимъ ребенкомъ и не спать всю ночь; но какъ она передъ тѣмъ уже провела нѣсколько такихъ безсонныхъ ночей, то и заснула очень крѣпко, несмотря на запрещеніе своей госпожи. Въ это время ребенокъ сталъ кричать и разбудилъ своимъ крикомъ мать, между тѣмъ какъ невольница не выходила изъ своего усыпленія. Мистриссъ Гиксъ нѣсколько разъ принималась кликать ее, но не добилась никакого отвѣта. Тогда она вскочила въ ярости съ своей постели, схватила изъ камина первое попавшееся полѣно, и видя, что нянька спала глубокимъ сномъ, ударила ее сначала по головѣ, потомъ стала бить ее въ грудь и скоро доконала ее на мѣстѣ. «Я не скажу—такъ заключаетъ Дугласъ свой безыскусственный разказъ,—чтобъ это страшное дѣло ни на кого не произвело впечатлѣнія: напротивъ, многіе пришли отъ него въ ужасъ. Но—повѣрятъ ли мнѣ?—обычныя жестокости, совершающіяся каждый день въ невольничьемъ быту, до такой степени ослабили въ этомъ обществѣ нравственное чувство, что, хотя въ преступленіи и не было больше никакого сомнѣнія, никто однако не заботился о наказаніи виновной. Правда, что вызовъ ея къ суду состоялся по формѣ; но онъ безпрестанно отсрочивался то подъ тѣмъ, то подъ другимъ предлогомъ, и никогда не былъ приведенъ въ исполненіе. Такимъ образомъ мистриссъ Гиксъ не только могла избѣжать заслуженнаго ею наказанія, но избавилась даже отъ непріятности быть подсудимою и отвѣчать за свою вину передъ уголовнымъ судомъ.»

Если такія жестокости безнаказанно проходятъ въ Мерилендѣ, то чего еще нельзя встрѣтить далѣе на югѣ, въ самой глуши невольничества. Тамъ, къ удивленію, до сихъ поръ существуетъ во всей своей силѣ варварскій обычай «композиціи», или установленной платы за убитаго, обычай, о которомъ европейскій человѣкъ знаетъ только по отдаленнымъ историческимъ воспоминаніямъ. Правда, что здѣсь этотъ обычай не вошелъ въ формальное законодательство, и что онъ прилагается только къ черной породѣ людей: но самое это глубокое униженіе одной породы передъ другою не говоритъ ли намъ убѣдительнѣе всего, что общество, въ которомъ оно могло удержаться до сего времени, во многихъ отношеніяхъ все еще продолжаетъ руководиться варварскими началами? Ибо всякая исключительность внутри правильно организованнаго общества ведетъ свое начало отъ остатковъ варварства. Г. Парсонсъ въ своихъ странствованіяхъ успѣлъ проникнуть даже въ Георгію. Продолжая дѣлать свои наблюденія въ той же сферѣ, онъ имѣлъ случай собрать здѣсь нѣсколько новыхъ фактовъ для исторіи невольничества въ южныхъ штатахъ. Надобно читать его разказъ, чтобы видѣть, до чего еще въ наше время можетъ простираться исключительность, основанная на различіи породъ. Образчикомъ можетъ служить поступокъ Вильсона, плантатора въ Георгіи, съ однимъ невольникомъ, по имени Коффи (Cuffee), который работалъ у него по найму. Коффи занимался плотничьимъ ремесломъ и считался хоро-

шимъ мастеромъ своего дѣла. Такъ какъ господинъ его былъ человѣкъ довольно сговорчивый, то онъ и не тяготился много своимъ состояніемъ. Онъ платилъ за себя установленный годовой оброкъ и обыкновенно работалъ на волѣ. Между прочимъ случилось ему работать у Вильсона. Заработная плата была условлена между ними заранѣе; когда однако дѣло дошло до расплаты, Вильсонъ прижалъ работника и отказался выплатить ему всѣ деньги. Не смотря на черный цвѣтъ своей кожи, Коффи не менѣе всякаго бѣлаго возмущенъ былъ этою явною несправедливостію и позволилъ себѣ упрекнуть господина въ нечестности. Этотъ упрекъ задѣлъ Вильсона за живое. Вмѣсто всякаго отвѣта онъ бросился на невольника съ кулаками и началъ жаловать его изъ своихъ собственныхъ рукъ. Нѣсколько человѣкъ были свидѣтелями этой сцены, но никто не хотѣлъ тронуться съ мѣста, чтобы положить ей конецъ. Коффи также не смѣлъ шевельнуть рукою, чтобы сколько-нибудь защитить себя отъ сыпавшихся на него ударовъ (ибо всякое поднятіе руки противъ бѣлаго американскій законъ вмѣняетъ черному въ преступленіе), но не могъ совершенно подавить въ себѣ своего глубоко оскорбленнаго чувства. Впрочемъ онъ выразилъ его лишь словами, которыя показали, что въ немъ также бьется человѣческое сердце, и что ему не трудно понять о чести. Но человѣку, привыкшему дѣйствовать въ духѣ исключительности, нѣтъ ничего непріятнѣе, какъ напоминаніе, что исключительность есть условное и потому преходящее явленіе. Вильсонъ былъ взбѣшенъ дерзкимъ замѣчаніемъ презрѣннаго раба. Выхвативъ пистолетъ, которымъ всегда вооруженъ плантаторъ, равно противъ звѣря, какъ и противъ негра, онъ намѣтилъ его на беззащитнаго невольника и однимъ ударомъ положилъ его на мѣстѣ. У бѣднаго Коффи не было другаго мстителя, кромѣ того господина, которому онъ принадлежалъ по праву, и который терялъ въ немъ полезнаго работника. Тотъ дѣйствительно началъ процессъ противъ Вильсона. Читатель, привыкшій думать, что по крайней мѣрѣ явное преступленіе не остается безнаказаннымъ въ правильномъ обществѣ, ожидаетъ можетъ-быть, что Вильсону также не прошло даромъ его злодѣйство? Оно точно не обошлось ему даромъ: онъ заплатилъ истцу тысячу долларовъ, но тѣмъ все дѣло и кончилось. Была бы только удовлетворена законная претензія владѣльца, а до непризнанныхъ правъ той части человѣчества, у котораго слишкомъ теменъ цвѣтъ кожи, американскому правосудію въ южныхъ штатахъ какое дѣло?...

Совсѣмъ другой видъ получаетъ вопросъ, когда несчастіе быть убійцей своего ближняго постигнетъ на той же самой почвѣ чернаго человѣка. Тутъ мѣстное правосудіе становится неумолимо; каковы бы ни были обстоятельства, сопровождавшія преступленіе, виновный не можетъ ожидать себѣ ни малѣйшаго снисхожденія. Нерѣдко даже общество предупреждаетъ законъ и само беретъ на себя страшную расправу. Тутъ во всей своей отвратительной наготѣ обнаруживаются тѣ безчеловѣчные инстинкты, которые развиваются въ обществѣ подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ исключительныхъ началъ... Но предоставимъ лучше говорить самому Парсонсу, который, если не былъ свидѣтелемъ происшествія, то по крайней мѣрѣ ходилъ по горячимъ слѣдамъ его.

«Незадолго до моего прибытія въ Георгію—продолжаетъ онъ, разказавши передъ тѣмъ одно трагическое происшествіе,—въ этомъ штатѣ былъ подобный же случай, котораго подробности впрочемъ еще возмутительнѣе. Проѣзжая тѣми самыми мѣстами, гдѣ случилось это происшествіе, я старался собрать о немъ достовѣрныя свѣдѣнія и обращался для того ко многимъ лицамъ. Болѣе всего обязанъ я извѣстіямъ, сообщеннымъ мнѣ мистриссъ А...., женою одного тамошняго рабовладѣльца, которая, по требованію своего мужа, была невольною свидѣтельницею всей сцены и потомъ разказала мнѣ ее во всѣхъ подробностяхъ. Она была родомъ изъ Августы (1), и кромѣ природнаго ума, отличалась еще истинно христіянскимъ чувствомъ. Какъ и многія другія женщины въ южныхъ штатахъ, она также осуждала невольничество и не скрывала своего сочувствія къ несчастнымъ, за что и была наказана своимъ мужемъ, который, по свойственной ему грубости и раздражительности, хотѣлъ и ее пріучить къ подобнымъ зрѣлищамъ и заставилъ ее вмѣстѣ съ собою присутствовать при той же страшной сценѣ. Одна госпожа подвергла своего провинившагося раба особеннаго рода наказанію, котораго я не хочу даже описывать. Тотъ пришелъ въ такое раздраженіе, что схватилъ маленькій топорикъ и два раза ударилъ ее по головѣ. Раны ея найдены были довольно опасными, и нѣкоторое время самъ виновникъ считалъ ихъ смертельными для нея; не смотря на то, ихъ скоро залѣчили, и она мало по малу выздоровѣла. Нисколько не думая скрываться, преступникъ добровольно явился въ судъ, разказалъ свое преступленіе и выразилъ желаніе, чтобы его судили по закону. Онъ ждалъ, что его приговорятъ къ висѣлицѣ, наравнѣ съ обыкновенными убійцами, и вовсе не стараясь избѣжать своего приговора, спокойно готовился къ своей участи. Но мѣстные рабовладѣльцы нашли, что такая смерть была бы слишкомъ легка для него, и какъ бы желая принести жертву на кровавый алтарь невольничества, положили — сжечь преступника заживо! А чтобы вознаградить бѣдную госпожу за потерю раба, они сверхъ того сдѣлали между собою подписку, чтобы уплатить ей капиталъ, котораго она лишилась въ немъ... Послѣ того виновный негръ былъ выданъ имъ, и цѣлые пять дней потомъ получалъ по пятидесяти ударовъ плетью, тою страшною и тяжелою плетью, которая такъ и извѣстна подъ именемъ плантаторской (cotton planters whip). Наконецъ наступилъ день, назначенный для казни, и множество народа стеклось со всѣхъ сторонъ на это зрѣлище. Народонаселеніе области, сравнительно съ другими, довольно рѣдко; однако, число зрителей, собравшихся со всѣхъ окрестныхъ мѣстъ, простиралось, говорятъ, отъ 10 до 15 тысячъ. Всѣ невольники въ окружности обязаны были явиться сюда же для своего собственнаго поученія. Сверхъ того, такъ какъ преступникъ былъ мужемъ молодой жены и отцемъ двухъ маленькихъ дочерей, то и имъ велѣно было также присутствовать при его казни! Осужденнаго вывели изъ тюрьмы и привязали къ дубу, неподалеку отъ того зданія, въ которомъ происходили засѣданія суда. Тутъ окружила его густая толпа

---

(1) Главный городъ штата Менъ, гдѣ невольничество не допущено.

любопытныхъ, громко требовавшихъ, чтобы скорѣе былъ разложенъ костеръ для виновнаго. За тѣмъ преступника раздѣли, то-есть сняли съ него единственное платье, которое на немъ было, связали ему руки веревкою, и въ такомъ видѣ подняли его на нѣсколько футовъ отъ земли и прицѣпили къ одной толстой вѣтви того же дерева. Между тѣмъ разложенный подъ нимъ огонь, для котораго были употреблены очень твердые сосновые обрубки, разгорался медленно. Сначала поднявшійся дымъ закрылъ его со всѣхъ сторонъ; но вслѣдъ за тѣмъ начали отдѣляться и мало по малу подыматься къ верху свѣтлые языки пламени, которые какъ будто лизали его члены, жгли его нервы и по временамъ охватывали огнемъ все его тѣло. Въ своей ужасной агоніи — я буду говорить собственными словами моей разкащицы—несчастный обливался широкими каплями своей же крови»....

Мы прерываемъ разказъ, не доведя его до конца, потому что и самою смертію несчастной жертвы еще не утоляется безчеловѣчіе ея преслѣдователей. Передъ нами средневѣковая сцена со всѣми ея ужасами. Только и осталось въ наше время духу невольничества снова зажигать костры, давно погашенные европейскимъ просвѣщеніемъ. Намъ бы не хотѣлось вѣрить, что всѣ подробности этой ужасной сцены дѣйствительно таковы, какъ ихъ изображаютъ; мы желали бы найдти имъ опроверженіе въ другихъ, не менѣе достовѣрныхъ разказахъ, и готовы жалѣть, что не можемъ ни съ какой стороны заподозрить безпристрастіе сѣверо-американскаго путешественника. Если бы по крайней мѣрѣ онъ увѣрилъ насъ, что дѣйствіе, имъ описываемое, происходило назадъ тому уже нѣсколько лѣтъ, что оно не можетъ болѣе повториться хотя бы только однимъ годомъ позже!... Но едва ли и это наше желаніе сбыточно. Невольничество неизбѣжно приноситъ съ собою духъ исключительности, нетерпимоти и жестокости, безъ различія мѣста и времени. Какого правосудія можетъ ожидать себѣ черный подсудимый отъ самаго благодѣтельнаго изъ судебныхъ учрежденій, если оно по составу своему почти не разнится отъ его преслѣдователей? Отъ кого ждать ему защиты, когда самое общество проникнуто еще жестокими инстинктами и никакъ не удовлетворятся умѣренными приговорами? Гдѣ господствуетъ одинъ интересъ и одно нераздѣльное съ нимъ право, тамъ, естественно, всякое независимое отъ него проявленіе человѣческаго чувства всегда будетъ казаться преступленіемъ, и самая жестокая кара его—лишь справедливымъ возмездіемъ.

Это соединеніе извѣстнаго права и власти въ однихъ и тѣхъ же рукахъ составляетъ безспорно самую больную сторону невольничества. Но между властію рабовладѣльца и его черными «подданными» есть сверхъ того постоянные посредники, которымъ жестокое обращеніе вмѣняется почти въ обязанность. Это такъ-называемые смотрители за невольниками (overseers), которые надзираютъ за ихъ работами. Власть ихъ почти неограниченна; они получаютъ полномочіе лишь подъ однимъ условіемъ, чтобы въ порученномъ имъ дѣлѣ не было никакого упущенія. Принимая на себя отвѣтственность за исполненіе назначаемыхъ работъ, смотритель за то не позволяетъ уже

никакого сторонняго вмѣшательства въ свои распоряженія. Невольнику не оставлено даже право жалобы противъ него. Власть его есть чисто деспотическаго свойства; жестокость, то-есть отсутствіе всякой снисходительности, и нечувствительность къ страданіямъ человѣка, составляютъ одну изъ самыхъ первыхъ и необходимыхъ ея принадлежностей. Смотритель за невольниками *долженъ быть* безжалостенъ какъ машина; чѣмъ рѣшительнѣе дѣйствуетъ онъ бичомъ и другими орудіями наказанія, тѣмъ онъ совершеннѣе въ своемъ родѣ. Г. Дугласъ рисуетъ намъ портретъ одного такого исправнаго смотрителя. Онъ назывался Аустинъ Горъ и управлялъ одною плантаціею въ Мериландѣ. Вотъ одинъ примѣръ его быстрой и рѣшительной распорядительности въ отношеніяхъ къ невольникамъ. Имѣя какое-то неудовольствіе на одного молодаго раба, по имени Денби, онъ счелъ своимъ долгомъ поучить его плетью. Но Денби бѣжалъ отъ него и спрятался въ рѣкѣ, которая текла неподалеку. Тогда Горъ вооружился ружьемъ, и грозя имъ бѣглецу, требовалъ, чтобы онъ немедленно вышелъ изъ воды. Сдѣлано было, одно за другимъ, три увѣщанія; Денби не показывалъ никакого желанія повиноваться. Всѣ невольники сбѣжались смотрѣть эту сцену и съ безпокойнымъ любопытствомъ ждали, чѣмъ она кончится. Имъ все еще казалось сомнительнымъ, чтобы смотритель рѣшился исполнить свою угрозу. Но Горъ скоро разрѣшилъ ихъ сомнѣнія: послѣ трехъ увѣщаній онъ спустилъ курокъ, и мѣткій выстрѣлъ положилъ упрямаго невольника на мѣстѣ. Владѣлецъ плантаціи, полковникъ Ллойдъ, несмотря на то, что самъ былъ очень крутаго нрава, не могъ одобрить холодной жестокости своего повѣреннаго и сдѣлалъ ему выговоръ. На это Горъ отвѣчалъ ему, что время отъ времени необходимо давать урокъ другимъ, и что если не прибѣгать вовсе къ крайнимъ средствамъ дисциплины, то наконецъ не будетъ никакой возможности сохранить порядокъ въ плантаціи. Полковникъ не нашелся ничего сказать на это возраженіе, которое казалось ему неопровержимымъ, и предоставилъ своему управляющему распоряжаться и впредь какъ онъ знаетъ.

Всѣ эти данныя даютъ полное право французскому публицисту заключить свою статью слѣдующими общими выводами весьма неутѣшительнаго свойства. «Вотъ нѣкоторыя черты изъ этого ненавистнаго установленія, говоритъ онъ, которое, съ какой бы стороны ни разсматривали его, рѣшительно не можетъ порадовать мыслящаго человѣка ни одною свѣтлою стороною. Въ самыхъ несправедливыхъ постановленіяхъ, вполнѣ заслуживающихъ общественное нареканіе, философъ и анналистъ умѣютъ находить хоть частицу пользы въ доказательство того, что зло не можетъ совершенно восторжествовать надъ добромъ. Только въ невольничествѣ нѣтъ этого утѣшенія; это установленіе положительно-вредное. Исключая собою все человѣческое въ отношеніяхъ между людьми, оно не оставляетъ мѣста никакому нравственному чувству. Югъ довольно испыталъ это на своемъ злосчастномъ опытѣ и казнится теперь за тѣ преступленія, которыя то и дѣло совершаются на его почвѣ. Все вырождается на этой плодоносной землѣ, люди, умы, матеріяльныя произведенія, наконецъ и самый

трудъ человѣка, тогда какъ, наоборотъ, все преуспѣваетъ на каменистой и безплодной почвѣ Новой-Англiи. Рабство все извялило и изсушило своимъ дыханiемъ. Привыкнувъ ни во что ставить жизнь чернаго невольника, человѣкъ бѣлой породы легко прiучается не дорожить много и жизнiю подобныхъ ему людей; самыя женщины отъ соприкосновенiя съ этими грубыми нравами много теряютъ врожденной имъ нѣжности и чувства сострадания, и даже дѣти, прежде чѣмъ узнаютъ что-нибудь полезное, ужь научаются дѣйствовать кривымъ ножомъ (bowie knife) и стрѣлять изъ револьвера. Воспитанiе, о которомъ такъ много заботятся въ сѣверныхъ штатахъ, находится въ совершенномъ презрѣнiи на югѣ. Недостатокъ образованiя доходитъ здѣсь до того, что не рѣдко можно встрѣтить зажиточныхъ и даже очень богатыхъ плантаторовъ, которые едва умѣютъ кое-какъ читать и съ трудомъ подписываютъ свое имя, какъ феодальные бароны стараго времени. Публичность тоже здѣсь гораздо бѣднѣе, чѣмъ на сѣверѣ, какъ это уже показываетъ и самое число газетъ; которыхъ на югѣ несравненно менѣе. За то впрочемъ здѣшнiе нравы гораздо непринужденнѣе, такъ что сыновья плантатора своими ухватками и своевольными привычками способны напомнить прихотливыя манеры безпокойныхъ денди давнопрошедшаго времени. Но поразительнѣе всего, что въ этомъ демократическомъ обществѣ можно встрѣтить всѣ пороки касты, и не найдти притомъ ни одной ея хорошей стороны. Этого одного факта достаточно, чтобы судить, до какой степени невольничество исключаетъ всякое здоровое влiянiе; ибо, развивая пороки, свойственные всякому исключительному установленiю, оно впрочемъ не доставляетъ даже и тѣхъ скудныхъ выгодъ, которыми только и могутъ быть оправданы учрежденiя этого рода. Нигдѣ страсть къ игрѣ и склонность къ пьянству не развиваются въ такой степени и не производятъ такого гибельнаго дѣйствiя, какъ на югѣ. Самое земледѣлiе все больше и больше приходитъ въ упадокъ, ибо, по особеннымъ свойствамъ плантаторскаго труда, онъ только истощаетъ до крайности почву, нисколько не привязывая къ ней работника. Таковы несчастные результаты невольничества въ нѣкоторыхъ изъ южныхъ штатовъ, такъ недавно еще гордившихся высокимъ состоянiемъ своей гражданственности передъ другими членами сѣвероамериканскаго союза!»

И мы послѣ того будемъ еще съ боязнiю думать, что учрежденiе носитъ въ себѣ сѣмена великой будущности, и что ему суждено покорить весь Новый Свѣтъ своему всемогущему влiянiю?!

—

Познакомившись съ этою больною стороною сѣверо-американскаго общества, читатель въ правѣ спросить насъ, за чѣмъ именно на ней такъ долго останавливали мы его вниманiе? Потому самому — отвѣчаемъ мы ему,— что въ здоровомъ и дѣйствительно имѣющемъ великую будущность организмѣ сѣверо-американской народности эта сторона составляетъ самую странную и опасную аномалiю. Высоко уважая энергическую нацiю и ея учрежденiя, мы впрочемъ остаемся при томъ мнѣнiи, что она не прежде выступитъ на путь истиннаго историческаго величiя, какъ освободившись отъ этой общественной язвы.

ПРОМЫШЛЕННАЯ ХРОНИКА.

Общество поощренія народной промышленности въ Парижѣ. Рѣчь Дюма.—Воспитаніе піявокъ.—Новая печь для обожженія извести.—Зерноочистительный снарядъ Вашона.—Фабрикація алкоголя изъ свекловицы.—Фото-электрическій снарядъ Жюля Дюбоска.—Индуктивный снарядъ Румкорфа.—Телеграфическіе предохранительные снаряды Реньо. — Водочистительные фильтры Фонвьеля и Бріона.—Новый магнитный указатель уровня воды въ паровикахъ Летюлье-Пинеля.

Мы слышали, что и у насъ возникаетъ мысль объ учрежденіи Общества, подобнаго Парижскому Обществу Поощренія Народной Промышленности; считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о послѣднемъ, по поводу бывшаго въ немъ 20-го февраля торжественнаго засѣданія, и дѣлаемъ это тѣмъ охотнѣе, что можемъ при этомъ случаѣ сообщить нѣсколько извѣстій объ успѣхахъ французской промышленной техники. Предсѣдательствуетъ въ парижскомъ обществѣ знаменитый химикъ, сенаторъ Дюма. Въ засѣданіи, о которомъ мы говоримъ, по прочтеніи отчетовъ, розданы медали лицамъ удостоеннымъ этой чести; число ихъ простиралось въ этомъ году до пятидесяти девяти. Въ первой линіи представились мастера. Общество назначаетъ ежегодно двадцать пять бронзовыхъ медалей мастерамъ и работникамъ, которые кажутся ему достойными этой награды по своимъ заслугамъ, прилежанію и хорошему поведенію. Подобная медаль составляетъ превосходную рекомендацію человѣку, живущему трудами своихъ рукъ; собраніе рукоплескало добросовѣстнымъ труженикамъ, получавшимъ медаль изъ рукъ Дюма, и достойный президентъ умѣлъ сказать каждому изъ нихъ доброе, ласковое слово.

По окончаніи раздачи медалей Дюпенъ произнесъ рѣчь объ участіи членовъ Общества въ наградахъ всемірной выставки, бывшей въ Парижѣ.

Наконецъ, всталъ Дюма и произнесъ слово, изъ котораго мы приведемъ нѣсколько мѣстъ:

«Въ ту минуту, когда новое испытаніе подтвердило судъ, произнесенный въ 1851 году на первой всемірной выставкѣ объ успѣхахъ французской промышленности, позволительно Обществу Поощренія Промышленности смотрѣть съ самодовольствіемъ на свою долю въ блистательныхъ наградахъ.

«Ваши сочлены явились со славою передъ трибуналомъ соединенныхъ народовъ. Ваше вліяніе было признано съ живѣйшею благодарностію представителями Англіи, Германіи, Бельгіи и южныхъ государствъ. Ваши уставы, изученные иностранцами, породятъ и въ другихъ странахъ учрежденія по образцу нашего.

«Продолжайте ваше дѣло съ новою силою, одушевленные этимъ сочувствіемъ, этимъ всеобщимъ одобреніемъ — награда, заслуженная ревностію и просвѣщеннымъ вниманіемъ вашего Совѣта, безкорыстіемъ и патріотизмомъ всѣхъ членовъ этого Собранія.

«Со времени изобрѣтенія Жакара, съ какимъ успѣхомъ въ наукѣ машинъ не связано ваше имя? Не вы ли первые подали руку Леола-

ку, не вы ли, помогали нашему знаменитому соотечественнику въ созданіи искусственной соды, этой матери и души всѣхъ химическихъ производствъ? Не вы ли подвинули впередъ фарфоровое, фаянсовое и стекольное производство? — Если электричество и свѣтъ сдѣлались промышленными силами, послушными и сподручными, то не содѣйствовали ли этому ваши поощренія? Не внесли ли вы усовершенствованій въ обширное производство тканей и въ фабрикацію бумаги? Не вы ли первые указали на то благодѣтельное вліяніе, какое оказываетъ рисовальное искусство на всѣ промышленныя производства?

«Вы ознаменовали себя прекрасными подвигами на поприщѣ машинъ, приложеній химіи, употребленія физическихъ силъ и сочетанія промышленности съ изящными искусствами; теперь вамъ предстоитъ еще другая высокая цѣль.

«Промышленность земледѣльческая требуетъ вашихъ попеченій; она представляетъ неисчерпаемый источникъ для вашей дѣятельности и для вашихъ знаній.

«Въ ней нашла себѣ мѣсто механика; химія обозначила свое; всѣ промышленности требуютъ у нея помощи; *она держитъ въ своихъ рукахъ будущность народовъ и успѣхъ грядущихъ поколѣній.*

«И какой моментъ болѣе благопріятный для того, чтобы обратить вниманіе къ пользамъ земледѣлія, какъ не тотъ, когда Провидѣнію угодно было вслѣдъ за дурною жатвою ниспослать намъ надежду на славный и прочный миръ!

»Мм. Гг., съумѣемъ же воспользоваться этимъ случаемъ; къ земледѣлію направимъ руки, которыя прежде отнимала война, и откроемъ людямъ, привыкшимъ къ труду и повиновенію, новое, широкое поприще!...

Читая донесеніе объ изобрѣтеніяхъ и промыслахъ, увѣнчанныхъ Обществомъ, нельзя не замѣтить, что Дюма былъ только органомъ движенія, которое уже началось, возбужденное силою и очевидностію дѣла—сознаніемъ важности земледѣльческой промышленности.

При видѣ этого движенія, во Франціи происходящаго, мысль невольно возвращается къ нашему отечеству. У насъ давно уже явились просвѣщенные дѣятели на поприщѣ сельскаго хозяйства: дай намъ Богъ только, чтобы наши спеціялисты также безкорыстно и усердно посвящали себя великому дѣлу приложенія знаній къ возвышенію народной производительности, какъ это дѣлалось и дѣлается во Франціи; сильное движеніе впередъ, проложеніе новыхъ путей принадлежитъ химіи, механикѣ и естественной исторіи. Онѣ намъ могутъ дать новыя средства удобренія почвы, новыя орудія труда, новые матеріялы.

Сообщимъ краткія свѣдѣнія о важнѣйшихъ наградахъ, присужденныхъ Парижскимъ Обществомъ Поощренія Народной Промышленности.

1. *Воспитаніе піявокъ Бешадомъ.* Въ эпоху близкую къ намъ, піявка сдѣлалась чрезвычайно рѣдка и дорога, такъ что рабочія сословія не могли прибѣгать къ этому способу лѣченія, нерѣдко неизбѣжному.

Въ желаніи помочь злу, Общество открыло, въ 1839 году, конкурсъ для воспитанія и распространенія піявокъ. Оно съ удовольствіемъ узнало, что, даже прежде его призыва, съ 1835 г., гг. Бе-

шадъ предались воспитанію піявокъ, и что, вслѣдствіе глубокаго изученія дѣла, они успѣли уже приготовить для продажи значительное количество этихъ полезныхъ животныхъ. Кромѣ того, ихъ труды породили въ Жирондскомъ департаментѣ новую и большую промышленность — пользованіе болотами. Пространства, нанимаемыя прежде за 300 фр., поднимались постепенно въ цѣнѣ до 600, 700 и 1000. Теперь воспитаніе піявокъ производится почти на 5000 десятинахъ съ оборотнымъ капиталомъ въ 40 милліоновъ франковъ.

2. *Печи для обжиганія извести Симоно.* Печь для обжиганія извести г. Симоно отличается отъ прежнихъ: 1-е, бо̀льшимъ разстояніемъ, отдѣляющимъ рѣшетки отъ отверстія каналовъ, идущихъ въ печь; 2-е, удобствомъ всего расположенія частей для жженія извести или дровами, или торфомъ, или наконецъ каменнымъ углемъ; 3-е, наклонною рѣшеткою, состоящею изъ многихъ желѣзныхъ полосъ и пропускающею пепелъ и известковую пыль, которая прежде распространялась вокругъ и вредила рабочимъ. Известь выходитъ очень бѣлая и свободная отъ углерода.

Вслѣдствіе многочисленныхъ опытовъ надъ различными почвами и въ различныхъ климатахъ, известь считается теперь очень полезнымъ матеріяломъ въ земледѣліи иногда для возстановленія равновѣсія въ составныхъ частяхъ почвы, иногда же для уничтоженія вредныхъ насѣкомыхъ и для разрушенія растеній на влажныхъ болотистыхъ земляхъ. Изъ этого видно, что задача выгоднаго приготовленія извести очень важна для земледѣлія, и теперь она разрѣшена г-мъ Симоно; употребленіе его печи, по донесенію Жаклена, дозволяетъ уменьшить цѣну извести одною третью обыкновенной ея стоимости.

3. *Зерноочистительный снарядъ Вашона.* Построеніе этого снаряда основано на той мысли, что отверстія, сдѣланныя въ жести и закрытыя снизу, наподобіе пчелинаго сота, могутъ служить помѣщеніемъ для круглыхъ постороннихъ зеренъ и камешковъ, не удерживая хлѣбныхъ зеренъ. Первые снаряды не могли замѣнить ни одно изъ прежнихъ средствъ, употребляемыхъ для очистки зеренъ; они ихъ дополняли только, но это дополненіе было слишкомъ дорого. Въ послѣдствіи устроили наконецъ снарядъ очень простой, требующій мало силы и производящій совершенное очищеніе зеренъ. Въ самомъ дѣлѣ, снарядъ Вашона *провѣваетъ* хлѣбъ, и слѣдовательно замѣняетъ обыкновенную вѣялку; кромѣ того, снарядъ *очищаетъ* хлѣбъ отъ разныхъ постороннихъ примѣсей, неорганическихъ и органическихъ, и наконецъ, *сортируетъ*, то-есть, отдѣляетъ хорошія зерна отъ дурныхъ.

4. *Фабрикація алкоголя изъ свекловицы Шампонуа.* Цѣль г. Шампонуа состояла въ доставленіи сельскому хозяйству подсобной промышленности для зимняго времени, въ увеличеніи разнообразія посѣвовъ и въ усиленіи способовъ продовольствія скота.

Его способъ очень простъ. Свекловица сначала промывается, потомъ разрѣзывается на тонкія и узкія ленты, далѣе все нарѣзанное слагается въ деревянные чаны и наливается кипяткомъ; сокъ, получаемый въ чанахъ, спускается въ пріемникъ, въ который предварительно было положено бродило; наконецъ, оставивши для броженія

двадцать четыре часа, перегоняютъ сокъ въ особомъ кубкѣ съ двойнымъ котломъ. Результатъ перегонки будетъ съ одной стороны алкоголь, а съ другой нечистая жидкость, спускаемая въ нижній котелъ кубка и употребляемая для вымочки новыхъ нарѣзокъ свекловицы.

Главныя выгоды новаго способа состоятъ: 1-е, въ избѣжаніи употребленія гидравлическихъ прессовъ; 2-е, въ уменьшеніи количества воды, необходимаго для вымочки; 3-е, въ полученіи превосходной мязги для продовольствія домашнихъ животныхъ; 4-е, въ обезпеченіи совершенно правильнаго броженія; 5-е, въ добываніи бо̀льшаго количества продуктовъ, нежели по обыкновеннымъ способамъ терокъ и прессовъ; наконецъ 6-е, въ уменьшеніи на половину цѣны приготовленія алкоголя.

5. *Фото-электрическій снарядъ Жюля Дюбоска.* Фото-электрическій снарядъ Дюбоска оказалъ уже большія услуги изученію физики, и употребляется ежедневно на публичныхъ курсахъ физическихъ и естественныхъ наукъ; его можно встрѣтить во многихъ физическихъ кабинетахъ.

Этотъ снарядъ, въ своей послѣдней формѣ, можетъ, кромѣ того, быть полезно употребленъ въ обстоятельствахъ, въ которыхъ необходимъ свѣтъ, не уступающій солнечному; для примѣра можно взять освѣщеніе работъ при ночныхъ постройкахъ, маяки, сигналы на корабляхъ, и пр. Надобно сожалѣть, что употребленіе электрическаго свѣта было доселѣ крайне ограничено; но въ этомъ надобно обвинять производителя электричества, галваническую баттарею, содержаніе которой все еще слишкомъ дорого.

6. *Индуктивный снарядъ Румкорфа.* Въ продолженіе послѣднихъ пяти лѣтъ снарядъ Румкорфа привлекалъ къ себѣ вниманіе физиковъ и инженеровъ, которые, при помощи онаго, могли осуществить многіе интереснѣйшіе опыты. Онъ имѣетъ цѣлію возбужденіе электрическаго тока индукціею въ такой степени, что напряженіе электричества достаточно для образованія искръ между проводниками, находящимися на нѣкоторымъ разстояніи другъ отъ друга.

Этотъ снарядъ представляетъ не одинъ только отвлеченный интересъ; онъ оказалъ уже большія услуги горному дѣлу; къ безопасности и удобству производить взрывъ пороха присоединяется выгода одновременнаго воспламененія въ различныхъ мѣстахъ.

7. *Телеграфическіе предохранительные снаряды Реньо.* Новые снаряды Реньо имѣютъ цѣлью:

1-е. Передавать съ одной станціи желѣзной дороги на другую, ближайшую, сигналъ, показывающій, что поѣздъ оставилъ станцію, и что онъ направился по извѣстной линіи. Этотъ сигналъ остается постояннымъ и видимымъ для всѣхъ на обѣихъ станціяхъ, до тѣхъ поръ, пока не уничтожитъ его начальникъ станціи въ то мгновеніе, въ которое возвѣщенный поѣздъ оставитъ другую станцію для продолженія своего пути. 2-е. Передавать требованіе помощи съ пунктовъ, расположенныхъ по линіи на разстояніи четырехъ верстъ одинъ отъ другаго.

Придуманныя комбинаціи соединяютъ съ условіями удобства и точ-

ности простоту передаваемыхъ сигналовъ, что необходимо при ежедневномъ употребленіи телеграфическихъ системъ на желѣзныхъ дорогахъ.

8. *Водочистительныя фильтры Фонвьеля и Брюна.* Жители большихъ городовъ особенно поблагодарятъ гг. Ф. и Б. за изобрѣтеніе очень дѣйствительной, быстрой, удобной и дешевой фильтры. Она состоитъ существенно изъ двухъ резервуаровъ, различной вмѣстимости, поставленныхъ одинъ надъ другимъ. Верхній резервуаръ содержитъ нечистую воду, и подлѣ своего дна, первый цѣдильный снарядъ, заключающій слои шерсти, щебня и угля; нижній резервуаръ содержитъ профильтрованную воду и второй пропускной снарядъ, называемый окончательнымъ. Онъ образованъ изъ двухъ концентрическихъ цилиндровъ, между которыми положена шерсть мытая лучшаго качества. При слабомъ давленіи новая фильтра, въ сравненіи съ прежними фильтрами объ одномъ резервуарѣ, даетъ большее количество воды, совершенно прозрачной, безъ запаха, въ которой увеличительное стекло не открываетъ никакого плавающаго тѣла. Г. Фонвьель увѣряетъ, что его снаряды дѣйствуютъ въ продолженіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ безъ всякаго обновленія; но это обновленіе должно производиться каждые десять дней. Въ общественныхъ марсельскихъ прачешныхъ новыя фильтры употребляются съ большимъ успѣхомъ для очищенія рѣчной воды, содержащей иногда значительныя количества глинистыхъ веществъ, трудно отдѣлимыхъ отъ воды. Издержки фильтраціи 383,000 ведеръ простираются до 15 рублей.

9. *Новый магнитный указатель уровня воды въ паровикахъ Летюлье-Пинеля.* Одно изъ важныхъ условій для безопаснаго употребленія пара, какъ двигателя, состоитъ въ достаточномъ количествѣ воды въ паровикѣ. Вода выкипаетъ, горизонтъ ея можетъ опуститься ниже нагрѣвательныхъ каналовъ или трубъ, что очень вредно для котла и опасно для фабриканта. Для предупрежденія этого уменьшенія воды необходимо, между прочимъ, наблюденіе за горизонтомъ воды. Главное средство для этой цѣли есть поплавокъ, приводящій въ движеніе рычагъ или блокъ, поставленный на котлѣ. Понятно, что поплавокъ долженъ быть соединенъ съ рычагомъ посредствомъ какого-нибудь прута или проволоки, проходящей чрезъ крышку. Но г. Летюлье-Пинель изобрѣлъ снарядъ, приводящій въ движеніе стрѣлку безъ всякой видимой связи. Поплавокъ поддерживаетъ магнитъ, котораго движеніе сопровождается движеніемъ стальной стрѣлки, помѣщенной снаружи и сбоку подъ стекломъ. Мысль, чрезвычайно остроумная! Когда горизонтъ воды *слишкомъ* понизится или слишкомъ повысится, тогда поплавкомъ открываетъ свистокъ, который очень способенъ возбудить вниманіе самаго разсѣяннаго человѣка. Новый указатель начинаетъ распространяться и уже приноситъ пользу вильностію и ясностію своихъ показаній.

А. Ершовъ.

Г-жа РИЗНИЧЪ И ПУШКИНЪ (1).

(Посвящается П. В. Анненкову).

Пушкинъ былъ поэтъ жизни по преимуществу: всякое явленіе природы, каждый моментъ жизни, сколько-нибудь интерессовавшіе его, проникали глубоко въ его поэтическое чувство и выносились изъ этого чувства свѣтлою думой или въ изящномъ образѣ. Поэтому весьма любопытно и въ извѣстной мѣрѣ даже важно знать — какія стихотворенія его какими случаями его жизни были вызваны. На этомъ основаніи мы рѣшились написать и предложить вниманію публики статейку, въ которой, въ означенномъ отношеніи, говорится о трехъ стихотвореніяхъ нашего безсмертнаго поэта.

Пушкинъ раза два или три былъ въ Одессѣ еще до 1823 г., т. е. до перехода своего въ этотъ городъ, на службу, въ штатъ графа (нынѣ князя) М. С. Воронцова. Извѣстно, что во время этихъ пріѣздовъ въ *импровизированный* городъ, какъ любили тогда называть Одессу, поэтъ нашъ познакомился и сблизился съ негоціянтомъ Ризничемъ, который былъ родомъ изъ адріятическихъ Славянъ,— Далматъ или Кроатъ. Знакомство и сближеніе это было совершенно понятно: одесское общество, тогда немногочисленное, считало въ средѣ своей не много людей образованныхъ, а къ числу ихъ конечно должно отнести и Ризнича, и Пушкина. Ризничъ въ то время, о которомъ мы теперь говоримъ, еще не былъ женатъ. Въ 1822 г. уѣхалъ онъ въ Вѣну, съ намѣреніемъ жениться, и весной 1823 г. воротился оттуда съ молодою женой. Пушкинъ переѣхалъ на постоянное жительство въ Одессу въ ту же пору, и былъ конечно однимъ изъ первыхъ знакомыхъ новопріѣзжей дамы. Молодые люди, служившіе въ то время при графѣ и посѣщавшіе домъ Ризнича, а въ числѣ ихъ Пушкинъ, убѣждены были, что г-жа Ризничъ была родомъ изъ Генуи. Оказывается однако, что она была дочь одного вѣнскаго банкира, по фамиліи Риппъ, полу-Нѣмка и полу-Итальянка, съ примѣсью, быть можетъ, и еврейскаго въ крови. Мужъ привезъ жену свою вмѣстѣ съ ея матерью, которая однакожь не долго оставалась съ молодыми супругами—не болѣе шести мѣсяцевъ,—и уѣхала обратно за границу.

Г-жа Ризничъ была молода, высока ростомъ, стройна и необыкновенно красива. Особенно привлекательны были ея пламенныя очи, шея удивительной формы и бѣлизны, и черная коса, болѣе двухъ аршинъ длиною. Только ступни были у нея слишкомъ велики. Потому, чтобы скрыть недостатокъ ногъ, она всегда носила длинное платье, которое тянулось по землѣ. Она ходила въ мужской шляпѣ и одѣвалась въ нарядъ полу-амазонки. Все это придавало ей оригинальность и увлекало молодыя и не-молодыя головы и сердца. Но

(1) За свѣдѣнія, на основаніи коихъ написана эта статейка, сочинитель искренно благодаритъ гг. Лучича, де-Рибаса, Деазарти и Писаренко. Должно замѣтить еще, что всѣ лица, упоминаемыя въ ней, теперь сошли уже съ земнаго поприща, потому имена ихъ приводятся вполнѣ. Происшествіямъ этимъ минуло теперь 33 года.

этотъ нарядъ и, какъ кажется, другія обстоятельства были причиною, что въ высшемъ кругу тогдашняго одесскаго общества, который въ то время, какъ и долго потомъ, сосредоточивался въ одномъ, извѣстномъ домѣ, г–жа Ризничъ принята не была. За то всѣ молодые люди, принадлежавшіе къ этому кругу, собирались въ домѣ Ризничъ (1). Мужъ занималъ здѣсь, какъ по всему видно, вторую роль; а молодая хозяйка вела самую живую, одушевленную бесѣду и играла въ вистъ, до котораго была страстная охотница.

Въ числѣ посѣщавшихъ домъ Ризнича, были А. С. Пушкинъ, В. Туманскій и Исидоръ Собаньскій, немолодой, но богатый помѣщикъ изъ западныхъ губерній (2). Пушкинъ и Собаньскій всѣхъ болѣе волочились за г-жею Ризничъ, всѣхъ болѣе были близки къ ней и всѣхъ болѣе пользовались ея вниманіемъ и довѣріемъ. Но безъ взаимнаго соперничества, безъ ревности двое любить одну и ту же не могутъ. На сторонѣ Пушкина были молодость и пылъ страсти, на сторонѣ его соперника—золото.

Первое стихотвореніе, въ которомъ, по нашему мнѣнію, Пушкинъ высказалъ свои отношенія къ г–жѣ Ризничъ, есть «*Элегія*» 1823 года. Въ ней, какъ справедливо замѣчаетъ П. В. Анненковъ, выражается сильно–возбужденное состояніе души поэта, которое могло имѣть свой источникъ только въ дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ, стихотвореніе это носитъ на себѣ самые рѣзкіе и очевидные слѣды своего возникновенія изъ дѣйствительной жизни. Приведемъ однакожь тѣ стихи изъ него, которые, какъ кажется, прямымъ образомъ указываютъ на отношенія и обстоятельства, выше нами приведенныя.

Ты мнѣ вѣрна: за чѣмъ же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружена поклонниковъ толпой,
За чѣмъ для всѣхъ казаться хочешь милой,
И всѣхъ дарить надеждою пустой
Твой чудный взоръ, то нѣжный, то унылый?.

Что толпа поклонниковъ окружала г-жу Ризничъ въ Одессѣ, въ томъ также согласны показанія всѣхъ свидѣтелей–очевидцевъ. Что она ко всѣмъ имъ была внимательна, это объясняется тѣмъ, что сама она была не высокаго происхожденія, а окружала ее молодежь и образованная, и принадлежавшая къ высшему кругу, въ которомъ она принята не была. По тщеславію характера, молодая красавица желала всѣхъ ихъ увлечь въ свои сѣти. Это очень естественно и понятно.

Увѣрена въ любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда въ толпѣ ихъ страстной,
Бесѣды чуждъ, одинъ и молчаливъ,
Терзаюсь я досадой одинокой;
Ни слова мнѣ, ни взгляда.... другъ жестокій! и проч.

---

(1) На Херсонской улицѣ, въ домѣ бывшемъ Ризнича, потомъ Арсеньевой, а наконецъ Парольскаго, на углу, напротивъ новаго зданія Ришельевскаго лицея.

(2) Фамилія эта встрѣчается въ трагедіи Пушкина: «Борисъ Годуновъ». «Собаньскій, шляхтичъ вольный».

Красавица знала, что Пушкинъ прикованъ уже къ ея колесницѣ; потому, въ толпѣ поклонниковъ, могла и не обращать на него особеннаго вниманія, какъ это обыкновенно дѣлаютъ записныя кокетки. Притомъ Пушкинъ былъ болѣе другихъ близокъ къ ней.... съ нимъ, слѣдовательно, все могло быть уже кончено.

Скажи *еще*: *соперникъ* вѣчный мой,
Наединѣ заставъ меня съ тобой,
За чѣмъ тебя привѣтствуетъ лукаво?
Что-жь онъ тебѣ? Скажи, какое *право*
Имѣетъ онъ блѣднѣть и *ревновать*?

Стихи эти, какъ и слѣдующіе за ними, слишкомъ явно указываютъ на дѣйствительность. Этотъ соперникъ—никто иной, какъ Исидоръ Собаньскій, по своимъ лѣтамъ и по внѣшнему виду имѣвшій менѣе правъ на сердце красавицы, нежели нашъ поэтъ. Но—золото....

. . . . . Въ нескромный часъ, межь вечера и свѣта,
Безъ матери, одна, полуодѣта,
Зачѣмъ должна его ты принимать?
Но я любимъ!... Наединѣ со мною.... и проч.

Мать г-жи Ризничъ, въ первые шесть мѣсяцевъ, жила съ нею.

Читатель согласится, что эта элегія есть исповѣдь души, пылкой, молодой, терзаемой ревностію, или пожалуй, вызовъ на объясненіе. Стихотвореніе это въ первый разъ помѣщено было въ альманахѣ «Полярная Звѣзда» на 1824. Тутъ напечатано было оно съ ошибками и неисправностями, что̀ заставило автора почти тогда же перепечатать его въ другомъ повременномъ изданіи. Но есть одно мѣсто въ этомъ стихотвореніи, которое, хотя и разнится съ текстомъ «Полярной Звѣзды», свидѣтельствуетъ однако само собою, что авторъ исправилъ его противъ этого текста не потому, чтобы въ семъ послѣднемъ была ошибка или опечатка, а по другой причинѣ. Въ «Полярной Звѣздѣ», стран. 315 четвертый стихъ, съ конца, начинается словами: ***Но ты вѣрна....*** Тотъ же стихъ въ послѣдующихъ изданіяхъ читается: ***Но я любимъ....*** Причина этой поправки объясняется обстоятельствами, которыя Пушкинъ узналъ вскорѣ потомъ и которыя сначала, можетъ быть, были ему неизвѣстны. Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. Въ означенномъ альманахѣ помѣщено всего девять стихотвореній Пушкина. Изъ нихъ подъ семью находится его имя. Подъ элегіей же, о которой мы говоримъ, равно какъ и подъ стихотвореніемъ: «Надпись къ портрету», которое также указываетъ на какое-то живое лицо, онъ замѣнилъ имя свое звѣздочкой. Не показываетъ ли и это ближайшаго отношенія элегіи къ современнымъ лицамъ?

Наконецъ не объясняютъ ли обстоятельства, приведенные выше сего, и того случая, который разказываетъ Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ въ своихъ «Біографическихъ извѣстіяхъ» о братѣ (Москвитянинъ 1853)? «Однажды, говоритъ онъ, въ бѣшенствѣ ревности, онъ (А. С. Пушкинъ) пробѣжалъ пять верстъ, съ обнаженной головой подъ палящимъ солнцемъ по 35-градусному жару». Не указываютъ ли вышепоказанныя обстоятельства на предметъ той-же ревности?

Весною 1824 г., г-жа Ризничъ уѣхала за границу, безъ мужа, со своимъ ребенкомъ Она не могла, въ продолженіе кратковременнаго пребыванія своего въ Одессѣ, выучиться говорить и понимать по русски: въ домѣ у нея, кромѣ развѣ прислуги, говорили по-итальянски или по-французски. Весьма, по этому, правдоподобно, что стихотвореніе 1824 г.: «*Иностранкѣ*» («На языкѣ тебѣ невнятномъ....») писано къ ней. При томъ тутъ упоминается о «заблужденіи пріятномъ», въ которомъ поэтъ долго могъ находиться по отношенію къ своему сопернику, заблужденіи, которое наконецъ прояснилось. (См. выше). Далѣе, Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, въ своихъ «Извѣстіяхъ», говоритъ, что «иностранка, которая, отъѣзжая за границу, просила поэта написать ей что-нибудь въ память ихъ самыхъ близкихъ, двухлѣтнихъ (однолѣтнихъ) отношеній, и которой написано стихотвореніе: «Иностранкѣ», — очень удивилась, узнавши, что стихи собственнаго его сочиненія.» По характеру г-жи Ризничъ, по настроенію ея чувства и потому, что особенно занимало ея мысли, весьма не мудрено, что случай этотъ былъ именно съ нею, и что стихи писаны именно къ ней.

Въ одно время съ г-жею Ризничъ уѣхалъ за границу и соперникъ Пушкина. Онъ настигъ ее на пути, недалеко за русскою границей, провожалъ до Вѣны и вскорѣ потомъ оставилъ ее на всегда. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по всей вѣроятности, въ началѣ 1825, г-жа Ризничъ умерла, — кажется въ бѣдности, и, кажется, въ Генуѣ, призрѣнная матерью мужа. Не знаемъ, когда извѣстіе о смерти любимой нѣкогда женщины могло дойдти до Пушкина въ Михайловское, но весьма вѣроятно, что элегія 1825 г. «*Подъ небомъ голубымъ страны своей родной*», писано къ умершей Ризничъ. Комментовать это стихотвореніе и доказывать, что оно относится къ умершей Ризничъ, мы считаемъ совершенно излишнимъ. Элегія «Подъ небомъ голубымъ» несомнѣнно относится къ ней. Но, по свидѣтельству П. В. Анненкова (1), между рукописью поэта и печатнымъ текстомъ вышло несогласіе. Въ рукописи подъ стихотвореніемъ этимъ рукою автора написано: «29 іюля 1826 года», а внизу слова:

«Усл.... о см. 25.
У. о с. Р. И. (не П ли?) М. К. Б.: 24.»

Первая строка этой приписки относится, по мнѣнію нашему, къ г-жѣ Ризничъ, и вотъ какъ объясняемъ мы всѣ эти загадочныя буквы.

За нѣсколько дней до 29 іюля (1826), когда написано было стихотвореніе, Пушкинъ могъ узнать о смерти нѣсколькихъ изъ своихъ старыхъ, петербургскихъ знакомыхъ, послѣдовавшей около того времени (2). На другой день, 25 іюля, дошло до него извѣстіе о смерти г-жи Ризничъ, этой былой подруги его сердца. Поэтъ жилъ тогда уединенно въ Михайловскомъ, гулялъ въ его рощахъ и, при всѣхъ этихъ извѣстіяхъ, конечно впалъ въ глубокое и сначала мрачное раздумье. Но мракъ этого раздумья разсѣялся чрезъ нѣсколько дней,

(1) Томъ I, стр. 195. Томъ II, стр. 409. Сочиненія А. С. Пушкина
(2) Для объясненія буквъ Р. И. (П). М. К. Б. смотри газеты 1826 года.

и изъ него возникло это свѣтлое созданіе, эта чудная элегія: «Подъ небомъ голубымъ страны своей родной», о который П. В. Анненковъ столь правдиво замѣтилъ, что въ ней искренно сочетались истина сердца съ поэзіей. Написавъ элегію 29 іюля, поэтъ приписалъ внизу ея дни, когда получилъ роковыя извѣстія, *У*(слышалъ) *о см*(ерти той, въ память коей написаны стихи) 25. У. о. с. Р. И. (П). М. К. Б.—24».

Однако Пушкинъ могъ знать о смерти г–жи Ризничъ гораздо прежде іюля 1826 г. Живя въ Михайловскомъ, онъ былъ въ перепискѣ съ самимъ Ризничемъ, какъ сказывали намъ люди, близкіе къ сему послѣднему, и могъ получить отъ него извѣстіе о смерти. Другимъ подтвержденіемъ того же служитъ стихотвореніе В. Туманскаго: «На кончину Р.», которое *посвящено* А. С. Пушкину и въ которомъ рисуется довольно вѣрно портретъ покойницы.

Ты на землѣ была любви подруга:
Твои уста дышали слаще розъ,
Въ живыхъ очахъ, несозданныхъ для слезъ,
Горѣла страсть, блистало небо юга (1).

Въ концѣ этого стихотворенія, напечатаннаго въ исходѣ 1826 года, находится помѣтка: «Одесса, іюль, 1825» (2). Туманскій не могъ не извѣстить Пушкина о смерти женщины, которая была къ нему столь близка. Если все это такъ, то пушкинская приписка: «Усл. о см. 25.» можетъ быть объяснена еще иначе. Число 25 можетъ означать здѣсь 1825. Дѣлая эту приписку въ 1826 г. и про самого себя, поэтъ, можетъ–быть для краткости, поставилъ только двѣ послѣднія цифры цѣлаго года, пропустивъ при немъ означеніе столѣтія (18..). Само же стихотвореніе, внизу коего сдѣлана приписка, написано, въ такомъ случаѣ, гораздо послѣ того, какъ поэтъ получилъ извѣтіе о смерти г–жи Ризничъ, и вотъ по какой причинѣ: хотя Пушкинъ и хранилъ въ памяти свою умершую возлюбленную, но къ поэтической думѣ о ней приведенъ былъ позднѣйшими обстоятельствами. И тутъ однакожь — опять одно предположеніе. Переписка съ Ризничемъ могла ограничиться двумя, тремя письмами, отправленными осенью и зимою 1824 г., т. е. вскорѣ послѣ того, какъ поэтъ оставилъ Одессу. Это весьма естественно, потому что все общее между нимъ и его одесскимъ знакомымъ кончилось въ томъ же 1824 году. Туманскій, хотя и написалъ свои стихи въ 1825 г., но посвятить ихъ Пушкину могъ позднѣе, въ 1826, т. е. когда отсылалъ ихъ въ печать,—могъ въ то же время извѣстить Пушкина и о смерти Ризничъ и о своемъ посвященіи. Какъ бы то ни было, трудно рѣшить, какое изъ двухъ предположеній нашихъ вѣрнѣе, трудно рѣшить: означаетъ ли число 25, въ припискѣ, 1825 годъ, или 25 іюля, т. е. услышалъ ли Пушкинъ о смерти Ризничъ въ 1825 г., или—25 іюля 1826 г.

---

(1) Послѣдніе два стиха идутъ въ параллель съ послѣднимъ стихомъ Пушкинской элегіи 1825 года.

(2) Отысканіе стихотворенія Туманскаго: «На кончину Р.» въ печати, чтобы объяснить приписку, сдѣланную Пушкинымъ къ своей элегіи 1825 г., показываетъ, съ какимъ стараніемъ П. В. Анненковъ составилъ свои «Матеріялы для біографіи А. С. Пушкина.»

Между тѣмъ, въ собраніи своихъ стихотвореній, элегію: «Подъ небомъ голубымъ страны своей родной», написанную въ іюлѣ 1826 г., Пушкинъ отнесъ къ 1825 году. Какъ объяснить это? По нашему мнѣнію, это объясняется тѣмъ, что поэтъ желалъ отнести свое стихотвореніе къ эпохѣ того событія, которое вызвало это стихотвореніе на свѣтъ. Этимъ только разрѣшается несогласіе между помѣткой стихотворенія въ рукописи и тѣмъ, что авторъ, въ печатномъ текстѣ, отнесъ его къ 1825 г.

Въ какой мѣрѣ правдоподобны всѣ наши предположенія и толкованія, предоставляемъ судить другимъ. Обязанностію своею сочли мы только разузнать все то, что̀ относится до Пушкина и до г-жи Ризничъ, высказать то, что̀ нами разузнано, и, на основаніи этого разузнаннаго, сдѣлать свои соображенія. Вполнѣ достовѣрнымъ кажется только то, что три стихотворенія: *Элегія 1823 г.*, *Иностранкѣ* и *Элегія 1825* относятся къ г-жѣ Ризничъ, которая въ воздушномъ, прелестномъ образѣ пронеслась по землѣ, на своемъ пути встрѣтила нашего поэта и оставила въ душѣ его глубокое чувство. Можетъ быть и все призваніе ея въ этой жизни состояло только въ этой встрѣчѣ и въ этомъ чувствѣ.

Еще одна необходимая оговорка. Могутъ сомнѣваться, точно ли эти три стихотворенія, о коихъ мы говоримъ, были писаны къ г-жѣ Ризничъ, а не къ другой особѣ. Что̀ касается элегіи 1823 г., то, по слѣдующимъ причинамъ, думаемъ мы, относится оно именно къ этой дамѣ. Пушкинъ въ началѣ 1823 г. жилъ, какъ извѣстно, въ Кишиневѣ; бо́льшую же половину этого года провелъ въ Одессѣ. Въ Кишиневѣ не было ни одной женщины, которую любилъ бы онъ съ такою страстью и ревностію, такъ тяжело и мучительно, съ такимъ «безумнымъ волненіемъ», какъ потомъ жену своего одесскаго пріятеля. Вспомнимъ, что это было еще въ первую пору знакомства съ нею, то-есть въ 1823 г. Поэтъ нашъ прожилъ въ Кишиневѣ болѣе двухъ лѣтъ, а ни къ одной изъ тамошнихъ куконицъ не обращался онъ и ни объ одной изъ нихъ не писалъ съ такимъ порывисто-страстнымъ волненіемъ. О ножкахъ, напримѣръ, m-lle Россети упоминаетъ онъ совсѣмъ въ другомъ тонѣ. За тѣмъ все стихотвореніе это, исполненное намековъ и личныхъ обращеній, вполнѣ объясняется обстоятельствами любви поэта къ той красавицѣ, которая такъ близка была къ нему въ Одессѣ. Далѣе, что стихотвореніе 1824 г. «Иностранкѣ», писанное на прощанье съ нею, при отъѣздѣ ея за границу, относится къ г-жѣ Ризничъ, а не къ какой-либо другой дамѣ, доказывается тѣмъ, что никакою другою иностранкой, которая бы притомъ въ 1824 г. выѣзжала за границу, Пушкинъ въ Одессѣ занятъ не былъ. Конечно, стихотвореніе это отличается инымъ, болѣе спокойнымъ тономъ, нежели элегія 1823 г.; но вспомнимъ, что оно писано въ минуту разставанья, когда все прерывалось, оканчивалось, быть можетъ, на долго, на всегда. Наконецъ, что въ элегіи 1825 года «Подъ небомъ голубымъ страны своей родной», вспоминаетъ онъ туже особу, доказывается тѣмъ, что изъ знакомыхъ дамъ поэта и близкихъ къ нему въ эпоху его одесской жизни, только она, г-жа Ризничъ, уѣхала за границу и тамъ въ скорости умерла.

Пушкину, кромѣ г–жи Ризничъ, нравилась въ Одессѣ только одна дама (не иностранка), съ которою былъ онъ однако болѣе въ свѣтско-враждебныхъ отношеніяхъ, и m–lle Бларамбергъ, дочь извѣстнаго здѣшняго археолога, очень умная и образованная дѣвица, съ которою любилъ онъ бесѣдовать по вечерамъ у графа, и которая не могла считаться иностранкой. Отношенія ихъ обѣихъ къ Пушкину ни мало не высказываются въ трехъ стихотвореніяхъ, о коихъ мы говоримъ.

Стихотворенія: «*Заклинаніе*» (1828) и «*Для береговъ отчизны дальной*» (1830), по мнѣнію П. В. Анненкова, будучи взяты вмѣстѣ съ элегіей «*Подъ небомъ голубымъ страны своей родной*», составляютъ одну трехчленную лирическую пѣснь, обращенную къ какому-то неизвѣстному лицу или, можетъ быть, къ двумъ лицамъ, умершимъ за границей. Предположеніе это совершенно правдоподобно, и если два первыя, какъ и третье изъ этихъ стихотвореній, относятся къ тѣнямъ легкомысленной красавицы–иностранки, плѣнившей Пушкина въ Одессѣ, то на долю ея все-таки выпалъ жребій возрастить въ русской поэзіи не три, а пять прекрасныхъ цвѣтковъ.

К. Зеленецкій.

Одесса.
Апрѣля 11, 1856.

ВТОРОЕ КРУГОСВѢТНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ Г–жи ИДЫ ПФЕЙФФЕРЪ.

Meine zweite Reise. Von Ida Pfeiffer. Wien, 1856, 4 Bde.

Около пятнадцати лѣтъ тому назадъ, одна дама, вѣнская жительница, слабая здоровьемъ, маленькая ростомъ, невидной наружности, спѣшила окончить воспитаніе дѣтей своихъ, чтобы послѣдовать наконецъ своему давнишнему влеченію путешествовать. Средства ея были весьма ограничены; желанія умѣренны: она предпринимала только путешествіе по Святымъ мѣстамъ; о странствіяхъ болѣе далекихъ она не смѣла думать. Какъ только она удостовѣрилась, что ея дѣти не нуждаются болѣе въ материнской заботѣ, она оставила Европу.

Эта дама была г–жа Ида Пфейфферъ, нынѣ знаменитѣйшая изъ путешественницъ. Какъ расширилось съ тѣхъ поръ ея жизненное поприще! Слабая женщина, она совершила путешествія столь обширныя, что немногіе мужчины могутъ стать съ нею рядомъ, и Александръ Гумбольдтъ, въ своемъ «Космосѣ», поставилъ ея имя между самыми прославленными именами въ наукѣ.

Съ самой молодости ее безпокоило страстное желаніе «видѣть свѣтъ». Пока материнскія обязанности требовали того, она боролась съ этимъ желаніемъ и едва была въ силахъ его сдерживать. Оно взяло рѣшительный верхъ при первомъ чувствѣ свободы, и съ неудержимою силою увлекло ее къ ея призванію. Съ тѣхъ поръ каждое новое путешествіе питало въ ней страсть путешествовать; планы ея все болѣе и болѣе расширялись; воодушевленіе къ жизни странической возрастало. За путешествіемъ ко Святымъ мѣстамъ послѣдовало путеше-

ствіе на скандинавскій сѣверъ и островъ Исландію, а успѣхъ послѣдняго привелъ къ рѣшимости на «женское кругосвѣтное путешествіе». Г-жа Ида Пфейфферъ отправилась въ Бразилію, потомъ посѣтила Чили, Таити, Китай, Индію и Персію и черезъ Малую Азію воротилась на родину. Это странствіе не только не утомило ее, но еще ободрило къ новымъ обширнѣйшимъ предпріятіямъ. Въ маѣ 1851 она предпринимаетъ второе кругосвѣтное путешествіе, которое ей тоже удалось счастливо окончить, и котораго оживленное описаніе нынѣ появилось въ свѣтъ на нѣмецкомъ языкѣ и, какъ пишутъ, уже переведено на англійскій и голландскій.

Сѣвши въ Лондонѣ на маленькое купеческое судно, путешественница отправилась на мысъ Доброй Надежды, а оттуда въ Сингапоръ. Она посѣтила Борнео, Яву, Суматру, Селебесъ и Молуккскіе острова, далѣе Калифорнію и южно-американскія республики Перу и Экуадоръ, наконецъ черезъ Панамскій перешеекъ прибыла въ Соединенные Штаты и оттуда въ Европу.

Самая важная и занимательная часть ея путешествія несомнѣнно та, гдѣ говорится о ея пребываніи на Остъ-индскихъ островахъ и о ея странствіяхъ между тамошними дикими племенами. Мало одного мужества и отваги, нужна особенно организованная природа, чтобы по доброй волѣ подвергаться всѣмъ опасностямъ, трудамъ и лишеніямъ, которыя пришлось ей перенесть въ этихъ странствіяхъ. Нечего говорить о томъ, что очень часто приходилось въ собственномъ смыслѣ путешествовать, т. е. ходить пѣшкомъ: нерѣдко тропинки были такъ опасны, что надобно было отказаться отъ употребленія европейской обуви и не оставалось ничего болѣе, говоритъ лаконически г-жа Пфейфферъ, какъ «идти босикомъ по камнямъ и терніямъ»; иногда болотистая почва принуждала къ тому же, потому что башмаки увязали. «Другое неудобство, прибавляетъ путешественница, состояло въ томъ, что по меньшей мѣрѣ разъ въ день меня промачивалъ насквозь тропическій дождь, и я должна была довольствоваться просушкою платья на моемъ тѣлѣ палящими солнечными лучами.» Пища во время странствія между дикими племенами острова Суматры была самая непріятная; надобно было глотать ее зажавши носъ. Всѣ эти неудобства и лишенія путешественница переносила съ удивительнымъ равнодушіемъ и твердостью. По цѣлымъ днямъ ходя пѣшкомъ и дѣлая переходы болѣе значительные нежели обыкновенные переходы европейскихъ солдатъ, она находила еще въ себѣ силы сыграть вечеромъ партію виста съ голландскими офицерами или другими колонистами. По цѣлымъ мѣсяцамъ жизнь ея была въ постоянной опасности; каждую минуту она могла ожидать смерти въ страшныхъ истязаніяхъ; но ея страсть видѣть неизвѣстное была сильнѣе женскаго страха. Только одинъ разъ, на Суматрѣ, передъ посѣщеніемъ страны независимыхъ Баттаковъ, гдѣ незадолго передъ тѣмъ были умерщвлены и съѣдены миссіонеры, она начинала колебаться и спрашивала «дѣйствительно ли Баттаки не разомъ убиваютъ людей, а привязываютъ ихъ къ столбамъ и рѣжутъ ихъ тѣло по мѣрѣ того какъ съѣдаютъ его, теплое; съ табакомъ и солью». Но ее успокоили увѣреніемъ, что это дѣлается лишь съ тѣми, которые уличены въ тяжкомъ преступле-

ніи, а военно-плѣнныхъ просто привязываютъ къ дереву и обезглавливаютъ, потомъ тщательно собираютъ кровь и пьютъ ее теплую или одну или съ вареньмъ рисомъ; за тѣмъ дѣлятъ мясо: уши, носъ, печень и подошвы получаетъ раджа; подошвы, ладонь, мясо на головѣ, сердце и печень считаются за самыя вкусныя части; мясо человѣческое обыкновенно жарятъ и ѣдятъ съ солью; женщинамъ не дозволяется участвовать въ этихъ пиршествахъ. Таковы нравы племени Баттаковъ, которыхъ рѣшилась посѣтить г-жа Пфейфферъ. Она проникла въ ихъ страну далѣе чѣмъ какой-либо Европеецъ; она была уже въ двѣнадцати англійскихъ миляхъ отъ неизвѣстнаго доселѣ озера Эйертанъ, что значитъ на языкѣ Баттаковъ «большая вода», и продолжала бы путь свой, если бы туземцы, послѣ долгихъ совѣщаній, не воспретили ей того. Ее впрочемъ ничѣмъ не обидѣли.

Дружелюбнѣе приняли нашу путешественницу независимые князья острова Явы; здѣсь оказывали ей великія почести, а одинъ князекъ, по имени Макку-Негоро, сказалъ ей даже комплиментъ, сравнивъ ее съ легкимъ, летучимъ облакомъ. На Селебесѣ и Молуккахъ путешественница пользовалась также особеннымъ гостепріимствомъ и имѣла случай видѣть и изучать странные обычаи туземцевъ. Такъ напримѣръ въ Борну она присутствовала при оригинальной церемоніи, состоявшей въ томъ, что молодой королевѣ, по обычаю страны, подтачивали верхній рядъ зубовъ. Г-жа Пфейфферъ описываетъ эту церемонію, и вообще образъ жизни туземныхъ князей, весьма остроумно и юмористически.

Калифорнія произвела на путешественницу крайне неблагопріятное впечатлѣніе; пребываніемъ своимъ въ Перу и Эквадорѣ она также недовольна, хотя ей удалось перейти Кордильеры недалеко отъ вершины Чимборассо и видѣть рѣдкое зрѣлище изверженія горы Котопахи. Ее возмущали нравы жителей этихъ странъ. «Нигдѣ на свѣтѣ не видала я такихъ публичныхъ, безстыдныхъ заведеній для соблазна, какъ въ Калифорніи». Въ южно-американскихъ республикахъ ее непріятно поразилъ характеръ жителей, мелочной и притворный.

Сѣверо-Американскіе Штаты были посѣщены г-жею Пфейфферъ въ пунктѣ самомъ невыгодномъ для того, чтобы составить понятіе объ этой странѣ будущаго. Она познакомилась съ Сѣверною Америкой въ Новомъ Орлеанѣ, городѣ тюковъ хлопчатой бумаги, самаго суроваго рабства и самой чувственной жизни. Такой городъ не могъ оставить хорошаго впечатлѣнія въ чувствительномъ сердцѣ европейской женщины. Подъ вліяніемъ этого невыгоднаго настроенія г-жа Пфейфферъ судитъ о Сѣверной Америкѣ не совсѣмъ справедливо. Она впрочемъ не умалчиваетъ, что во многихъ мѣстахъ съ рабами обращаются хорошо, и даже замѣчаетъ, что ихъ мало заставляютъ работать: «*полдюжины невольниковъ сдѣлаютъ менѣе, чѣмъ у насъ два работника.*» Вообще о Сѣверной Америкѣ она говоритъ, что это «все-таки единственная страна, и что Американцы имѣютъ право гордиться своимъ отечествомъ.»

Прибавимъ, что по послѣднимъ извѣстіямъ г-жа Пфейфферъ отправилась уже въ третье обширное путешестіе.

ЗАМѢТКИ РУССКАГО ВѢСТНИКА.

Нѣсколько словъ о критикѣ. — Русская Бесѣда и такъ называемое славянофильское направленіе.—Библіографическія новости.

Критика! направленіе! вотъ слова, которыя поминутно слышатся въ литературныхъ кружкахъ, вотъ требованія, съ которыми каждый шумливо приступаетъ къ журналу. «Критика» и «направленіе» — слова прекрасныя, и нельзя не требовать, чтобы каждый органъ общественнаго слова заключалъ въ себѣ критическое начало и отличался твердымъ направленіемъ. Но всякій ли повторяющій эти слова понимаетъ ихъ значеніе? Къ сожалѣнію, объ этомъ, какъ и обо многомъ другомъ, у насъ не совсѣмъ еще вывелись весьма жалкія, почти дѣтскія представленія.

Вообразите себѣ общество людей, собравшихся для обсужденія какихъ-либо вопросовъ: каждый высказываетъ свое, и что-нибудь вноситъ въ общую сумму. Одинъ ошибется, другой поправитъ ошибку; тотъ разовьетъ вопросъ съ одной стороны, другой со стороны противоположной, или попытается найдти точку зрѣнія, открывающую болѣе цѣльный видъ на тотъ же предметъ.... Это, говоря экономическимъ терминомъ, производители; дурно ли, хорошо ли, но что-нибудь у нихъ дѣлается, изъ ихъ словъ что-нибудь выходитъ. Но вотъ, около нихъ собирается кучка людей, которые не участвуя въ дѣлѣ и не зная, откуда и куда идетъ рѣчь, громко прерываютъ ее восклицаніями одобренія или порицанія, или заглушаютъ ее потокомъ фразъ, звонкихъ и пустыхъ, ни къ чему не относящихся, съ претензіей на остроуміе или на паѳосъ. Это господа критики. Зайдетъ ли гдѣ рѣчь о журналѣ, сейчасъ спрашиваютъ: кто тамъ критики? или другими словами: кто тамъ литературные бобыли? на кого тамъ возложена обязанность мѣшать по возможности другимъ дѣлать дѣло? Эти баши-бузуки обыкновенно занимали (мы употребляемъ глаголъ въ прошедшемъ времени) журнальные аванпосты, и съ гиканьемъ носились въ отдѣлахъ критики, библіографіи, обозрѣнія журналистики. Въ нихъ полагался животворный элементъ журнала, ихъ громогласіе считалось лучшимъ признакомъ того, что журналъ имѣетъ направленіе. Критикамъ вмѣнялось въ главнѣйшую обязанность знать всѣ литературныя сплетни, и быть какъ можно свободнѣе отъ всякихъ другихъ стѣснительныхъ знаній: чѣмъ легче на умѣ, тѣмъ легче на совѣсти и тѣмъ смѣлѣе говорится. Скандалъ бывалъ великій. Считалось необходимостію произнести судъ обо всемъ, сказать обо всемъ мнѣніе, но какой судъ и какое мнѣніе — до этого не было нужды, лишь бы только кстати или не кстати бросить въ публику нѣсколько задорныхъ словъ. Нерѣдко можно было думать, что критики съ умысломъ дѣлили между собою предметы для сужденія, предоставляя каждому изъ своей среды говорить именно о томъ, о

чемъ наименѣе смыслитъ. Бывали примѣры невообразимой наглости. Недобросовѣстность критики у насъ чуть не вошла въ пословицу, которая послужила бы будущему историку свидѣтельствомъ о нѣкогда бывшемъ на Руси поколѣніи, какъ нашему древнему лѣтописцу свидѣтельствовала о цѣломъ племени ходившая въ то время поговорка: «погибоша аки Обри». Погибли ли, *какъ Обры*, эти новые Обры? Надѣемся по крайней мѣрѣ, что время ихъ прошло, что нынѣ всякому будетъ стыдно произносить во всеуслышаніе голословный приговоръ, и вообще судить о дѣлѣ по какимъ-нибудь инымъ побужденіямъ, кромѣ знанія дѣла. Напрасно раздается послѣдній вопль литературныхъ баши-бузуковъ, которымъ еще силятся они заявить свое существованіе, напрасно кричатъ они, что мысль, наука, искусство, должны покорствовать разнымъ внушеніямъ, только не внушеніямъ чистой истины; имъ не поколебать возникающаго въ нашемъ обществѣ убѣжденія, что всякое дѣло должно быть дѣло чистое, и критика должна быть критикою чистою, какъ наука должна быть чистою, какъ искусство должно быть чистымъ. Оставимъ іезуитскому взгляду видѣть въ цѣломъ мірѣ только лишь средства и ни въ чемъ не признавать цѣли. Живая и свободная мысль во всемъ видитъ жизнь, во всемъ прежде всего признаетъ свою степень самостоятельности, свою внутреннюю цѣль. Либо критики вовсе не слѣдуетъ быть, либо она должна быть дѣломъ серіознымъ. Критика есть тоже, что и наука. Относясь къ произведенію художественному, или литературному она должна раскрыть его основы, показать его отношенія къ общимъ началамъ и къ жизни. Относясь къ произведенію науки, критика должна быть ея вѣрнымъ органомъ; критикъ долженъ имѣть равныя ученыя или мыслительныя права съ авторомъ; критическая статья требуетъ если не столько же труда, сколько цѣлая книга, то не меньшей степени знанія и развитія мысли. Критикъ долженъ дорогою цѣною купить право на свое, по видимому, столь легкое дѣло; онъ долженъ всячески стараться сдѣлать его себѣ тяжелымъ. Каждое слово суда должно быть строго взвѣшено, и какъ сочувствіе, такъ и отрицаніе должны быть основательно доказаны. Честь критика требуетъ, чтобы онъ не ограничивался простою похвалою и особенно простымъ порицаніемъ, или такимъ отзывомъ, изъ котораго не выжмешь никакой мысли. Ложное воззрѣніе нельзя иначе опровергать какъ только развитіемъ воззрѣнія ближайшаго къ истинѣ. Самъ авторъ, по крайней мѣрѣ въ собственной совѣсти, осудитъ свое дѣло, если вы съумѣете раскрыть ему истину. Если вы еще не уяснили себѣ вопроса, то долгъ требуетъ, чтобы вы не торопились критикой: какъ и всякое дѣло, она требуетъ времени и труда. Вы имѣете полное право, и даже обязаны, предать осмѣянію и позору то, что̀ смѣшно и позорно; но надобно, чтобы вашими устами говорило лишь оскорбленное дѣло, чтобы оно вашими устами смѣялось и въ вашемъ словѣ негодовало.

Нѣтъ! кто бы что̀ ни говорилъ, а намъ еще можно и должно учиться у Запада. Посмотрите, какое значеніе имѣетъ критика въ зрѣлыхъ и просвѣщенныхъ литературахъ! Какая разница въ понятіяхъ о критикѣ тамъ и у насъ! Разверните англійскія «обозрѣнія», имѣющія исключительно критическій характеръ: въ чемъ состоитъ тамъ

критика? что такое критическая статья въ «обозрѣніи», что такое эти *essays?* Трудъ болѣе или менѣе самостоятельный, обдуманный, зрѣлый, часто исполненный блистательнаго таланта и глубокаго знанія, и составляющій важное пріобрѣтеніе литературы, иногда не менѣе и даже болѣе цѣнное, чѣмъ то произведеніе, которымъ онъ вызванъ. Какъ многое другое, тамъ также невозможно и то, чтобы какой-нибудь господинъ, едва знакомый съ азбукой предмета, неспособный даже и прочесть основательно книгу, строчилъ объ ней бойкую критическую статью для серіознаго журнала. Тамъ не торопятся критикой, и весьма часто не прежде, какъ года черезъ два по выходѣ книги, является обширная критическая статья въ «обозрѣніи». Съ однимъ изъ англійскихъ *эссеистовъ* мы имѣли уже случай познакомить нашихъ читателей. Это знаменитый Макóлей, котораго статья *о войнѣ за наслѣдіе испанскаго престола* была помѣщена во второй книжкѣ «Русскаго Вѣстника». Намъ легко было устранить изъ этой статьи библіографическія и полемическія замѣчанія, относящіяся къ сочиненію лорда Магона, вызвавшему статью Макóлея, замѣчанія не имѣющія для насъ большаго интереса,—и получить самостоятельный превосходный очеркъ событія. Вотъ критическія статьи, которыя однакожь вовсе не похожи на то, что еще иногда понимаютъ у насъ подъ этимъ словомъ. Это цѣлыя, самостоятельныя сочиненія, которыми великое содержаніе, добытое и очищенное наукой, вводится въ общественное сознаніе и дѣлается всенароднымъ достояніемъ. Таково одно изъ главныхъ назначеній критики, таково и назначеніе журнала вообще. Конечно, никто не будетъ требовать, чтобы всѣ критики обладали такими же великими дарованіями, такою же силою мысли и знанія, какъ приведенный нами въ примѣръ англійскій писатель. Но дѣло вовсе не въ этомъ: дарованія могутъ быть различны до безконечности, степеней достоинства много отъ самой низшей до самой высшей; дѣло въ направленіи, въ характерѣ и сущности труда, дѣло въ значеніи критики.

Вотъ еще интересный фактъ для будущаго историка нашей литературы. журналъ, обозрѣвающій другіе журналы, журналъ, съ положеніемъ руки на сердце, съ умильно опущенными взорами, произносящій судъ о другихъ журналахъ. Обычай этотъ, кажется, вывелся или выводится. Жаль только, что литература у насъ, въ своемъ развитіи, нѣсколько было отстала отъ гостинаго двора, который, сколько намъ извѣстно, предупредилъ журналистику улучшеніемъ своихъ нравовъ. Въ гостиныхъ дворахъ, сидѣльцы, зазывая покупателей, уже стыдились навязывать имъ свои воззрѣнія на товары сосѣднихъ лавокъ, а журнальные критики считали еще своимъ долгомъ *добросовѣстно* обозрѣвать каждый вновь выходящій нумеръ чужаго журнала и своимъ приговоромъ о каждой статьѣ въ частности и обо всѣхъ въ совокупности предупреждать судъ публики; составлялись даже цѣлыя компаніи обозрѣвателей журналистики, и каждому отдавалось на попеченіе особое періодическое изданіе... Случалось ли вамъ ѣзжать *на-долгихъ?* Увы! Этотъ способъ путешествія, благодаря западнымъ нововведеніямъ по части путей сообщенія, почти неизвѣстенъ современному поколѣнію, и скоро можетъ-быть отъ него останется только смутное

преданіе. Шагъ за шагомъ. не торопясь, плетется бывало кибитка на долгихъ. Рано, по холодку, выѣзжаетъ извощикъ, въ полдень кормитъ, потомъ какъ свалитъ жаръ, плетется снова до ночлега. Въѣдетъ кибитка въ селеніе, и выбѣжитъ изъ воротъ всякій людъ, мужики и бабы, и каждый зазывая къ себѣ, не забываетъ всячески заподозрить своихъ сосѣдей съ ихъ избами. Бывалый изощикъ равнодушно помахиваетъ кнутикомъ, и не слушая раздающихся вокругъ причитаній, отпуститъ иногда красное словцо насчетъ какой-нибудь слишкомъ разгорячившейся бабы, и крестясь въѣзжаетъ въ ворота знакомаго двора, которыя молча отпираетъ ему хозяинъ. Вѣроятно многое теперь измѣнилось даже и въ обычаяхъ проселочныхъ дорогъ. Но странно, что эта дичь, гонимая отвсюда, нашла было себѣ убѣжище въ литературѣ. Странно, что послѣдніе изъ Могиканъ, послѣдніе зазыватели, послѣдніе критики своихъ конкуррентовъ, были критики литературные...

Поспѣшимъ однако сказать нѣчто и въ объясненіе, если не въ оправданіе этого скандалёзнаго явленія въ нашей литературѣ. По стеченію обстоятельствъ, литература наша, въ послѣднее время, почти вся сосредоточивается въ журналахъ. Журналы стали почти единственнымъ способомъ изданія литературныхъ трудовъ. За исключеніемъ сочиненій совершенно спеціяльныхъ (да и для тѣхъ существуютъ особыя періодическія изданія), все сколько-нибудь имѣющее притязаніе на общее вниманіе, по всѣмъ частямъ литературы, печатается въ журналахъ: тутъ почти вся наша мыслительность и словесность. Итакъ гдѣже еще брать предметы для критики, какъ не въ журналахъ? Безъ всякаго сомнѣнія, можно и должно говорить о томъ, что̀ появляется въ журналахъ. Но разница огромная говорить о литературномъ произведеніи, которое издано въ журналѣ, и говорить о самомъ журналѣ, объ его составѣ, перечислять всѣ статьи вышедшей книжки, и бросать о каждой два три пустыя слова: первое не сопряжено ни съ какими препятствіями, второе же исполнено препятствій для всякаго человѣка, знакомаго съ простыми приличіями, и можетъ свидѣтельствовать только о варварствѣ литературныхъ нравовъ. Гдѣ, скажите, въ цѣломъ образованномъ мірѣ, журналы отдаютъ взаимно отчетъ публикѣ одинъ о другомъ? Увы! ужь не въ этомъ ли выразилась наша оригинальность въ литературѣ?

Намъ хотѣлось кое-что высказать въ этихъ замѣткахъ. Но, къ сожалѣнію, случайно коснулись мы критики и журналистики, и вотъ, слово за словомъ, по необходимости, распространились о предметѣ не очень пріятномъ и не очень достойномъ, и пишемъ азбуку литературнаго приличія.

Журналъ, какъ и все на свѣтѣ, можетъ быть предметомъ критическаго труда, болѣе или менѣе основательнаго, дѣльнаго, ученаго. Такъ исторія журнала, издававшагося въ продолженіе многихъ лѣтъ, имѣвшаго большее или меньшее вліяніе на общество, была бы весьма поучительна. Прослѣдить это вліяніе, раскрыть духъ изданія, который обнаруживался и въ выборѣ статей, и въ самихъ статьяхъ, показать какіе вопросы въ нихъ возбуждались, какъ рѣшались эти вопросы и т. д., все это было бы весьма интересно. Между такимъ трудомъ, имѣющимъ опредѣленный предметъ, и гостинодворскими отчетами о выходящихъ книжкахъ журнала—цѣлая бездна.

Скажите, пожалуста, кому нужно знать, какъ вы думаете о томъ или другомъ литературномъ явленіи? Тотъ, кто рѣшается всенародно высказывать свой судъ, долженъ предъявить право на это, и предъявить дѣльнымъ изложеніемъ основаній суда. Простая похвала, а еще болѣе простое порицаніе, или, что еще хуже, пошлая двусмысленность, не достойна порядочнаго литератора и *честнаго* журнала. Почему не нравится вамъ какое-либо сочиненіе—выскажите это, и изъ вашихъ словъ мы поймемъ ради какого интереса вы ратуете; а если вы не хотите или не умѣете высказать своихъ основаній, или даже, еще проще, не имѣте таковыхъ, такъ зачѣмъ же намъ знать ваше мнѣніе? и какое право имѣете вы говорить всенародно?

Нѣтъ, право всенароднаго слова должно быть дорого и свято!.. Кто безъ грѣха? кто иногда не увлекается побужденіями, болѣе или менѣе посторонними истинному предмету слова? кто не поддается напримѣръ внушеніямъ самолюбія, которое помѣшаетъ человѣку видѣть дѣло ясно, придастъ словамъ его запальчивость и заставитъ его иногда говорить вкривь и вкось. Но въ человѣкѣ науки, въ публицистѣ и вообще въ литераторѣ, самолюбіе должно имѣть своимъ главнымъ источникомъ его занятіе, и въ человѣкѣ вообще порядочномъ, истинно образованномъ, оно всегда будетъ имѣть какое нибудь основаніе и никогда не выйдетъ изъ границъ.

Мы не хотимъ быть строгими пуристами, и допускаемъ въ литературѣ существованіе такой дѣятельности, которая имѣетъ своею цѣлью исключительно забавлять и смѣшить читателей. Пусть кто хочетъ занимается и этимъ, но за то ужь и не стыдись своего ремесла, такъ и выступай на свѣтъ съ этимъ назначеніемъ, чтобы всякій видѣлъ и зналъ, о чемъ идетъ дѣло. Въ странахъ, гдѣ сильно развито общественное мнѣніе, каждый день вызываетъ свои каррикатуры, каждое общественное явленіе и каждый общественный дѣятель попадаетъ въ каррикатуру. Никто этимъ не оскорбляется; многіе государственные люди въ Англіи любятъ начинать свой день разсматриваніемъ картинокъ, въ которыхъ изображаются они въ различныхъ, каррикатурныхъ видахъ. Въ какихъ напримѣръ положеніяхъ не изображался знаменитый сэръ Робертъ Пиль или самъ Желѣзный Герцогъ? навѣрное сами они, въ минуты досуга, тѣшились своими каррикатурами, и вся Англія тѣшилась ими, благоговѣя въ то же время передъ ихъ оригиналами. Въ народахъ развитыхъ, равно какъ и въ развитыхъ умственно и нравственно людяхъ, сознаніе существеннаго такъ крѣпко и сильно, что ничѣмъ не можетъ быть смущено. Но было бы ни съ чѣмъ несообразно, еслибъ кто-нибудь въ парламентѣ, взойдя на трибуну, вмѣсто всякой рѣчи показалъ кому-нибудь языкъ. Что идетъ въ Journal pour rire, то было бы вопіющею дикостію въ такомъ журналѣ, какъ напримѣръ Revue des deux Mondes. Откажитесь отъ значенія серіознаго журнала, назовитесь «Балагуромъ», или какъ-нибудь въ этомъ родѣ и тогда можете говорить что хотите, хоть плясать на канатѣ, потому что и плясуны на канатѣ терпимы въ человѣческомъ обществѣ.

Мы должны объясниться еще объ одномъ обстоятельствѣ. Журналъ, кромѣ своего главнаго назначенія, при оцѣнкѣ явленій въ обла-

сти литературы и науки, можетъ имѣть еще обязанность — знакомить публику, по возможности, со всѣми вновь выходящими книгами; наконецъ предупреждать ее относительно дурныхъ и рекомендовать ей хорошія. Невозможно было бы посвящать каждой книгѣ обширную статью; весьма многія и не заслуживали бы этого. Всякій журналъ въ правѣ ограничиваться для этой цѣли краткими библіографическими замѣтками, общимъ и сжатымъ обозрѣніемъ всѣхъ новостей литературы, какъ водится это въ нѣкоторыхъ англійскихъ большихъ «обозрѣніяхъ» , и также въ особыхъ, посвященныхъ именно этой цѣли изданіяхъ, какъ Athenaeum. Это очень полезно и очень важно; но какъ бы ни были кратки библіографическіе отчеты, они тѣмъ не менѣе требуютъ значительнаго труда и совершенной добросовѣстности, и именно чѣмъ кратче должны быть подобные отчеты, тѣмъ съ большею осмотрительностію долженъ быть постановляемъ приговоръ. Въ дѣльномъ журналѣ, одна какая-нибудь замѣтка, состоящая изъ двухъ–трехъ словъ, бываетъ плодомъ значительнаго труда, употребленнаго на прочтеніе книги. Въ подобныхъ отчетахъ всего лучше заставлять говорить самого автора, и связный выборъ характеристическихъ мѣстъ изъ книги—есть дѣло не легкое, требующее отъ рецензента весьма существенныхъ, весьма важныхъ условій. Но мы говоримъ о книгахъ. Для читателя, довѣряющаго мнѣнію своего журнала, весьма важно знать, какъ судитъ онъ о той или другой книгѣ, которая интересуетъ его своимъ заглавіемъ. Читателю въ этомъ случаѣ достаточно одного слова въ журналѣ, чтобы пріобрѣсти книгу. Поэтому журналъ, опираясь на тотъ кредитъ, который успѣлъ пріобрѣсти въ общественномъ мнѣніи, можетъ еще позволить себѣ, имѣя въ виду полноту своего библіографическаго обозрѣнія, ограничиваться иногда голословными отзывами о книгахъ. Но спрашивается, какую цѣль можетъ имѣть журналъ, перечисляя, съ голословными отзывами, статьи книжекъ другаго журнала? Статьи отдѣльно не пріобрѣтаются. Стало–быть журналъ беретъ на себя пріятную обязанность управлять выборомъ читателя въ подпискѣ на журналы.

Мы со всею рѣзкостію высказали наше мнѣніе о явленіи, которое считаемъ предосудительнымъ. Но мы не хотимъ, чтобы слова наши были приняты не въ томъ смыслѣ, въ какомъ собственно были сказаны. Мы говорили о непріятномъ обычаѣ, который случайно завелся было въ нашей журналистикѣ, но отнюдь не думали осуждать самые журналы. Напротивъ, никто болѣе насъ не цѣнитъ заслугъ, ими оказанныхъ нашему образованію, никто болѣе насъ не готовъ отдать каждому изъ нихъ должную справедливость. Со временемъ, можетъ-быть, мы и дѣйствительно постараемся опредѣлить значеніе главныхъ русскихъ журналовъ въ исторіи русскаго образованія. Теперь же мы тѣмъ рѣшительнѣе могли высказать наши замѣчанія объ уклоненіяхъ журнальной критики, что и кромѣ насъ, въ другихъ журналахъ, было высказано, въ началѣ текущаго года, тоже самое, и что не мы первые поняли неприличіе отчетовъ, отдаваемыхъ публикѣ современно-издаваемыми, *однородными* журналами другъ о другѣ. Да и самый этотъ обычай вовсе не издавна ведется въ нашей журналистикѣ. Прежде его вовсе не было, и завелся онъ, сколько намъ помнится, лѣтъ за семь или

за восемь предъ симъ. Прежде между журналами возгаралась полемика, но рецензій другъ на друга они не представляли публикѣ. Дай Богъ, чтобы живѣе и чаще происходилъ между журналами размѣнъ мыслей, чтобы между ними завязывались пренія, но только чтобы эти пренія вызывались и поддерживались интересомъ предмета, а не какими-либо иными интересами, или раздраженіемъ личнаго самолюбія разныхъ борзописцевъ, которыхъ редакціи журналовъ иногда держали у себя на сворѣ для потѣхи публики, или по ложному мнѣнію, что они своими выходками могутъ будто бы придавать журналу оживленіе и призракъ направленія. Дѣло, именно, не въ призракѣ направленія, а въ дѣйствительномъ направленіи, которое никакъ не можетъ высказываться мелкими и пустыми выходками.

Редакція «Русскаго Вѣстника» весьма благодарна за доброжелательство и сочувствіе, съ которыми программа ея была встрѣчена въ другихъ журналахъ. Пусть это обстоятельство послужитъ тоже доказательствомъ, что высказывая наше мнѣніе о нѣкоторыхъ темныхъ сторонахъ нашей журналистики, мы руководствовались не какимъ либо непріязненнымъ чувствомъ къ нашимъ собратьямъ, съ которыми напротивъ желали бы отъ души жить въ мирѣ и согласіи, дѣйствуя въ крѣпкомъ союзѣ противъ общихъ враговъ, — противъ лжи и невѣжества (*).

---

(1) Да позволено будетъ намъ коснуться здѣсь одного не очень пріятнаго пункта, и да падетъ отвѣтственность за это объясненіе на тѣхъ, кто подалъ къ нему поводъ. Г. издатель Москвитянина, недавно, въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ своего журнала, весьма обязательно перепечатавъ программу «Русскаго Вѣстника», самъ же поспѣшилъ отдать себѣ справедливость за эту galanterie, присовокупивъ, что редакторъ «Русскаго Вѣстника», завѣдывавшіи прежде редакціею «Московскихъ Вѣдомостей», не былъ такъ любезенъ относительно «Москвитянина», и ничего не говорилъ въ своей газетѣ объ этомъ журналѣ. Затѣмъ редакторъ «Москвитянина» намекаетъ, что въ настоящее время «Московскія Вѣдомости» не такъ поступаютъ въ отношеніи къ «Русскому Вѣстнику», какъ прежде къ «Москвитянину», что въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» появляются отзывы о «Русскомъ Вѣстникѣ», какихъ въ прежнее время не появлялось о «Москвитянинѣ». Какъ не сказать, что въ литературахъ образованныхъ не возможны подобные доносы публикѣ? Какъ въ самомъ дѣлѣ возможно бросать такіе неприличные намеки, безъ всякаго основанія, не размысливъ, что дѣлаешь? Если г. издатель «Москвитянина» такъ слѣдилъ за «Московскими Вѣдомостями», когда онѣ находились подъ редакціею нынѣшняго издателя «Русскаго Вѣстника», то онъ не можетъ не знать, что въ этой газетѣ не было отзывовъ ни о какихъ журналахъ. Если почему либо принято было за правило не дѣлать отзывовъ о журналахъ, то очень естественно, что не было отзыва и о «Москвитянинѣ». Было бы несравненно страннѣе, если бы только для этого журнала дѣлалось исключеніе. Прежній редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» думалъ, что назначеніе этой газеты довольно обширно и безъ отзывовъ о журналахъ. Не находя въ этой газетѣ мѣста для журнальной критики и полемики, не находя для себя возможности вести въ этой газетѣ подобное дѣло такъ, какъ слѣдуетъ, вполнѣ основательно, онъ считалъ лучшимъ вовсе не приниматься за него. Руководствуясь своими правилами, онъ дѣйствовалъ какъ умѣлъ, и смѣетъ думать, что дѣйствовалъ не совсѣмъ безполезно, и поступалъ хорошо, избѣгая летучихъ и общихъ приговоровъ, которые только безплодно раздражаютъ умы, не принося пользы дѣлу. Въ настоящее время «Московскія Вѣдомости» находятся подъ другою редакціею, и въ нынѣшнемъ году, дѣйствительно, въ «Московскихъ

Мы, съ своей стороны, радушно привѣтствовали програму «Русской Бесѣды». Вотъ уже болѣе мѣсяца какъ вышла первая книга этого изданія. Правила, высказанныя нами выше, не дозволяютъ намъ теперь произносить сужденіе о «Русской Бесѣдѣ», какъ журналѣ. Но въ ней выражается особое, образовавшееся у насъ направленіе, извѣстное подъ страннымъ и вовсе неточнымъ именемъ славянофильскаго, и мы считаемъ себя обязанными высказаться относительно этого направленія и опредѣлить наше отношеніе къ нему.

Вѣдомостяхъ» встрѣчаемъ мы отзывы о журналахъ: но обо всѣхъ журналахъ, а не объ одномъ «Русскомъ Вѣстникѣ». Отдавая нынѣшней редакціи этой газеты полную справедливость за и способность и заботливость, съ какими поддерживаетъ она интересъ своего изданія, стараясь всячески разнообразить его и расширять его сферу, мы думаемъ однако, что она ошибается, вмѣняя себѣ въ обязанность оцѣнку журналовъ. Впрочемъ если редакція «Московскихъ Вѣдомостей» убѣждена, что изданіе ея много выиграетъ въ интересѣ и пользѣ, касаясь современной русской литературы и журналистики, то все же мы думаемъ, что дѣло это должно быть ведено иначе. Интересъ и польза не въ быстролетной оцѣнкѣ, не въ эпитетахъ похвалы или порицанія, а въ ознакомленіи читателей съ тѣмъ, что дѣйствительно интересно и полезно. Изложить содержаніе замѣчательной статьи, представить изъ нея выписки — это, кажется намъ, интереснѣе и полезнѣе для читателя, нежели общія оцѣнки. Таково наше мнѣніе, и мы, вынужденные случаемъ, высказали его, но навязывать его никому не можемъ, а потому и протестуемъ противъ намека о существующей будто бы солидарности между «Московскими Вѣдомостями» и «Русскимъ Вѣстникомъ», намека, который еще тонѣе повторенъ былъ въ другой книжкѣ того же журнала Хотя и говорится, что должно судить о другихъ по себѣ; однако всякому должно быть извѣстно, что судить по себѣпозволительно только въ хорошемъ смыслѣ.

Итакъ, повторяемъ, между «Московскими Вѣдомостями» и «Русскимъ Вѣстникомъ», при всемъ уваженіи, какое оба изданія могутъ имѣть другъ къ другу, нѣтъ никакой солидарности. Новымъ доказательствомъ тому можетъ служить мнѣніе наше относительно полемики, возникшей между упомянутою газетою и новымъ періодическимъ изданіемъ, «Русскою Бесѣдою». Мы не касаемся теперь содержанія этой полемики, но думаемъ, что во всякомъ случаѣ она могла бы быть ведена иначе. Откровенно скажемъ, что намъ отнюдь не нравились критическія замѣчанія о программѣ новаго изданія. Мы всѣ желаемъ, чтобы всякое мнѣніе высказывалось, по возможности, свободно. Но не худо бы яснѣе и поглубже сознать, въ чемъ должна заключаться эта свобода. Она заключается прежде всего въ самообладаніи. Допуская свободу мнѣнія, мы должны быть сами воздержны и съ полною терпимостію давать каждому мнѣнію срокъ высказаться. Является программа новаго изданія и вызываетъ наше сочувствіе, мы вправѣ его выразить; но если эта программа производитъ на насъ противоположное дѣйствіе, если мы не можемъ сочувствовать обозначенному въ ней направленію изданія, такъ повременимъ нашимъ сужденіемъ, помолчимъ о программѣ, дождемся книги, дадимъ направленію высказаться, выслушаемъ дѣло, и потомъ уже произнесемъ свое мнѣніе. Не терпя предубѣжденій въ другихъ, мы прежде всего должны быть сами отъ нихъ свободны. Пока послѣднее слово не сказано, какъ можемъ мы судить о значеніи рѣчи? и почемъ знать, какъ еще составится наше сужденіе, когда мы *спокойно и свободно* выслушаемъ ее до конца?

Намъ пріятно отдать полную справедливость тону, съ какимъ написана въ «Русской Бесѣдѣ» статья г. Самарина, возникшая по поводу этой полемики съ «Русскою Бесѣдой», еще до ея рожденія, и «Московскими Вѣдомостями», и хотя мы вовсе не согласны съ мнѣніями, высказанными въ этой статьѣ, мы однако вполнѣ сочувствуемъ ея образцовому тону.

Скажемъ съ самаго начала, что мы искренно сочувствуемъ многому, что высказывалось людьми этого направленія, хотя не менѣе рѣшительно расходимся съ нимъ во многихъ воззрѣніяхъ, которыя, по нашему убѣжденію, какъ случайная примѣсь, портятъ всю закваску.

Нельзя не пожалѣть, что развитіе мысли у насъ, какъ въ отдѣльныхъ лицахъ, такъ и въ кружкахъ, совершается какъ-то, — какъ бы сказать?—слишкомъ быстро, не въ тѣхъ условіяхъ, которыя давали бы возможность каждой фазѣ развитія высказаться во всей полнотѣ. У насъ, по большей части, мысль развивается не тѣмъ правильнымъ, дѣйствительнымъ, серіознымъ ходомъ, который бы высказывался— ужь не говоримъ въ цѣлыхъ системахъ, — по крайней мѣрѣ сколько бы нибудь опредѣлительно высказывался. Если мысль не высказывается, то она слишкомъ легко, почти незамѣтно, перелетаетъ отъ одного къ другому, смѣшиваетъ многое разнородное, и касаясь всего, ни чѣмъ не овладѣваетъ. Такъ молодая мечта, предупреждая жизнь, переноситъ человѣка изъ положенія въ положеніе. Многое въ мысли иначе опредѣлится, когда она будетъ запинать свой ходъ трудомъ изученія и печатнаго выраженія; такъ человѣкъ часто совсѣмъ не узнаетъ себя, очутившись дѣйствительно въ томъ положеніи, въ которомъ прежде только воображалъ себя.

Постараемся, сколько можно полнѣе и отчетливѣе развить ту связь понятій, которыми опредѣляется направленіе «Русской Бесѣды» и наше направленіе по отношенію ко многимъ важнымъ предметамъ, заслуживающимъ полное вниманіе каждаго мыслящаго читателя.

Давно уже, и притомъ въ лучшихъ умахъ, чувствовалось у насъ недовольство пассивностію нашей жезни и мысли, чувствовалась потребность, оригинальнаго живаго и сильнаго развитія нравственныхъ и умственныхъ силъ, съ которыми каждый историческій народъ является на сцену міра. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ чувствѣ, въ этой потребности, сходятся всѣ благородно-мыслящіе люди. Но пойдемъ далѣе, и посмотримъ, не встрѣтится ли вскорѣ распутіе.

Въ нашемъ народѣ—будемъ мы разсуждать далѣе—есть же начало самостоятельной и своеобразной жизни, не даромъ же призванъ онъ къ историческому существованію, не суждено же намъ быть только подражателями и повторять зады другихъ народовъ. Французъ ли, Англичанинъ ли, Нѣмецъ ли, въ своихъ идеалахъ, въ своихъ стремленіяхъ, въ своемъ бытѣ и образованіи, является каждый порожденіемъ своей земли, своей исторіи. Сравняться съ ними можемъ мы не простымъ подражаніемъ: какъ подражатели мы всегда будемъ назади. Да и какое же значеніе, какой же интересъ можетъ имѣть для другихъ народовъ наша жизнь, будучи блѣднымъ отраженіемъ, будучи ненужнымъ повтореніемъ ихъ жизни? Сравняться съ другими народами можемъ мы не иначе, какъ силою оригинальнаго дѣйствія и оригинальнаго слова.

Все это такъ, но здѣсь уже таится нѣкоторая неопредѣленность и зародышъ разногласія, теперь еще едва замѣтный. Постараемся отыскать этотъ зародышъ и вывести его наружу, чтобъ не оставить его за собою, и чтобъ послѣ, развившись въ добра молодца, не обошелъ онъ насъ нежданно и негаданно.

Дѣйствительно, каждый образованный историческій народъ являетъ собою оригинальное и самостоятельное развитіе; дѣйствительно, каждый такой народъ есть порожденіе исторіи, но не своей исключительно, а исторіи всемірной. Особенно теперь, въ христіянскомъ мірѣ, невозможна исключительность и замкнутость развитія. Идея народа опредѣляется исторіей всемірной, и историческій народъ развивается во взаимнодѣйствіи съ другими историческими народами. Есть народы, которые какъ бы отрекаются отъ такого взаимнодѣйствія и замыкаются въ себѣ. Въ такихъ народахъ изсякаетъ всякая производительность, всякое творчество, всякій духъ, всякая жизнь. Какъ мумію хранятъ они свое прошедшее, и изверженные изъ великаго, хотя незримаго, но дѣйствительнаго міра исторіи, они подпадаютъ закону естественной исторіи, закону природы, въ которой періодически и круговратно совершаются одни и тѣже явленія, и ничто новое не творится. Но и эти исторически-мертвые народы были когда-то живыми. Быть-можетъ имъ суждено со временемъ вновь ожить для исторіи, и первымъ признакомъ исторической жизни явится взаимнодѣйствіе ихъ съ другими народами. Самъ по себѣ, отдѣльно взятый, народъ не можетъ имѣть исторіи въ истинномъ смыслѣ слова; самъ по себѣ, онъ не можетъ быть ни самостоятельнымъ, ни оригинальнымъ, потому что не въ чемъ будетъ выразиться его самостоятельности и оригинальности. Въ этомъ отношеніи народъ есть то же что и человѣкъ. Не думайте, что характеръ человѣка будетъ тѣмъ оригинальнѣе, чѣмъ онъ будетъ разобщеннѣе отъ всѣхъ и отъ всего. Повторите въ воображеніи эту старую и уже скучную исторію о переселеніи человѣка-младенца на необитаемый островъ, и вы согласитесь, что не только оригинальнаго характера, вы никакого характера не получите, да и человѣка-то не получите. Воспитаніе, образованіе, общеніе съ людьми, служеніе верховнымъ всечеловѣческимъ цѣлямъ— вотъ единственная возможность человѣку стать человѣкомъ, проявить силу воли и мысли.

Англичанинъ, Французъ, Нѣмецъ, являются, сказали мы, порожденіемъ своей исторіи. Такъ, но вспомнимъ, что такое ихъ исторія. Не есть ли исторія каждаго европейскаго народа—исторія Европы, или лучше сказать исторія человѣчества? Не потому ли каждый изъ этихъ народовъ представляетъ собою великій и обильный міръ, не потому ли каждый изъ нихъ ознаменовалъ себя оригинальною дѣятельностію и отличается самостоятельнымъ характеромъ, что всѣ они жили вмѣстѣ, взаимно дѣйствуя другъ на друга? И не тѣмъ ли плодотворнѣе стала жизнь европейскихъ народовъ, чѣмъ болѣе овладѣвали они наслѣдіемъ древняго міра, чѣмъ болѣе во всѣхъ и каждомъ оживала идея человѣчества, чѣмъ болѣе сглаживались племенные и національные предразсудки? Это великое развитіе знанія и гражданственности, эти чудеса торговли и промышлености, эта колонизація, покоряющая океаны и пустыни, и цѣлыя части свѣта, всемірному дѣлу исторіи,—все, что̀ теперь совершается и чѣмъ знаменуется настоящее время, есть дѣйствіе человѣчества, живущаго въ народахъ, сознательно или безсознательно исполняющихъ божественныя цѣли...

Теперь за нами чисто, мы смѣло можемъ идти впередъ. Объяснившись такимъ образомъ, мы безъ опасенія присоединяемся къ тѣмъ, кто желаетъ и требуетъ, чтобы жизнь нашего народа становилась сколь возможно самобытнѣе и оригинальнѣе. Самобытность народа, въ нашей мысли, заключается въ его всемірно-историческомъ значеніи; она проявляется и развивается при условіи взаимнодѣйствія съ историческими народами міра; она состоитъ не въ томъ, чтобы народъ отпалъ отъ человѣчества, но чтобы напротивъ, онъ подчинялся ему и сталъ его истиннымъ, живымъ органомъ. Обращаемся къ «Русской Бесѣдѣ». Такъ ли понимаетъ она самобытность? Справедливо ли укоряютъ ее, что она отрекается отъ общечеловѣческаго въ пользу исключительно народнаго? Такъ-называемые славянофилы, въ отвѣтъ на укоры, которые дѣлались имъ съ разныхъ сторонъ, всегда энергически утверждали и утверждаютъ, что они не хотятъ народности лишенной общечеловѣческаго значенія. «Если»,—говорятъ они,—«народность не мѣшаетъ другимъ народамъ быть общечеловѣческими, то почему же должна она мѣшать Русскому народу? Дѣло человѣчества совершается народностями, которыя не только отъ того не изчезаютъ и не теряются, но проникаясь общимъ содержаніемъ, возвышаются и свѣтлѣютъ, и оправдываются какъ народности» (1). Что въ этихъ словахъ есть такого, чего бы каждый не могъ признать своимъ? Мы повторяемъ ихъ съ полнымъ сочувствіемъ. Если такъ выражается славянофильское направленіе, то мы вовсе не понимаемъ, почему оно славянофильское, и зачѣмъ давать ему какое-нибудь отчуждающее названіе. Если въ этомъ выражается славянофильство, то мы хотимъ быть славянофилами, не смотря на это долгохвостое и уродливое названіе. Мы хотимъ, чтобы русская народность имѣла общечеловѣческое значеніе; мы хотимъ, чтобы она, проникаясь *общимъ содержаніемъ, возвышалась и свѣтлѣла и оправдывалась какъ народность.* По смыслу этихъ словъ, которыя охотно принимаемъ за выраженіе нашей собственной мысли, народность есть сосудъ, который долженъ наполняться общимъ содержаніемъ, есть мѣсто, которое должно быть занято человѣчествомъ, есть сила, которая получаетъ свой смыслъ, свое оправданіе, sa raison d'être, не въ своей исключительности, не въ особенной своей исторіи, но въ единой всеобщей, всемірной исторіи, и только тутъ становится цѣнною для всякаго человѣка, только тутъ *возвышается* и *свѣтлѣетъ.*

Что же значитъ однако то особенное положеніе, въ которомъ держится славянофильское направленіе? Что же вызываетъ противъ него возражателей? И зачѣмъ такъ упорно возобновляется нападеніе на нихъ, какъ на защитниковъ исключительной народности? Неужели приведеная нами изъ «Русской Бесѣды», столь ясно выраженная мысль допускаетъ еще возможность недоразумѣній съ той и съ другой стороны? Неужели признавая въ общечеловѣческомъ единственный существенный смыслъ народности, славянофилы все-таки еще могутъ какъ-нибудь казаться защитниками народной исключительности? Стало-быть и въ этихъ словъ, которыя казались намъ столь ясными, есть

---

(1) Русская Бесѣда, Смѣсь, стр. 84, статья г. К. А. о *о Русскомъ воззрѣніи.*

еще нѣчто неясное, допускающее возможность совершеннаго разногласія въ мнѣніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, при высказанномъ въ этихъ словахъ понятіи объ отношеніи народнаго къ общественному, оказалась возможность совершенно перевернуть это отношеніе. Требуя, чтобы народность проникалась общимъ содержаніемъ, слѣдовательно требуя, по видимому, чтобы она служила только орудіемъ и мѣстомъ для проявленія этого содержанія, «Русская Бесѣда» подняла вопросъ о народности въ наукѣ, то-есть выразила требованіе, чтобы въ дѣло по преимуществу общечеловѣческое, какова наука, было вносимо народное воззрѣніе, чтобы, другими словами, область общечеловѣческая, наука, стала какъ бы орудіемъ или сосудомъ народности.

Вотъ видите ли, какъ не надежны слова, какъ вертятся слова, и какъ трудно, при разсматриваніи вопроса, ограничиваться ихъ ходячимъ значеніемъ, и какъ необходимо прибѣгать къ отчетливому анализу мысли, когда хотимъ привести въ ясность дѣло! Мы, предпринимая наши замѣтки о такъ-называемомъ славянофильскомъ направленіи, не увлекаемся притязаніями быть рѣшителями спора, или разубѣдить людей, несогласно съ нами мыслящихъ. Цѣль наша содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, къ точнѣйшему опредѣленію вопроса, къ упрощенію спора. Мы хотѣли бы отыскать главные существенные пункты разномыслія, чтобы противники въ спорѣ сознательно направляли свои удары, и говорили не на вѣтеръ. Что толку обвинять славянофиловъ въ стремленіи замѣнить просвѣщеніе дикостію, возвратиться къ какой-то первобытной грубости нравовъ? Скажите, какое вѣроятіе, чтобы люди образованные и мыслящіе, люди, которымъ и противники не отказываютъ въ уваженіи, вдругъ ни съ того, ни съ сего, возымѣли мысль превратиться въ какихъ-то дикарей, и всѣхъ другихъ, по возможности, посадить въ такое привлекательное состояніе. Да и на чемъ можетъ быть основано подобное обвиненіе? Намъ было бы пріятно содѣйствовать къ прекращенію такой безплодной полемики и найдти, съ одной стороны истинный предметъ спора, а съ другой то начало, которое такъ привязываетъ славянофиловъ къ ихъ воззрѣніямъ, раскрыть то очарованіе, которое имѣетъ для нихъ развернутое ими знамя. Положимъ, что они ошибаются въ своемъ мнѣніи о народности вообще и о русской въ особенности, ошибаются въ своихъ воззрѣніяхъ на древнюю исторію Руси, и т. д.; но интересно уяснить, что̀ одушевляетъ ихъ въ самой ошибкѣ, что̀ составляетъ для нихъ какъ бы поэзію ихъ убѣжденій. Очень можетъ-быть, что они ищутъ того же, что и ихъ противники, только ищутъ не тамъ, гдѣ можетъ-быть слѣдуетъ искать. Съ другой стороны, можетъ-быть удастся намъ доказать членамъ «Русской Бесѣды», что и при разномысліи съ ними очень возможно быть Русскому Русскимъ, и что вопросъ о русской народности можетъ быть рѣшаемъ не одними лишь славянофильскими понятіями.

Но здѣсь мы остановимся, съ тѣмъ чтобы въ слѣдующемъ нумерѣ продолжать наши замѣтки о направленіи, представляемомъ въ нашей литературѣ «Русскою Бесѣдою».

Послѣднее время было довольно плодовито для нашей литературы.

Вышли два послѣдніе тома сочиненій Гоголя (5 и 6-й), изданные г. Трушковскимъ. Содержаніе 5-го тома составляютъ: 1) Статьи изъ Арабесокъ, 2) Журнальныя статьи, 3) Неизданныя сочиненія (обширный и замѣчательный отрывокъ повѣсти; Развязка «Ревизора»; сюда же отнесенъ отрывокъ изъ «Мертвыхъ Душъ», напечатанный въ первой книжкѣ нашего журнала). Въ томъ шестой входятъ: 1) Избранныя мѣста изъ «Переписки съ друзьями», 2) Юношескіе опыты.

Почти въ одно время съ выходомъ этихъ двухъ послѣднихъ томовъ сочиненій Гоголя, изданы въ Петербургѣ, г-мъ М., *Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленныя изъ воспоминаній его друзей и знакомыхъ и изъ его собственныхъ писемъ.* Два большіе тома (въ 8-ю д. л. Т. I, стр. 339. Т. II, стр. 302), кромѣ подробнаго біографическаго разказа, содержатъ въ себѣ множество доселѣ еще неизвѣстныхъ публикѣ писемъ покойнаго.

Вышли въ свѣтъ, въ С.-Петербургѣ четвертымъ изданіемъ, сочиненія Лермонтова.

Въ Москвѣ вышли новымъ изданіемъ стихотворенія Кольцова, съ предисловіемъ Бѣлинскаго.

Вышли новымъ пополненнымъ изданіемъ стихотворенія г. Фета.

На этихъ дняхъ наша юридическая литература пріобрѣла новое обширное сочиненіе въ трудѣ г. Чичерина, подъ заглавіемъ: *Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ.* Москва, 1856 въ 8 д. л. стр. 1. стр. III и 591. Сочиненіе посвящено авторомъ памяти Тимоѳея Николаевича Грановскаго.

По части наукъ физическихъ вышло, въ Москвѣ, въ свѣтъ сочиненіе г. Любимова, подъ заглавіемъ *Основный законъ электро-динамики и его приложеніе къ теоріи магнитныхъ явленій.* Трудъ этотъ есть диссертація, писанная авторомъ, адъюнктомъ по каѳедрѣ физики, для полученія степени магистра, и была публично защищена имъ 29 минувшаго мая.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Къ числу тѣхъ вопросовъ международной политики, которыхъ рѣшеніе предоставлено было парижскою конференціею дальнѣйшимъ соглашеніямъ великихъ державъ, принадлежитъ и освобожденіе греческаго королевства отъ занятія его предѣловъ военными силами Англіи и Франціи. Извѣстно, что занятіе это вызвано было при самомъ началѣ Восточной войны естественнымъ сочувствіемъ Грековъ къ Россіи и сверхъ-того оправдывалось стратегическими соображеніями. Причины эти, по заключеніи мира, не существуютъ, и слѣдовало бы ожидать, что союзныя войска поспѣшатъ оставить независимую страну, конечно недовольную стѣсненіемъ такого рода. Ни англійское, ни французское правительство не высказываютъ до сихъ поръ своихъ мыслей о срокѣ прекращенія этой мѣры, которую сами они объявили временною; но судя по отзывамъ полуофиціяльныхъ газетъ обѣихъ странъ, тамъ существуютъ противъ настоящаго положенія Греціи такія предубѣжденія, которыя, не оправдываясь самымъ дѣломъ, могутъ однакожь служить поводомъ къ дальнѣйшему пребыванію въ ней союзныхъ войскъ. Англійская газета Morning Post и французская la Patrie стараются представить это занятіе благодѣтельнымъ для самой Греціи, которая будто бы до того предана внутреннему безначалію, что не въ силахъ подавить разбоевъ, часто нарушающихъ спокойствіе мирныхъ ея гражданъ. Но какъ бы наперекоръ этимъ доводамъ, никогда еще согласіе правительства и народа въ томъ краѣ не было такъ полно и единодушно, какъ теперь, никогда мѣры противъ разбоевъ не были такъ дѣятельны и успѣшны, — и это совершенно помимо всякаго участія со стороны союзныхъ войскъ, занимающихъ, какъ извѣстно, окрестности столицы, тогда какъ главнымъ поприщемъ разбоевъ и грабежей сѣверныя области королевства, пограничныя съ Оттоманскою имперіею. Извѣстно, что всѣ главныя шайки грабителей переходили въ Грецію изъ турецкихъ владѣній, которыя, какъ мы еще недавно имѣли случай говорить, наводнены ими чуть не до окрестностей Константинополя. Для успѣшнѣйшаго истребленія этихъ бродячихъ ватагъ, которыя, избѣгая погони съ той или другой стороны, безпрестанно переходили границы и такимъ образомъ безнаказанно укрывались съ своею добычею, греческое правительство заключило съ турецкимъ формальный договоръ, кото-

рымъ преслѣдованіе разбойниковъ вооруженною силою каждой изъ договаривающихся державъ допускается и въ предѣлахъ другой, пока не появится съ этой стороны отрядъ, достаточный для поимки хищниковъ. Назначаемыя для того войска должны быть регулярныя, и начальникамъ ихъ съ той и другой стороны предоставляется входить въ соглашенія относительно совокупнаго образа ихъ дѣйствій. Обоюдные дезертиры задерживаются на границѣ и отсылаются обратно по принадлежности. Срокъ этому важному по своимъ послѣдствіямъ договору полагается шестилѣтній. Нельзя не замѣтить при этомъ, что бо̀льшая часть разбойниковъ состоитъ изъ турецкихъ Албанцевъ, которые съ награбленною добычей возвращались обыкновенно во свояси и укрывались въ ближайшемъ турецкомъ селеніи, подъ защитой мѣстнаго начальника, или дербенъ-аги, который, разумѣется, имѣлъ при этомъ свои выгоды.

Касательно оставленія союзными войсками предѣловъ Оттоманской имперіи, между Портою и уполномоченными Англіи, Франціи и Сардиніи заключена 14 мая конвенція, которою опредѣляется для этого шестимѣсячный срокъ. Турецкое правительство надѣется тѣмъ временемъ распредѣлить свои военныя силы такъ, чтобы ихъ было достаточно для подавленія внутреннихъ безпорядковъ. Крымскій полуостровъ очищается со всевозможною поспѣшностью. Должно надѣяться, что союзныя правительства не замедлятъ вывесть свои войска и изъ Греціи, какъ скоро дозволятъ это состоящія въ ихъ распоряженіи огромныя, но все-таки недостаточныя, перевозныя средства. Офиціяльный о̀рганъ тамошняго правительства, Moniteur grec, возражая на неблагопріятные отзывы газетъ Patrie и Morning Post, говоритъ, что «Греція теперь спокойна, и довольна миромъ, который обѣщаетъ улучшить положеніе христіянъ въ Турціи и снова оживить греческую торговлю.» Обвиненія газеты Marning Post, будто правительство короля Оттона съ умысломъ допускаетъ грабежи въ пограничныхъ турецкихъ областяхъ, отвергаются съ презрѣніемъ; отзывы этого полуофиціяльнаго о̀ргана лорда Пальмерстона возбудили сильное негодованіе въ Аѳинахъ.

Австрійскія войска уже начали постепенно выступать изъ Придунайскихъ княжествъ, но оставятъ ихъ совсѣмъ только тогда, когда по выраженію «Австрійской Корреспонденціи», исполнены будутъ и всѣ другія условія трактата 30 марта относительно *занятій* этихъ странъ. Подъ *занятіями* разумѣются здѣсь остатки турецкихъ войскъ, расположенныхъ въ княжествахъ, равно какъ и русскіе отряды, находящіеся въ той части Бессарабіи, которая должна отойдти отъ насъ по трактату, какъ скоро собравшаяся уже смѣшанная коммиссія опредѣлитъ между Россіею и Молдавію новую граничную черту.

Молдавскій генеральный диванъ, оканчивая срокъ засѣданій своихъ 24 мая, положилъ изъявить благодарность господарю князю Гикѣ за то, что онъ ходатайствовалъ у европейскихъ державъ о слитіи воедино обоихъ Придунайскихъ княжествъ, ради общей пользы всей Румынской земли, ради ея благоденствія и будущности. Это рѣшеніе дивана, которое нашло себѣ, говорятъ, большое сочувствіе какъ въ Яссахъ, такъ и въ Бухарестѣ, имѣетъ особенное значеніе въ томъ

смыслѣ, что совпадаетъ съ мнѣніемъ большинства уполномоченныхъ на парижской конференціи, гдѣ только представители Австріи и Турціи возставали противъ соединенія княжествъ.

На основаніи султанскаго хаттъ-и-гумаюна отъ 18 февраля, великій визирь 17 мая впервые пригласилъ въ верховный совѣтъ находящихся въ Константинополѣ патріарховъ, великаго раввина, начальниковъ латинской и протестантской общинъ и четырехъ засѣдателей отъ Порты, для сообщенія имъ своихъ предположеній относительно приготовляемаго теперь закона о допущеніи христіянъ и другихъ немусульманскихъ подданныхъ на службу въ императорской арміи. Но въ то самое время, какъ правительство старается по мѣрѣ силъ исполнить данныя имъ обѣщанія, его же собственные сановники, и притомъ въ самомъ Константинополѣ, противятся всякому примѣненію хатта въ пользу райевъ, и даже самовластно удерживаютъ тѣхъ изъ своихъ единовѣрцевъ, которые готовы на какія-нибудь уступки христіянамъ вслѣдствіе новаго порядка вещей.

Въ отвѣтъ на ноту графа Кавура отъ 16 апрѣля, появилась въ послѣднемъ нумерѣ Allegemeine Zeitung депеша графа Буоля къ австрійскимъ миссіямъ во Флоренціи, Римѣ, Неаполѣ и Моденѣ, отъ 18 мая. Въ этомъ документѣ, какъ и слѣдовало ожидать, сильно опровергается притязаніе Піемонта на право говорить именемъ всей Италіи и на какое-то покровительственное господство (Schutzherrschaft) въ этомъ краѣ, тогда какъ европейское народное право признаетъ тамъ нѣсколько независимыхъ другъ отъ друга правительствъ. Австрія умѣетъ уважать эту независимость и ссылается въ томъ на ихъ собственное безпристрастное свидѣтельство. Главную вину итальянскихъ волненій депеша видитъ не въ пребываніи тамъ австрійскихъ войскъ; напротивъ, присутствіе ихъ становится необходимымъ только вслѣдствіе постоянныхъ крамолъ революціонной партіи, и ничто такъ не возбуждаетъ преступныхъ надеждъ этой партіи, ничто такъ не воспламеняетъ страстей ея, какъ зажигательныя рѣчи, недавно раздававшіяся въ піемонстскомъ парламентѣ. Депеша, какъ видите, не заключаетъ въ себѣ ничего новаго; она повторяетъ старый мотивъ временъ Меттерниха, и мы упомянули объ ней только для того, чтобъ заявить ея дѣйствительное существованіе, о которомъ долго ходили въ газетахъ одни смутные слухи. Гораздо важнѣе для истиннаго блага Италіи, если подтвердится рапространившаяся недавно вѣсть, что Мадзини намѣренъ совершенно удалиться съ демагогическаго поприща и жить мирнымъ переселенцемъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Говоря въ послѣдній разъ объ итальянскихъ дѣлахъ и соображая при этомъ общее политическое положеніе Европы, мы изъявляли надежду, что чрезмѣрная запальчивость одной изъ спорящихъ сторонъ и неподвижное упорство другой, вѣроятно, сдѣлаютъ другъ другу взаимныя уступки и приведутъ къ какому-нибудь среднему термину, хотя далеко не соотвѣтствующему слишкомъ пылкимъ ожиданіямъ и надеждамъ восторженныхъ поборниковъ итальянской независимости, но тѣмъ не менѣе полезному въ ходѣ общественнаго развитія того края. Дѣйствительно, англійское министерство, а вслѣдъ за нимъ и нѣкоторыя изъ тамошнихъ газетъ, стараются теперь сами умѣрить

тѣ «слишкомъ пылкія надежды», которыя возбуждены ими на первыхъ порахъ, отчасти быть-можетъ и ради одного парламентскаго эффекта. Давно ли министерская газета Morning Post чуть не прямо вызывала Итальянцевъ на возстаніе, и вдругъ, послушная мановенію свыше, она увѣряетъ теперь своихъ читателей, что кризиса въ Италіи собственно и нѣтъ, что тамошнія дѣла остаются въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ были они за три года; что для дѣятельнаго вмѣшательства не настала еще пора, а торопливость въ такомъ дѣлѣ была бы пагубнымъ политическимъ заблужденіемъ. Притомъ, замѣчаетъ газета, Англіи отнюдь нельзя выступить этомъ случаѣ одной; необходимо удостовѣриться въ содѣйствіи другихъ державъ европейскихъ, особенно Франціи и еще можетъ-быть Россіи. Допустимъ, что нѣкоторыя могущественныя державы признаютъ тягость положенія Италіи, но какъ согласить ихъ относительно средствъ, которыя слѣдуетъ употребить къ облегченію ея судьбы? Главное затрудненіе представляетъ здѣсь Австрія, которая не допуститъ иноземнаго вмѣшательства, и которую надо одолѣть прежде нежели проникнуть въ Италію. Изъ всѣхъ этихъ, конечно, ни для кого не новыхъ положеній, англійская газета выводитъ то заключеніе, что освобожденіе Италіи— предпріятіе очень щекотливое, трудное и опасное, которое требуетъ дѣйствій медленныхъ и осторожныхъ, тѣмъ болѣе, что и сами Итальянцы еще не готовы къ непосредственному освобожденію. «Имъ слѣ-«дуетъ напередъ отдѣлаться отъ раболѣпства передъ тайными обще-«ствами и забыть презрѣнный кодексъ политической нравственности, «такъ усердно распространяемый въ послѣднее время зачинщиками «мятежей. Пусть Итальянцы держатся на почвѣ свободы, но подъ «этимъ предлогомъ они не должны ополчаться противъ порядка, «власти, богатства и законности. Такого рода направленіе суще-«ствуетъ, и пока оно не подавлено, оно будетъ связывать руки «лучшимъ друзьямъ свободы и обращать въ ничто всѣ ихъ усилія».

Эта дѣльная, но конечно совсѣмъ неожиданная проповѣдь чуть ли не отзывается вліяніемъ того необыкновенно радушнаго пріема, какой оказанъ въ Парижѣ брату австрійскаго императора. По словамъ газеты Times, англійскимъ посланникамъ въ Туринѣ и Вѣнѣ предписано, одному охлаждать горячность Піемонта, другому успокоивать Австрію. Тѣсный союзъ съ могучимъ сосѣдомъ все еще очень дорогъ для Англіи и особенно теперь, когда въ размолвкѣ своей съ Соединенными Штатами, она отъ извиненій и уступокъ переходитъ наконецъ къ угрозамъ и обвиненіямъ. Газеты Times, Globe, Stndart и Morning Post возстаютъ противъ нынѣшняго правительства республики въ одинъ голосъ, и приписываютъ президенту умыселъ нарочно вовлечь Соединенные Штаты въ войну изъ одного угожденія демократической партіи, на которую надѣется онъ при предстоящихъ выборахъ. Сигналомъ къ этому повороту было привезенное изъ Америки извѣстіе, что президентъ Пирсъ, видя сомнительное положеніе Вокера въ Никарагвѣ и опасаясь за будущность сѣвероамериканскаго господства въ Центральной Америкѣ, поспѣшилъ дать аудіенцію патеру Вигилю, акредитованному Вокеромъ (или президентомъ Никарагвы Ривасомъ) при Вашингтонскомъ кабинетѣ и въ

то же время предложилъ сенату о признаніи Вокерова правительства. Ближайшимъ слѣдствіемъ этого важнаго событія будетъ во всякомъ случаѣ сильный наплывъ Сѣверо-американцевъ въ Центральную Америку, а тогда трудно будетъ избѣжать столкновеній съ англійскими судами, отправленными туда для охраненія интересовъ своей націи. По новѣйшимъ извѣстіямъ, Сѣверо-американцы послали туда пять военныхъ судовъ съ своей стороны.

Припомнимъ въ короткихъ словахъ настоящее положеніе спора о Центральной Америкѣ. Послѣ продолжительной переписки и представленія множества доводовъ съ той и другой стороны, окончательныя требованія Соединенныхъ Штатовъ выражены были г-мъ Бухананомъ въ депешѣ къ лорду Кларендону отъ 11 сентября прошлаго года слѣдующимъ образомъ: «Американское правительство считаетъ Англію обязанною по трактату 1850 года покинуть всѣ свои владѣнія на Руатанѣ и въ другихъ штатахъ Центральной Америки, включая сюда и Гондурасъ; владѣніе Бализою допускается лишь на условіяхъ, установленныхъ трактатами 1783 и 1786 годовъ между Англіею и Испаніею (1). Что касается москитскаго протектората, Англія должна совершенно отъ него отказаться.» Таково вкратцѣ толкованіе, даваемое правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ Клейтонъ-Бульверовскому трактату. Графъ Кларендонъ возразилъ на это, что еслибъ Англія намѣревалась отказаться отъ владѣній и правъ, которыми она пользовалась въ этихъ странахъ Центральной Америки, то высказала бы это намѣреніе формально въ трактатѣ 1850 года. Такого рода отреченіе не могло быть оставлено въ видѣ простой догадки. Англійскія газеты присовокупляютъ къ этому еще слѣдующія соображенія: у народовъ нѣтъ обычая покидать старинныя и притомъ превосходныя владѣнія, не получивъ за то какого-нибудь вознагражденія равной цѣны, и правило г. Буханана есть нововведеніе, не имѣющее никакаго другаго достоинства, кромѣ своей странности. Американскіе государственные люди довольно хорошо знакомы съ началами международнаго права и дипломатическими обычаями: пусть же они укажутъ хоть на одинъ примѣръ подобнаго отреченія. Притомъ американское правительство повидимому не совсѣмъ убѣждено и само въ вѣрности своего толкованія трактата 1850 года. Будь у него это убѣжденіе, зачѣмъ бы ему тотчасъ же не предоставить спорнаго вопроса рѣшенію третейскаго суда, какъ давно предложено было Англіею.

Въ всѣхъ этихъ разсужденіяхъ упущено изъ виду одно главное обстоятельство: дѣло идетъ здѣсь не о формальномъ правѣ, которое можетъ быть сомнительно и шатко какъ съ той, такъ и съ другой стороны, но существенно о томъ, кому обладать путемъ, соединяющимъ оба океана и оба материка Америки? Этотъ вопросъ, не созрѣвшій еще въ 1850 году, при заключеніи Клейтонъ-Бульверовскаго трактата, достигъ теперь, благодаря быстрымъ успѣхамъ желѣзныхъ и пароходныхъ сообщеній, той степени развитія, что его трудно уже задержать и не возможно устранить. А чѣмъ именно онъ рѣшится, покажетъ будущность.

---

(1) Этими трактатами уступлена Англіи только извѣстная часть Бализы.

Заключимъ нашъ общій обзоръ международныхъ отношеній нѣсколькими словами о договорѣ, заключенномъ недавно между Франціею и Саксоніею для взаимнаго обезпеченія правъ литературной собственности. Извѣстно, какое огромное количество французскихъ перепечатокъ производилось до сихъ поръ въ Лейпцигѣ и, наоборотъ, нѣмецкихъ въ Парижѣ. Новый трактатъ полагаетъ конецъ этому злоупотребленію. Покровительство его простирается не только на книги въ собственномъ смылѣ, но также на представленіе драматическихъ піесъ и на неполитическія статьи журналовъ, если только авторъ формально запретитъ ихъ перепечатаніе. Относительно перепечатокъ и переводовъ, выгода этого трактата безспорно на сторонѣ Франціи; но съ другой стороны Саксонія и вся нѣмецкая книжная торговля выигрываютъ тѣмъ, что отнынѣ пошлина на привозимыя изъ Германіи во Францію книги значительно понижена и сравнена съ тою, какую должны платить книги, привозимыя изъ Франціи въ Германію. Прежде за всѣ не-французскія книги взималось во Франціи съ каждаго центнера отъ 30 до 50 франковъ привозной пошлины, а за книги, карты и проч. на французскомъ языкѣ по 300 франковъ; нынѣ же въ обоихъ случаяхъ положено взимать только по 20 франковъ съ центнера. Новый договоръ содержитъ въ сущности тѣ же постановленія, какъ и заключенный въ прошломъ году между Франціею и Бельгіей.

Послѣдній пароходъ изъ Нью-Йорка привезъ, оттуда новости доходящія до 17 мая, и въ томъ числѣ краткій перечень посланія президента. Оно начинается изложеніемъ торговой и политической важности Панамскаго перешейка, который тоже самое для Америки, что Суесскій для Европы, и переходитъ потомъ къ мѣрамъ, которыя были приняты правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ для обезпеченія всѣхъ удобствъ транзитной торговли между двумя океанами Съ этою цѣлью заключенъ имъ трактатъ съ Новою-Гренадою и въ тѣхъ же видахъ старалось оно, хотя и тщетно, склонить Мексику на уступку свободнаго пути въ сѣверной части мыса, чрезъ Тегуантепекъ. Несмотря на многократные вызовы распространить свой протекторатъ на Центральную Америку и воспользоваться всѣми выгодами этого положенія, правительство строго держалось своей системы справедливости и уваженія къ правамъ другихъ державъ относительно этой части Америки. Президентъ напоминаетъ здѣсь коротко о томъ, какъ Англія овладѣла портомъ Санъ-Гуанъ дель-Норте (Грейтоуномъ) почти тотчасъ по заключеніи гваделупскаго договора, и какое вліяніе имѣлъ этотъ поступокъ на дѣла въ Никарагвѣ. Онъ говоритъ потомъ о внутренней безрядицѣ и печальномъ состояніи испано-американскихъ республикъ, не способныхъ ни охранять у себя интересы чужеземцевъ, ни защитить своихъ собственныхъ предѣловъ отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. Такое положеніе вещей не могло не отразиться и на отношенія къ иноземнымъ державамъ: Соединенные Штаты вовлечены были въ войну съ Мексикой, Франція и Англія были вынуждены прибѣгнуть къ вооруженной силѣ для огражденія своихъ гражданъ противъ независимыхъ испано-американскихъ республикъ. Соединеннымъ Штатамъ легко было бы присвоить себѣ любую область въ Централь-

ной Америкѣ, какъ поступаютъ нѣкоторыя европейскія державы въ Азіи и Африкѣ, но они воздерживались отъ этого какъ изъ политическихъ видовъ, такъ и изъ уваженія къ правамъ. Въ числѣ центрально-американскихъ республикъ особенное вниманіе обращала на себя въ послѣднее время Никарагва, благодаря существующему тамъ транзиту. Среди внутреннихъ междоусобій, не было тамъ ни одной партіи, достаточно сильной для одолѣнія другихъ, и тогда нѣкоторые изъ гражданъ обратились за помощью къ гражданамъ Соединенныхъ Штатовъ, которые и пособили водворить порядокъ, поставивъ во главѣ правительства человѣка достойнаго, гражданина республики по праву рожденія, дона Патриціо Риваса. Переходя за тѣмъ къ вопросу о признаніи иностранныхъ министровъ, президентъ излагаетъ слѣдующія замѣчательныя откровенностью начала: «Мы признаемъ всякое правительство, не разбирая его происхожденія, его устройства и тѣхъ средствъ, которыми оно достигло власти, лишь бы правительство это дѣйствительно существовало, то-есть было признано народомъ.... Въ теченіе 67 лѣтъ существованія нашего при нынѣшнемъ государственномъ устройствѣ мы имѣли случай признавать *фактическія* правительства, учрежденныя или внутренними переворотами, или военными нашествіями извнѣ въ различныхъ странахъ Европы. Это начало особенно важно въ примѣненіи къ республикамъ Центральной Америки, гдѣ перевороты непрерывно смѣняются одинъ другимъ. Вотъ почему мы приняли бы уже за нѣсколько мѣсяцевъ никарагвскаго посланника, уполномоченнаго президентомъ Ривасомъ, еслибъ въ то время имѣли въ виду факты, представившіеся намъ теперь. Тогда ему сдѣланы были разныя возраженія. Но вотъ явился другой министръ, и онъ былъ принятъ, такъ какъ оказалось достовѣрнымъ, что онъ представляетъ собою *фактическое* правительство, которое, на сколько это возможно, есть вмѣстѣ и правительство законное.» Президентъ объявляетъ, что въ Панаму отправленъ особый коммиссаръ для изслѣдованія случившихся тамъ недавно происшествій и намекаетъ на необходимость нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ мѣръ для обезпеченія транзита въ этомъ краѣ. Если нынѣшнія конституціонныя полномочія президента окажутся недостаточными, онъ испроситъ у конгреса такихъ распоряженій, какія потребуются обстоятельствами.

Посланіе это разразилось въ Лондонѣ какъ громовой ударъ. Газета Times, органъ большинства среднихъ классовъ, открыто обвиняетъ президента въ томъ, что усложняя существующія между Англіей и Америкой дипломатическія разногласія признаніемъ Вокерова правительства, онъ ищетъ въ нихъ выхода изъ тѣхъ затрудненій, которыя грозятъ ему внутри, и новаго средства сильнѣе дѣйствовать на предстоящіе выборы въ президентскую должность. Times совѣтуетъ англійскому правительству выждать съ терпѣливою умѣренностью этихъ выборовъ; тогда умы въ Америкѣ можетъ-быть успокоятся и окажутъ болѣе наклонности къ мирному окончанію дѣла. Органъ министерства, Morning Post, гораздо рѣшительнѣе въ своихъ обвиненіяхъ: эта газета упрекаетъ Вашингтонскій кабинетъ, что онъ съ самаго начала втайнѣ поддерживалъ экспедицію Вокера, хотя и отрекался отъ нея всенародно. Если Вокеръ не былъ признанъ ранѣе, то един-

ственно потому, что президентъ затруднялся объясненіями, какихъ потребовали бы въ этомъ случаѣ иноземныя державы; теперь же, когда положеніе Вокера сдѣлалось почти отчаяннымъ, Соединенные Штаты вступаются въ его дѣла и открыто подаютъ ему руку помощи. По словамъ Morning Post, это—такое нарушеніе международнаго права и договоровъ, которымъ вполнѣ оправдалось бы вмѣшательство со стороны европейскихъ державъ.

Въ предыдущемъ обзорѣ мы указали на новыя отношенія, возникшія между Австріею и Пруссіею вслѣдствіе того политическаго пути, который первая изъ этихъ державъ избрала или, вѣрнѣе, на который она попала въ круговоротѣ событій послѣдняго времени. Указаніе это всего лучше подтверждается одною изъ новѣйшихъ статей прусской министерской газеты Zeit, въ которой находимъ мы между прочимъ слѣдующія много поясняющія строки: «Прусскій кабинетъ не почелъ нужнымъ примкнуть къ тройственному союзу (15 апрѣля), а потому этотъ союзъ не можетъ внушать ему ни неудовольствія, ни опасенія. Когда Австрія увидѣла себѣ грозу на Дунаѣ, она просила у Пруссіи и Германіи ручательства за цѣлость своихъ владѣній; потомъ она предложила заключить отдѣльный союзъ съ двумя западными державами. Австрійская журналистика называетъ это возвращеніемъ къ политикѣ Кауница. Пруссіи нѣтъ дѣла до того, что можетъ скрываться въ нѣдрахъ трактата 15 апрѣля: у ней станетъ силы оборониться отъ всякаго чужеземнаго вмѣшательства въ дѣла Германіи; но Австріи не слѣдовало бы забывать, что нынѣшніе Кауницы не найдутъ въ Парижѣ ни Лудовика XV, ни маркизы Помпадуръ.»

Государь Императоръ, принимая во вниманіе, что съ развитіемъ морскихъ силъ на устьяхъ Амура и вообще въ прибрежныхъ мѣстахъ Сибири и съ возстановленіемъ въ значительныхъ размѣрахъ кругосвѣтныхъ плаваній, не представляется удобнымъ отправляющихся на службу въ тѣ края морскихъ офицеровъ производить въ слѣдующіе чины, Высочайше повелѣть соизволилъ: отмѣнить это преимущество, сохранивъ означеннымъ офицерамъ, по прежнему, денежныя выдачи и пенсіи за прослуженіе 5 и 10 лѣтъ.

Графъ Орловъ-Давыдовъ, движимый чувствомъ глубочайшей благодарности за всемилостивѣйше-дарованное ему графское достоинство и желая, чтобы въ столь великой для него радости приняли участіе и его крестьяне, предписалъ всѣмъ своимъ вотчиннымъ управленіямъ оказать крестьянамъ, въ вѣдѣніи ихъ состоящимъ, разныя льготы и облегченія, уплатою за нихъ подушныхъ повинностей за вторую половину сего 1856 года, выдачею хлѣба, покупкою скота и другими пособіями. Сумма, такимъ-образомъ предположенная графомъ Орловымъ-Давыдовымъ на пожертвованія изъ собственныхъ доходовъ въ пользу крестьянъ, составляетъ на 9,550 тяголъ или около 20,000 душъ 63,660 р. сер., изъ которыхъ 18.439 р. 46¼ к. назначены на платежъ подушныхъ, а остальные 45,220 р. 53¾ к. на вспоможеніе недостаточнымъ крестьянамъ. По докладу о семъ Государю Императору, Его Величество изволилъ узнать о таковомъ поступкѣ графа Орлова-Давыдова съ особеннымъ удовольствіемъ и повелѣлъ сдѣлать оный извѣстнымъ чрезъ «Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.»

Вслѣдствіе просьбы потомственнаго почетнаго гражданина и ревельскаго 2-й гильдіи купца Августа-Эдуарда Швабе, г. министръ финансовъ входилъ съ представленіемъ въ комитетъ гг. министровъ, о дозволеніи Швабе учредить въ Антверпенѣ торговый домъ, срокомъ по 31-е декабря 1860 года и о снабженіи его на это время заграничнымъ паспортомъ, но безъ права неоднократныхъ переѣздовъ изъ Антверпена въ Россію и обратно, и съ тѣмъ, что если торговый домъ его прекратитъ свои дѣйствія ранѣе сего срока, тогда и выданный ему паспортъ долженъ потерять свою силу. Комитетъ гг. министровъ, признавая предпріятія такого рода весьма полезными, находилъ необходимымъ сообщить по возможности быстрое движеніе дѣламъ, къ нимъ относящимся, и вслѣдствіе того полагалъ: заключеніе г. министра по настоящей просьбѣ купца Швабе привесть въ исполненіе, предоставя г. министру, вмѣстѣ съ тѣмъ, разрѣшать оныя, не внося въ комитетъ министровъ, собственною властію, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и по сношенію съ главноуправляющимъ III Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Государь Императоръ положеніе комитета Высочайше утвердить соизволилъ.

Французское правительство, не довольствуясь попытками административныхъ стѣсненій противъ господствующаго тамъ духа спекуляцій, рѣшилось прибѣгнуть къ мѣрамъ болѣе общимъ, и предложило законодательному сословію одобренный въ государственномъ совѣтѣ проектъ устава о такъ-называемыхъ коммандитныхъ, или не имѣющихъ именной фирмы обществахъ, въ категорію которыхъ входятъ и всѣ общества на акціяхъ. На основаніи этого проекта, ни одно такое общество не можетъ дѣлить своего капитала на акціи или доли акцій (купоны) ниже 100 франковъ, если онъ не превышаетъ 200,000, и ниже 500 франковъ, если онъ свыше этой суммы. Общество тогда только считается дѣйствительнымъ, когда въ кассу его внесена по крайней мѣрѣ четверть той части общественнаго капитала, которая состоитъ изъ наличныхъ суммъ. Подлинность этого взноса должна быть засвидѣтельствована формальнымъ актомъ. Акціи, пока онѣ не совершенно оплачены, считаются нарицательными. Подписчики на акціи отвѣчаютъ за полную уплату по тѣмъ изъ нихъ, на которыя они подписались, и перепродажа акцій допускается не иначе, какъ по взносѣ по крайней мѣрѣ двухъ пятыхъ цѣнности ихъ. При каждомъ такомъ обществѣ учреждается, для надзора за правильностію и законностію его дѣйствій, блюстительный совѣтъ, состоящій не менѣе какъ изъ пяти акціонеровъ, назначаемыхъ по выбору. Этотъ совѣтъ подвергается новому избранію по крайней мѣрѣ чрезъ каждыя пять лѣтъ. Члены его, равно какъ и директоры общества (les gérants), несутъ личную отвѣтственность за всякое нарушеніе предписанныхъ правилъ. Каждое изъ существующихъ теперь акціонерныхъ обществъ обязано учредить блюстительный совѣтъ въ теченіе полугода отъ обнародованія этого постановленія; иначе каждому акціонеру предоставляется право объявить общество закрытымъ.

Спекуляторы, озадаченные слухами о новомъ законѣ, сначала какъ будто бы пріостановились въ своихъ дѣйствіяхъ, но теперь спѣшатъ

еще до изданія его пустить въ ходъ нѣсколько новыхъ огромныхъ предпріятій. Такъ г. Кале-Сенъ-Поль (Calais Saint Paul), тесть генерала Флёри, перваго шталмейстера при императорѣ, учредилъ недавно финансовое общество, подъ названіемъ Union générale, которое будетъ опаснымъ соперникомъ Движимому Кредиту, имѣя сто милліоновъ франковъ капитала. Подписка, открытая домашнимъ образомъ, безъ всякихъ газетныхъ объявленій, доставила, говорятъ, болѣе 300 милліоновъ въ теченіе четырехъ дней, и безпрестанно являются еще новые подписчики!...

Проливные майскіе дожди приняли во Франціи размѣры политическаго событія по множеству причиняемыхъ ими наводненій, истребленію хлѣбовъ и страшной порчѣ дорогъ. Рона, Сона, Луара, Аллье, только что вступившія въ берега послѣ весеннихъ разливовъ, поднялись опять съ ужасающею быстротой. Департаменты Ронскій, Луарскій, Изерскій, Дромскій и др. сильно пострадали отъ наводненія; въ окрестностяхъ Парижа и во многихъ другихъ мѣстахъ хлѣба полегли отъ дождя и вѣтра; на разныхъ линіяхъ желѣзныхъ дорогъ произошли поврежденія, мѣстами остановившія ѣзду. Въ Ліонѣ, ночью на 31 мая, Рона прорвала плотину, защищавшую предмѣстье Гиліотьеръ и произвела страшное опустошеніе не только въ немъ, но и въ прилегающихъ къ нему низменныхъ частяхъ города. Императоръ поспѣшилъ лично на помощь пострадавшимъ, и появленіе его на наводненныхъ еще улицахъ Ліона произвело, говорятъ, истинный восторгъ. Вручивъ сенатору, управляющему Ронскимъ департаментомъ, сто тысячь франковъ отъ себя для раздачи бѣднѣйшимъ семействамъ, императоръ предписалъ декретомъ отпустить немедленно триста тысячь франковъ въ пособіе потерпѣвшимъ отъ наводненія. Еще до отъѣзда изъ Парижа онъ приказалъ министру внутреннихъ дѣлъ внести въ законодательное сословіе проектъ закона о назначеніи кредита въ два милліона франковъ для покрытія подобныхъ издержекъ. Жители столицы, въ теченіе двухъ дней, пожертвовали болѣе полутора милліона франковъ для той же цѣли.

Наставшая въ Парижѣ 1 іюня ясная погода, благопріятствовала открытію громадной выставки домашняго скота и разныхъ сельскихъ орудій, машинъ и произведеній, въ которой, кромѣ самой Франціи, участвуютъ Англія и Шотландія, Австрія, Бельгія, Данія, Соединенные Штаты, Люксембургское великое герцогство, Пруссія, Нидерланды, Папская Область, Швейцарія и Саксонія. Всѣ эти страны выставили 9,461 статью, а именно: 2,684 нумера всякаго рода домашнихъ животныхъ, числомъ тысячь до шести; 2,108 нумеровъ земледѣльческихъ орудій, машинъ и снарядовъ; 4,635 нумеровъ различныхъ произведеній животнаго, растительнаго и минеральнаго царства, и 34 нумера сельско-хозяйственныхъ книгъ, чертежей и гравюръ. Животныя расположены чрезвычайно удобно, и для поданія имъ помощи въ случаѣ нужды при выставкѣ находится одинъ главный ветеринаръ съ двадцатью помощниками изъ знаменитой альфортской школы. Посѣтителей перебывало въ первый день до 60,000.

Въ Англіи, какъ и слѣдовало ожидать, нашлось много противниковъ нововведеніямъ въ морскомъ правѣ, признаннымъ конвенціею 16 апрѣля. Въ засѣданіи верхней палаты, 22 мая, лордъ Кольчестеръ

предложилъ выразить министерству неудовольствіе палаты за допущеніе этой важной перемѣны безъ предварительнаго соглашенія съ парламентомъ. Доводы лорда Кольчестера основывались преимущественно на томъ, что въ пользу прежняго правила—захватывать непріятельскую собственность на нейтральныхъ судахъ, говоритъ согласное мнѣніе всѣхъ англійскихъ юристовъ Графъ Кларендонъ возражалъ на это, что дѣйствительно англійскіе юристы признавали помянутое право вполнѣ законнымъ, но что они обыкновенно принимаютъ законъ каковъ онъ есть, не слишкомъ заботясь о томъ, какимъ онъ долженъ быть. Многіе новѣйшіе и притомъ отличнѣйшіе юристы держатся относительно правъ нейтральнаго флага совершенно противоположныхъ основаній. Англія не могла долѣе отстаивать этого исключительнаго положенія среди раздававшихся всеобщихъ протестацій. Особенно оказалось необходимымъ отречься отъ него при самомъ началѣ послѣдней войны, во-первыхъ для того, чтобъ дѣйствовать единообразно съ Франціей, во-вторыхъ чтобъ не вызвать противъ себя Сѣверной Америки, которая имѣя теперь купеческій флотъ болѣе чѣмъ въ пять милліоновъ тоннъ груза, ни за что не подчинится началу, стѣсняющему свободу нейтральной торговли и всегда готова быть ея защитницей. Не смотря на возраженія нѣкоторыхъ другихъ членовъ палаты и на сильную выходку графа Дерби, напомнившаго времена лорда Норта, Питта, Гренвиля и Каннинга, когда Англія не страшилась борьбы съ цѣлою Европой, одна, безъ союзниковъ, предложеніе лорда Кольчестера было отвергнуто большинствомъ 156 голосовъ противъ 102. Эта побѣда тѣмъ значительнѣе для министерства, что можетъ служить надежною повѣркою его силы въ верхней палатѣ: при баллотировкѣ 114 голосовъ было подано по порученію отсутствующихъ членовъ.

Дѣло о воскресной музыкѣ въ паркахъ все еще не кончилось. Одинъ изъ членовъ кабинета, сэръ Бенджаминъ Голлъ, принялъ сторону посѣтителей парковъ и участвовалъ въ одномъ митингѣ, на которомъ положено было просить лорда Пальмерстона объ отмѣнѣ сдѣланнаго имъ распоряженія и подать прошеніе королевѣ въ томъ же смыслѣ. 23 мая явилось къ лорду Пальмерстону нѣсколько депутацій отъ разныхъ митинговъ, составившихся въ пользу музыки по воскресеньямъ. Первый министръ вполнѣ соглашался съ ними, что музыка развлеченіе очень нравственное и благотворное, но объявилъ, что не можетъ входить въ религіозные споры, возникающіе между духовными властями и публикою; что, впрочемъ, онъ не видитъ ни какихъ поводовъ препятствовать игрѣ въ паркахъ частныхъ оркестровъ, если бы вздумали организовать ихъ. На другой же день, который, какъ нарочно, былъ воскресный, въ паркахъ собралась многочисленная толпа; сперва раздавались такъ-называемые «ворчки» противъ архіепископа Кантерберійскаго и лорда Пальмерстона; но въ четыре часа явились музыканты, нанятые частными людьми, и огласили веселыми звуками Гайдъ-паркъ и паркъ Викторіи. Полиція имъ не мѣшала, и народъ разошелся, довольный этою частною побѣдой надъ притѣсненіемъ. Мы потому обращаемъ вниманіе читателей на этотъ вопросъ, что онъ въ сущности гораздо важнѣе нежели кажется съ перваго взгляда. Непопулярность

англиканской церкви оказалась при этомъ столь явнымъ и несомнѣннымъ образомъ, что даже крайне благочестивая газета Morning Herald должна была признать нерасположеніе большинства народа къ этой церкви. Рабочіе, лавочники и значительная часть всего средняго сословія видятъ въ ней просто вредный анахронизмъ, несовмѣстный съ понятіями нашего времени; они видятъ въ ней «аристократическое учрежденіе», поглощающее ежегодно двадцать милліоновъ фунтовъ стерлинговъ и заграждающее, по мѣрѣ силъ, пути всякому дальнѣйшему развитію. Въ фабричныхъ и горнозаводскихъ округахъ нерасположеніе массъ къ духовенству чуть ли не сильнѣе еще чѣмъ въ столицѣ. Только въ малонаселенныхъ графствахъ, гдѣ занимаются больше земледѣліемъ, сословіе это сохранило свое прежнее положеніе, да и то, конечно, не совсѣмъ.

Читатели наши помнятъ о спорѣ, возникшемъ между палатою лордовъ и правительствомъ по поводу назначенія пожизненныхъ перовъ изъ членовъ судебнаго сословія, отличившихся заслугами и безукоризненностью правилъ. Извѣстно, что въ Англіи нѣтъ собственно аппелляціоннаго суда, и потому пересмотръ рѣшеній судовъ первой инстанціи предоставленъ палатѣ лордовъ, которая составляетъ для этого изъ трехъ или четырехъ своихъ членовъ, подъ предсѣдательствомъ лорда канцлера, особый комитетъ. Но какъ принятіе обязанности члена комитета зависитъ вполнѣ отъ доброй воли каждаго пера, то нерѣдко, бываетъ что весь комитетъ состоитъ изъ одного лорда-канцлера, которому приходится такимъ образомъ пересматривать даже свои собственные приговоры, произнесенные въ первой инстанціи. Эта-то несообразность и побудила министерство настаивать на введеніи въ палату пожизненныхъ перовъ изъ судейскаго сословія, которые бы назначались преимущественно въ аппелляціонный комитетъ. Палата никакъ не хотѣла допустить въ среду свою лорда Венслиделя, въ качествѣ пожизненнаго сочлена, но согласилась теперь на временное назначеніе двухъ перовъ изъ сословія судей, съ тѣмъ чтобы они были увольняемы по требованію палаты. Эти лорды-судьи (deputy speakers) будутъ засѣдать въ аппелляціономъ комитетѣ даже и во время закрытія или распущенія парламента; имъ назначается по 6,000 фунтовъ жалованья и по 3,000 фунтовъ пенсіи при отставкѣ. Газеты справедливо замѣчаютъ, что этою полумѣрою только отдаляется коренное преобразованіе устройства судебной части, столь запутаннаго, медленнаго и вообще неудовлетворительнаго въ Англіи, сравнительно съ другими странами западной Европы.

Австрійское правительство, помимо затрудненій во внѣшней своей политикѣ, на которыя указали мы въ послѣдній разъ, сильно озабочено мѣрами для возстановленія равновѣсія въ своемъ государственномъ бюджетѣ. Хотя система нынѣшняго министра финансовъ и направлена къ тому, чтобы поднятіемъ производительныхъ силъ края возвысить внутреннее благосостояніе, а съ нимъ вмѣстѣ и доходы казны, но система эта можетъ принесть благотворные плоды только со временемъ. Для удовлетворенія же текущихъ потребностей государства необходимо пріискать наличные источники. Новые займы въ настоящую минуту, когда капиталъ преимущественно направленъ къ акціонернымъ предпріятіямъ, встрѣтили бы много затрудне-

нiй; это было бы, во всякомъ случаѣ, крайнимъ средствомъ, которое слѣдуетъ приберечь на черный день. О возвышенiи непрямыхъ налоговъ нельзя и подумать при господствующей еще дороговизнѣ на необходимыя жизненныя потребности. Хотѣли усилить на 8 процентовъ поземельную подать, но вскорѣ отказались и отъ этого намѣренiя, опасаясь, что земледѣлiе, въ настоящемъ своемъ положенiи, не способно еще вынести такого надбавочнаго налога, особенно въ Венгрiи, гдѣ, по недостатку капиталовъ и кредита, оно находилось до сихъ поръ въ совершенномъ младенчествѣ. Прибѣгли къ сокращенiю государственныхъ расходовъ, и по военной части удалось соблюсти экономiю въ 20 миллiоновъ гульденовъ, то есть вмѣсто 110 миллiоновъ, употребленныхъ еще въ прошломъ году, ограничиться для текущаго только 90 миллiонами; но теперь этого далеко еще недостаточно. Стараются ввести разныя сбереженiя и по другимъ вѣдомствамъ; между прочимъ ожидаютъ значительнаго сокращенiя расходовъ по внутреннему управленiю, какъ скоро будетъ введенъ новый уставъ для городскихъ и сельскихъ общинъ и осуществится давно ожидаемое устройство земскаго представительства, причемъ можетъ быть значительно сокращено число мелкихъ чиновниковъ, состоящихъ на казенномъ окладѣ. Положенiе этихъ лицъ, особенно въ провинцiи, сдѣлалось очень незавиднымъ, благодаря общему возвышенiю цѣнъ на квартиры и съѣстные припасы, тогда какъ по увольненiи отъ службы имъ представится возможность найти себѣ болѣе выгодное занятiе при огромныхъ акцiонерныхъ и частныхъ предпрiятiяхъ, каковы кредитныя учрежденiя, конторы желѣзныхъ дорогъ, фабрики, и такъ далѣе. Въ послѣднее время даже многiе изъ высшихъ должностныхъ лицъ по разнымъ отраслямъ управленiя обратили свою дѣятельность на поприще промышленныхъ предпрiятiй и охотно поступили въ члены комитетовъ желѣзныхъ дорогъ.

Послѣднее пониженiе привозныхъ пошлинъ, которымъ министръ финансовъ хотѣлъ ознаменовать новую эру въ торговой политикѣ Австрiи и по возможности ускорить соединенiе этого государства съ Германскимъ таможеннымъ союзомъ, возбудило опасенiя въ кругу фабрикантовъ и заводчиковъ. Они даже представили правительству записку, въ которой старались доказать, что новая таможенная система грозитъ туземнымъ мануфактурамъ совершеннымъ разоренiемъ. Съ другой стороны рѣшительная мѣра г-на фонъ-Брука повидимому не совсѣмъ понравилась и участникамъ таможеннаго союза, которые хотя и ожидали постепеннаго сближенiя австрiйскаго тарифа съ собственнымъ къ 1860 году, но никакъ не думали, чтобъ Австрiя повернула къ этому сближенiю такъ круто и быстро.

Въ Пруссiи отмѣнены стѣснительныя мѣры, принятыя министерствомъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ относительно производства биржевыхъ сдѣлокъ вольными, неприсяжными маклерами. Министръ торговли, какъ мы говорили въ свое время, сначала крѣпко держался по этому вопросу старыхъ преданiй прусской администрацiи, но наконецъ, внявъ совѣту практическихъ людей, потребовалъ мнѣнiя старшинъ купеческаго сословiя, и какъ мнѣнiе это оказалось не въ пользу министерскихъ предписанiй, то они и были немедленно отмѣнены.

СМѢСЬ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Два слова о Московскихъ гуляньяхъ и о провинціяльныхъ театрахъ.—Сергинскія и Кіевскія минеральныя воды.—Торговля и промышленность Харьковской губерніи.—Собраніе Императорскаго вольнаго экономическаго общества.—Сравнительная таблица товаровъ, провозимыхъ по желѣзной дорогѣ изъ Петербурга въ Москву и изъ Москвы въ Петербургъ. — Кровельная бумага.

Вотъ уже конецъ весны, а кромѣ нѣсколькихъ теплыхъ дней въ концѣ апрѣля, не было у насъ отрадной весенней погоды. Не было ни теплыхъ ароматическихъ ночей, ни тихихъ свѣтлыхъ вечеровъ, которыми такъ пріятно насладиться послѣ зимы; но среди нашего ропота мы не забывали пословицы, что нѣтъ худа безъ добра. Дожди и сырая погода, не удовлетворяющіе городскаго жителя, благословляются земледѣльцами, озими дружно справляются, посѣвы овса не только-что давно окончены, но уже яровыя поля давно покрылись сплошною зеленью, а травы предсказываютъ обильный сѣнокосъ. Несмотря однако же на неудачную весеннюю погоду, окрестности Москвы оживились еще въ началѣ этого мѣсяца. Обычные жители дачъ перебрались изъ города на свѣжій воздухъ, и начались загородныя гулянья. Во главѣ ихъ разумѣется стоитъ гулянье перваго мая въ Сокольникахъ. Нынѣшній годъ, несмотря на сильный вѣтеръ и пыль, оно было чрезвычайно многолюдно. Сказать приблизительно о числѣ гулявшихъ конечно очень трудно; но одинъ охотникъ до статистическихъ изчисленій, по сдѣланнымъ имъ соображеніямъ, полагаетъ, что однихъ лошадей въ экипажахъ и дрожкахъ было до тридцати тысячъ. Кромѣ дачи Буркиной, на которой по примѣру прошлаго года, играетъ музыка и поютъ цыгане, открытъ въ Сокольникахъ садъ и кофейная противъ водолѣчебнаго заведенія; а на старомъ гуляньѣ уже начались прошлогодніе концерты оркестра Сакса. Мы слышали также, что воксалъ Петровскаго парка отдѣлывается заново, а также возобновятся и гулянья въ такъ-называемомъ «саду удовольствій». Но вѣнцомъ лѣтнихъ московскихъ гуляній мы считаемъ гулянье въ бывшемъ Корсаковомъ саду, что нынѣ Эрмитажъ. Въ нынѣшнемъ году замѣтили мы въ немъ нѣкоторыя улучшенія, обновленія. Прекрасная огромная зала позволяетъ слушать цыганъ и музыку даже въ дурную погоду. Вообще все устройство прекрасно; и оркестръ играетъ съ увлеченіемъ, и цыгане поютъ съ удовольствіемъ; была бы только охота ихъ слушать, гулять, да не обращать вниманія на нѣсколько дорогія цѣны за буфетомъ.

Говоря объ увеселеніяхъ, хотѣлось бы намъ кстати сказать и о провинціяльныхъ театрахъ; но на этотъ разъ скудны имѣющіяся у насъ по сему предмету извѣстія. Житомирская публика до сихъ поръ съ

удовольствіемъ вспоминаетъ бывшія въ этомъ городѣ живыя картины и очень хвалитъ новаго артиста Яковлева, явившагося на сцену въ послѣдній театральный сезонъ, и танцовщицу Климковскую. Извѣстія изъ Ярославля полны восторженныхъ похвалъ М. С. Щепкину, давшему въ этомъ городѣ пять спектаклей.

Весна считается самымъ лучшимъ временемъ для лѣченія, а минеральныя воды лучшимъ изъ весеннихъ лѣкарствъ—вотъ причины, почему съ появленіемъ весны появляются описанія минеральныхъ источниковъ и отчеты по заведеніямъ искусственныхъ минеральныхъ водъ. Первые даютъ больному и доктору понятія о мѣстности и качествѣ источника, а вторые показываютъ нѣкоторое ручательство за полезность минеральной воды. Сообщаемъ читателямъ попавшееся намъ подъ руку описаніе Сергинскихъ минеральныхъ водъ. Они посѣщаются больными съ 1832 года и находятся въ Пермской губерніи Красноуфимскаго уѣзда, между городами Пермью и Екатеринбургомъ близь Сергинскаго завода. По химическимъ составнымъ частямъ, этотъ ключь принадлежитъ къ холодно-сѣрнистымъ водамъ. Температура его во всякое время года +5° Реомюра. Въ массѣ вода эта представляется мутною и бѣловатою, а налитая въ стаканъ чиста и прозрачна. Вкусъ ея нѣсколько острый и горько-солоноватый. Употребленіе воды этой бываетъ внутреннее и наружное въ видѣ ваннъ. Болѣзни, въ которыхъ, по словамъ автора описанія, Сергинскія воды оказали наибольшую пользу суть: золотуха, геморой и ревматизмъ. Замѣчательна дешевизна платы, назначенная для пьющихъ эти воды: въ недѣлю платятъ они только 50 коп. серебр., а каждая ванна стоитъ 30 копѣекъ.

Изъ отчета по Кіевскому заведенію искусственныхъ минеральныхъ водъ за прошлый 1855 годъ, видно, что несмотря на появленіе въ томъ году холеры, заставившей многихъ больныхъ прервать курсъ лѣченія, а другихъ совершенно упустить удобное лѣтнее время, водами пользовалось 86 человѣкъ, изъ которыхъ только 3 не получили никакого облегченія. Принято 314 ваннъ и выпито 40,537 бутылокъ разныхъ водъ. Чистой прибыли за этотъ годъ получено 840 руб. 57½ коп., при оборотномъ капиталѣ въ 14,310 р. 75 к.

Въ Харьковской губерніи есть также замѣчательныя минеральныя воды въ Славянскѣ, изцѣляющія преимущественно золотушныхъ, но мы еще не видали отчета о прошлогоднемъ ихъ употребленіи. Губернія эта вообще довольно бѣдна водою, а судоходныхъ рѣкъ въ ней вовсе нѣтъ кромѣ Сѣвернаго Донца, да и тотъ былъ въ прошломъ столѣтіи судоходнымъ, а теперь обмелѣлъ и запруженъ во многихъ мѣстахъ мельничными плотинами. Въ настоящее время заботятся о возобновленіи по нимъ судоходства и именно въ Изюмскомъ уѣздѣ; но до сихъ поръ ходятъ не болѣе трехъ барокъ съ пшеницею въ Ростовъ, и то во время полой воды. Отсутствіе судоходныхъ рѣкъ, отдаленность отъ людей и то обстоятельство, что Харьковская губернія окружена со всѣхъ сторонъ губерніями, которыя продовольствуются собственнымъ хлѣбомъ, имѣютъ здѣсь слѣдствіемъ невозможность сбыта произведеній. Земледѣльческіе продукты весьма дешевы, а излишекъ ихъ всегда остается на рукахъ у земледѣльца по дороговизнѣ дальняго провоза. Это обстоятельство заставляетъ его не слишкомъ радѣть о своемъ хозяй-

ствѣ и бываетъ причиною, что при урожаѣ нѣсколько ниже обыкновеннаго уже чувствуется недостатокъ въ продовольствіи собственно хлѣбомъ. Отсюда небогатое состояніе крестьянъ Харьковской губерніи, исключая уѣздъ Старобѣльскій, гдѣ по достаточности земли они занимаются скотоводствомъ. Изъ торговыхъ растеній воздѣлываются въ этой губерніи табакъ, анисъ и чернуха, и первый преимущественно въ уѣздахъ Лебединскомъ и Сумскомъ. Огородничество находится здѣсь на низкой степени развитія тоже по ограниченности сбыта, хотя на бакчахъ легко поспѣваютъ тыквы, арбузы и дыни. Тоже должно сказать и о садоводствѣ. Изъ хлѣбныхъ растеній господствуетъ рожь, идущая преимущественно на винокуренные заводы, и мѣстами озимая и яровая пшеница.

Въ февралѣ и мартѣ нынѣшняго года было два собранія Императорскаго вольнаго экономическаго общества. Въ этихъ собраніяхъ между прочимъ, менѣе интереснымъ для нашихъ читателей, происходило слѣдующее: была представлена дѣйствительнымъ членомъ г. Фелькерзамомъ записка о добываніи спирта и водки изъ древесныхъ опилокъ по способу Пелузе; но найдено, что этотъ способъ вовсе не новый, и примѣненъ былъ въ послѣднее время во Франціи по случаю недостатка хлѣба; а опытовъ въ большомъ размѣрѣ нигдѣ производимо не было. Дѣйств. членъ П Давыдовъ представилъ любопытный камень, вытянутый неводомъ изъ Волги въ тридцати верстахъ отъ Астрахани. Петербургскій профессоръ Куторга нашелъ, что этотъ камень есть не что иное, какъ кристаллизація гипса. Дѣйствительный членъ баронъ М. А. Корфъ представилъ экземпляръ поэмы Гуссовіана «О зубрѣ» на латинскомъ языкѣ, изданной къ пятидесятилѣтнему юбилею Московскаго общества испытателей природы. Г. Озерскій прислалъ изъ Сибири образцы деревьевъ: лиственницы, кедра и свиливатой березы, извѣстной подъ названіемъ карельской. И наконецъ было назначено выдать золотую медаль крестьянину Харьковской губерніи Купянскаго уѣзда, имѣнія г-жи Фогель, Степану Васильеву Кабанцу за придуманное имъ лѣченіе отъ укушенія бѣшеными животными. Употребляемыя имъ средства оказались: бѣлый шильникъ, желтый шильникъ и сухозолотица. Средства эти были испытаны и одобрены въ госпиталяхъ военныхъ поселеній. Бѣлый шильникъ былъ извѣстенъ и прежде какъ средство противъ укушенія бѣшеными животными, а желтый и сухозолотица отысканы уже Кабанцемъ.

Въ одной изъ Петербургскихъ газетъ прочли мы краткое разсужденіе о выгодѣ бумажныхъ кровель въ сравненіи съ тесовыми и желѣзными. Будучи совершенно согласны въ существованіи этихъ выгодъ, мы прибавимъ отъ себя еще то на пользу кровель бумажныхъ, что онѣ требуютъ очень малыхъ тратъ на перевозку. На двухъ подводахъ можно поднять крышу для дома въ двадцать комнатъ, а сколько подводъ нужно подъ тесъ для такой же точно крыши? Тутъ же говорится, между прочимъ, что въ Юрьевскомъ обществѣ сельскаго хозяйства г. Солениковъ вычислилъ цѣнность бумажной крыши въ 2 р. 83 коп. сереб. за квадратную сажень; а газета указываетъ на фабрику кровельной бумаги въ Тверской губерніи въ сельцѣ Павловскомъ, гдѣ квадратная сажень таковой крыши стоитъ два рубля десять коп., а мы въ свою оче-

редь укажемъ на фабрику, существующую въ Московской губерніи, Богородскаго уѣзда съ сельцѣ Обуховѣ на рѣчкѣ Шиловкѣ. Здѣсь квадратный аршинный листъ кровельной бумаги стоитъ 10 и 15 коп. сер., что составитъ 90 коп. и 1 р. 35 коп. за квадратную сажень, а что бумага эта хороша и прочна, мы имѣли не разъ случай убѣдиться собственнымъ опытомъ.

Въ заключеніе нашихъ извѣстій приведемъ сравнительную таблицу нѣкоторымъ товарамъ, перевозимымъ изъ Петербурга въ Москву и изъ Москвы въ Петербургъ по Николаевской желѣзной дорогѣ. Мы взяли ее изъ таблицы, помѣщенной въ журналѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, за январь и февраль нынѣшнаго года. Мы ограничились наименованіемъ только нѣкоторыхъ товаровъ, перевозимыхъ въ большомъ количествѣ, и сообщаемъ читателямъ какъ интересное статистическое данное.

ВЪ ЯНВАРѢ.

ПРИВЕЗЕНО:

	Изъ Петербурга въ Москву	Изъ Москвы въ Петербургъ
Золота и издѣлій. . . .	0 пуд.	808 пудовъ.
Желѣза.	763	19,539 —
Галантерейн. товаровъ.	0 —	1,217 —
Книгъ.	389	453 —
Мануфактурныхъ товар.	8,991 —	17,468 —
Бумажной пряжи. . . .	33,822 —	502 —
Сала и олеину.	0 —	51,494 —
Муки пшеничной. . . .	0 —	50,915 —
— ржаной.	0 —	500 —
Мяса.	0 —	192,069 —
Рыбы свѣжей и соленой	2,735 —	44,471 —

ВЪ ФЕВРАЛѢ.

Золота и издѣлій.	0 —	275 —
Желѣза.	639 —	12,959 —
Галантерейн. товаровъ.	0 —	632 —
Книгъ.	464 —	423 —
Мануфактурн. товар. .	8,808 —	18,075 —
Пряжи бумажной. . .	30,615 —	346 —
Сала и олеину.	0 —	58,632 —
Муки пшеничной. . .	0 —	64,555 —
— ржаной.	0 —	279 —
Мяса.	0 —	136,921 —
Рыбы.	2,227 —	32,350 —

Политико-экономы имѣютъ въ этой таблицѣ одно изъ готовыхъ данныхъ для рѣшенія вопроса, которому изъ этихъ двухъ городовъ приноситъ желѣзная дорога болѣе выгодъ.

В.—В.

Литературныя вѣсти изъ Франціи.

Съ каждымъ выпускомъ Ламартинова *Cours familier de littérature* журналы привѣтствуютъ новую тетрадь восторженными похвалами. Этотъ курсъ, говорятъ они, не будетъ подражаніемъ курсу ла-Гарпа и другимъ болѣе или менѣе дидактическимъ курсамъ; онъ будетъ прихотливъ какъ геній въ минуты вдохновенія, и занимательныя отступленія профессора удержатъ вокругъ его каѳедры самыхъ взыскательныхъ слушателей; такъ, вѣроятно, бесѣдовалъ Платонъ съ своими учениками въ садахъ Академа. Предметомъ лекцій будутъ то литературные перевороты древности, то новѣйшихъ временъ. Ораторъ поведетъ насъ изъ Европы въ Азію, изъ Азіи въ Америку, останавливаясь иногда предъ древнимъ пьедесталомъ, чтобы возстановить на немъ разбитую временемъ статую, добывая ея осколки изъ-подъ мха глубокой старины. Иногда могучее его слово передастъ слушателямъ дѣла недавнихъ временъ, еще свѣжія въ памяти современниковъ. Во второмъ выпускѣ Ламартинъ пересказываетъ свои собственныя воспоминанія о женщинѣ, такъ недавно еще царствовавшей въ литературныхъ гостиныхъ, объ этой прекрасной Дельфинѣ, которая въ началѣ своего поприща была вдохновенною музою родины, а потомъ, сдѣлавшись новымъ Лабрюеромъ въ мантильи, такъ остроумно разказывала въ своихъ летучихъ листкахъ причуды нашего времени. Ламартинъ признаетъ только одинъ недостатокъ въ г-жѣ де-Жирарденъ — избытокъ ума. По счастію, мысль развилась въ ней не въ ущербъ чувства. Было время, когда всѣ думали, что дѣвица Дельфина будетъ женою Ламартина. Ихъ часто видали въ обществѣ рука объ руку и полагали, что и сердце не безъ участія въ этомъ союзѣ высокихъ умовъ. Ламартинъ объясняетъ, что онъ никогда не имѣлъ къ ней другаго чувства, кромѣ дружбы и удивленія. Но эта женщина была рождена царствовать, въ какомъ бы то ни было общественномъ положеніи: перо журналиста тотъ же скипетръ! А было время придворныя реставраціи чуть было не надѣли на нѣжный пальчикъ красавицы Дельфины морганатическаго кольца. Много было толковъ объ этой свадьбѣ.

Нѣсколько придворныхъ дамъ и кавалеровъ, изъ почитательницъ и почитателей красоты Дельфины, люди вліятельные при дворѣ, задумали выдать ее тайно за графа д'Артуа, въ послѣдствіи Карла X, не спросясь ни ея, ни ея матери.

Принцъ видалъ ее иногда въ Тюльери у одной изъ дамъ двора, жившей во дворцѣ; онъ восхищался ею, такъ что это восхищеніе можно было почесть любовью.

Всѣ знали, что принцъ не думалъ жениться по уваженіямъ семейнымъ и династическимъ, но полагали, что любя женское общество и по своему благочестію не желая держать фаворитку, онъ радъ будетъ заключить союзъ, освященный церковью и терпимый обычаями двора, чтобы имѣть подругу на старость.

Дѣло въ томъ, что нужно было противупоставить вліяніе женщины

на сердце наслѣдника престола вліянію другой женщины на сердце короля. *Діана Пуатье*, съ законными правами, или *г-жа Ментенонъ*, въ обворожительномъ всеоружіи юности и красоты, казались политическою необходимостію тогдашнимъ роялистамъ. Они не могли сдѣлать лучшаго выбора для одной или другой изъ этихъ ролей. Діана Пуатье не была прекраснѣе Дельфины, г-жа Ментенонъ не была выше ея по уму, а юная дѣвица, предназначенная для ихъ роли, обладала невинностію, которой не было у первой, и чистосердечіемъ, котораго не доставало другой. Начали придумывать случаи для встрѣчи Дельфины съ графомъ д'Артуа, который оказывалъ ей нѣжное отеческое предпочтеніе. Дельфина не знала объ этомъ намѣреніи и тѣмъ надежнѣе казалось обольщеніе: Невинность есть самое успѣшное кокетсво.

Все, казалось, шло очень успѣшно. Графъ д'Артуа уступилъ, повидимому, силѣ прелестей Дельфины и затруднялся только въ томъ, какъ объяснить ей это. Попечители его любви поспѣшили къ нему на помощь. Ему стали говорить о бракѣ, не совершенно явномъ, но освященномъ церковью, который могъ согласовать обязанности отца и короля съ чувствами его сердца; ему указали особу, которая, по ихъ зоркому убѣжденію, давно уже нравилась принцу, и осыпали ее похвалами, такъ справедливо ею заслуженными.

Графъ д'Артуа выслушалъ предстателей безъ удивленія, привычный къ подобнымъ увѣщаніямъ и къ похваламъ брачной и семейной жизни. Но услужливые придворные и на этотъ разъ ошиблись, какъ ошибались прежде. Графъ д'Артуа поклялся у смертной постели г-жѣ Поластронъ (его послѣдняя привязанность), что никогда другая женщина не замѣнитъ ее въ его сердцѣ, и онъ готовился принести это сердце въ жертву Богу. Онъ свято сохранилъ данную клятву и уклонялся даже отъ свиданій съ особою, которую почитали предметомъ его нѣжной привязанности. Дельфина никогда не знала этого заговора на ея прелести и на сердце короля; она никогда не согласилась бы быть приманкой на ловлѣ королевскихъ милостей для властолюбивыхъ спекулантовъ двора.

Вотъ еще недавнее литературное явленіе — комедія въ стихахъ г. Понсара, подъ заглавіемъ: *Биржа*. Разкажемъ ея содержаніе.

Въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ парижская биржа сдѣлалась настоящимъ игорнымъ домомъ, съ тою только разницею, что здѣсь выигрыши считаютъ не тысячами, а милліонами, что на биржѣ можно играть не только на то, что существуетъ, но даже и на то, чего нѣтъ въ вещественномъ мірѣ. На эту игру знатный баринъ приноситъ жалованныя грамоты на древній родовой замокъ, торговка—барыши своихъ комерческихъ оборотовъ, придверница—завязанныя въ грязномъ чулкѣ деньги, припасенныя ею на черный день, и часто черный день встрѣчаетъ здѣсь и барина, и торговку, и придверницу, и часто судьба причудливо мѣшаетъ ихъ относительныя положенія на общественной лѣстницѣ. Въ концѣ каждаго мѣсяца раздаются плачь и стоны, въ концѣ каждаго мѣсяца новая блестящая бабочка выпархиваетъ изъ грязнаго кокона и гордо расправляетъ свои разноцвѣтныя крылья передъ глупою толпою. Этотъ примѣръ поддерживаетъ и поощряетъ игру.

Понятно послѣ этого, что и поэты стали искать на биржѣ основы для своихъ драматическихъ произведеній, въ которыхъ шутя и играя выставляютъ на позорище наши пороки и даютъ намъ назидательный урокъ. На это мѣтилъ и г. Понсаръ.

Дерошъ, молодой человѣкъ, живущій спокойно въ глуши провинціи, получаетъ до трехъ тысячь ливровъ дохода. Онъ влюбился, но какъ дѣвица Камилла, предметъ его обожанія, богата, то ему отказываютъ въ ея рукѣ. Это въ порядкѣ вещей.

Герой нашъ продаетъ свое имѣніе, кладетъ въ бумажникъ шестьдесятъ билетовъ по тысячѣ франковъ, и является къ одному биржевому агенту, старому товарищу, объявляя, что онъ намѣренъ пустить свой капиталъ въ игру на биржѣ.

Агентъ, человѣкъ честный, человѣкъ образцовый, старается отклонить пріятеля отъ пагубнаго намѣренія, представляя ему всѣ опасности такого предпріятія, но Дерошъ непреклоненъ, и побѣжденный агентъ вноситъ капиталъ въ удачно-выбранное дѣло.

Во второмъ дѣйствіи пріѣзжаютъ въ Парижъ Камилла и ея отецъ. Камилла столько плакала, столько разъ повторяла, что она ни за кого не выйдетъ замужъ кромѣ Дероша, что добрый отецъ сѣлъ съ нею въ вагонъ и пустился въ погоню за отверженнымъ женихомъ, и въ одно доброе утро очутился съ дочерью въ квартирѣ Дероша. Дѣло уладилось; отецъ Камиллы снисходительно предлагаетъ молодому человѣку руку своей дочери, Дерошъ великодушно соглашается принять ее, но какъ онъ ни влюбленъ въ свою невѣсту, онъ не хочетъ, чтобы будущій тесть думалъ, что выдаетъ Камиллу за бѣдняка, и въ разговорѣ искусно намекаетъ на триста тысячь франковъ своего благопріобрѣтеннаго состоянія.

— Да гдѣ же ты подцѣпилъ такой капиталъ?

— На биржѣ....

— Если это такъ, любезный, поиграй и за меня. Предупреждаю тебя только, что я хочу выиграть, проигрывать, братъ, и не думай.

Камилла женщина; по дарованному природою всѣмъ женщинамъ предвидѣнію, Камилла предчувствуетъ горе и умоляетъ Дероша продать свои кредитныя цѣнности и отправиться въ провинцію, въ пріютъ спокойствія и любви, въ обитель счастія.

Но счастливый спекулантъ и слышать о томъ не хочетъ; онъ намѣренъ еще *округлить* нѣсколько свой капиталъ и удвоить состояніе тестя.

Кризисъ настaлъ. По фондамъ биржи протекли новыя политическія событія, и мѣшки золота неудачныхъ спекулантовъ унесены этимъ потокомъ. Триста тысячь Дероша пошли ко дну, сто тысячь тестя держатся надъ водою на соломенкѣ.

По блѣдному, искаженному лицу Дероша, Камилла узнаетъ, что онъ разоренъ.... но она принадлежитъ къ числу натуръ возвышенныхъ, которыя сочувствуютъ несчастію и любятъ еще болѣе въ минуты страданій, въ годину бѣдствій. Она сбирается выйдти замужъ за разорившагося Дероша, но съ условіемъ: онъ не будетъ болѣе играть.

Бѣдный Дерошъ обѣщаетъ, но онъ человѣкъ, онъ игрокъ, и вскорѣ онъ еще глубже погружается въ бездну, и на распросы Камиллы признается, что не сдержалъ даннаго слова,

Камилла въ негодованіи. Она объявляетъ, что между ними все кончено, и уходитъ со сцены съ величіемъ маленькой мѣщанской королевы.

Оставшись одинъ, Дерошъ, какъ и слѣдуетъ, приходитъ въ отчаяніе. Пистолеты заряжены, и онъ рѣшается раздробить себѣ голову, съ досады, что она ни къ чему не пригодилась ему въ этой жизни, но вдругъ—замѣтьте, такіе случаи всегда бываютъ вдругъ — вдругъ входитъ къ нему нѣкто Рено, лице вводное, родъ драматическаго провидѣнія, и останавливаетъ безумца.

Рено—отставной офицеръ, двоюродный братъ Камиллы, влюбленный въ свою пригожую сестрицу, по праву, издавна утвержденному за двоюродными братьями. Красавица отвергла его, но онъ еще надѣется вымолить согласіе вѣчнымъ постоянствомъ, вѣчною преданностію и безчеловѣчною вѣрностію, какъ будто этимъ можно успѣть съ женщинами.

Провидѣніе – Рено говоритъ Дерошу спасительныя истины, говоритъ снисходительно, но съ твердостію наставника. Онъ указываетъ ему на трудъ, въ которомъ человѣкъ обрѣтаетъ утѣшеніе, крѣпость душевныхъ силъ и возмездіе; говоритъ такъ хорошо, что Дерошъ рѣшается жить, чтобы трудиться.

Въ пятомъ дѣйствіи зритель на заводѣ, на которомъ Рено занимаетъ должность директора, а Дерошъ служитъ его помощникомъ. Съ молодымъ человѣкомъ совершилось чудо: онъ сдѣлался мужемъ труда и пользы. Еще недавно онъ спасъ, съ опасностію собственной жизни, десять работниковъ, на которыхъ обвалилась шахта. Такое самопожертвованіе можетъ кажется выкупить минутное заблужденіе и неудачную спекуляцію.

Между тѣмъ Камилла обѣщала свою руку постоянному Рено и пріѣхала на заводъ, чтобы сдержать свое слово. Она обѣщала ему дружбу и вѣрность, но по ней замѣтно, что любовь не участвовала въ ея выборѣ. Объясненіе между женихомъ и невѣстою холодно, принужденно и, какъ видно, для обоихъ тягостно. Входитъ Дерошъ, и у Камиллы вырывается крикъ прямо изъ сердца. «Вотъ вашъ мужъ», говоритъ Рено, указывая на своего помощника. «А мнѣ (продолжалъ онъ, разумѣется въ сторону), мнѣ выпала на долю жизнь страданій и жертвъ.»

Изъ этого краткаго очерка содержанія піесы, говоритъ Луи Эно во Французскомъ Атенеѣ, видно, что г. Понсаръ написалъ свою комедію возлѣ биржи, можетъ быть при самомъ входѣ, но не въ биржевой залѣ, куда спекулантъ Дерошъ, кажется, и не заглядывалъ. Въ комедіи *Биржа* нѣтъ вседневной комедіи биржи, нѣтъ типическихъ характеровъ этого особаго денежнаго міра. Лица у г. Понсара не довольно очерчены, не имѣютъ опредѣленныхъ формъ, это не портреты, а силуэты, безъ красокъ, безъ отличительныхъ чертъ. Какъ піеса, какъ аргументъ въ дѣйствіи, комедія г. Понсара ничего не доказываетъ. Разореніе одного обогащаетъ другаго; изъ этого слѣдуетъ, что игра на биржѣ опасна только для неискусныхъ, а вѣроятно не то хотѣлъ сказать г. Понсаръ. Впрочемъ надобно сознаться, что піеса написана прекраснымъ языкомъ, стихъ плавенъ, звученъ и выразителенъ, и если канва этой драмы не такъ прочна, какъ въ комедіи *Честь и деньги*, то узоръ изящнѣе, отдѣлка художественнѣе; есть прекрасныя положенія, которыми авторъ умѣлъ воспользоваться.

Продолжатель Вазари. — **Антоніо Цоби во Флоренціи извѣщаетъ о предпринятомъ имъ изданіи: «Vite e Memorie dei Pittori, Sculltori ed Architetti in Italia dal 1550 al 1850»**, которое будетъ состоять изъ пяти отдѣловъ и десяти томовъ. Какъ показываетъ самое заглавіе, авторъ имѣетъ цѣлью издать біографіи художниковъ и исторію замѣчательнѣйшихъ произведеній, начиная съ той эпохи, на которой остановился Вазари, и до настоящаго времени. Въ первый отдѣлъ войдутъ піемонтскіе, генуезскіе, пармскіе и моденскіе художники, во второй — ломбардскіе и венеціянскіе, въ третій—тосканскіе, въ четвертый — болонскіе и римскіе, и наконецъ въ пятый — неаполитанскіе и сицилійскіе. Большаго труда стоитъ выполнить задачу, которую взялъ на себя авторъ. Біографіи, оставленныя Вазари, обнимаютъ лучшія времена искусства: за Буонаротти и Корреджіо тянется рядъ самыхъ бездарныхъ подражателей, является страсть къ аффектаціямъ и манерность во всѣхъ родахъ искусства; далѣе слѣдуетъ многочисленная болонская школа, флорентинская Чиголи и Кристофано Аллори, потомъ нѣсколько замѣчательныхъ художниковъ съ славными именами, наконецъ цѣлое поколѣніе представителей венеціянскаго и римскаго искусства, гдѣ такъ много дѣятельности и творчества. Матеріяловъ множество: всѣ ли только могутъ служить вѣрнымъ пособіемъ? Для жизнеописанія болонскихъ и римскихъ художниковъ весьма полезны позднѣйшія сочиненія Бальдинуччи, Ридольфи, Баруффальди, Мальвазіа, Баліоне, Беллори и Пассери; потомъ, для дальнѣйшей исторіи искусства въ Неаполѣ—важны сочиненія многословнаго де-Доминичи; кромѣ того подъ рукою у автора есть множество отдѣльныхъ біографій и мѣстныхъ записокъ, начиная съ Боттари и до нашихъ временъ: число ихъ идетъ все въ возрастающей прогрессіи. Сумѣетъ ли г. Цоби разработать эту огромную массу матеріяловъ и представить намъ полныя, живыя характеристики? Не шуточное дѣло обозрѣть въ художественномъ отношеніи три столѣтія итальянской жизни. Не заглядывая впередъ, скажемъ только, что авторъ которому мы обязаны «Исторіей Тосканы при лотарингской династіи», не извѣстенъ покуда ниоднимъ значительнымъ трудомъ въ художественно-исторической литературѣ; письмо о мозаичномъ искуствѣ во Флоренціи и замѣтки о статуѣ Давида, изваянной Буанаротти — вотъ, все что онъ писалъ по этой части. Много говоритъ въ его пользу то, что не довольствуясь изученіемъ одного Флорентинскаго музея, онъ объѣздилъ большую часть Италіи, занимаясь приготовительными работами къ предпринятому имъ труду. Но не много ли смѣлости—назвать себя продолжателемъ Вазари (въ объявленіи объ этомъ изданіи говорится, какъ о «**continuazione e complemento delle vite di Giorgio Vasari**»)? Вазари, несмотря на превратность многихъ теоретическихъ началъ своей школы и на разныя недостатки въ собственныхъ произведеніяхъ, былъ тонкій и испытанный знатокъ въ дѣлѣ искусства; онъ цѣлую жизнь изучалъ его теоретически и практически; хотя быть-можетъ онъ часто прибѣгалъ къ посторонней помощи, но все же былъ и самъ весьма искуснымъ изобразителемъ эпохи; въ разказахъ его столько увлекательности, естественности, живости и умѣнья схватывать самыя выпуклыя черты даннаго времени. Трудно соединить въ себѣ въ такой же степени всѣ эти достоинства. Но какъ бы то ни было, предпріятіе г. Цоби заслуживаетъ полнаго вниманія и благодарности.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ КОНТОРАХЪ РУССКАГО ВѢСТНИКА:

ВЪ МОСКВѢ

Въ книжной лавкѣ И. В. Базунова на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Въ книжной лавкѣ Ѳ. В. Базунова на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Энгельгардтъ.

Иногородные адресуются: въ Редакцію Русскаго Вѣстника въ Москвѣ.

Постоянно возрастающее число подписчиковъ превзошло ожиданія Редакціи Русскаго Вѣстника: начиная съ № 7-го она нашла нужнымъ увеличить число печатаемыхъ экземпляровъ, а первыя шесть книжекъ напечатать вторымъ изданіемъ. Посему вновь подписывающимся отнынѣ выдаются книжки журнала, начиная съ № 7, и романъ «Невѣстка» въ особомъ томѣ; первыя же шесть книжекъ будутъ раздаваться по отпечатаніи вторымъ изданіемъ.

Цѣна годовому изданію *пятнадцать рублей*, съ пересылкою и доставкою на домъ *шестнадцать рублей пятьдесятъ коп.*

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ. Іюня 3-го 1856 года.

Цензоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

